

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО

ТОМЪ ВТОРОЙ

Послѣдніе дни земной жизни Господа Нашего Иисуса Христа. (Продолж.)—
Жизнь Св. Апостола Павла.—Жизнь Св. Священномученика Кипріяна.

K1208359

ИЗДАНИЕ
поставщикомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостинный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнечій мостъ, 12
1901

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ

ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА

ИЗОБРАЖЕННЫЕ ПО СКАЗАНІЮ

ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ

ПРЕДАНИЕ.

Предатель со спирою.—*Азъ есмь!*—Великодушное самопредание.—Необдуманная ревность Петра. — Исцѣленіе урваннаго уха. — Разсѣяніе учениковъ.—Стража ведетъ Иисуса Христа, связаннаго, въ Іерусалимъ.—Приключеніе съ однимъ юношею. — Іоаннъ и Петръ слѣдуютъ издали за Учителемъ.)

Съ возвышенности, на которой лежалъ вертоградъ геосиманскій, можно было уже примѣтить приближающуюся толпу, которая, при всей тишинѣ, измѣняла своей тайнѣ темными въ ея рукахъ свѣтильниками. Это было скопище людей всякаго рода, — большею частію стражей храма и слугъ первосвященническихъ, воинственный видъ коихъ состоялъ единственно въ томъ, что они держали въ рукахъ различныя орудія, употребляемыя въ случаѣ насилія и грабежа. Можно было подумать, что сія толпа идетъ на какой либо безчестный промыселъ, или принуждена вооружиться нечаянно противъ какого либо возмутителя ночнаго спокойствія, если бы нѣсколько человекъ изъ римскихъ воиновъ и начальниковъ храма, даже синедріона (Лук. 12, 52), не показывали своимъ присутствіемъ, что все это дѣлается по распоряженію высшаго начальства. Посылать такіе жалкіе отряды—было послѣднимъ остаткомъ власти іудейскаго синедріона,

Инокентій. Сочиненія. II*.

предъ вождями коего трепетали пѣкогда полководцы и государи Востока; и сипедріюшъ едва ли не въ послѣдній разъ воспользовался симъ правомъ—противъ своего Мессіи! Мрачная картина, освѣщенной факелами, толпы, довершалась видомъ одного человѣка, который дрожащими стопами шелъ впереди и предводилъ всѣхъ, хотя былъ безъ оружія, и движеніями своими невольно показывалъ, что онъ недавно совершилъ злое дѣло, и теперь спѣшитъ на новое, еще большее. То былъ несчастный Іуда...

Стражѣ и слугамъ (кажется) не было извѣстно, противъ кого они отправлены. Первосвященники имѣли достаточную причину не объявлять имъ сего, изъ опыта зная, что для нѣкоторыхъ слугъ слова Іисуса значать болѣе приказаній ихъ начальниковъ (Іоан. 7, 46). Тѣмъ нужнѣе былъ какой либо опредѣленный знакъ для распознаванія лица, противъ коего дано повелѣніе. Предатель избралъ для сего лобзаніе. «Кого я облобызаю, тотъ и есть, возьмите Его.» Примѣта сія избрана Іудою не по злобѣ, какъ легко можно подумать съ перваго взгляда, а болѣе, кажется, для прикрытія злобы. Изъ соображенія обстоятельствъ преданія открывається, что предателю хотѣлось, отдѣлившись отъ толпы, одному подойти къ Учителю, какъ бы возвращаясь изъ города; и, по обыкновенію, поцѣловать Его, замѣшаться въ толпу учениковъ, предоставивъ стражѣ спустя немного, какъ бы самой себѣ напасть на Учителя. То есть, несчастный все еще хотѣлъ дать своему злодѣянію видъ неумышленного поступка. Но избрать, хотя безъ злобы сердечной, признакомъ измѣны то самое дѣйствіе, которое

служило выраженіемъ дружества въ маломъ обществѣ Иисусовомъ, и такъ разительно отличало его отъ обществъ раввинскихъ (гдѣ ученики получали лобзаніе отъ раввиновъ, но не смѣли сами давать его), — это составляло верхъ, если не злобы, то безсмыслия, которое повидимому привело въ удивленіе самого Сердцевѣдца.

Иисусъ, *отдал* все, что съ *Иимъ будетъ*, съ приближеніемъ предателя, идетъ къ ученикамъ и возбуждаетъ отъ сна не только трѣхъ, но и всѣхъ прочихъ, кои еще менѣе способны были преодолѣть тягость тѣлеснаго расслабленія. «Вы все еще спите и поживаете, сказалъ Онъ, но дѣло уже кончено: часъ пришелъ! *встаните, идемъ! Се приблизился предаждь Мнѣ; в Снѣхъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ*» (Матѳ. 26, 45—46).

Вмѣстѣ съ сими словами, чтобы дать ученикамъ время совершенно пробудиться отъ сна и приготовиться къ опасности, Иисусъ пошелъ одинъ вошъ изъ вертограда, на встрѣчу толпѣ. Такое великодушіе для предателя облегчало способъ указать своего Учителя стражѣ: но въ то же время уничтожило его надежду — прикрыть свою измѣну видомъ случайнаго возвращенія изъ города. Въ смятеніи чувствъ, не зная какъ поступить, онъ однакожь ускорилъ свои шаги (Мар. 14, 45), чтобы дать стражѣ обѣщанный знакъ, по крайней мѣрѣ, до прибытія учениковъ. Но Учитель предупредилъ измѣну, и все еще желая образумить измѣнника, спросилъ кротко: «другъ мой, зачѣмъ ты здѣсь?» (Матѳ. 26, 50) — «Равви, отвѣчалъ Іуда, и слово замерло на устахъ его... Равви, повторилъ онъ

Марк. 14, 45) съ принужденіемъ, здравствуй!» и тотчасъ облобызаль Его. При семъ знакѣ искренняго братства, употребляемомъ теперь на измѣну самую низкую, сердце Іисуса невольно возмутилось негодованіемъ. «*Иудо, лобзаніемъ ли предавши Сына человѣческаго?*» (Лук. 22, 48.) Увидимъ, какъ сильно отзовутся слова сін въ душѣ несчастнаго...

Уже преданный печестивымъ лобзаніемъ, Богочеловѣкъ восхотѣлъ показать врагамъ Своимъ, что Онъ предастъ имъ Самъ Себя, и что безъ Его собственной воли, ни предатель, ни они не могли бы ничего сдѣлать. Обратившись къ толпѣ (которая успѣла приблизиться въ то время, какъ предатель совершалъ свое предательство), Іисусъ спросилъ громко: «кого ищите?»...

«Іисуса Назаряннина», отвѣчали старѣйшины отряда, или не узнавая, по причинѣ темноты, кто говоритъ съ ними, или желая испытать, что Онъ, узпанный, будетъ дѣлать...

«*Азъ есмь*», отвѣчалъ Іисусъ. Услышавъ слова сін, стража какъ бы отъ какого необыкновеннаго удара громоваго, вся пришла въ величайшее смущеніе; большая часть невольно отступили назадъ, многіе отъ страха припали къ землѣ (Іоан. 18, 6). Въ краткомъ словѣ, вышедшемъ изъ устъ Іисуса, казалось, заключалась нѣкая тайная сила, непреодолимая, всемогущая. Откуда она?—Хотя съ именемъ Іисуса въ умѣ стражей соединялось все поразительное, чудесное, такъ что мысль — быть отправленнымъ для взятія Чудотворца, — можетъ быть, даже Мессіи, — сама собою смущала умъ, связывала руки, отнимала духъ и ли-

нала силъ (ибо всякому было извѣстно, что древніе Пророки иногда употребляли въ подобнѣхъ случаяхъ для защищенія себя огонь небесный, или другія сверхъестественныя средства (4 Цар. 1, 10); — но все сіе, кажется, не могло бы заставить стражу отступить, тѣмъ паче повергнуться на землю, безъ особенной таинственной силы словъ, услышанныхъ ею отъ Иисуса, тѣмъ болѣе, что ею предводили теперь сами первосвященники, и въ числѣ ея находились римскіе воины, не раздѣлявшіе образа мыслей евреевъ о Мессіи и даже незнакомые съ Нимъ. Съ другой стороны, поеліку Богочеловѣкъ, вступая на крестное поприще, отрекся всѣхъ—и естественныхъ и сверхъестественныхъ средствъ къ своему защищенію; то пораженіе стражи ужасомъ и поверженіе ея на землю не могло быть преднамѣреннымъ дѣйствіемъ силы чудотворенія, а должно быть почитаемо за непосредственное слѣдствіе необыкновенной силы духа, съ кою выражена теперь святая рѣшимость идти на крестъ, иѣкинмъ непосредственнымъ, такъ сказать, отблескомъ Божества, обитающаго въ Иисусѣ Христѣ *тѣлеснѣ*.

(Въ какомъ смятеніи чувствъ долженъ былъ находиться при семъ случаѣ Иуда! Теперь, можетъ быть, онъ самъ согласился бы отдать все, только бы возвратитъ свою пзмѣну, — но мрачное дѣяніе уже отлетѣло въ адъ.)

Господь оставался на томъ же мѣстѣ, ожидая, когда стража сдѣлается способною возложить на Него руки. Между тѣмъ ученики, одинъ по одному, выходя изъ вертограда, присоединялись къ Нему. Когда слуги, ободряемые примѣромъ фарисеевъ, а болѣе кротостію

Исуса, успокоившись отъ перваго страха, Исусъ подошелъ къ нимъ и снова спросилъ: «кого ищете?»

Невѣжественная толпа отвѣчала уже смѣлѣе, что она ищетъ Исуса. Нѣкоторые изъ слугъ (болѣе дерзкихъ) начали брать мѣры даже къ тому, чтобы захватить и всѣхъ учениковъ.

«Не сказалъ ли Я вамъ, отвѣчалъ Господь, что это Я? Итакъ, если Меня ищете, то оставьте ихъ: пусть идутъ.»

Стража невольно повиновалась сему, все еще страшному для нея, гласу, и тотчасъ оставила учениковъ, въ отношеніи конхъ ей, кажется, не было дано никакого опредѣленнаго приказанія. По всей вѣроятности, и самъ Іуда обѣщался предать только одного Учителя. Между тѣмъ въ семь случаевъ, какъ замѣтилъ св. Іоаннъ, надлежало исполниться и пророчественнымъ словамъ Исуса: *«ихъже дасть еси Мнѣ, не погубихъ отъ нихъ никогоже.»* Въ самомъ дѣлѣ, ученики, какъ покажетъ примѣръ Петра, еще такъ мало способны были раздѣлять съ Учителемъ чашу искушеній и страданій, что взятіе кого либо изъ нихъ подъ стражу и преданіе мукамъ могло навсегда отдѣлать его отъ Исуса и подвергнуть совершенному паденію. *Немощи убо ради ихъ*, замѣчаетъ св. Златоустъ, *творитъ я кромѣ искусовъ* *).

Въ такія рѣшительныя минуты, такая особенная заботливость объ ученикахъ тронула сердце нѣкоторыхъ изъ нихъ до того, что пробудила мысль о защищеніи Учи-

*) Бесѣд. на Іоан.

теля; и робость стражи и необыкновенное присутствіе духа въ Немъ показались нѣкоторымъ вызовомъ употребить силу. «Не ударить ли намъ мечемъ», спросили они. Но когда другіе спрашивали, Петръ уже дѣйствовалъ. Извлекъ ножъ и поразить одного изъ служителей (перваго, который осмѣлился поднять руку на Іисуса?) въ правое ухо—было для него дѣломъ одного мгновенія. — Ударъ былъ не опасенъ: но и малѣйшій видъ противленія власти былъ совершенно чуждъ святому обществу Іисуса. — «Остановитесь», сказалъ Онъ ученикамъ, готовымъ слѣдовать примѣру Петра. «Вложи мечъ твой въ ножны, продолжалъ Господь обратясь къ Петру; всѣ, поднявшіе мечъ (противъ законной власти, какова бы она впрочемъ ни была), мечемъ погибнутъ. *Или мнишь ты, яко не могу нынѣ умолити Отца Моего, и представитъ Ми вѣщше, нежели дванадцать легиона Ангелъ? Но (въ такомъ случаѣ) како сбудутся писанія, яко тако подобаетъ быти? (Матѣ. 26, 53). Чашу, юже даде Мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити?» (Іоан. 18, 11)...*»

Обличая такимъ образомъ безвременное усердіе учениковъ, Іисусъ въ то же время изгладилъ слѣды его. Прежде, нежели слуги связали Ему руки, Онъ прикоснулся къ уху Малха (такъ назывался слуга, пораженный Петромъ) и исцѣлилъ его. Такое соединеніе величія и кротости, силы и беззащитности, еще на нѣсколько мгновеній остановило буйную толпу. Между тѣмъ ученики, пользуясь ея смятеніемъ и нерѣшительностію, одинъ за другимъ начали удаляться съ такою поспѣшностію и такимъ невниманіемъ къ положенію своего Учителя, что одинъ изъ нихъ, впоследствии они-

сывая се обстоятельство, почель за долгъ сказать: *тогда вси оставльше Его бѣжаша* (Матѣ. 26, 56). Ибо, послѣ того, какъ увидѣли, что Богочеловѣкъ не хочетъ употребить къ своему защищенію ни сверхъ-естественныхъ, ни естественныхъ средствъ, страхъ тотчасъ подавилъ всѣ прочія чувства, и заставилъ ихъ думать только о спасеніи себя, къ косму не представлялось другаго средства, кромѣ скорѣйшаго бѣгства. Послѣднія слова, которыя слышали ученики изъ устъ своего Учителя, былъ упрекъ начальникамъ стражи и фарисеямъ. «Какъ будто на разбойника пришли вы съ мечами и дреколіемъ, чтобы взять Меня, — говорилъ имъ Господь съ прежнею, Ему свойственною, властію. Не всякій ли день бывалъ Я съ вами въ храмѣ, сидѣлъ тамъ и училъ, и вы не брали Меня? Но, се есть ваша година и область темная!... Да сбудется писаніе!» (Мар. 14, 49)... Упрекъ сей былъ не только совершенно справедливъ, но и весьма пуженъ. Начальники стражи, а особенно члены синедріона (Лук. 22, 52) должны были выразумѣть изъ сихъ словъ, что они сами причиною непріятнаго поступка, сдѣланнаго однимъ изъ учениковъ Иисусовыхъ, — дозволивъ себѣ употребить противъ беззащитнаго и всѣми уважаемаго человѣка такія средства, какія употребляются только противъ грабителей и злодѣевъ.

Не безъ намѣренія сдѣлано новое указаніе на ту великую истину, что все, теперь происходящее, произошлообразно съ пророчествами: если когда свѣтильнигъ пророчествъ былъ нуженъ, то теперь, при наступленіи области тьмы.

Когда Иисусъ остался одинъ, стражи связали Его и

повели въ Іерусалимъ тѣмъ же путемъ, коимъ Онъ недавно шелъ съ учениками.

За Божественнымъ Узникомъ, по сказанію св. Марка (Мар. 14, 51—53), слѣдовалъ одинъ юноша, коего одѣяніе (полотно, обернутое по нагому тѣлу) показывало, что онъ вышелъ на шумъ народный внезапно, безъ сомнѣній изъ того дома, коему принадлежалъ вертоградъ. Такое усердіе представилось подозрительнымъ стражѣ, которая, избавившись отъ несроднаго ей страха, сдѣлалась, по обыкновенію своему, наглою и жестокою;—и бѣдный юноша не иначе могъ спасти свою свободу, какъ оставивъ въ рукахъ слугъ первосвященническихъ послѣднюю плащаницу.

Поелику св. Маркъ не называетъ сего юноши по имени и однакоже, не смотря на обыкновенную свою краткость, одинъ рассказываетъ сей случай, и довольно обстоятельно, то еще въ древности составилось мнѣніе, что означенный юноша былъ самъ Маркъ. Въ такомъ случаѣ ему трудно было не упомянуть о такомъ событіи, которое, касаясь такъ близко его самого, имѣетъ въ тоже время цѣну для всякаго, потому что показываетъ опасность, коей подверглись бы ученики Іисуса, еслибъ захотѣли слѣдовать за Нимъ.

Предположеніемъ, что юноша былъ самъ св. Маркъ, проясняется еще одно обстоятельство, которое взаимно служитъ ему подтвержденіемъ. Въ книгѣ дѣяній Апостольскихъ читаемъ, что фамиліи пѣкоего Марка принадлежалъ и въ Іерусалимѣ домъ (Дѣян. 12, 12), который, по вознесеніи Господа, во время гоненія на христіанъ, служилъ мѣстомъ ихъ тайныхъ собраній. Съ сего фамиліею св. Петръ былъ въ сношеніяхъ самыхъ дру-

жескихъ, таѣ что въ посланіяхъ называлъ Марка своимъ сыномъ (1 Петр. 5, 13).

Такииъ образомъ вертоградъ Геослманскій и домъ, въ коемъ совершена Пасха, вѣроятно принадлежали одной и той же фамиліи, которая была благорасположена къ Іисусу, и потомъ къ Апостоламъ, и изъ коей происходилъ св. Маркъ, сопутствовавшій Апостолу Петру, и написавшій впоследствии одно изъ четырехъ Евангелій.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи за толпою, ведомою Іисуса, непримѣтно слѣдовали еще два человека, кои равно любили Его, но неравно смотрѣли на опасность своего положенія: ибо одинъ былъ знакомъ великому первосвященнику, и посему не имѣлъ особенной причины страшиться преслѣдованія слугъ его,—другой не зналъ никого, кромѣ рыбацевъ, изъ коихъ былъ избранъ Іисусомъ, и потому трепеталъ при одномъ имени синедриона. Послѣдній былъ—Петръ, а первый, означенный у Ев. Іоанна общимъ именемъ ученика, знакомаго первосвященнику,—какъ всѣ полагають,—самъ Іоаннъ.

Почему же онъ сокрылъ свое имя? «Смиренія ради, отвѣчаетъ св. Златоустъ. *Понеже подвижъ исповѣдати хочетъ, яко иныиъ отблжиши, той послѣдова, того ради крыетъ себе и первыиъ Петра поминаетъ. А еже поминаетъ себе, сею ради поминаетъ, да увѣиы, яко извѣстныиъ тыиъ исповѣсть, яже въ дворѣ бывшая и яже внутрь. Виждь же, како и еще отстыкаетъ свою похвалу? Да не услышавъ, яко убо вииде со Іисусомъ Іоаннъ, велико что о немъ помыслиши, глаголетъ, яко знаеиъ бѣ архіерею, а не яко дерзновеиыиъ иныиъ бѣ. Петръ же похваляетъ, яко послѣдоваша любви ради.»*

Неизвѣстно, какииъ образомъ возлюбленный ученикъ

Иисусовъ вошелъ въ знакомство съ главою синедріона, и какъ могъ совмѣщать пріязнь Каіаѳы съ дружествомъ къ Учителю,—если къ сему не содѣйствовало предварительное знакомство Іоанна съ другими членами синедріона, Іосифомъ и Никодимомъ, о тайныхъ бесѣдахъ конхъ съ Іисусомъ опъ одинъ упоминаетъ въ своемъ Евангеліи. Какъ бы то ни было, Іоаннъ, полагаясь на знакомство съ главнымъ начальникомъ, надѣялся, что ему, безъ большой опасности, можно будетъ войти въ домъ первосвященника и развѣдать о дальнейшей судьбѣ своего Учителя. Сія-то надежда влекла его и Петра теперь въ Іерусалимъ.

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВЪ И СИНЕДРОНА.

(Стража приводитъ Христа во дворецъ первосвященника Анаана. — Частный допросъ. — Отвѣтъ Иисуса. — Первое заушеніе отъ раба. — Первое отреченіе Петра. — Божественный Узникъ отсылается къ Каіаѣ. — Полночное собраніе и судъ синедріона. — Лжесвидѣтели и ихъ недостычность. — Молчаніе Господа. — Клятвенный вопросъ первосвященника. — Величественный отвѣтъ Иисуса. — Первый смертный приговоръ. — Поношеніе отъ слугъ и стражей. — Второе и третье отреченіе Петра. — Алекторъ и слезы покаянія.)

Судя по тому, что враги Иисуса Христа крайне спѣшили судомъ и осужденіемъ Его, надлежало ожидать, что и спира поспѣшитъ представить Его прямо въ домъ Каіаѣы, гдѣ обыкновенно собирался для совѣщаній верховный совѣтъ іудейскій. Между тѣмъ Божественный Узникъ, по свидѣтельству св. Іоанна (Іоан. 18, 13), приведенъ былъ сперва не къ Каіаѣ, а къ другому (отставному) первосвященнику Аниѣ, или, какъ постоянно называется онъ у Флавія, Апану: потому что онъ былъ, — пррсовокупляетъ Евангелистъ въ поясненіе сего обстоятельства, — тестъ Каіаѣ, давшему совѣтъ іудеямъ, *яко уне есть единому человеку умерти за люди*. То есть, Анна, по тѣсной связи своей съ Каіаѣю, вѣроятно, особеннымъ образомъ участвовалъ въ настоящемъ предпріятіи синедріона противъ Иисуса; съ другой стороны, древнее *) , до-

*) Оно встрѣчается еще у Августина.

селѣ сохранившееся въ Иерусалимѣ, преданіе *), говоритъ, что домъ Анапа лежалъ на пути къ Каиаѣ, такъ что стражѣ, ведшей Иисуса, ничего не стоило доставить ему удовольствіе—первому увидѣть предъ собою связаннаго Того, Кто недавно еще казался всему синедріону неприступнымъ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о семъ первомъ судѣн Богочеловѣка, не бесполезно замѣтить, что Анапъ былъ самъ нѣкогда одиннадцатъ лѣтъ первосвященникомъ, умѣлъ потомъ, — не смотря на вмѣшательство римлянъ, не терпѣвшихъ, чтобы это, первое въ глазахъ народа, достоинство долго оставалось при одномъ человѣкѣ, — продлить его въ своей фамиліи, между сыновьями и зятьями своимъ, и теперь, пользуясь прошедшимъ вліяніемъ и настоящими связями, былъ, безъ сомнѣнія, лучшею и главною подпорою упадающаго со дня на день синедріона **).

При всей личной важности своей, Анапъ, какъ частный членъ синедріона, не имѣлъ однакожъ права самъ по себѣ дѣлать судебнаго вопроса въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково изслѣдованіе о лицѣ Мессіи. Посему на обхожденіе его съ Иисусомъ Христомъ должно смотрѣть, какъ на поступокъ частнаго человѣка, который впрочемъ почитаетъ себя такъ важнымъ, что, по его мнѣнію, вопрошаемый имъ лично долженъ почитать за милость, что его спрашиваютъ такимъ образомъ, — о чемъ бы ни спрашивали. Въ настоящемъ случаѣ, отъ Пророка Галилейскаго Анапу вдругъ хо-

*) Смотр. путеш. въ Иерус. Норова

**) V. Flav. Antiq.

тѣлось знать и объ ученіи Его и объ ученикахъ: то есть, чему и для чего учить? Кто Его послѣдователи, гдѣ и сколько? Какая вообще цѣль ихъ дѣйствованія? — Хотя въ предложеніи подобныхъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, участвовало и любопытство престарѣлаго саддукея; но ими, намѣренно, въ самомъ началѣ задавался самый опасный тонъ дѣлу. Предполагалось, что у Иисуса Христа есть многочисленное общество явныхъ и тайныхъ послѣдователей, противное существующему порядку вещей, что въ семь обществъ есть свое, отличное, отъ всѣми принятаго — Моисеева, ученіе, своя тайная цѣль и проч. И легкаго признація въ подобныхъ вещахъ достаточно было для враговъ Иисусовыхъ, чтобы обвинить Его въ преступленіи противъ вѣры и отечества.

«Азъ, отвѣтствовалъ Господь, не обинуяся глаголахъ міру; Азъ всегда учалъ на сонмищахъ и въ церкви (куда все іуден сходятся), и тайно не глаголахъ ничевоже. Что Мя вопрошаеши: вопросы слышавшихъ, что глаголахъ имъ: се сіи видятъ, аже Азъ рыхъ.»

Нельзя было отвѣчать съ большимъ достоинствомъ, мудростію и истиною. Въ отвѣтѣ ничего не упоминается объ ученикахъ: ибо въ томъ смыслѣ, какой давалъ сему слову Анапъ, то есть, въ смыслѣ противоположенныхъ послѣдователей, у Иисуса Христа не было учениковъ, равно какъ не было никакого мірскаго общества. Господь не разъясняетъ нисколько и своего ученія предъ Ананомъ: ибо явно было, что первосвященники заплатили сребренники не за то, чтобы слышать ученіе Иисуса, а чтобы умертвить Его. И сколько времени потребовалось бы для изъясненія танцъ

царствія Божія предъ такимъ, ослѣвленнымъ личностію и злобою, слушателемъ, каковъ былъ Ананъ и его слуги? Сущность дѣла, по коему свидѣніи отправилъ противъ Иисуса Христа вооруженную стражу, состояла въ обвиненіи Его въ томъ, что Онъ учитъ и дѣйствуетъ противъ вѣры и законовъ; а истина такого обвиненія зависѣла всецѣло отъ свидѣтелей. Посему обращеніе Господа, во свидѣтельство своей невиности, ко всѣмъ, бывшимъ тогда либо въ числѣ Его слушателей, служить сильнѣйшимъ доказательствомъ совершенной чистоты Его ученія и дѣйствій. Онъ точно никогда и ничего не говорилъ скрытно: если бесѣдовалъ иногда съ Апостолами пространнѣе, нежели съ народомъ, — открывая имъ *тайны царствія Божія*, — то съ тѣмъ, чтобы, по Его собственному выраженію, сказанное *имъ во ухо*, проповѣдано было потомъ ими *на кровльхъ* (Матѳ. 10, 27). Никодимы и Иосифы слышали отъ Сына Человѣческаго тоже, что и народъ: проповѣдь о возрожденіи духовномъ, а не о дѣлахъ гражданскихъ (Іоан. 3, 1 — 18). Изъ присутствовавшихъ теперь іудеевъ, вѣроятно, были такіе, кои слышали ученіе Иисусово, — и теперь-же могли дать свидѣтельство о Немъ предъ Ананомъ. Самая стража первосвященническая не забыла еще, можетъ быть, совершенно того необыкновеннаго впечатлѣнія, которое предъ симъ произвели надъ нею слова Иисуса, когда она, не смотря на повелѣніе начальниковъ своихъ, не посмѣла возложить на Него рукъ потому, что *николиже тако есть глаголаъ чловѣкъъ, яко сей чловѣкъъ* (Іоан. 7, 46). Если отвѣтъ Иисуса Христа на вопросъ, сдѣланный Анану, отзывался тономъ какъ-бы упрека первосвященнику: то надле-

жить помнить, что настоящій узникъ былъ Мессія, почитался за таковаго большею частію народа, и что съ Нимъ, при взятіи Его, поступлено, даже въ судебномъ отношеніи, самымъ недостойнымъ образомъ.

По всѣмъ симъ причинамъ, первосвященникъ іудейскій, не смотря на сильное личное предубѣжденіе противъ Иисуса Христа, самъ, по видимому, ничего не нашель въ отвѣтъ Его такого, чтобы можно было поставить Ему въ вину: хотя впутренно и не могъ быть доволенъ такимъ искуснымъ, по его мнѣнію, уклоненіемъ отъ дѣла. Иначе смотрѣлъ на все сіе одинъ изъ близстоявшихъ служителей Анаповыхъ. Святая свобода Узника въ отвѣтъ первосвященнику, предъ коимъ онъ привыкъ оказывать и видѣть одно раболѣзство, показалось ему дерзостію, стоящею немедленнаго укрощенія. «Такъ-то Ты отвѣчаешь первосвященнику», — вскричалъ онъ, желая показать усердіе къ чести своего владыки; — и ударилъ Господа въ ланиту.

Кто будетъ молиться на крестѣ за самыхъ расппателей своихъ, Тотъ могъ перенести теперь равнодушно безумную дерзость раба Анапова... Но молчаніе въ настоящемъ случаѣ могло показаться признаніемъ въ томъ, что дѣйствительно нарушено уваженіе къ сану первосвященника. Самъ безразсудный рабъ остался бы въ увѣренности, что поступилъ справедливо.

«Аще зль глаголахъ», отвѣчалъ Иисусъ ударившему Его, свидѣтельствуй о зль; аще ли добръ, что Мя биеши?»...

Ананъ видѣлъ и слышалъ все это: но не его дѣлю

было обуздывать безразсудную дерзость своихъ слугъ; его дѣло было судить и преслѣдовать невинныхъ...

Болѣе вопросовъ не было. Огвѣтъ Господа и святая неустрашимость Его духа дали выразумѣть хитрому саддукею, что надежда его привести Узника въ замѣшательство судебными вопросами напрасна, что онъ видитъ предъ собою того же самаго человѣка, который еще недавно привелъ въ молчаніе всѣхъ самыхъ искусныхъ книжниковъ и совопросниковъ іерусалимскихъ.

Послѣ сего Иисусъ отосланъ былъ Ананомъ къ Каіафѣ въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ къ нему, то есть связанный (Іоан. 18, 24). Едва ли не въ томъ же видѣ стоялъ Онъ и предъ лицомъ Анана, для коего узы Пророка Галплейскаго были пріятнымъ зрѣлищемъ...

Не одно только заушеніе отъ руки раба долженъ былъ претерпѣть Господь во дворѣ Анана: здѣсь же, не смотря на непродолжительность времени, начались и отреченія перваго изъ Его Апостоловъ.

Евангелисты всѣ упоминаютъ о семъ событіи, и столь вѣрны въ семъ случаѣ вышеприведенному, замѣченному св Златоустомъ, ихъ правилу не скрывать *ничего отъ мнящихся быти поносныхъ*, что основывался на полнотѣ разказа ихъ, вмѣсто трехъ, предсказанныхъ самимъ Господомъ, отреченій Петровыхъ, насчитывали нѣкоторые четыре *) и даже восемь **).

*) Hess, Lebensgesch. Jesu.

**) Abweichende Darstellungen der Neutest. Schriftsteller. Th. II. 6. 99.

Мы изложимъ приключеніе сіе, держась болѣе,—какъ то должно дѣлать и во многихъ другихъ случаяхъ—общаго согласія евангельскихъ повѣствованій и хода событій, нежели разнорѣчія буквальныхъ указаній.

Пользуясь своимъ знакомствомъ съ домомъ первосвященника, Іоаннъ немедленно, велѣдъ за стражею, ведшей Исуса, вошелъ во дворъ Аяана. Петръ, какъ незнакомый, долженъ былъ оставаться за вратами, ожидая отъ ходатайства Іоаннова милости быть впу-щеннымъ туда же. Милость сія, столь драгоцѣнная для него, была не маловажна и для тѣхъ, кои смотрѣли за входящими. Ибо, въ избѣжаніе опасности отъ стеченія народа, вѣроятно, дашь былъ Апаномъ приказъ не пускать чужихъ людей во дворъ. Но Іоаннъ сказалъ слово придверницѣ (на Востокѣ въ то время къ сей должности приставлялись наиболѣе женщины, Дѣян. 12, 13; 2 Цар. 9, 6), — и она ввела Петра, сдѣлавъ ему легкій вопросъ, не изъ учениковъ ли онъ (конхъ не велѣно пускать) Исусовыхъ? На сей случай могло быть довольно одного какого-либо легкаго отрицательнаго знака: совсѣмъ другое было впереди. Побуждаемый холодомъ, Петръ приблизился къ огню, который служителями, по причинѣ суровости погоды, разведенъ былъ среди двора (Іоан. 18, 18). Но положеніе его было такъ ново для него и опасно, что онъ никакъ не могъ долго и съ твердостію выдерживать лица, имъ принятаго. Между тѣмъ, когда послышалось на дворѣ, что первосвященникъ спрашиваетъ Исуса о ученикахъ и ученіи Его; то и стража, наполнявшая дворъ, также начала толковать объ ученикахъ Исусовыхъ. Какъ не ко вре-

мени было теперь присутствіе Петра!—Въ придверницѣ, введшей Петра, первой (Іоан. 18, 17) родилось касательно его подозрѣніе. «И ты мною впущенный, не изъ учениковъ ли этого человѣка», — повторила она, подошедши къ Петру,—впрочемъ не столько изъ злаго намѣренія, сколько изъ простой предосторожности: но робкому Симоу самая дружеская шутка въ семъ родѣ показалась бы теперь невыносимою—въ такое время и такомъ мѣстѣ: онъ рѣшительно сказалъ, что *не знаетъ и не понимаетъ, что она говоритъ* (Мар. 16, 68).

Когда Петръ, вслѣдъ за стражею, поведшей Иисуса къ Каіаѣѣ, выходилъ изъ двора Апанова, слышалъ въ первый разъ голосъ алектора (Мар. 16, 68): но Петръ или не слыхалъ его, или не обратилъ вниманія. — Первое, описанное нами, отреченіе его предъ рабынею, имѣло еще видъ случайной неосторожности въ словахъ и могло казаться такимъ поступкомъ, который, конечно, нельзя одобрить, но и нельзя еще представлять прямою измѣною Учителю.

Между тѣмъ какъ Иисусъ Христосъ находился въ домѣ Анны, къ первосвященнику Каіаѣѣ, не смотря на глубокую полночь, собралась большая часть членовъ синедриона. Верховное судилище сіе представляло теперь самымъ живымъ образомъ—*церковь лукавующихъ* (Псал. 25, 5). Двѣ главныя севты—фарисейская и саддукейская, пылали давнею леваявистію къ Иисусу Христу. Каіаѣа, въ рукахъ коего находилась верховная власть, давно уже изрекъ свое мнѣніе: *«яко уице есть, да единъ умретъ за люди.»* Для безпристрастнаго наблюдателя достаточно было одного взгляда на лица

и движенія будущихъ судьей Иисуса, дабы со всею увѣренностію заключить, каковъ будетъ судъ, и чего должно ожидать подсудному.

Не смотря однакоже на твердое, давно положенное, намѣреніе лишить Его жизни, синедрионъ хотѣлъ дать сему дѣлу весь видъ справедливости и, какими бы то ни было средствами, приписать Иисусу вину, достойную смерти. Сего требовала, можетъ быть, и совѣсть пѣкоторыхъ судьей, испорченная, но не совсѣмъ заглушенная страстями, и приличіе, которымъ, особенно въ общественныхъ собраніяхъ и дѣлахъ, не пренебрегаютъ люди самые злонамѣренныя. Но главнымъ источникомъ мнимои справедливости было опасеніе — послать въ народѣ, приверженномъ къ Иисусу Христу, явными гонителями невинности, если бы осудили Его безъ всякаго суда, но одной личной ненависти.

Рѣшились употребить тоже самое средство къ обвиненію Господа, на которое Онъ предъ Ананомъ ссылался въ свое оправданіе, — свидѣтелей. Законъ требовалъ въ семъ случаѣ только трехъ или даже двухъ (Чис. 35, 30; Втор. 17, 6; 1 Тим. 5, 19): первосвященникамъ, въ ослѣвленіи страсти, базалось возможнымъ представить ихъ тысячи. Въ другое время дѣйствительно нашлось бы достаточное число безсовѣстныхъ людей, способныхъ клеветать на самую невинность; потому что Іерусалимъ былъ наполненъ приверженцами фарисеевъ, и слѣд. врагами Иисуса. Но теперь въ глубокую полночь, — когда весь городъ спалъ, свидѣтелей надлежало искать — и не безъ труда. Начиная съ первосвященника и до послѣдняго члена

всѣ занялись симъ изысканіемъ *): каждый приводилъ себѣ и другимъ на память челоуѣка, способнаго лжесвидѣтельствовать на Иисуса, и по своему образу мыслей, и по тому, что слыхалъ Его бесѣды. Такая заботливость судей въ изысканіи причинъ къ обвиненію подсудимаго, поспѣшность и замѣшательство, съ коими дѣлались предложенія, давали собранію синедриона видъ самый страшный, и сквозь личину мнимой справедливости явно проглядывала злоба и личная ненависть.

Но для чего, можно спросить при семъ, — первосвященники не рѣшились воспользоваться услугами Иуды, который, зная ученіе и всѣ дѣянія Господа, изъ угожденія врагамъ Его, изъ новой платы, и даже въ оправданіе своей измѣны Учителю, могъ быть самымъ жестокимъ обвинителемъ?—Предатель, какъ мы видѣли, исполнивъ преступное обѣщаніе—указать мѣстопробываніе своего Учителя, тотчасъ удалился; а потому его не вдругъ можно было отыскать. Игитомъ, свидѣтельство Иуды, послѣ того какъ узнали бы о Его предательствѣ (а скрыть сего было нельзя), не имѣло бы цѣны въ глазахъ людей безпристрастныхъ. Можно даже сказать, что едва ли бы самъ Иуда имѣлъ столько дерзости, чтобы клеветать на своего Учителя, въ Его присутствіи. Мы увидимъ, что въ мрачной душѣ его, и послѣ преданія, невольно сохранилось еще сильное чувство уваженія къ Его невинности.

Всѣми искомые лжесвидѣтели начали наконецъ по-

*) Архіереи же и старцы и сонмъ весь искаху лжесвидѣтельства на Иисуса. Мат. 26, 59.

являться съ разныхъ сторонъ. Что они ставили Господу въ преступленіе, неизвѣстно: только свидѣтельства ихъ были несогласны между собою и не заключали въ себѣ уголовного обвиненія. Вѣроятно, указывали на какое либо нарушеніе покоя субботняго, на несоблюденіе преданій фарисейскихъ и проч.—на такія преступленія, кои много значили въ устахъ книжниковъ, когда они обольщали народъ легковѣрный, но не содержали въ себѣ законной причины къ осужденію обвиняемаго на смерть: между тѣмъ, судіямъ хотѣлось найти преступленіе именно послѣдняго рода *).

Наконецъ явился еще два свидѣтеля, которые, явля въ виду слова Спасителя, произнесенныя за два предъ симъ года къ народу (Іоанн. 2, 19) въ храмѣ іерусалимскомъ, хотѣли обратить ихъ въ уголовное обвиненіе; но оба, злонамѣренно или по забвенію отъ давности времени, превращали слова Исуса Христа. Одинъ (Матѳ. 26, 61) лжесвидѣтель утверждалъ, будто Онъ сказалъ однажды: «Я могу разрушить храмъ Божій и въ три дня воздвигнуть его». Въ такомъ ложномъ видѣ слова, усвоенныя Исусу Христу, могли предъ судьями показывать дерзость и самохвальство, соединенное съ неуваженіемъ къ самымъ священнымъ вещамъ, каковъ храмъ. Другой (Мар. 14, 57) лжесвидѣтель объявлялъ, будто ему слышалось, какъ Господь говорилъ: «Я разрушу храмъ сей *рукотворенный*, и въ три дня воздвигну другой

*) Мат. 26, 59. Εὐχόμενος ψευδομαρτυρίαν, ὡς αὐτὸν θανατώσασιν.

нерукотворенный». Въ такомъ превратномъ видѣ слова сіи казались обнаруженіемъ чего то мятежнаго, богопротивнаго, какъ будто Іисусъ Христосъ не только имѣеть самое низкое понятіе о храмѣ Іерусалимскомъ (слово *рукотворенный* употребляется въ св. книгахъ для означенія идола, Псал. 21, 19) и храма пдольскаго, Псал. 16, 12), но и намѣренъ разрушить его, дабы создать другой, неизвѣстно какой, храмъ, всего вѣроятнѣе никакого. Это представлялось явною хулою на храмъ, равною хулѣ на Бога и Моисея, которая, по закону, вела за собою смерть хулившему (Лев. 24, 13). Вѣроятно, несогласіе жесвидѣтелей состояло не въ однихъ выраженіяхъ, а въ прочихъ принадлежностяхъ свидѣтельства *); но какихъ именно, сего, при молчаніи Евангелистовъ, опредѣлить невозможно.

Ничего не было легче, какъ отвѣчать на обвиненія жесвидѣтелей, если бы они стояли отвѣта. Во-первыхъ, Господь никогда не говорилъ: *Я разрушу*, или *могу разрушить* храмъ, а говорилъ только къ іудеямъ, требовавшимъ чуда: *«разрушите»*. Во-вторыхъ, когда Онъ говорилъ сіе, то подѣ церковь разумѣлъ не храмъ Іерусалимскій, а собственное тѣло, такъ что слова Его имѣли такой смыслъ: вы требуете чуда, и будете имѣть оное въ Моемъ воскресеніи; ибо когда вы разрушите церковь тѣла Моего — умертвите Меня; то Я чрезъ три дня воздвигну ее — воскресну изъ мертвыхъ (Іоан. 2, 16—20).

Между тѣмъ Господь не отвѣчалъ и на сіи же-

*) *Isai martoriai oyx ncan.* (Марк. 14, 46).

свидѣтельства, также какъ и на первое (Матѳ. 26, 63). То, что Опъ сказалъ бы въ изъясненіе смысла словъ своихъ, не послужило бы къ Его оправданію *): смерть Его уже была запечатлѣна въ сердцѣ первосвященниковъ. Съ другой стороны, поелпку слова Господа заключали въ себѣ символическое предсказаніе о Его смерти и воскресеніи; то поясненіе смысла, въ нихъ содержащагося, было бы далеко несообразно съ настоящими обстоятельствами и, не доставивъ никакой пользы, привело бы только къ недоумѣніямъ и насмѣшкамъ. Молчаніе, наконецъ, было самымъ лучшимъ отвѣтомъ уже потому, что свидѣтели не были согласны между собою; потому что такое разногласіе дѣлало ихъ показанія совершенно недѣйствительными: и предъ закономъ **).

Судіи, при всей личной ненависти къ Подсудимому, сами чувствовали слабость жесвидѣтельствъ; но величественное молчаніе Его для мелкаго самолюбія казалось непростительнымъ невниманіемъ, или презрѣніемъ. Если бы Господь защищалъ Себя, то могли надѣяться, что въ собственныхъ Его словахъ найдется что либо противное закону; ибо первосвященники и книжники не разъ испытали на себѣ строгость Его обличеній, почитаемую ими за дерзость и богохульство. И вотъ Каіафа, который доселѣ судѣлъ на своемъ мѣстѣ и сохранялъ, хотя не безъ припужденія, важность предсѣдателя печестиваго совѣта, первый потерялъ терпѣніе, всталъ съ своего мѣста и, высту-

*) Non intererat occidentium, quit diceret. Tacit.

***) Мат. 28, 16; Втор. 17, 6; 1 Тим. 5, 19; Числ. 25, 30
Seldenus de Syned. 2. 13.

нивъ на средину (Мар. 14, 60), гдѣ находился Господь, сказалъ съ гнѣвомъ: «какъ Ты не отвѣчаешь ничего? развѣ не слышишь, что они противъ Тебя свидѣтельствууютъ?»

Но Господь не отвѣчалъ ни слова... Раздраженный симъ молчаіемъ, первосвященникъ всего скорѣе согласился бы почестъ его за признаніе въ преступленіи: по нѣкоторый остатокъ приличія еще обуздывалъ личную ненависть. Между тѣмъ, вступивъ въ разговоръ съ Узникомъ, онъ не могъ уже безъ стыда окончить его ничѣмъ. Хитрость саддукея нашла средство, не прибѣгая къ явно несправедливымъ мѣрамъ, не только заставить подсудимаго говорить, но и сказать нѣчто такое, чѣмъ весь допросъ въ немногихъ словахъ могъ быть совершенно оконченъ. Какъ первый служитель Бога Израилева, первосвященникъ, при всемъ недостоинствѣ своемъ, имѣлъ право спрашивать о чемъ-либо обвиняемаго подъ клятвою: способъ допроса, на который нельзя было не отвѣчать, не преступивъ должнаго уваженія къ клятвѣ, къ сану первосвященника и самому закону. Къ сему-то средству прибѣгъ Каіафа.

«Заклинаю Тебя, сказалъ онъ, съ притворнымъ уваженіемъ къ словамъ, имъ произнесеннымъ,—заклинаю Тебя Богомъ живымъ: скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?» (то есть, Ты ли Мессія) (Мат. 26, 63)?

«И, отвѣчалъ Господь: *даже реку вамъ болѣе: отсель увидите Сына человеческого (Меня) сядуща одесную силы Божіей и грядуща на облацѣхъ небесныхъ.*»

(То есть, какъ бы такъ было сказано: вскорѣ са-

мы дѣла покажутъ вамъ, что И тотъ славный Царь, который, по описанію пророка Даніила, сидитъ на облакахъ одесную Ветхаго днямъ. (Дан. 7, 14).

Сего именно признанія и желанія Каіафа: потому что оно совершенно отвѣтствовало его цѣли. Но положеніе дѣла требовало сокрыть при всемъ свое удовольствіи; и оно сокрыто... Какъ бы услышавъ ужасное, нестерпимое богохульство, лицемѣръ тотчасъ представился вышедшимъ изъ себя и разодралъ одежды свои (переднюю часть): поступокъ, который въ первосвященникѣ выражалъ чрезвычайную крайность *) душевнаго волненія и показывалъ величайшій избытокъ мнимой ревности ко славѣ Бога Израилева. «Слышали ли, вскрпчалъ потомъ Каіафа къ прочимъ судіямъ, — слышали ли вы, что Онъ сказаъ?.. Онъ явно богохульствуетъ, и мы еще требуемъ свидѣтелей?»...

Всѣ молчали, раздѣляя съ первосвященникомъ притворный ужасъ по причинѣ мнимаго богохульства. «Что же вы думаете, продолжалъ лицемѣръ, чего Онъ достоинъ?» (Мат. 26, 65. 66)

«Смерти, смерти», повторили одинъ за другимъ старѣйшины.

Симъ кончился первый допросъ. Судіи и совѣтники разошлись, дабы нѣсколько успокоиться спомъ, потомъ снова собраться, при первомъ разсвѣтѣ. Цѣль, давно желанная, достиженіе коей еще за нѣсколько дней казалось невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе праздника, сія цѣль — осужденіе на смерть

*) Ис. Нав. 7, 6; Іуде. 11, 35; 2 Цар. 1, 11; Цар. 21, 27. Geierus de luctu Hebr. 22 11.

Исуса — теперь, сверхъ чаянія, представлялась уже почти достигнутою; оставалось только въ новомъ собраніи подтвердить приговоръ, теперь сдѣланный.

Господь, въ ожиданіи новаго собранія, выведенъ былъ изъ жилища первосвященника, гдѣ происходилъ совѣтъ, на дворъ. До утра оставалось немного времени (два, три часа); но для Него сей промежутокъ времени былъ весьма тяжелъ, потому что Онъ находился въ рукахъ буйной толпы, состоявшей изъ стражей храма и служителей первосвященническихъ (Лук. 22, 63—65; Мат. 26, 66—67). Тѣ и другіе почитали за долгъ выказать свое раздраженіе и презрѣніе къ человѣку, который, по ихъ мнѣнію, имѣлъ дерзость быть врагомъ ихъ начальниковъ. Можетъ быть, даже отъ первосвященниковъ данъ былъ слугамъ намекъ, какъ поступать съ Узникомъ. «Пророкъ галилейскій! Мессія - самозванецъ!» Такими насмѣшками началось поруганіе. Но скоро отъ словъ перешли къ ударамъ. Одни зашали Господа; другіе ударили Его по ланитамъ, ннше плевали въ лице *). Кои хотѣли казаться остроумными, закрывали Его лице (Мар. 14, 65; Лук. 22, 64) одеждою и при каждомъ ударѣ спрашивали: «угодай, Христось, кто Тебя ударилъ», — потому что Мессія, по мнѣнію іудеевъ, долженъ былъ знать все.

Что Господь всѣ сн оскорбленія переносилъ терпѣливо безъ всякаго родота, о семъ Евангелисты не

*) Заплеваніе у евреевъ почиталось знакомъ крайняго презрѣнія и ненависти. Числ. 12, 74.

почли за нужное и упоминать. Они замѣчали только, если Онъ что-либо говорилъ своимъ учителямъ для ихъ вразумленія.

Обратимся къ Петру. Здѣсь прилично рассказать, какъ исполнилась послѣдняя часть предсказанія Иисуса Христа о его отреченіи.

Не смотря на опасность, срътившую Симона *) во дворцѣ Анапа, онъ слѣдовалъ за толпою служителей, ведшихъ Иисуса Христа во дворецъ Каиафы, желая знать, чѣмъ кончится судъ надъ Учителемъ, ко-ему измѣнили уже его уста, но сердце пребыло вѣрнымъ. Первое возгласеніе пѣтеля при первомъ отреченіи Симона, какъ мы видѣли, не произвело падъшмъ никакого впечатлѣнія **), или можетъ быть, даже возбудило рѣшимость доказать на дѣлѣ, что зловѣщій пѣтель не будетъ болѣе свидѣтелемъ измѣны Апостола. И во дворцѣ Каиафы Симоиъ представлялъ лице человѣка, который пришелъ на шумъ народный изъ одного любопытства; и также, вмѣшавшись въ толпу служителей, грѣлся вмѣстѣ съ ними у огня, который былъ разведенъ на дворѣ, по причинѣ ночнаго холода. Но предсказанная Господомъ измѣна преслѣдовала Симона и здѣсь. Галилейское парвчіе, коимъ онъ говорилъ, природная живость характера, соединенная теперь съ величайшею робостію, особенное участіе въ извѣстіяхъ о ходѣ суда надъ Иисусомъ Христомъ, кои служителями были выносимы изъ судилища,

*) Прежнее имя Ап. Петра, которое Господь замѣнилъ новымъ, назвавъ его въ ознаменованіе крѣпости его вѣры, Кифою или Петрою (каменнымъ) (Іоан. 1, 42).

**) Св. Злат. бесѣд. на Матѣ. 85, al. 86.

и множество другихъ обстоятельствъ часъ отъ часу болѣе и болѣе измѣняли Симону предъ наглыми служителями, кои, находясь въ услугахъ у судей и будучи употребляемы при слѣдствіяхъ и розыскахъ, привыкли отрывать людей подозрительныхъ. Одинъ изъ служителей, обративъ на него вниманіе, началъ говорить окружавшимъ его: «этотъ человѣкъ долженъ быть изъ числа учениковъ Иисусовыхъ». Симонъ затрепеталъ снова, уста, однажды измѣнившія, еще скорѣе разверзлись для втораго отреченія: однихъ увѣреній показалось уже недостаточно,—и малодушный ученикъ присовокупилъ ко лжи клятву въ томъ, что онъ вовсе не знаетъ Иисуса. Такъ скоро и глубоко падаетъ добродѣтель человѣческая! Освободившись отъ опасности, Симонъ удалился отъ огня; страхъ гналъ его вонъ, но любовь опять удержала; и онъ остановился у дверей.

Протекло еще нѣсколько времени; первый допросъ кончился—и Иисусъ Христосъ былъ выведенъ изъ судилища на дворъ. Влекомый любовію, ученикъ невольно приблизился, чтобы еще разъ взглянуть на своего Учителя, показаться Ему, если можно, и вдругъ одинъ изъ служителей остановилъ Симона вопросомъ: «вѣрно, и ты былъ съ Имъ; ибо ты галилеянинъ, и нарѣчіе твое измѣняетъ тебѣ». Прочіе служители подтвердили сіе подозрѣніе; ибо нарѣчіе галилейское было очень замѣтно для всякаго *): а между тѣмъ

*) Оно отличалось грубостію и неправильностію произношенія многихъ буквъ и даже цѣлыхъ словъ. Посему въ Іудеѣ не допускали галилеянь къ чтенію въ синагогахъ. V. Buxtorf. Lex. Talm. p. 434. 2416. Pfeifer Dubia Vexat. 1166.

всѣ знали, что ученики Иисусовы родомъ галлїеяне. Изумленный Симоуъ находился въ самомъ затруднительномъ положенїи: ибо, хотя при взятїи Иисуса воины не имѣли, повидимому, повелѣнїя брать учениковъ Его; но теперь, когда удалось такъ счастливо овладѣть Учителемъ, вѣроятно, не пощадили бы и ученика, который самъ попалъ въ ихъ руки. Какъ же глубоко должно было упасть сердце Симоуа, когда, не дожидаясь его отвѣта, одинъ изъ слугъ архїерейскихъ, бывший съ воинами въ саду Геосиманскомъ, родственникъ того самаго Малха, коему Петръ отрицалъ ухо, — началъ въ слухъ всѣхъ обличать его, говоря: «не я ли тебя видѣлъ съ Нимъ въ саду Геосиманскомъ?» Робкїй Симоуъ не зналъ, что дѣлать, забылъ себя и Учителя, умеръ, по выраженїю св. Златоуста *), отъ страха, и всѣми видами клятвъ началъ утверждать, что онъ не только никогда не думалъ быть ученикомъ Иисуса, но и вовсе не знаетъ сего человѣка.

Еще малодушный ученикъ не успѣлъ окончить своихъ клятвъ, какъ проповѣдникъ покаянїя (пѣтель) возгласилъ въ слухъ его въ другой разъ...

Въ этоже время Господь, бывший среди стражи на дворѣ, обратился въ ту сторону, гдѣ находился Симоуъ Петръ (я гдѣ по причинѣ спора произошелъ шумъ) и посмотрѣлъ на него пристально... Петръ, при всемъ замѣшательствѣ своемъ, замѣтилъ это; взоръ

*) Беседа на Мат. 85. Conf. V. stor. Antioch. in 11 Mar.

Учителя и Господа проникъ его сердце *). Казалось, онъ снова слышитъ роковое предсказаніе: «прежде нежели пропоеть пѣтухъ, ты отвергнешься Меня три раза». Мѣсто малодушія заступили стыдъ и раскаяніе **). Но, — онытъ кончился! Слуги архіерейскіе, удовлетворившись клятвами, перестали безпокоить Петра. Но шумъ двора архіерейскаго былъ уже несносенъ для сердца, терзаемаго скорбію,—и онъ, со слезами на глазахъ, спѣшилъ вонъ, дабы въ уединеніи плакать о своемъ непостоянствѣ. *И изшедъ вонъ, плакася горько...*

Св. Кплментъ, ученикъ Ап. Петра, повѣствуетъ, что онъ во всю жизнь, при полуночномъ пѣніи пѣтуха, становился на колѣни и, обливаясь слезами, каился въ своемъ отреченіи и просилъ прощенія, хотя оно было дано ему самимъ Господомъ вскорѣ по воскресеніи. По сказанію Никофора ***), глаза св. Петра отъ частаго и горькаго плача казались красными.

Разительною чертою характера Петрова оканчивается исторія сей ночи, въ коей стеклось столько противоположныхъ явленій: непоколебимой преданности въ волю Божію, великодушнаго терпѣнія, низкой измѣны, буйнаго безчеловѣчія, мнимой справедливости, истинной праведности;—въ продолженіе коей природа чело-

*) «Тотъ не могъ оставаться во тьмѣ отреченія, на кого возпріялъ Свѣтъ міра». Блаж. Іеронимъ. Conf. S. Leon. Serm. 3. de Pass.

**) Мат. 16, 18. Ты еси Петръ, и на семь камней созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей.

***) Lib. 2, с. 37.

вѣческая обнаружилась и съ самой лучшей (въ Іисусѣ Христѣ), и съ самой худшей (въ Іудѣ и первосвященникахъ), и съ средней стороны (въ Петрѣ); — въ которую положено начало событій, объемлющихъ все человѣчество, имѣющихъ окончиться вмѣстѣ съ бытіемъ настоящаго міра, но въ своихъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ имѣющихъ продолжиться въ вѣчности.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОРЪ ПРОТИВЪ ИСУСА ХРИСТА СИНЕДРИОНА.

(Второе утреннее собраніе синедриона.—Второй смертный приговоръ.—Его совершенная неправильность.—I. Христосъ препровождается къ Пилату.—Почему и зачѣмъ?)

Наступало утро дня, единственнаго въ исторіи рода человѣческаго. Въ навечеріи его, какъ мы видѣли, іудеи закалали агнца пасхальнаго; а теперь, среди полудня, имѣлъ быть закланъ Агнецъ Божій, вземлющій грѣхи міра *). Надлежало, чтобы истинная жертва принесена была съ жертвою прообразовательною въ одинъ день. Умы всѣхъ іудеевъ заняты были послѣднюю: думалъ ли кто нибудь о первой?..

Еще добрые израильтяне покоились сномъ, не думая, чтобы *Утьха Израиля* была такъ близко къ нимъ, какъ чертоги Каіафы снова наполнились старѣйшинами, фарисеями и книжниками **). Не думали повторять ро-

*) У евреевъ день начинается съ вечера.

***) 1 Мар. 16, 1; Лук. 22, 66—71. — Нѣкоторые толковники (Grotius, Kuinöl, Gregor, Mauger etc.) не допускаютъ втораго собранія синедриона, здѣсь описываемаго, полагая, что Ев. Лука разумѣетъ подъ нимъ тоже самое собраніе, которое мы предста-

зысканій, выискивать свидѣтелей (все это и прежде дѣлалось для одного вида): желали только,—сообразно обиховенію — не осуждать преступника на смерть въ одно засѣданіе *), снова въ полномъ присутствіи спидріона выслушать призначіе Господа, что Онъ есть Мессія, и вслѣдствіе сего снова подтвердить приговоръ смертный. Чего не доставало для единогласія, то могло быть сдѣлано посредствомъ тайныхъ сношеній въ остальную часть ночи. Не страшились болѣе и возмущенія народнаго: жители Иерусалима не могли еще узнать о приключеніяхъ прошедшей ночи. Дѣло тьмы совершалось такъ успѣшно, какъ только могли желать служители тьмы. По всему можно было имъ надѣяться, что они скоро совершенно избавятся отъ неавиственнаго имъ Обличителя правовъ, и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ займутся празднованіемъ пасхи.

Господь былъ введенъ въ собраніе. «Ты ли Мессія, скажи прямо», спросилъ Каиафа тѣмъ голосомъ, который уже отзывался смертнымъ приговоромъ.

Аще и реку вамъ (что Я Мессія), *отвѣчалъ* Господь, *не имете впыри. Аще и вопрошу васъ* (о томъ, что могло

види первымъ. — Но точное и опредѣленное указаніе времени (какъ насталъ день — *πρωις δε γενομενης*, Мѡ. 27, 1), подробное ичисленіе собравныхъ для совѣта сословій (Мар. 15, 1), полнота собранія (Марк. весь совѣтъ). сказаніе Талмуда (*Mischna* 4 *Sanhedr.* с. 4. § 1), что въ уголовныхъ дѣлахъ осужденіе должно быть произнесимо по крайней мѣрѣ на другой день, какъ начался шатъ,—заставляютъ думать, что это было новое собраніе.

Et capitalibus judiciis sententia absolutoria die coepti iudicii pronuntari potest, condemnatoria non nisi postridie. *Sanhed. c. 4, § 1.*

бы вывести васъ изъ ослѣпленія), *не отвѣщаете Ми, и (хотя бы я доказалъ, что вы должны вѣрить словамъ моимъ) не отпустите Мя.* (Послѣ сего остается одно) *отсель Сынъ человѣческой (Я Мессія) будетъ судити одесную силы Божіей* (не будетъ болѣе являться предъ вами въ видѣ уничиженнаго узника, а прѣиметь видъ всемогущаго царя и судин).»

«Итакъ, Ты Сынъ Божій» (Мессія)? спросили съ перепѣніемъ нѣкоторые изъ судей.

«Азъ есмь», отвѣчалъ Господь.

«Онъ самъ на себя произнесъ осужденіе», повторяли одни за другими старѣйшины; «болѣе не о чемъ и разсуждать. Смерть, смерть богохульнику!... Смерть, смерть Лжемессіи!».. (Лук. 22, 66—71).

Благомыслящіе члены синедріона или не были при настоящемъ рѣшительномъ осужденіи Господа, или должны были молчать. Ихъ частный голосъ только повредилъ бы имъ, ничего не сдѣлавъ въ пользу невинно осужденнаго. Касательно Іосифа аримаѣея каго прямо замѣчается въ Евангеліи, что онъ не участвовалъ въ настоящемъ *преступномъ совѣтѣ и беззаконномъ дѣлѣ* синедріона.

Мы говоримъ: преступномъ совѣтѣ и беззаконномъ дѣлѣ; ибо, какъ ни старались первосвященники въ судѣ надъ Господомъ соблюсти видъ законнаго судопроизводства, настоящій приговоръ противъ Него сдѣланъ вопреки всѣмъ законамъ правосудія. Основались единственно на объявленіи Господа, что Онъ есть Мессія. Но объявленіе себя Мессіею, коего всѣ ожидали, само по себѣ долженствовало быть причиною не смерти, а уваженія и почестей. Итакъ, надлежало ожи-

дать, что синедріонъ, хотя изъ одного вида, потребуетъ доказательствъ на то, что Онъ есть истинный Мессія, войдетъ сколько нибудь въ разсмотрѣніе Его дѣлъ и ученія, отъ чего, какъ мы видѣли, не далеко былъ, повидимому, самъ тѣсть Каиафы, Апацъ. Но сего вовсе не сдѣлано. Ослабленнымъ личною неавистію, опутаннымъ съ ногъ до головы расчетами мелкаго саддукейскаго самолюбія, судьямъ-врагамъ Иисусовымъ представлялось невозможнымъ, чтобы ожидаемый народомъ іудейскимъ, Мессія былъ таковъ, какимъ казался теперь Иисусъ Христосъ: это было для нихъ дѣло, совершенно рѣшенное. Поелпбу же синедріонъ основалъ приговоръ смертный на томъ, что непремѣнно требовало нѣваго и безпристрастнаго изслѣдованія: то судъ его, не смотря на всѣ старанія — придать ему видъ законности, представляетъ явное неправосудіе. «Форма только, говоритъ св. Златоустъ, была суда, а въ самомъ дѣлѣ это было не что иное, какъ нападеніе разбойниковъ».

Прицѣвъ объявленіе Господа, что Онъ есть Мессія, за ложь, синедріонъ могъ изходить въ Немъ два преступленія, по отношенію къ двоякой власти, имѣвшей силу въ Іудеѣ. Въ отношеніи къ отечественнымъ законамъ, Иисусъ Христосъ представлялся человѣкомъ нечестивымъ, который, забывъ страхъ Божій, осмѣливается присвоить себѣ священное наименованіе Мессіи, дабы вводить народъ Божій въ заблужденіе, которое по существу своему (ибо съ появленіемъ Мессіи ожидали преобразованія правленія) могло имѣть пагубныя слѣдствія для всей Іудеи. Въ отношеніи къ римскому правительству, Иисусъ Христосъ оказывался возму.и-

телемъ, который, пользуясь народною вѣрою іудеевъ въ пришествіе Мессіи, хочеть привлечь ихъ на свою сторону, дабы потомъ свергнуть его римлянъ. Въ томъ и другомъ отношеніи виновный подлежалъ смертной казни. За богохульство и присвоеніе достоинства пророческаго, законъ Моисеевъ повелѣвалъ побивать камнями (Лев. 24, 13); за возмущеніе народа, по улощенію римлянъ, назначенъ былъ мечъ или крестъ *).

Иудейскій синедріонъ пользовался еще правомъ наказывать смертію за преступленіе отечественныхъ законовъ: только приговоры его исполнялись не прежде, какъ по утвержденіи ихъ областнымъ прокураторомъ **). Слѣдовательно, по осужденіи Господа на смерть, первосвященникамъ оставалось только испросить согласія тогдашняго прокуратора и потомъ предать Его стражамъ храма и слугамъ своимъ на побіеніе камнями, или другую казнь либо отечественную казнь ***). Но первосвященники не сдѣлали сего, а предпочли отослать Осужденнаго къ прокуратору, дабы онъ приказалъ казнить Его по законамъ римскимъ. Это было совершенно въ духѣ фарисейской расчетливости. Совершеніе казни отъ лица синедріона обратило бы всю

*) *Bynaeus de Mort. Christi.*

***) *Joseph. de Bell. Jud. 6. 5. 6. Wolfius in Curis ad Math. 26. Mayer, 68. Vertheidigung und Erklärung der Geschichte Jesu aus Profan-Scribenten § 242.*

***) Въ Талмудѣ пишется, что въ распоряженіи сената іудейскаго находились четыре смертныя казни: побіеніе камнями, сожженіе, отсѣченіе головы мечемъ, удавленіе (*strangulatio*). *Sanhedr. 7. 4. p. 240.*

ненависть народа, приверженнаго къ Иисусу Христу, прямо противъ первосвященниковъ и фарисеевъ; могли даже опасаться, что народъ произведетъ возмущеніе въ пользу любимаго всѣми Пророка, — что было сдѣлать гораздо труднѣе, когда онъ находился въ рукахъ римскаго, для всѣхъ страшнаго, правительства. Самое наступленіе праздника препятствовало первосвященникамъ распорядиться отечественною казнію; а отложить ее до окончанія праздника сопряжено было съ новою опасностію отъ народа. Въ преданіи Господа Пилату представлялась и та выгода, что прокураторъ можетъ осудить Его на самую поносную смерть — на крестъ, каковая казнь опредѣлялась только римскими законами. Между тѣмъ надлежало исполниться и предсказанію Господа о томъ, что Его предадутъ въ руки язычниковъ, кои осудятъ Его на распятіе (Іоан. 18, 32). (Мы во всей исторіи страданій Христовыхъ будемъ видѣть, какъ естественныя повидному обстоятельства сами собою располагались такъ, что, противъ воли враговъ Иисусовыхъ, на Немъ во всей подробности совершились событія, предсказанныя за нѣсколько вѣковъ пророками и самимъ Богочеловѣкомъ). Требовалось только придумать, какъ сильнѣе подѣйствовать на прокуратора, дабы онъ кончилъ дѣло безъ дальняго изслѣдованія. Для сего вѣрнѣйшимъ средствомъ казалось, если члены синадріона сами своимъ лицемъ явятся въ его судилище, представятъ ему и важность дѣла, и единогласіе своего приговора, и очевидность преступленія, и крайнюю опасность со стороны преступника для самаго правительства римскаго.

Вслѣдствіе подобныхъ соображеній, Иисусъ Христосъ

въ узахъ былъ отведенъ стражами изъ дома Каиафы въ преторію Пилата (такъ назывался весь домъ и въ частности судилище римскаго правителя). За Нимъ слѣдовали туда же первосвященники, старѣйшины, фарисеи и книжники (Матѳ. 27, 1. 2).

СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЯ

(Раскаяніе Іуды.—Свидѣтельство о невинности преданнаго Учителя. Онъ повергаетъ сребренники.—Самоубійство.—*Село крови*.—Исполненіе пророчествъ.—Характеръ предателя.—Что побудило его быть въ числѣ учениковъ Иисусовыхъ? — Почему и для чего онъ принять? — Страсть сребролюбія—непрестанно возрастающая. — Какъ могла образоваться мысль о преданіи?...—Іуда не ожидалъ отъ него *такого* конца.—Естественность раскаянія.—Тяжесть грѣха Іудина.)

Слухъ объ осужденіи синедріономъ Иисуса Христа на смерть привелъ, безъ сомнѣнія, въ содроганіе весь Іерусалимъ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ даже изъ враговъ Его: но самое сильное дѣйствіе произвелъ въ томъ человѣкѣ, отъ коего въ настоящемъ случаѣ всего менѣе можно было ожидать чувствительности — въ Іудѣ!—Какъ бы отъ нѣкоего чуда, предатель перемѣнилъ свои мысли и чувства. Раскаяніе самое сильное и мучительное наполнило всю его душу, и овладѣло имъ до того, что онъ, не зная что дѣлать, рѣшился на самый отважный поступокъ—идти къ первосвященникамъ, возвратитъ гибельные сребренники и всенародно свидѣтельствовать, что онъ согрѣшилъ тяжко—*предалъ кровь неповинную!* Трудно было надѣяться тронуть снмъ поступкомъ (хотя онъ самъ по себѣ былъ весьма трогателенъ) сердце судей—враговъ Иисусовыхъ: по ученикъ-предатель хотѣлъ, но крайней мѣрѣ, удо-

влетворить собственному чувству, облегчить сколько нибудь нестерпимое бремя грѣха, подавлявшее его душу. Первосвященники приняли раскаяніе Іуды и его свидѣтельство о невинности Іисуса съ презрительною холодностію людей, кои, якобы занимаясь только исполненіемъ законовъ, не имѣютъ времени обращать вниманія на порывы мечтательной чувствительности. Ни одинъ не захотѣлъ спорить съ Іудею о невинности его Учителя (всего менѣе признаваемой личными врагами Іисуса); но ни одинъ не взялся пролить капли елее на растерзанное сердце предателя. «Что намъ; — отвѣчали, — до твоего поступка? Смотри самъ! Ты согрѣшилъ (если согрѣшилъ), ты и долженъ отвѣчать!» — Такъ холодно говорили уста, хотя сердце вищело злобою на Іуду за его всенародное раскаяніе и свидѣтельство о Іисусѣ, кои, служа къ оправданію Осужденнаго, были вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимымъ упрекомъ неправеднымъ судіямъ Его.

Огорченный упрекомъ священниковъ, бѣдный предатель дѣйствительно обратилъ весь взоръ на себя самого, — но взоръ отчаянія, предъ коимъ такъ скоро является и такъ кажется пріятною—смерть!... Въ смутеніи чувствъ, онъ повергаетъ принятые сребренники въ храмъ *), снѣшить въ уединенное мѣсто и тамъ, на древѣ, задушаетъ въ себѣ жизнь тѣлесную, давно

*) Мат. 17, 5. *Ev τω ναω*. Но это мѣсто въ храмѣ іерусалимскомъ было доступно однимъ священникамъ. Какимъ образомъ могъ войти въ него Іуда? Развѣ съ отчаянія? Или, можетъ быть, бросилъ деньги въ двери храма. Или, наконецъ, что вѣроятнѣе, *ναος* стоитъ вмѣсто *εβρον*.

задушивъ духовную. Но ужасная картина сія, начатая рукою отчаянія, какъ бы съ намѣреніемъ продолжается перстомъ карающаго Провидѣнія; всящее тѣло упадетъ съ древа стремглавъ внизъ, середина его расторгается отъ наденія на части, и являются внутренности (Дѣян. 1, 18)...

Первосвященники, по свидѣтельству св. Матѳея, не согласились положить въ корванъ церковный сребренниковъ Іудинныхъ: потому что закономъ запрещено было принимать въ церковь деньги нечистыя (Втор. 22, 18); а это была цѣна крови! — Въмѣсто сего, съ общаго совѣта, куплено впоследствии у одного горшечника пустое за городомъ мѣсто для погребенія страпниковъ, можетъ быть и іудеевъ, коп, во многихъ тысячахъ приходя во святыи градъ, оканчивали перѣдко тамъ земное поприще свое, а болѣе, кажется, язычниковъ, коимъ, какъ, по мнѣнію іудеевъ, нечистымъ, причествовало и мѣсто отдѣльное для погребенія. Гласъ народа, въ коемъ такъ часто выражается гласъ Божій, далъ вскорѣ сему владбищу соотвѣтственное имя: Акелдама, то-есть, мѣсто крови.

Такимъ образомъ, по замѣчанію Евангелиста, исполнились древнія предсказанія пророковъ о предателѣ и плодахъ предательства: тридцать сребренниковъ приняты, какъ «цѣна Цѣннаго, Егоже цѣниша отъ сыновъ Израилевыхъ», и отданы на землю горшечника, какъ то еще издревле открылъ Господь вѣрнымъ рабамъ своимъ (Захар. 11, 12—13).

Сбылось, замѣчаетъ св. Петръ, и слово Давида о томъ, кто, *ядый хлѣбы, возвеличилъ записаніе* (Дѣян. 1, 20; Псал. 73, 26): *дворъ его остался пустъ*,—въ без-

могилное жилище мертвых! Въ окрестностяхъ Іерусалима и теперь показываютъ слѣды села крови *).

Но кто укажетъ слѣды права и жизни несчастнаго стяжателя его?—обозначить истинный характеръ сына погибельнаго? проникнуть тайну его лица и предательства?—Лице съ перваго взгляда ужасное, и вмѣстѣ таинственное, состоящее въ какой-то особенной, разительной противоположности съ достопоклоняемымъ лицомъ Сына Человѣческаго! Каиниты, конечно, жестоко заблуждались, почитая Іуду за его предательство, совершенное яко бы потому, что онъ одинъ изъ апостоловъ обладалъ прозрѣніемъ въ тайну спасенія Человѣческаго смертію Сына Божія **); но несогласно съ истинною поступилъ бы и тотъ, кто захотѣлъ бы видѣть во всей прошедшей жизни бывшаго апостола одно мрачное и преступное. За противное ручается уже его, почти четырехлѣтнее, пребываніе съ Іисусомъ, *среди напастей и искушеній* (Лук. 22, 28), когда многіе другіе оставляли Его (Іоан. 6, 65—67). Такое постоянство достается въ удѣлъ не всякому. Сильное раскаяніе во грѣхѣ, всенародное признаніе въ немъ во храмѣ, и торжественное свидѣтельство о невинности осужденнаго уже Іисуса, подвергавшее Іуду многимъ и важнымъ непріятнымъ послѣдствіямъ,—также громко свидѣлствуютъ, что въ душѣ предателя еще была совѣсть, что рука его умѣла не принимать только, а и повергать сребренники. Все это и многое другое

*) Смотри. Путеш. Норова.

**) *Grin. contra haeres l. 1. c. 25 Epiph. haeres. 38, § 1.*

заставляло еще отцевъ Церкви думать, что душа Иуды не чужда была многихъ добрыхъ чувствованій: почему онъ и былъ принятъ въ апостолы и причисленъ къ лику двѣнадцати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Искаріота былъ зародышъ гибельной страсти сребролюбія, этого, по замѣчанію св. Павла, *корня всѣхъ золъ* (1 Тим. 6, 10). То и другое—и похвальная и предосудительная стороны его характера могли равно расположить его слѣдовать за Иисусомъ. Гдѣ болѣе, какъ не въ Его святомъ обществѣ, какъ не въ Его Божественныхъ бесѣдахъ, было пищи для всѣхъ благихъ помысловъ и чувствованій? — При комъ, какъ не при Немъ—Мессіи — Царѣ всего міра, удобнѣе казалось удовлетворить и свою жажду къ серебру? — И вотъ, Искаріотъ — въ числѣ учениковъ Иисусовыхъ и причтенъ къ лику дванадцати.—Быть не можетъ, чтобы Иисусъ, избравшій своихъ апостоловъ послѣ всенощной молитвы, среди собесѣдованій съ Отцемъ, не вѣдалъ, что Онъ избираетъ своего предателя.—*Видяше искони, кто есть предаи Ею*,—и однакоже избралъ его! избралъ, да сбудется писаніе, *яко никтоже отъ нихъ пошибе, токмо сынъ погибельный* (Іоан. 17, 12).

Неизбранный, Искаріотъ, конечно, не учинилъ бы преданія въ настоящемъ его видѣ; но могъ учинить въ тысячѣ другихъ видовъ: ибо Сынъ Божій, упостасная Истина и Благо, предается всякій разъ, когда мы злопамѣренно измѣняемъ истинѣ и добродѣтели. Напротивъ, смертельный педугъ, коимъ заражена была душа Искаріота, нигдѣ не могъ найти скорѣйшаго и прямѣйшаго исцѣленія, какъ въ святомъ обществѣ Иисусовомъ, еслибы несчастный захотѣлъ возстановить

здравіе души своей! Въ семь отношеніи принятіе Іуды въ число учениковъ было для него—милость величайшая...

Постоянная, непосредственная близость Искаріота къ Іисусу, должна была, по свойству сердца человеческого, произъести одно изъ двухъ: или подавить совершенно страсть сребролюбія въ сердцѣ Іуды и сдѣлать его совершенно чистымъ, подобно прочимъ ученикамъ; или произвести въ немъ тайную, постепенно возрастающую скуку отъ святаго общества Іисусова, заставить его, убѣгая свѣта, такъ ярко сіявшаго предъ очами и освѣщавшаго всѣ шаги его, болѣе и болѣе погружаться въ собственную тьму, предаться совершенно страсти. Къ несчастію, надъ Іудю, по его собственной волѣ, сбылось во всей силѣ послѣднее. Тогда какъ прочіе ученики, вступивъ въ святое общество Іисусово, оставляли, такъ сказать, свою собственную жизнь, и со дня на день болѣе и болѣе начинали жить божественною жизнію своего Учителя и Господа, — Іуда остался со своею гибельною самостоятельностью. Въ его умѣ продолжался мѣ какъ невѣрія; въ его сердцѣ лежалъ, не тронуть, ледъ самолюбія; онъ продолжалъ жить собственною нечистою жизнію, противоположною жизни Учителя. Средоточіемъ сей противоположности была страсть къ деньгамъ, столь противная духу нищеты и самоотверженія Сына человеческого. Носимый Искаріотомъ ящикъ сдѣлался ковчегомъ завѣта для сребролюбца, изъ котораго сатана давалъ ему свои откровенія: вся область тьмы обратилась на сію душу, находя въ ней убѣжище и опору твердыню противъ Того, Кто пришелъ разру-

шить *дѣла діаволя* (1 Іоан. 3, 8). Когда Сынъ чело-вѣческій восходилъ отъ одного подвига къ другому—несчастнѣйшій сынъ погибъ отъ испадаль отъ лукавства къ лукавству, отъ измѣны къ измѣнѣ. Все злое тѣмъ глубже виѣдрялось въ душу Іуды, что долженствовало оставаться тайною его совѣсти: совѣсть оная была апостоль, какъ и другіе.

Учитель, безъ сомнѣнія, употреблялъ всѣ средства къ излеченію недугующаго ученика. Свидѣтельство тому—последняя вечеря. Сколько трогательныхъ и сильныхъ намековъ къ покаянію! Въ Евангеліи Іоанновомъ сохранились и другіе слѣды особеннаго вниманія Іисуса къ состоянію души Іудиной (Іоан. 6, 70). Но, по причинѣ заключенія чувствъ сердца, занятаго страстію, все доброе оставалось на ея поверхности, — не было принято и не могло обращаться въ силу и жизнь духовную. Прикосновеніе — самое легкое и дружеское — врачующей рука къ ранѣ производило одно внутреннее содроганіе и боль.

Выводимый изъ терпѣнія своею страстію, можетъ быть, не разъ Искаріотъ, подобно другимъ, думать оставить Іисуса (Іоан. 16, 66). Но невидимыя узы все еще держали его до предопредѣленнаго времени; внутренній голосъ сильно еще говорилъ за Учителя. Могла говорить въ пользу пребыванія съ Іисусомъ и самая страсть, все еще не терявшая совершенно надежды видѣть Іисуса Мессіею. Іуда,—какъ ни тяжело было принуждать себя непрестанно,—принуждалъ и оставался!...

Последнія событія, возбудившія и въ прочихъ ученикахъ чаяніе о близкомъ воцареніи Учителя (Лук. 19,

11), въ Іудѣ должны были потрясти всю душу надеждою и страхомъ. «Теперь, думалъ Іуда, не далѣе, должна рѣшиться *Его*,—по крайней мѣрѣ, моя участь! Время подумать рѣшительно о своемъ будущемъ состояніи.»—Что же слышитъ сребролюбецъ отъ Учителя въ продолженіе всѣхъ послѣднихъ дней?—Частыя предсказанія о Его будущихъ страданіяхъ, и—ни слова о Его царствѣ и земныхъ наградахъ ученикамъ! «Первосвященники и фарисеи собираются для совѣщаній, берутъ всѣ мѣры, осуждаютъ насъ на смерть; а мы ходимъ туда и сюда безъ дѣла, проводимъ дни и ночи ни надъ чѣмъ... Прекрасное общество,—но оно не по Іудѣ, коему нужно *члмъ жить*. Я не ихъ, и они не мои! Каждый пойдемъ своимъ путемъ!»—Но нельзя ли извлечь, шепталъ демонъ сребролюбцу, послѣдней пользы изъ твоего почти четырехъ-лѣтняго пребыванія съ сими людьми?—Синедріонъ весьма дорожитъ узнаніемъ мѣстопребыванія Іисусова: почему не употребить въ свою пользу этого вызова?... Указаніе мѣстопребыванія не причинитъ большаго вреда Учителю, а тебѣ послужитъ въ пользу. Посмѣютъ ли стражи наложить руки на Іисуса! Не въ первый разъ возвращаться имъ отъ Него безъ успѣха. Даже, если бы они захватили Его, то во время праздника, по причинѣ народа, не посмѣютъ причинить Ему ничего худаго; дѣло окончится чѣмъ либо пезажнымъ *),—но всей вѣроятности, удаленіемъ Іисуса въ Галилею; а ты можешь получить награду, какъ патріотъ, и от-

*) Θεοφ. Толк. на Мат. 27, 4.

личшь себя въ глазахъ фарисеевъ, что можетъ имѣть весьма полезное вліяніе на твою дальнѣйшую судьбу...

Адская мысль принята,—и ученикъ-предатель весь занятъ—сатанюю! Не ищите послѣ сего согласія въ его дѣйствіяхъ:—это значило бы искать порядка въ адѣ. Пусть Каиафа не будетъ обѣщать ему ничего болѣе 30 сребрениковъ—эти сребреники покажутся ему горами золота. Вырваться скорѣе изъ рая,—обратившагося въ темницу,—кончить, кончить дѣло,—вотъ чего хочетъ душа Іудина, діаволь въ ней живущій!...

Но дѣло кончено!—Учитель въ рукахъ книжниковъ! Посредствомъ неимовѣрной поспѣшности, они успѣваютъ въ продолженіе ночи сдѣлать два собранія, выслушать жесвидѣтелей, произнести осужденіе, предать Осужденнаго Пилату на распятіе... Вѣсти о всѣхъ сихъ событіяхъ, подобно громовымъ ударамъ, раздаются въ душѣ Іудинной. Разродившись предательствомъ, исполнивъ внушеніе сатаны, душа предателя сдѣлалась какъ бы праздною и потому доступною чувству забытаго долга. Какой ужасный голосъ раздается теперь въ сей пустыцѣ! Все доброе, на время забытое, въ тысячѣ видовъ возникаетъ снова, тѣснится въ сердце, подавляетъ, разрываетъ его.—Іуда видитъ одно, слышитъ одно: смерть Учителя! Для него нѣтъ болѣе стыда и скрытности; всѣ расчеты, самая страсть исчезла, какъ адское привидѣніе: осталась одна совѣсть съ мученіями! Дружеское участіе въ семъ положеніи какого либо священника,—какого-либо человѣка, можетъ быть, остановило бы душу, готовую унасть въ адѣ. Отъ нѣсколькихъ минутъ зависѣло все. Что же слышитъ самоосужденный предатель?—«Смотри самъ»,—

говорятъ ему съ презрѣніемъ.—«О, я хорошо вижу, думаетъ онъ въ отчаяніи, чего стоитъ подобное мнѣ чудовище: око за око, кровь за кровь,—говоритъ самъ законъ»,—и первое древо служитъ ему орудіемъ казни надъ самимъ собою.

Послѣ сего уже стократно *уныло* было, дабы не родился, ужасно несчастный, человекъ сей!

Но речеть кто: *«аще писано есть пострадати Христу сіе, то чего ради порицаетъ Иуду? писанія бо сотворилъ есть.»*¹

Но не тѣмъ изволеніемъ, а отъ лукавства. *Аще же не изволеніе его испытывати будещи, то и діавола отъ согрѣшенія свободиши. Но ипсть сіе, ипсть. Безчисленныхъ бо достойны суть мукъ и сей и онъ, аще и вселенная спасеся. Не преданіе бо Иудино спасеніе намъ содѣла, но Христова премудрость и Его художества богатство, иныхъ лукавства въ пользу намъ употребляя. Речеши: аще и Иуда не предалъ бы, ипъ не предалъ ли бы?»*—И что сіе на предложеніе? *«Яко аще распятися Христу подобаше, чрезъ ипкоего подобаше, речеши: аще чрезъ ипксего, чрезъ такова человека всячески: аще же всь были блази, не содѣлялося бы смотрѣніе о насъ.»* Не буди;—самъ бо Всепремудрый видѣше, како устроить полезная намъ, и сему не собывшуся; избыльна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради да никто возмнитъ, яко служитель смотрѣнія бысть Иуда, *окаеваетъ го.»* (Злат. бесѣд. 18 на Мат.)

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДЪ ПИЛАТА.

(Характеръ Пилата и его отношенія къ синедріону. — Голословное обвиненіе І. Христа первосвященниками.—Прокураторъ имъ издovolъствуется.—Всенародный допросъ.—Отвѣтъ на него величественный, но противный ожиданію и видамъ судіи.—Тайный допросъ.—Пилатъ объявляетъ узника невиновнымъ.—Новыя клеветы со стороны обвинителей—Безмолвіе Обвиняемаго.—Исусъ Христосъ отсылается на судъ Ирода.)

Римскій прокураторъ Іуден, коему достался несчастный жребій осудить на распятіе *Господа славы*, былъ Понтій Пилатъ *): человекъ, по свидѣтельству іудейскихъ писателей, высокоумный, жестокий и корыстолюбивый **). Впрочемъ такой отзывъ могъ быть слѣдствіемъ національнаго предубѣжденія противъ чужеземнаго правителя ***), и если заслуженъ Пилатомъ

*) Понтій было имя прокуратора, а Пилатъ прозваніе, данное ему потому, что онъ начальствовалъ когда нибудь надъ войсками, вооруженными pilis, конехъ называли пилатами (Pilati-Martial lib. V. epig. 48) или потому, что онъ за какое либо отличіе награжденъ былъ такимъ оружіемъ, каковая награда была въ обыкновеніи у римлянъ, (Plat. in vita Rom).

**) Joseph. Antiq. 18. 3. 4. Bell. Jud. 2. 8. Philo legat. ad Caj. p. 589

***) Germar. Program, in qua docetur Pilati facinora in admin. Judeae comissa partim non esse, qualia dicantur, partim aliorum magis culpa et necessitate, quam insita homini saevitia et iniquitate accedisse. 1785.

то болѣе въ послѣдніе годы его правленія. По крайпей мѣрѣ, исторія суда Пилатова надъ Иисусомъ Христомъ не показываетъ въ немъ особеннаго высокомерія, тѣмъ менѣе корыстолюбія. Если бы приговоръ прокуратора можно было купить сребренниками, то первосвященники, вѣроятно, не пощадили бы церковнаго корвана, только бы скорѣе достигнуть своей цѣли, и избавить себя отъ униженія, коему они подвергались въ преторіи.

Понцій былъ собственно прокураторомъ *) Иудей, Самаріи и Идумей (должность, которая сама по себѣ ограничивалась управленіемъ податей государственныхъ **): впрочемъ съ полнымъ правомъ претора—рѣшать всѣ дѣла и казнить смертію, каковое совмѣщеніе правъ дѣлалось въ нѣкоторыхъ, не такъ значительныхъ, провинціяхъ ***), куда не почитали нужнымъ посылать особыхъ преторовъ и проконсуловъ. Такими прокураторами назначались люди большею частію всадническаго (equestris) достоинства, иногда изъ вольвоотпущенныхъ (libertini), чѣмъ либо отличившихся, и назывались, подобно другимъ главнымъ начальникамъ, игемонами или правителями ****). Пилатъ принадлежалъ къ сословію всадниковъ. Обыкновен-

*) *Επιτροπος της Ιουδαίας*. Phil. leg. ad Caj. p. 1033 Prokurator. Tacit Annal 15. 44.

***) Dio Cassius lib. 53. Vynaeus de mort. Christ. tom. 2. p 412—13.

****) Онъ исчисленъ у Тацита. Hist. I. 1, с. 2.

*****) Lamprii comment. in Iohan. p. 543. Kuinöl comment. ad Math. 10. 18.

нымъ мѣстопребываніемъ іудейскихъ прокураторовъ былъ городъ Кесарія: но на праздники, особенно на Пасху, они переселялись въ Іерусалимъ для ближайшаго надзора за спокойствіемъ народа и для укрощенія возмущеній, кои не рѣдко происходили во время праздниковъ *).

Съ синедріономъ іудейскимъ римскому игемону трудно было жить въ мирѣ: ибо двѣ различныя, и по духу совершенно противоположныя, власти часто сталкивались. Пилать имѣлъ немалыя причины негодовать на іудеевъ и ихъ синедріонъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность іудейскаго прокуратора, ему захотѣлось (вѣроятно изъ ласкательства вesarю) внести въ Іерусалимъ римскія знамена съ изображеніемъ кесаря: поступокъ самъ по себѣ не очень важный, но противный іудейскимъ обычаямъ. Упорство народа, соглашавшагося лучше лишиться жизни, нежели видѣть языческія изображенія въ святомъ градѣ, сдѣлало то, что Пилать принужденъ былъ велѣть выпести знамена изъ Іерусалима. Потомъ Пилать вздумалъ построить на счетъ церковныхъ сокровищъ, водопроводъ для Іерусалима: намѣреніе, весьма полезное для жителей столицы, много, — и особенно въ праздники, — терпѣвшею отъ недостатка хорошей здоровой воды, — но неприятое синедріону, коему принадлежали деньги. Въ семъ случаѣ произошло народное возмущеніе, такъ что Пилать съ трудомъ разсѣялъ народъ, окружившій

*) G. Meyer, Versuche in der Vertheidigung der Geschichte Jesu allein aus griech. und röm. Profan-Scibenten. 8. 24.

его лиоостротонъ и нагло требовавшій оставить его — безъ воды *).

Объ Иисусѣ Христѣ и Его дѣйствіяхъ Пилатъ не могъ не имѣть давно свѣдѣній; но, безъ сомнѣнія, не имѣлъ вѣрнаго понятія, кромѣ того, что дѣйствія Его ни мало не опасны для римскаго правительства. Извѣстно было, конечно, Пилату и о происшествіяхъ минувшей ночи: взятіи Иисуса Христа подъ стражу, собраніи синедріона и проч., ибо римская стража, усугублявшая свою бдительность во время праздниковъ, давала знать прокураторамъ о всѣхъ происшествіяхъ, заслуживающихъ вниманія. Пилату даже извѣстно было гораздо болѣе, нежели сколько хотѣли и, можетъ быть, ожидали первосвященники: — что они преслѣдуютъ Пророка галилейскаго единственно по личнымъ видамъ, изъ зависти и злобы (Мат. 27, 18). Такимъ образомъ появленіе Иисуса Христа въ видѣ узника не было для прокуратора вовсе неожиданнымъ явленіемъ: неожиданно было только, чтобы для обвиненія Его явился весь синедріонъ, такъ рано и въ тотъ день, когда всякій израэльтянинъ, и искренно и лицемѣрно набожный, старался какъ можно удалиться отъ язычниковъ и всего языческаго, дабы не потерять законной чистоты, необходимой для совершенія пасхи **).

*) Joseph. Antiq. 50. 17, с. 3.

**) Числ. 9, 6. Нечистымъ, по закону, іудей становился только отъ прикосновенія къ мертвому и нѣкоторымъ другимъ вещамъ. Но фарисеи, изъ гордости, почитали такую нечистотою и нѣтъхъ язычниковъ, и даже вещи, имъ принадлежащія; посему-то, возвращаясь съ площади, гдѣ всегда много было язычниковъ,

Первосвященники и книжники, *пожирая*, по выраже-
нію евангелія, *верблюдовъ*, дѣйствительно не забыли
теперь *отцѣдить сею комара* (Мат. 23, 24). Пришед-
ши къ преторіи Пилатовой, они не вошли въ нес,
чтобы не оскверниться; и дали знать игемену, что ожи-
даютъ его на *лиэостротонѣ* *) для такого дѣла, ко-
торое не терпитъ отсрочки. Не забыли, безъ сомнѣнія,
извиниться предъ игеменомъ въ томъ, что законъ не
позволяетъ имъ войти во внутренность преторіи для
личнаго съ нимъ объясненія.

«Жалкій народъ! слѣпые изувѣры!» думалъ конечно
гордый римлянинъ, чувствительный къ тому, что его
подвластные почитаютъ домъ его такъ нечистымъ и
богопротивнымъ, что опасаются войти въ него. Но
духъ римской власти всегда щадилъ предрасудки по-
бѣжденныхъ народовъ**); и Пилать немедленно явил-
ся на *лиэостротонѣ*.

они имѣли обыкновеніе мыть руки и даже все тѣло (Мар. 7, 8.
4. Жалкій предрасудокъ сей укоренился въ народѣ еврейскомъ
особенно со времени Маккавеевъ. Spencerus de leg. Hebr. 1. 1
с 4. sect. 2. Seldenus de juve nat. et gen. 1 п. с 5.

*) Площадка предъ домомъ прокуратора, такъ названная отъ
того, что была устлана мраморомъ и другими разноцвѣтными
камнями. Среди *лиэостротона* находилось судейское мѣсто *Врѣла*,
tribunal; ибо судъ у римлянъ производился большею частію подъ
открытымъ небомъ. Joseph. Bell. Jud. 2, 9. 3.

**) Римляне оставили въ силѣ не только іудейскіе законы и ре-
лигію, но и самые предрасудки. Такъ напр., никто не имѣлъ
права принудить еврея нарушить покой субботній, хотя соблю-
деніе онаго простерто было до смѣшнаго излишества. Joseph.
contr. App. 1, 11 Antiq. L. 14. с. 17.

Первосвященники въ краткихъ словахъ объявили, зачѣмъ они пришли и чего требуютъ, —надѣясь, что Пилатъ не заставитъ ихъ судиться съ преступникомъ, осужденнымъ цѣлымъ синедріономъ.

Но для Пилата такая поспѣшность и настойчивость были подозрительны. Намѣстникъ кесаря менѣе всего расположенъ былъ служить слѣпымъ орудіемъ Каиафова коварства. Какъ бы не примѣчая, что обвинители дорожатъ временемъ и сердечно участвуютъ въ погнѣблѣ Обвиняемаго, римскій вельможа принимаетъ спокойный тонъ безпристрастнаго суди и спрашиваетъ: «въ чемъ же вы обвиняете сего человѣка *)?»

Потребовать вины и, безъ разсмотрѣнія дѣла, не осуждать виновнаго было отличительнымъ свойствомъ римскаго правосудія (Дѣян. 25, 15. 16).

«Если бы Онъ не былъ злодѣй, то ужели бы мы (всѣ члены синедріона) предали Его тебѣ для казни? —былъ отвѣтъ старѣйшихъ, все еще надѣявшихся, что ихъ личная важность послужитъ вмѣсто всѣхъ доказательствъ.

Но такой неопредѣленный, личный языкъ еще болѣе измѣнялъ сердечной тайнѣ враговъ Иисусовыхъ; а ихъ самонадѣянность еще сильнѣе вызвала противъ себя гордость Пилата, внутренно, можетъ быть, радовавшагося, что нашелъ случай досадить своимъ врагамъ...

* Іоан. 18, 29—31. Должно примѣтить, что у Ев. Іоанна описано самое начало суда Пилатова надъ Господомъ, между тѣмъ какъ другіе евангелисты начинаютъ повѣствованіе о семъ судѣ съ вопроса Пилатова: „царь ли Ты?“

«Когда такъ, возразилъ игемонъ, когда вы хотите чтобы я осудилъ сего человѣка безъ изслѣдованія дѣла: то къ чему и мое участіе?—Возьмите Его вы сами и, по закону вашему, судите—и наказывайте Его, какъ вамъ угодно. Я не хочу вмѣшиваться въ ваши дѣла.»

«Но преступленіе Его, отвѣчали обвинители, требуетъ смертной казни, потому что Онъ выдавалъ себя за Мессію, Царя израильскаго; а намъ нельзя никого предавать смерти, безъ твоего на то согласія*»).

Такое усердіе къ выгодамъ кесаря, особенно уклоненіе отъ осужденія на смерть мнимаго преступника—изъ устъ первосвященниковъ должны были, казаться для Пилата чрезвычайно странными. Отказывались отъ своихъ правъ тѣ, кои всегда дорожили ими и непрестанно спорили съ прокураторами о правахъ.

Однакоже важность обвиненія не позволяла болѣе уклоняться отъ судопроизводства; надлежало приступить къ допросу. Поелику первосвященники въ доказатель-

*) Иоан. 18, 31. Такое изъясненіе словъ Иоанновыхъ, по самой простотѣ своей, кажется лучше другихъ изъясненій, напр. „намъ нельзя предавать смерти, по причинѣ наступающаго праздника“ (Златоуст. Август.); ибо мы увидимъ, что первосвященники до самаго вечера будутъ участвовать въ совершеніи казни надъ Иисусомъ Христомъ;—или: „намъ не позволено распинать“ (Феофил.); ибо въ такомъ случаѣ первосвященники употребили бы слово *σάβρον*, и Пилатъ не сказалъ бы: „судите по закону вашему“; —или: „намъ не позволено предавать смерти никого, обвиненнаго въ возмущеніи и нарушеніи законовъ величества“ (Deyling. obs. Sacr. tom. 2. p. 313); ибо такое ограниченіе слова: *ουδενα*—слишкомъ произвольно.

ство, что Иисусъ Христосъ есть возмутитель народнаго спокойствія, ссылались единственно на присвоеніе Имъ царскаго имени; поелику для римскаго прокуратора важность обвиненія въ присвоеніи себѣ вѣмъ-либо званія Мессіи іудейскаго состояла единственно въ томъ, что съ симъ званіемъ, по отзыву синедріона, соединялось наименованіе царя; то Пилать, вмѣсто всѣхъ изслѣдованій, обратился къ Господу и спросилъ Его: «царь ли Ты іудейскій?»

При настоящихъ обстоятельствахъ, такой вопросъ не могъ быть произнесенъ безъ улыбки. Предъ Пилатомъ стоялъ такой человѣкъ, о которомъ цѣлзя было и подумать, чтобы онъ имѣлъ виды на престолъ іудейскій и осмѣлился спорить о правахъ на Іудею съ кесаремъ. Конецъ суда, повидимому, зависѣлъ отъ того, что Обвиняемый скажетъ въ отвѣтъ: признаетъ, или не признаетъ Себя царемъ. Судія, конечно, не ожидалъ, можетъ быть, и того, что Онъ прямо отвергнетъ обвиненіе іудеевъ: ибо во всякомъ случаѣ надлежало предполагать какое-либо основаніе въ обвиненіи, дѣлаемомъ цѣлымъ синедріономъ. Каково же должно быть удивленіе Пилата, когда Господь рѣшительно отвѣтствовалъ: «Я—царь» (Мар. 15, 2)!

Лучше сего отвѣта не могли желать враги Иисуса; опаснѣе его не могъ вообразить Пилать. При, такомъ отвѣтѣ іудеи могли тотчасъ сказать, что дѣло конечно; потому что Обвиняемый говоритъ самъ на Себя. Можетъ быть, Пилать, и въ самомъ дѣлѣ, окончилъ бы теперь свой судъ подтвержденіемъ приговора противъ Иисуса Христа, сдѣланнаго синедріономъ, если бы внушающій къ себѣ благоговѣніе видъ Господа

тѣрдость и спокойствіе, съ коими произнесено признаніе въ томъ, что Онъ царь, — собственное нерасположеніе Пилата къ синедриону и самолюбіе — продолжить начатое уже защищеніе невинности, — не побудили его войти въ новое разсмотрѣніе.

Такого разсмотрѣнія, впрочемъ, требовала и справедливость. Иисусъ Христосъ, называя Себя царемъ, не признавалъ еще вмѣстѣ съ симъ, что Онъ, какъ клеветали враги Его, развращаетъ народъ и запрещаетъ давать дань кесарю (Лук. 23, 2). Такая неопредѣленность отвѣта представляла судиѣ недостаточную причину потребовать изъясненія, въ какомъ смыслѣ Онъ называетъ Себя царемъ?

Думая, можетъ быть, что Узникъ имѣетъ особенныя причины не обнаруживать подробно своихъ мыслей въ присутствіи своихъ обвинителей, и вообще желая дать Ему болѣе свободы въ объясненіи своего лица и своихъ дѣйствій, Пилатъ вошелъ въ преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою туда же и Иисусу.

Первосвященники, при всемъ желаніи быть свидѣтелями тайнаго допроса, оставались на дворѣ, изъ опасенія потерять чистоту законную, съ неудовольствіемъ видя, какъ немного подѣйствовало на прокуратора то самое признаніе Господа, которое въ синедрионѣ послужило основаніемъ смертнаго приговора.

«Итакъ, Ты выдаешь Себя за царя іудейскаго?» — началъ Пилатъ съ тѣмъ видомъ, который если не показывалъ особеннаго благорасположенія, то вызывалъ къ открытому объясненію.

Судя обыкновеннымъ образомъ, прямой отрицательный отвѣтъ былъ, очевидно, самый полезный для Об-

виняемаго, которому прокураторъ изъявлялъ уже видимое снисхожденіе. Но могъ ли пользоваться личнымъ снисхожденіемъ римскаго судіи Господь неба и земли, Судія живыхъ и мертвыхъ? Дѣло шло не о избавленіи Себя какимъ бы то ни было образомъ,—напр. какъ теперь, посредствомъ намѣреннаго умолчанія, — отъ смерти, а о приведеніи судіи въ состояніе судить правильно и безпристрастно о силѣ обвиненія, заключавшагося въ словѣ: царь. Будучи принято въ чисто политическомъ, такъ сказать, римскомъ смыслѣ, въ комъ одномъ оно имѣло предъ Пилатомъ силу уголовного преступленія, это названіе было чуждо Иисуса Христа; между тѣмъ какъ въ смыслѣ нравственномъ, пророческомъ, теократическомъ, оно не заключало въ себѣ вины предъ прокураторомъ, и принадлежало Иисусу Христу во всей силѣ. Посему для правильности отвѣта надлежало знать, въ какомъ именно смыслѣ принималъ слово: царь — Пилатъ, когда спрашиваетъ: царь ли Ты?—Такъ точно и поступлено. «Отъ себя ли ты, спросилъ Господь Пилата, говоришь сіе или другіе такъ сказали обо Мнѣ?» *) (По собственному усмотрѣнію и разумѣнію сего слѣза такъ ты спрашиваешь, или въ смыслѣ монхъ обвинителей, основываясь на ихъ словахъ и понятіи о семъ предметѣ?)

*) Іоан. 18, 34. Изъ сихъ словъ нѣкоторые заключали, что Господь не слышалъ обвиненія первосвященниковъ, будучи введенъ въ преторію при самомъ началѣ суда. Но кромѣ того, что по римскимъ законамъ обвиняемый долженъ слышать обвиненіе (Дѣян. 25,1), противное открывається уже изъ Мат. 27, 11.

Не смотря на основательность сего вопроса, опъ для римскаго вельможи, облеченнаго правомъ казнить и миловать, показался не совсѣмъ умѣстнымъ. «Развѣ я іудей,» отвѣчалъ Пилать съ надменностію (чтобы мнѣ мѣшаться въ предразсудки, конны ослѣпелъ народъ іудейскій и нарушение конхъ ставятъ Тебѣ въ вину). «Твой сограждане и первосвященники предали Тебя,» (какъ вповноваго въ присвоеніи имени царя; вслѣдствіе чего я, какъ прокураторъ, на коемъ лежатъ обязанность утверждать приговоры синедріона, долженъ противъ воли дѣлать Тебѣ допросъ, хотя доселѣ и не видалъ отъ Тебя самъ ничего, противнаго законамъ). «Итакъ, что Ты сдѣлалъ?» (чѣмъ подалъ поводъ думать, что Ты, по мнѣнію твоихъ обвинителей, ищешь царства?) отвѣчай!»

«Царство мое (въ словѣ царь заключалось главнымъ образомъ все обвиненіе іудеевъ), отвѣчалъ Господь, нѣсть отъ міра сего (не есть каксе либо земное царство, котораго ожидаютъ іудеи). Аще бы отъ міра сего было царство мое: слуги мои подвизались бы, да не проданъ быхъ былъ іудеомъ. Но царство мое нѣсть отсюду» (не есть земное, и потому совершенно безопасное для римлянъ).

Пилать, повидимому, остался доволенъ симъ отвѣтомъ.

Только слово: царство (Господь не безъ намѣренія удержалъ его) звучало сомнительно въ ушахъ политика; тѣмъ болѣе, что враги Исуса Христа могли толковать его въ худую сторону. Притомъ Господь сказалъ только, въ чемъ не состоитъ Его царство, а не сказалъ, въ

чемъ состоитъ оно; о чемъ также нужно было знать игемену.

«Однакоже Ты Царь?» спросилъ Пилатъ, давая, безъ сомнѣнія, выразумѣть, какъ неумѣстно слово сіе въ устахъ Обвиняемаго.

«Ты глаголши, яко Царь Азъ есмь», отвѣчалъ Господь, давая съ своей стороны знать игемену, что названія сего, какъ оно ни кажется ему опаснымъ, нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обвинителями, и въ чистомъ своемъ смыслѣ, совершенно сообразно съ истинною. *«Азъ на сіе родихся, продолжалъ Онъ, какъ бы въ оправданіе своей твердости въ употребленіи опаснаго, но истиннаго названія,—и на сіе приидохъ въ мръ, да свидѣтельствую истину (съ какою бы опасностію это свидѣтельство ни было сопряжено) и всякъ иже есть отъ истины (для кого она дорога и у кого есть въ душѣ чувство истины), послушаетъ гласа моего.»*

Еще ап. Павелъ назвалъ сіе признаніе Господа Себя царемъ на судѣ Пилата свидѣтельствомъ добраго исповѣданія (1 Тим. 6, 13). Въ самомъ дѣлѣ, оно показывало самую высшую степень самоотверженія и вмѣстѣ мудрости. Словами: «Я на то родился, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ,»—Господь показалъ между прочимъ, что и тайный намекъ Пилата — удержаться отъ именованія себя царемъ, какъ весьма опаснаго, совершенно недостойнъ Его; потому что Онъ дѣйствительно есть Царь, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ сего слова, царь—единственный, вѣчный. Между тѣмъ сими же самыми словами, до очевидности,

обнаружилось свойство царства Христова и его безопасность для римской власти.

Римскій всадникъ не способенъ былъ понять все сіе въ смыслѣ христіанскомъ, конечно, а въ философскомъ. Римляне, особенно вельможи римскіе были въ то время знакомы съ философіею стоиковъ, по ученію коихъ, истинный мудрецъ и человѣкъ добродѣтельный есть царь *). Изреченіе Горация: ты правитель (rex), если право поступаешь,—сдѣлалось въ Римѣ почти народнымъ присловіемъ **). Одно, можетъ быть, не правилось нгемону, что царь, мудрецъ, подлежащій его суду, пристрастенъ не только къ своимъ мыслямъ, но и выраженіямъ, даже опаснымъ: обыкновенный, думалъ онъ, недостатокъ мудрецовъ-энтузіастовъ, не знающихъ политики...

Поелику Господь такъ много усвоилъ истинѣ, то Пилать какъ бы невольно спросилъ Его: «что есть истина?»—и не ожидая отвѣта ***), вышелъ вонъ изъ преторіи къ первосвященникамъ.

Не вдругъ можно опредѣлить истинный смыслъ сего вопроса Пилатова объ истинѣ. Что прокураторъ не

*) Diod. Laërt. 1. 7. sect. 122.

***) Rex eris, si recte facias. Horat. Epist. 1. 1. 59.

***!) Въ такъ называемомъ Евангеліи Никодима разговоръ Пилата съ І. Христомъ продолжается такъ: «*Пил.* Что есть истина? *І. Хрис.* Истина происходитъ съ неба. *Пил.* Слѣдовательно, на землѣ нѣтъ истины? — *І. Хр.* Истина есть и на землѣ и въ тѣхъ людяхъ, кои, будучи облечены достоинствомъ судей, наблюдаютъ истину и судить праведно.» Продолженіе весьма сомнительное!— (Auctarium Codic. Aposcriph. N. T. Fabriciani. Kirch 1804. p. 26.)

имѣлъ намѣренія слушать ученія Иисуса Христа объ истинѣ *), это показываетъ уже его немедленный исходъ изъ преторіи. Можетъ быть, имѣя въ виду послѣднія слова Господа: *всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего*», и будучи тронутъ внутренно нравственнымъ величіемъ Господа, римлянинъ хотѣлъ показать мимоходомъ, что и онъ неравнодушенъ къ истинѣ и въ свободное время съ удовольствіемъ вступилъ бы о ней въ собесѣдованіе **). Можетъ быть, вельможа-политикъ вопросомъ о истинѣ, а болѣе тономъ, съ коимъ произнесъ его, хотѣлъ дать подсудимому новый намекъ на осторожность, какъ бы такъ говоря: «ты рѣшаешься жертвовать истинѣ всѣмъ; но что такое истина? Доселѣ ни одинъ философъ не только не нашелъ, даже не опредѣлили ея: думай не о истинѣ, а о жизни ***).» Такой образъ мыслей весьма удобно можетъ быть приписанъ Пилату, во времена коего въ Римѣ любимую философію было ученіе академиковъ, кои, ничего не утверждая въ области истины, все разрушали и приводили въ сомнѣніе.

Какъ бы то ни было, по по выходѣ изъ преторіи, Пилатъ рѣшительно объявилъ іудеямъ, что онъ, вслѣдствіе допроса, находитъ Иисуса Христа совершенно невиновнымъ (Іоан. 28, 38).

Если бы первосвященники и не участвовали лично и такъ много въ дѣлѣ, теперь разсматриваемомъ; если

*) Такъ думалъ Θεοφιλακτῆς (толк. на Іоан.).

***) Вундѳус de Mort. Chris. 1. 111. p. 53. Moschius in seiner Lebensgeschichte Jesu.

***) Wolfius in Curis; Kuinöl in comment. ad Johan.

бы обвиняли Иисуса Христа только какъ обыкновеннаго преступника: то и въ семь случаѣ слова Пилата были бы для нихъ весьма жестки. Сказать ихъ, значило все равно, какъ и сказать, что весь синедрионъ слѣпъ, не стоитъ довѣрять и клевететь на человѣка невиннаго. Послѣ такого безчестія синедриону, надлежало ожидать съ обѣихъ сторонъ упорныхъ требованій и наглыхъ отказовъ.

Первосвященники сокрыли личное негодованіе на прокуратора; но тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ начали клеветать на Иисуса Христа: *маголазу*, по выраженію Ев. Марка, *много* (Мар. 15, 3; Лук. 23, 5). Что именно?—Представляли, вѣроятно, какія безпокойства могутъ происходить въ народѣ, если предприимчивые люди будутъ ненаказанно присвоить себѣ титуло царей. Не задолго предъ тѣмъ случившееся возмущеніе Иуды Галилеянина *), бывшее впою многихъ убійствъ и разореній, могло для краснорѣчія фарисейскаго служить опытнымъ доказательствомъ тѣхъ опасностей, кои они предсказывали Пилату со стороны Иисуса Христа. Въ подтвержденіе того, что и отъ сего Галилеянина нельзя ожидать лучшаго, могли указывать на чрезвычайную приверженность къ Нему народа, на множество Его послѣдователей, кои выжидаютъ только благоприятнаго случая, чтобы соединиться и дѣйствовать открытою силою; могли выставять въ видѣ возмущенія порядка общественнаго даже нѣкоторыя дѣла Господа (только не чудеса, кои старались

*) Flav. Antiq. 1. 18, 1.

сокрыть), напр. очищеніе храма отъ торжниковъ. Между прочими обвиненіями, нѣкоторые изъ книжниковъ замѣтили (Лук. 23, 5), что Іисусъ Христосъ показалъ Себя нарушителемъ законовъ не въ одной Іудей, что Онъ давно уже привлекъ на свою сторону безчисленное множество галилеянъ, гдѣ и начались Его дѣйствія *). Такое замѣчаніе клонилось къ тому, чтобы представить Іисуса самымъ опаснымъ возмутителемъ, который имѣетъ виды не на одну только Іудею, но и на окрестныя области.

Когда обвинители умоляли, и божественному Узнику надлежало, въ свою череду, отвѣчать на ихъ обвиненія,—Онъ не сказалъ ни слова. «Что-же Ты не отвѣчаешь?» спросилъ Пилать, удивленный столь необыкновеннымъ равнодушіемъ:—«видишь, какъ много противъ Тебя обвиненій!»

Но Господь продолжалъ безмолвствовать....

Такое молчаніе могло удивить всякаго. Самые враги Господа должны были находить его весьма страннымъ. Они знали, что Обвиняемый, если бы захотѣлъ, могъ сказать въ защищеніе Себя многое: знали, что Онъ обладаетъ особенною силою слова; и тѣмъ паче долженъ былъ раскрыть всѣ свои дарованія, когда дѣло шло о Его жизни,—для убѣжденія прокуратора, который казался къ Нему расположеннымъ. Вѣроятно,—такъ могли они думать,—Онъ совершенно потерялъ присутствіе духа; или полагается слишкомъ много на снисхожденіе къ Себѣ прокуратора; или ожидаетъ, что-

*) Галилея славилась своею склонностію къ возмущеніямъ. Joseph de Bello l. 1. c. 8.

бы кто либо изъ народа вступился за Него и высказалъ Его похвальныя дѣянія. Впрочемъ молчаніе Господа долженствовало быть для первосвященниковъ пріятно, во многихъ отношеніяхъ. Если бы Онъ заговорилъ, то могли опасаться, что Онъ обнаружитъ не только невинность своихъ поступковъ, но и личную ненависть противъ Него начальниковъ синедріона; что Онъ можетъ обратить, какимъ бы то ни было образомъ, вниманіе Пилата на свои чудеса, которыя, если не побудятъ тотчасъ освободить Его, то заставятъ продолжить судъ и войти въ подробнѣйшес разсмотрѣніе дѣла, что потребуетъ справокъ и времени, чего именно такъ сильно хотѣлось избѣжать врагамъ Иисусовымъ.

Пилатъ болѣе всѣхъ дивился молчанію Господа; однакоже нисколько не думалъ почтять его слѣдствіемъ невозможности защищать себя. Мнимая ревность первосвященниковъ о твердости римскаго правительства скорѣе всего могла возбудить смѣхъ въ хитромъ римлянинѣ, который очень хорошо звалъ на сей счетъ образъ мыслей Анана и Каіафы. Съ другой стороны, кроткое спокойствіе Господа, Его возвышенный и свѣтлый образъ мыслей о царствѣ истины, неизяснимое величіе въ Его лицѣ и взорахъ не позволяли и думать, чтобы въ душѣ столь чистой зрѣли какіе либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата въ пользу Подсудимаго. «Но какъ и защищать Его отъ преслѣдованія враговъ столь упорныхъ, могущественныхъ и хитрыхъ, когда Онъ самъ, явно, небрежетъ о своемъ оправданіи, и повидимому, не ищетъ спасенія отъ смерти?»—Тонкій расчетъ прокуратора нашель въ са-

ныхъ обвиненіяхъ средство, если не спасти невиннаго Узника отъ казни, то отклонить отъ себя жестокой удѣль осудить Его на сію казнь.

«Вы говорили, сказалъ Пилатъ, обратясь къ іудеямъ, что Онъ началъ возмущать народъ съ Галилеи; развѣ Онъ галилеянинъ?»

«Галилеянинъ *)», вскричали обвинители въ нѣсколько голосовъ, полагая, что сіе обстоятельство особенно подѣйствовало на Пилата, который былъ особенно расположенъ къ галилеянамъ, и находился во враждѣ съ ихъ правителемъ, Иродомъ Антипою, по случаю умерщвленія нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ во время жертвоприношенія (Лук. 13, 1).

Но въ умѣ прокуратора было совсѣмъ другое. Подъ предлогомъ нежеланія вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія чужому правленію **), Пилатъ рѣшился отослать Иисуса Христа на судъ Ирода. Въ другое время исполненіе сего намѣренія потребовало бы нѣсколько недѣль; потому что мѣстопробываніемъ тетрарха галилейскаго

*) I. Христосъ родился въ Вифлеемѣ, городѣ іудейскомъ, и принадлежалъ, по самой переписи народной, къ числу іудеевъ; но поелику Іосифъ и Марія, съ самаго младенчества Его, поселились въ галилейскомъ городѣ Назаретѣ, гдѣ Господь прожилъ потомъ около 30 лѣтъ, то народъ, и даже первосвященники, ошибочно думали, что Онъ галилеянинъ.

**) По словамъ Теофилакта, у римлянъ былъ законъ, чтобы преступникъ судимъ былъ тѣмъ начальникомъ, къ области коего онъ принадлежалъ (Comment in Luc.) Впрочемъ сей законъ не строго наблюдали, и исполненіе его зависѣло болѣе отъ произвола судей. (v. Meryllii Notae philol. in pass. Chr. Num. 111. in Luc.)

была Тиверіада, отстоящая отъ Іерусалима не на малое разстояніе; но теперь это могло быть сдѣлано въ продолженіе одного часа; потому что Иродъ Антипа, исповѣдуя іудейскую религію, находился теперь въ Іерусалимѣ для совершенія Пасхи. Отклоняя столь благовидимымъ образомъ отъ себя судопроизводство надъ Іисусомъ Христомъ, Пилать могъ еще при семъ надѣяться, что такая неожиданная учтивость послужитъ къ примиренію съ нимъ потомка Ирода Великаго.

Въ силу такихъ соображеній божественный Узникъ немедленно отсылается къ Ироду, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ изъ синадріона,—то есть, въ узахъ и подъ стражею. Туда же, противъ воли, должны были слѣдовать первосвященники и прочіе члены синадріона, не имѣя ни малѣйшаго права и предлога протестовать противъ такого перенесенія дѣла изъ одного суда въ другой.

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ИРОДА.

(Характеръ Ирода. — Образъ мыслей его объ Иисусѣ Христѣ. — Отношеніе Ирода къ синагогѣ. — Желаніе его видѣть чудо. — Неисполненіе желанія. — Поруганіе и бѣлая одежда, въ коей Божественный Узникъ отсылается къ Пилату).

Тетрархъ галилейскій, сынъ Ирода Великаго, Иродъ Антипа, къ коему на судѣ долженъ былъ явиться Агнецъ Божій *), былъ тотъ самый деспотъ, который, въ угодность беззаконной жепѣ своей Иродіѣ, лишилъ жизни Іоанна Крестителя. Жестокость и безчеловѣчіе не были собственно характеромъ Антипы; но склонность къ чувственности и слабость духа и сердца не разъ доводили его до жестокостей. Безстудная Иродія продолжала обладать сердцемъ Антипы и правила имъ вмѣстѣ съ царствомъ; но теперь ей не было въ Іерусалимѣ. Впрочемъ въ настоящемъ дѣлѣ ей не было причины принимать личнаго участія, развѣ изъ одного любопытства.

Для Антипы появленіе теперь въ его дворцѣ Иисуса Христа было столько же пріятно, сколько неожиданно.

*) О судѣ Ирода надъ І. Христомъ три Евангелиста вовсе не упоминаютъ. Только одинъ св. Лука поговѣствуетъ о семъ, и довольно пространно. Лук. 23, 7—9.

Онѣ зналъ Господа только по слухамъ: о чудесахъ Его слышалъ весьма много; слышалъ, конечно, что-либо и объ Его учепіи: но быть слушателемъ Иисусовымъ въ Иродѣ не было никакого желанія; хотѣлось только видѣть какое либо чудо. Препренее мнѣніе Ирода (Мат. 14, 1. 2; Лук. 9, 7—9), что въ Иисусѣ Христѣ воскресъ Іоаннъ Креститель, имъ умерщвленный, теперь уже не тревожило сластолюбца; разсвѣянность и забавы изгнали изъ воображенія сію мысль, которая могла быть благотворною для его совѣсти.

Но первосвященникамъ, безъ сомнѣнія, тяжело было влачиться изъ одного судилища въ другое, и при томъ безъ всякой опредѣленной надежды. Иродъ, не смотря на свою религію, не имѣлъ усердія къ сннедріону, который состоялъ большею частію изъ фарисеевъ, секты весьма искательской, сильной въ народѣ, не терпѣвшей чуждаго владычества, а посему подозрительной для Ирода, коего фамилія происходила изъ Идумеи, возвысилась и держалась пронскамп при дворѣ кесарей *). Къ сектѣ саддукеевъ, кои также имѣли сильный голосъ въ сннедріонѣ, Иродъ былъ болѣе расположенъ и держался ихъ мнѣнія **), —впрочемъ не такъ, чтобы во всемъ слѣдовать саддукейству ***). Зналъ, конечно, Иродъ, подобно Пилату, и о томъ,

*) Kuinöi, comment. in Matth. 14, 2

***) Мат. 16, 6; слич. Мар. 8, 15.

***) Такъ Иродъ, вопреки догмату саддукеевъ, что нѣтъ ни ангела, ни духа, слѣдов. и безсмертія, вѣрилъ нѣсколько времени, что въ І. Христѣ воскресъ Іоаннъ Креститель. Мат. 14, 1. 2.

что первосвященники преслѣдуютъ Пророка Галллейскаго единственно по личнымъ видамъ. Все это не подавало синедриону большой надежды.

Не было впрочемъ особенной причины п отчаяваться въ успѣхѣ на судѣ Ирода. Какъ отъ государя іудейской религіи, отъ него надѣялись, по крайней мѣрѣ, лицемѣрнаго уваженія къ верховному священному судилицу іудейскому, хотя притворнаго вниманія къ преступленію іудейскихъ законовъ, въ коемъ обвиняли Иисуса Христа, и которое для Пилата-язычника не имѣло никакой важности. Если п прежде, какъ мы видѣли, фарисеи успѣли убѣдить продіанъ *) дѣйствовать заодно съ ними противъ Иисуса Христа: то въ настоящемъ случаѣ еще смѣлѣе можно было положиться на ихъ содѣйствіе.

Посланные отъ Пилата изъяснили, безъ сомнѣнія, Ироду, въ чемъ состоитъ дѣло; почему римскій судія не произнесъ осужденія на Иисуса Христа и отослалъ Его къ правителю галллейскому: то есть, что Обвиняемый, находясь въ Іудеѣ, не сдѣлалъ ничего, заслуживающаго казни, для Него требуемой, п что теперь остается Ироду разсмотрѣть: не сдѣлалъ ли его подданный чего либо такого въ Галплеѣ, какъ утверждали между прочимъ обвинители.

Но Иродъ не думалъ объ изслѣдованіи дѣла, коего незначительность въ гражданскомъ отношеніи была для него столько же очевидна, какъ и для Пилата. Не

*) Мат. 22, 16. Продіанами назывались люди, приверженные къ фамиліи Иродовой, старавшіеся объ увеличеніи политическаго могущества потомковъ Ирода Великаго.

обращая вниманія на высокихъ обвинителей Иисусовыхъ, онъ видимо предался радости, что видитъ наконецъ предъ собою всѣми славимаго Пророка, котораго такъ давно и сильно хотѣлось видѣть ему (Лук. 23, 8). Теперь, думалъ роскошный деспотъ, теперь подсудимый, угрожаемый муками и смертію, Чудотворецъ, для преклоненія меня на милость, раскроетъ предо мною всѣ чудеса своего могущества или искусства: и множество вопросовъ немедленно полилось изъ устъ любопытнаго... Евангелистъ не сказываетъ, о чемъ онъ спрашивалъ; но что вопрошенія *словесы многими* не касались самого дѣла, это показываетъ уже молчаніе Господа и младенческое любопытство, владѣвшее Иродомъ. Всего вѣроятнѣе, что это любопытство обращено было на прошедшія чудеса Господа, въ томъ числѣ, можетъ быть, и на чудесныя обстоятельства Его собственной жизни, напр. гласы съ неба и проч. Господь не отвѣчалъ ни слова; не показалъ даже и вида, что Онъ расположенъ удовлетворить желанію тетрарха—видѣть отъ Него какое либо чудо.

Сынъ человѣческой и здѣсь является въ томъ же величій, въ какомъ мы видимъ Его при началѣ служенія, когда искушаемый въ пустынѣ, Онъ отвергаетъ съ презрѣніемъ предложеніе сатаны—употребить въ личную свою пользу даръ чудесъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иродъ, увидѣвъ какое либо чудо, освободилъ бы Чудотворца отъ опасности, Ему угрожавшей: но творить, въ угодность Ирода и царедворцевъ его, чудеса значило бы унижать Св. Духа, силою коего они совершались,—повергать святая псамъ...

Между судіями Господа одинъ только Пилать, по

видному, былъ нѣсколько расположенъ цѣнить высокія чувствованія и поступки Подсудимаго. Не знающій истиннаго величія, Иродъ, не получая удовлетворенія своему любопытству, предался сильному негодованію. Первосвященники замѣтили это, и тотчасъ, пользуясь случаемъ, начали клеветать на Іисуса Христа, доказывая, что Онъ, какъ непокорный властямъ, врагъ спокойствія народнаго, давно достоинъ смерти. Возмутительный нравъ галилеянь, подданныхъ Ирода, придавалъ достовѣрность тѣмъ опасностямъ, кои они предскакали отъ Іисуса Христа; а постоянное молчаніе Господа для злорѣчія служило очевиднымъ примѣромъ мнимои непокорности Его властямъ.

Но Иродъ, при всемъ негодованіи на обманутую надежду видѣть чудо, не былъ расположенъ вѣрить клеветамъ фарисейскимъ. По всей вѣроятности, молчаніе Господа почтено имъ за сознаніе въ слабости сдѣлать предъ нимъ чудо, достойное вниманія. И прежде едва ли отъ сердца вѣрилъ Иродъ слухамъ о чудесахъ Іисуса Христа, приписывалъ ихъ, можетъ быть, какому-либо тайному искусству; но, какъ человѣкъ безъ твердыхъ правилъ, колебался въ своемъ мнѣніи, почиталъ самое искусство стоящимъ вниманія. Теперь въ полной увѣренности, что подсудимый Узникъ сдѣлалъ бы для него чудо, если бы могъ, Иродъ принялъ Его за посредственнаго искусника, который между простымъ народомъ прослылъ Чудотворцемъ, но въ присутствіи просвѣщенныхъ царедворцевъ долженъ прѣбывать къ молчанію,—который, будучи надменъ успѣхами, видя склонность народа признавать Его за великаго человека, вообразилъ себя Мессіею, впрочемъ не имѣя ни-

какихъ опредѣленныхъ видовъ, происходя изъ низкаго рода, безъ знаній и дарованій воинскихъ, съ однимъ пристрастiemъ къ народному учительству, ни мало не опасенъ для правительства. Такіе люди, думалъ Иродъ, заслуживаютъ не смерть, а осмѣяніе, и самъ первый началъ издѣваться надъ Господомъ. Толпа царедворцевъ немедленно присоединилась къ своему повелителю. Со всѣхъ сторонъ полетѣли острыя насмѣшки, язвительныя укоризны и грубыя шутки. Сыръ человѣческій былъ осмѣянъ, поруганъ столько, сколько праведникъ можетъ быть осмѣянъ при дворѣ, подобномъ двору Антипы.

Въ довершеніе всѣхъ насмѣшекъ, Иродъ велѣлъ надѣть на Исуса Христа длинную, бѣлую, лоспящую одежду *). Такъ одѣвались въ Римѣ полководцы **) и всѣ тѣ, кои приготовлялись искать у народа какой либо должности ***). Такъ, думалъ насмѣшливый деспотъ, долженъ быть одѣтъ и Тотъ, кто имѣлъ безразсудство представлять изъ Себя, хотя безъ особыхъ умысловъ и дальнихъ послѣдствій, Царя іудейскаго.

*) *Λαμπρά εβδης*. По сирскому переводу червленая, по Вульгатѣ — бѣлая одежда. Но *λαμπρός* рѣдко значитъ червленый, и притомъ тогда только, когда червленное отливаетъ свѣтомъ (Raphel. obser. in Polyb. 288. Wolfius in Chris); *бѣлое* чаще означаетъ, но такое бѣлое, которое отсвѣчиваетъ. Собственно *λαμπρός* — блестящій, отъ *λάμπω*, — въ приложеніи къ одеждѣ — лоспящійся. — Vуаеиз de mort. Christ. tom. 3, p. 36 — 37.

**) Valer. Max. 1, 6. 11.

***) Polyb. Hist. l. x. c. 14. Отъ сей-то одежды ищущіе предъ народомъ какой либо должности или достоинства и назывались у римлянъ кандидатами (*candidam vestem amicti*).

Въ сей же самой одеждѣ Иисусъ Христосъ отосланъ обратно на судъ къ Пилату. Дарованіемъ Ему свободы Иродъ не хотѣлъ, вѣроятно, раздражить первосвященниковъ; между тѣмъ взаимною учтивостію думалъ отплатить за учтивость Пилата и показать, что онъ перестаетъ быть его недругомъ. Ибо съ сего времени, по замѣчанію Ев. Луки, Иродъ и Пилатъ сдѣлались по прежнему друзьями. Законнымъ предлогомъ къ отсылкѣ Узника на судъ прокуратора іудейскаго, если нуженъ былъ предлогъ сей, могло служить то, что Иисусъ Христосъ, хотя провелъ большую часть своей жизни въ Галилеи, но родился и записанъ былъ въ народную перпись въ Іудеѣ, управленіе кою принадлежало Пилату.

Солнце было уже высоко: три допроса и переходъ изъ одного судилища въ другое продолжались столько времени, что первосвященникамъ трудно было надѣяться въ сей же день окончить дѣло, ими начатое. Но отложить его до другаго времени, значило почти тоже, что вовсе оставить. Съ продолженіемъ времени обстоятельства еще болѣе могли расположиться въ пользу Узника, и безъ того покровительствуемаго прокураторомъ. Особенно могли опасаться народа, который, узнавъ объ участи, уготовляемой великому Пророку, легко могъ возстать противъ синедріона. Посему старѣйшины съ необычнымъ для нихъ терпѣніемъ опять слѣдовали за Иисусомъ Христомъ въ Пилатову преторію, получивъ одно утѣшеніе, что Иродъ поругался надъ Господомъ, но не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, кромѣ своего упорства.

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ ОСУЖДАЕТСЯ НА БИЧЕВА'НІЕ И СМЕРТЬ ПИЛАТОМЪ.

(Прокураторъ снова провозглашаетъ Иисуса Христа невиннымъ, соглашаясь токмо на наказаніе исправительное.—Упорство первосвященниковъ.—Предложеніе народу на выборъ Иисуса и разбойника Вараввы.— Сонъ жены Пилатовой и ходатайство за Иисуса.—Первосвященники наушаютъ народъ.—Свобода Вараввѣ, крестъ Иисусу! — Пилать напрасно думалъ замѣнить казнь смертную бичеваніемъ.— Лютость сего наказанія.— Вѣнецъ терновый.— *Се человекъ!* — *Царя ли вы хотите растну?* — *Не имамы царя, токмо кесаря.* — Опасность и признаки народнаго возмущенія.— Устрашенный прокураторъ оmyваетъ руки и осуждаетъ на смерть неповиннаго).

Въ то время, какъ Иисусъ Христосъ находился во дворцѣ Иродовомъ, предъ домомъ Пилата часъ отъ часу болѣе собирался народъ (Лук. 23, 13), не столько для того, чтобъ быть свидѣтелемъ суда надъ Пророкомъ Галилейскимъ (заключеніе Его въ узы еще не могло сдѣлаться извѣстнымъ всему городу), но чтобъ участвовать въ подаваніи голосовъ на освобожденіе узника. Пбо въ это время у іудеевъ существовало обыкновеніе, чтобъ въ честь праздника пасхи давать свободу одному изъ осужденныхъ на смерть преступниковъ *). Народу пре-

*) Откуда сіе обыкновеніе и когда оно началось? — Трудно опредѣлить. Производили его между прочимъ отъ римлянъ, кои въ извѣстные праздники сшмали оковы съ своихъ преступниковъ.

доставлено было полное право выбрать, кого угодно. Это составляло остатокъ свободы, коею римляне любили льстить народамъ, ими побѣжденнымъ. Въ избраніи преступника, безъ сомнѣнія, сколько-нибудь соглашались предварительно. Поелику Пилать былъ правителемъ собственно Іудеи и Самаріи, то голоса тѣхъ, кои жили въ его областяхъ, особенно іерусалимлянъ, конечно, были слышнѣе прочихъ и болѣе имѣли силы. Фарисеи, по своему довѣрію въ народъ, могли имѣть сильное вліяніе на такіе выборы.

По возвращеніи синедріона, Пилать, противъ воли, долженъ былъ снова начать судъ, для него столько неприятный. Извѣстіе о поруганіяхъ, коимъ Іисусъ Христосъ подверженъ былъ отъ Ирода и его царедворцевъ, насмѣшливое одѣяніе, въ коемъ Онъ препровожденъ назадъ, давали разумѣть Пплату, что правитель галилейскій почитаетъ сего Узника за мечтателя, ко-его не довольно наказать однимъ осмѣяніемъ, но должно наказать чѣмъ-либо...

Итакъ, подозвавъ къ себѣ членовъ синедріона и народъ, прокураторъ началъ говорить къ нимъ такъ:

(Liv. 5, 13). Но слова (συνήθεια ὄριον) «у васъ есть обычай» (Іоан. 18, 39) указываютъ на еврейское происхожденіе сего обычая; не говоря уже о томъ, что переходъ обыкновеній отъ римлянъ къ іудеямъ, нетерпѣвшимъ иностраннаго, самъ по себѣ не вѣроятенъ. Вѣроятно, что іудеи сами ввели у себя обыкновеніе освобождать одного изъ преступниковъ на пасху, въ память своего освобожденія отъ рабства египетскаго, и начавшееся подъ сирійскимъ правленіемъ обыкновеніе сіе утверждено потомъ Августомъ (Rosenmüll. Grotius ad Matth. 27, 15. Wolfius. Kircherus ad Luc. 23, 15).

«Вотъ, вы привели ко мнѣ человека сего, какъ возмутителя народнаго спокойствія; но я при васъ самихъ спрашивалъ Его и нашелъ совершенно виновнымъ въ томъ, въ чемъ вы его обвиняете. Иродъ, къ которому я послалъ Его, сколько вижу, тѣхъ же мыслей; по крайней мѣрѣ, онъ нисколько не нашелъ въ немъ преступленія, достойнаго смерти; итакъ, я не могу, по вашему желанію, осудить Его. Наказать *), если угодно, я накажу; но послѣ долженъ возвратитъ Ему свободу, какъ невинному (Лук. 23, 14—15).

Въ сихъ словахъ уже примѣтна нѣкоторая уступка со стороны Пилата. Прежде онъ утверждалъ, что Узникъ не достоинъ ни малѣйшаго наказанія; теперь соглашается употребитъ наказаніе исправительное. Увѣренность его въ виновности Иисуса Христа не перемѣнилась, какъ увидимъ; перемѣнились только обстоятельства. Положить какое-либо наказаніе Узнику казалось пужнымъ и потому, чтобы показать вниманіе къ намеку новаго друга своего—Ирода на Его мечтательность, а болѣе—изъ снисхожденія къ сиведріону, чтобы онъ имѣлъ возможность безъ особеннаго стыда прекратить преслѣдованіе невиннаго. Что такой оборотъ дѣла будетъ стоить Праведнику незаслуженныхъ страданій, о семъ Пилатъ не заботился, почитая торжествомъ своего правосудія, если въ такихъ обстоятельствахъ успѣетъ спасти, по крайней мѣрѣ, Его жизнь.

Но первосвященники, видя снисхожденіе къ себѣ, сдѣлались тѣмъ неуступчивѣе и объявили рѣшительно,

*) Παίδευσας ἀπολύσῃ.

что они, кромѣ смертной казни, не удовлетворятся никакимъ другимъ наказаніемъ. Господь находился предъ лицемъ Иродовой; спрашивать Его снова не было никакой нужды: ибо обвиненія были тѣ же самыя, что и прежде. Пилать былъ въ явной нерѣшности, что дѣлать...

Шумъ народа вывелъ его изъ недоумѣнія. Праздная толпа изъявляла неудовольствіе, что пгемонъ, занявшись судомъ надъ Иисусомъ Христомъ, медлитъ исполнить народный обычай—освободить ради праздника одного изъ преступниковъ. Дерзость сія, въ другое время обидная, теперь была пріятна для Пилата тѣмъ, что представила ему способъ выйти изъ затрудненія. Извѣстно было, что народъ намѣренъ просить Варавву *), преступника весьма важнаго, который произвелъ возмущеніе и убійства и теперь съ своими сообщниками сидѣлъ въ темницѣ, ожидая казни, вѣроятно, крестной. «Что думалъ Пилать, если я поставлю Иисусу на ряду съ симъ

*) Въ трехъ древнихъ кодексахъ, переводѣ армянскомъ и сирійско-іерусалимскомъ, Варавва называется Иисусомъ Вараввою; и уже Оригенъ (tract. 35 in Matth.) находилъ это наименованіе во многихъ спискахъ. Такое сходство имени, догадывались нѣкоторые, и было причиною того, что Пилать, назвавъ Иисуса по имени, для отличія отъ Вараввы, прибавилъ: «такъ называемаго Христа». Недостатокъ же слова: Иисусъ—при имени Варавва въ позднѣйшихъ кодексахъ производили изъ суевѣрія переписчиковъ, кои, почитая неприличнымъ, чтобы разбойникъ носилъ одно имя съ Господомъ, выпускали оное изъ текста (Schmidt, Biblioth. der Neuen Theolog. Litter B. 1 p. 237). Но по суду лучшихъ критиковъ чтеніе: *Варавву—Иисуса* есть плодъ неисправности переписчиковъ. Примѣрный образецъ таковой неисправности описанъ у Грисбаха. Coem. ad Matth. 23, 17.

разбойникомъ, и предложу народу на выборъ?—Ужели іудеи предпочтутъ Иисусу возмутителя и убійцу?—Послѣднее казалось весьма невѣроятнымъ; ибо Пилать зналъ, что народъ не раздѣляетъ съ первосвященниками ненависти къ Иисусу, и что напротивъ народная любовь къ Нему виною ихъ зависти и недоброжелательства.

Сообразивъ мгновенно все это, пгемонъ обратился къ народу. «Хорошо, сказалъ онъ, я готовъ исполнить ваше требованіе; слышно, что вамъ хочется просить свободы Вараввѣ. Не препятствую. Впрочемъ предлагаю вмѣстѣ съ нимъ на выборъ другаго. Хотите ли, чтобы я отпустилъ вамъ Иисуса, такъ называемаго Христа, Царя іудейскаго» (Мат. 27, 17; Мар. 15, 9; Іоан. 18, 39)? Болѣе Пилать ничего не сказалъ въ одобреніе Иисуса Христа. Изъ его устъ одобреніе скорѣе могло имѣть противное дѣйствіе и показаться посягательствомъ на произволь избранія, коимъ столько дорожилъ народъ, вздыхавшій о древней свободѣ. Впрочемъ все, что онъ сказалъ бы въ одобреніе, уже нѣкоторымъ образомъ заключалось въ наименованіи Узника *Христомъ, Царемъ іудейскимъ*, которое, кажется, употреблено Пилатомъ въ знакъ снисхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, съ симъ наименованіемъ соединены были всѣ пріятныя воспоминанія, всѣ лестныя надежды народа іудейскаго, нѣкогда имѣвшаго собственныхъ царей и теперь съ нетерпѣніемъ ожидавшаго Мессію-Царя изъ потомковъ Давидовыхъ. Самая честь народная требовала дать свободу и жизнь тому человѣку, коего все преступленіе состояло въ наименованіи себя Царемъ іудейскимъ.

Только въ устахъ римскаго прокуратора названіе Иисуса Христа Царемъ іудейскимъ могло представиться

двусмысленнымъ и даже насмѣшливымъ. Если не самъ народъ, то враги Господа могли толковать ихъ такъ, какъ бы игемонъ издѣвался надъ ними, испрашивая свободы для Царя іудейскаго...

Во всякомъ отношеніи, предложеніе Пилата народу объ избраніи Иисуса Христа было весьма необыкновенно. „Смотри, замѣчаетъ Златоустъ, какъ порядокъ превратился! Народъ долженъ просить у Пилата свободы преступнику; а теперь самъ прокураторъ просить ее у народа *)“.

Первосвященники и народъ нѣсколько удалились для совѣщанія. Пилатъ оставался на судейскомъ мѣстѣ, посреди лѣоостротона, для производства суда надъ прочими узниками.

Когда такимъ образомъ Иисусъ Христосъ былъ всѣми оставленъ, и самъ Пилатъ уже начиналъ, хотя противъ совѣсти, преклоняться къ строгимъ мѣрамъ, невпниность Его обрѣла на время защиту тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать защитниковъ. Жена прокуратора прислала къ нему своего служителя съ тайною просьбою не осуждать необыкновеннаго Узника и, если можно, совершенно уклониться отъ судопроизводства надъ Нимъ **): „ибо, говорила она, въ прошедшую ночь я видѣла чудесный сонъ и много пострадала за сего святаго мужа“.

Не имѣя историческихъ указаній, бесполезно было бы догадываться, что именно видѣла во снѣ жена Пи-

*) In Matth. Hom. 86 al 87.

**) Выраженіе (μηδεν σοι χρι δικαιο εκαινω) *ничтоже тебе и Праведнику тому* — означаетъ болѣе, нежели: *ничего не дѣлай Праведнику сему*, или: *не осуждай Его*: Conf. Вулаев.

латова: въ такомъ случаѣ надлежало бы обратиться къ догадкамъ совершенно произвольнымъ. Впрочемъ изъ всего видно, что Прокула *) убѣждена была своимъ не только въ невинности Иисуса Христа, но и въ томъ, что Онъ есть праведникъ: наименованіе, которое въ устахъ язычницы означало человѣка необыкновенной добродѣтели, любимца Божества. Должно также думать, что во снѣ открыто было Прокулѣ, болѣе или менѣе, и высокое достоинство лица Иисусова, и страшная участь, ожидающая враговъ Его и судей неправедныхъ.

На Пилата предостереженіе жены тѣмъ сильнѣе должно было подѣйствовать, чѣмъ болѣе оно согласовалось съ убѣжденіемъ его собственнаго сердца, и чѣмъ извѣстнѣе было ему нравственное достоинство его супруги. Если бы онъ не сдѣлалъ предложенія народу избрать Иисуса или Варавву: то, можетъ быть, нашелъ бы предлогъ тотчасъ прекратить, по совѣту жены, судопроизводство. Впрочемъ обстоятельства позволяли еще Пилату успокоить жену свою, касательно судьбы Праведника, тѣмъ, что въ его рукахъ находится еще довольно средствъ спасти Его, если не отъ наказанія, то отъ смерти **).

Между тѣмъ (какъ Пилатъ разговаривалъ съ посланнымъ отъ жены и производилъ судъ надъ другими

*) Такъ называется жена Пилата уже въ Никодимовомъ Евангеліи.

**.) Въ такъ называемомъ Никодимовомъ Евангеліи есть нѣсколько свидѣній касательно сего случая, но не заслуживающихъ вѣроятія.

узниками) первосвященники и старѣйшины употребляли всѣ способы къ наущенію народа противъ Иисуса Христа. Успѣть въ семъ случаѣ для нихъ было тѣмъ удобнѣе, что іерусалимляне (имѣвшіе особенную силу въ избраніи) были приверженнѣе другихъ къ фарисеямъ *), не любили галлеянъ, и вообще были развращеннѣе и горделивѣе. Между прочимъ въ наущеніе могли говорить:

„Синедрионъ въ полномъ собраніи, два раза, со всѣмъ безпристрастіемъ, подь клятвою допрашивалъ Иисуса; и, основываясь на собственныхъ словахъ Его, нашелъ въ Немъ человѣка нечестиваго, крайне опаснаго для благоденствія народа іудейскаго... Дѣла, Имъ совершенныя, странны; но кто не видитъ, что Ему помогали темныя силы, что Онъ посланникъ Вельзевула (Мат. 9, 34)?—Ибо когда Онъ совершалъ ихъ? въ субботу, вопреки закона Моисеева, къ поруганію нашей религіи (Мат. 12, 2. 8). А чему учитъ Онъ? разрушаетъ всѣ преданія (Мат. 15, 2), грозитъ разрушить самый храмъ (Мат. 26, 61), поносить все священное, не исключая и насъ, первосвященниковъ. А какъ живетъ Онъ?—ѣсть и пьетъ съ мытарями и грѣшниками (Мат. 9, 11; 11, 19); ведетъ дружбу съ самарянами (Іоан. 8, 48); всѣ презрѣнныя люди съ Нимъ въ единомысліи. И такой человѣкъ называетъ себя *Сыномъ Божиимъ!*—Если бы Онъ былъ дѣйствительно Мессія, то дошелъ

*) У Флавія (Antiq. 13, 28) самъ Александръ, царь іудейскій, предъ смертію признается, что фарисеи могутъ дѣлать изъ народа, что имъ угодно,—располагать его въ пользу своихъ друзей и во вредъ своихъ враговъ.

ли бы до теперешняго состоянія, позволилъ ли бы обходиться съ Собою, какъ съ рабомъ, согласился ли бы служить посмѣшищемъ для Иродовыхъ слугъ? Гдѣ пророки Моисей и Илія, кои должны возвѣстити всѣмъ приходъ Мессіи (Іоан. 1, 21)?—Напротивъ, этотъ человекъ преданъ собственнымъ ученикомъ: такъ мало цѣнятъ Его самые друзья! Да и кто ожидаетъ Мессію изъ Назарета (Іоан. 1, 46), — изъ дома плотника?— Иѣтъ, не будетъ того, чтобы глупые и дерзкіе галлеяне могли дать намъ царя: Іерусалимъ не поклонится Назарету!—Что въ прішествіи Мессіи радостнаго? Не то ли, что Онъ освободитъ народъ іудейскій отъ враговъ Его, возстановитъ престолъ Давидовъ (Лук. 19, 11)?—Но посмотрите на сего человѣка: это ли побѣдоносный потомокъ Давида, который съ трепетомъ ожидаетъ милости и смерти отъ приговора римскаго всадника? Онъ, когда и былъ свободенъ, непрестанно твердилъ: дайте дань кесарю!—это Мессія — только не іудейскій, а развѣ римскій! Честь народа требуетъ испросить Ему самой поносной казни. Не примѣчаете ли, что Плать, называя Его царемъ нашимъ и прося Ему свободы, издѣвается надъ нами? — О, если бы Господь не смирилъ насъ за грѣхи отцевъ нашихъ, мы показали бы необрѣзанному, какъ поносить Израилля! — По крайней мѣрѣ, охраните честь синедріона, храма, имя Бога Израилева — вы, израильяне! Проклятъ, кто скажетъ хотя слово въ пользу сына Іосифова!“

Преступленія Вараввы также могли быть прикрываемы и уменьшаемы. Ничто не препятствовало фарисеямъ произведенное имъ возмущеніе изображать въ

видѣ ревности по отечественной независимости, по закону Моисееву и преданіямъ. Возмущенія въ Палестинѣ тогда не были дѣломъ необыкновеннымъ; и при всѣхъ несчастіяхъ, отъ нихъ происходящихъ, преданный политической мечтательности народъ смотрѣлъ на возмутителей, какъ на людей, въ коихъ дышетъ духъ свободы, а посему достойныхъ лучшей участи. Напротивъ Мессія, не сдѣлавшій ни одного покушенія свергнуть его римлянъ, казался уже потому самому для многихъ неистиннымъ.

Наущенная толпа приблизилась къ лиоостротону. „Итакъ, кого изъ двухъ хотите, чтобы я отпустилъ вамъ, спросилъ Пилатъ; хотите ли, чтобы я отпустилъ Царя іудейскаго?“ (Весьма не встати употребляетъ онъ опять сіе наименованіе, которое наущенному народу казалось язвительною насмѣшкою).

«Не Его, раздалось со всѣхъ сторонъ, не Его, а Варавву!»

Въ замѣшательствѣ мыслей, еще не успѣвъ придумать никакого оборота, Пилатъ, какъ бы не хотя, спросилъ народъ: «что же мнѣ дѣлать съ такъ называемымъ Царемъ іудейскимъ?»

«На крестъ Его, на крестъ!» кричала чернь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ ей предоставлено было право рѣшать всѣ дѣла.

(Единогласное указаніе на самый родъ казни обнаруживаетъ, что наущавшіе не забыли никакихъ подробностей).

«Но какое зло сдѣлалъ Онъ?»

«На крестъ, на крестъ!»—болѣе не слышно было ничего.

«Нѣтъ», отвѣчалъ Пилатъ, раздраженный неудачею и непривыкшій терпѣть подобныхъ наглостей: «что прежде я сказалъ, то и будетъ: наказать Его, я накажу, а потомъ отпущу».

Послѣ сего тотчасъ дано повелѣніе: Варавву освободить, а Иисуса Христа подвергнуть бичеванію. Симвъ наказаніемъ пгемонъ, какъ увидимъ, надѣялся совершенно удовлетворить лютости враговъ Его.

Бичеваніе *) (*flagellatio*), конемъ Пилатъ думалъ замѣнить смертную казнь, было однимъ изъ самыхъ поспосныхъ и мучительныхъ наказаній**), опредѣляемыхъ у римлянъ за важныя преступленія большею частію для рабовъ и тѣхъ, кои не имѣли права римскаго гражданина ***). И въ іудейскихъ синагогахъ наказывали розгами: но опредѣленное число ударовъ было не

По сказанію Ев. Іоанна (19, 1) Иисусъ Христосъ претерпѣлъ бичеваніе прежде осужденія на смерть, а по другимъ Евангелистамъ — послѣ. Здѣсь событіе излагается по сказанію Іоаннову. Ибо 1) прочіе Евангелисты о послѣднихъ событіяхъ на судѣ Пилата говорятъ весьма кратко; Іоаннъ гораздо подробнѣе, и въ болѣе хронологическомъ подрядкѣ. 2) Пилатъ, какъ мы видѣли, съ тѣмъ и рѣшился наказать І. Христа, дабы послѣ даровать Ему свободу. 3) Старанія Пилата, послѣ бичеванія, объ освобожденіи І. Христа и новый допросъ даютъ знать, что бичеваніе не было слѣдствіемъ осужденія на смерть: иначе первосвященники и народъ тотчасъ закричали бы, что прокураторъ противорѣчить самъ себѣ, защищая уже осужденнаго преступника. 4) Частица *tote* (тогда, *Mat.* 17, 27), на коей основываютъ противное мнѣніе, не противорѣчитъ сему: потому что у св. писателей опредѣленные нарѣчія времени часто полагаются вмѣсто неопредѣленныхъ. Также *Bunaeus, Kuinöl. Gratz.*

**) *Horribile flagellum*—ужасный бичъ. *Horat. Sat.* 1. 3. 119.

**) Гражданъ наказывали розгами. *Lipzius de Cruce. L.* 2. с. 3.

велико *); наказанный не лишался даже чести гражданской. Римляне, напротивъ, подвергали бичеванію за важныя преступленія, большею частію предъ соверше-ніемъ смертной казни **). Число ударовъ и прочія подробности не были опредѣлены закономъ, и предоставлялись человеколюбію или безчеловѣчію воиновъ, кои у римлянъ совершали всѣ казни ***). Бичи дѣлались изъ веревокъ или ремней, въ кои по мѣстамъ вбивались острия костяныя или металлическія палочки ****). Не рѣдко умирали подъ бичами *****). Такимъ-то наказаніемъ Пилатъ хотѣлъ показать снисхожденіе и къ врагамъ Его и обвинителямъ!..

Вслѣдствіе приказанія, вонны, находившіеся при Пилатѣ, взяли Иисуса Христа съ линоостротона и отвели въ преторію — на дворъ прокураторскій, гдѣ производились подобныя наказанія; потомъ созвали большую часть военной спиры или когорты, заключавшей въ себѣ отъ 600 до 1000 человекъ *****); ибо бичеваніе составляло родъ увеселенія для сихъ грубыхъ людей.

*), 39 разъ. Втор. 25, 3; 2 Кор. II, 24. Joseph. Antiq. 4. 8.

***) Phil. in Flass. p. 975. Jahn, Archaeologie B. II. § 207.

***) Liv. L. 32. c. 26. Val. Max. 1. 7.

****) v. Bynaeus de mort. Christ. tom. III.

*****) Ulpian. de poenis l. 8. Ministrorum immanitate multi sub ejusdem flagellis interierunt.

*****) Lipsius de milit. Rom. l. 4. Римскій гарнизонъ въ Иудеѣ составляли обыкновенно 6 когортъ, изъ коихъ 5 находились въ Кесаріи, а одна, большая, въ Иерусалимѣ. Посему выраженіе Евангелистовъ: созвали всю спирю, не должно брать въ строгомъ смыслѣ, чтобы созвана была вся спира; иначе въ это время крѣпость Антонія и другія мѣста оставались бы вовсе безъ стражи.

Евангелисты не упоминають, чтобы пречистое тѣло Господа во время бичеванія было привязано къ столбу; по постоянное и всеобщее предаіе утверждаетъ, что было *). Жестокое само по себѣ, бичеваніе теперь было еще жесточе: каждый изъ воиновъ хотѣлъ дать почувствовать силу руки мнмому противнику кесаря—божества преторіанцевъ.

Насытивъ свою жестокость, воины перешли отъ мученій къ насмѣшкамъ — или по обыкновенному въ грубыхъ людяхъ сочетанію варварства съ увеселеніемъ, или по примѣру Прода и его царедворцевъ. Вздумали заставить Узника представить лице цря, возводимого на царское достоинство. Для сего на обнаженное, покрытое янами и кровію, тѣло Господа накиннули червленую хламиду — родъ короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тѣла, которая застегивалась на правомъ плечѣ, и была въ употребленіи между важными военными людьми **). Само собою разумѣется, что хламида сія была какая либо ветхая и негодная къ употребленію. Военнымъ одѣяніемъ хотѣли только означить мнмое домогательство Иисуса Христа верховной власти надъ іудеями.

Потомъ нѣкоторые изъ воиновъ для той же цѣли сдѣлали наскоро вѣнокъ и надѣли его на голову Господа. На соплетеніе сего вѣнца употреблены были тернистыя вѣтви; но какого именно дерева или травы

*) Hieron. in Epitaphio Pavlac. S. Pavlin. Epist. 34. Prudent Diptich LXI.

***) Кои посему у Плавта (Rud. II. 2. 9) и называются *chlamidat*, одѣты въ хламиду.

(ибо тернистыхъ породъ много) — сего, по одному значенію подлинныхъ словъ Евангелія, опредѣлить невозможно *); потому что греческое слово (*ἄκανθα*) означаетъ всякое колючее растеніе **). Отцы Церкви, начиная съ Климента Александрійскаго ***), разумѣютъ тернѣ въ собственномъ смыслѣ сего слова. Въ самомъ дѣлѣ, хотя вѣнецъ придуманъ не столько для увеличенія мукъ, сколько въ насмѣшку; впрочемъ безчеловѣчная прихотливость воиновъ, безъ сомнѣнія, не усомнилась употребить самое колючее растеніе, какое только могло найтись на дворѣ прокураторскомъ. А посему названіе вѣнца Иисуса Христа терновымъ соотвѣтствуетъ и значенію слова, употребленнаго въ подлунникѣ, и постоянному всеобщему преданію.

Теперь недоставало только послѣдняго знака царской власти — скипетра: вмѣсто его одинъ изъ воиновъ вложилъ въ руку Иисуса Христа палку изъ тростника (*χαλαρός*) палестинскаго, который похожъ на нашъ тростникъ, только гораздо толще и тверже его ****).

Послѣ такого мнимо-царскаго облаченія, которое само по себѣ уже было посмѣяніемъ, начались ругатель-

*) Нѣкоторые, изъ путешествующихъ въ Палестинѣ, полагаютъ, что эта должна быть, и теперь во множествѣ растущая въ Палестинѣ, трава, называемая отъ арабовъ *набскою*, по листьямъ и цвѣту похожая на цлющъ. (Hasselquist, Reise nach Palaestina N. 540). Другіе судили иначе. V. Michael ad L. 1. Neue Orient. Biblioth. Th. 1. § 186. Bartholinus de corona spinea.

***) V. Lexicon in N. T. Schleisneri et Breitschneideri, sub hac voce.

***) Paedag. L. II, c. 8. Tertul. contra Iudaeos c. 13.

****) V. Levinus Lemnius de Herbis biblicis. Cap. 27.

ства самыя грубыя. На Востокѣ уваженіе къ царямъ обыкновенно изъясняютъ паденіемъ предъ ними на колѣна. То же дѣлали и теперь. Падая (поодпнчкѣ) предъ Иисусомъ Христомъ на колѣна, говорили: «радуйся, Царь іудейскій *)!» Съ спми словами каждый воинъ плевалъ Господу въ лице, бралъ у Него изъ рукъ трость и ударялъ Его по головѣ.

Что такое безчеловѣчіе было произвольно и даже вопреки законовъ, объ этомъ войны ни мало не думали. Царь-самозванецъ, галилеянинъ, презираемый самими іудеями, для нихъ презрѣнными, казался имъ такимъ преступникомъ, коего нельзя довольно измучить.

Иисусъ Христосъ среди сихъ поруганій являлся такимъ, какъ провидѣлъ Его еще за нѣсколько вѣковъ Пророкъ, когда въ Божественномъ вдохновеніи изрекъ: *«яко агнецъ на заколеніе ведеса, тако не отверзаетъ усть своихъ»* (Исаі. 53, 7). Будучи злословимъ, по замѣчанію Апостола, Онъ не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ, но предавалъ и Себя и мучителей своихъ своему Отцу Судіи праведному (1 Петр. 2, 23).

Между тѣмъ первосвященники и народъ, не смотря на объявленіе прокурора, что бичеваніемъ Иисуса Христа должно окончиться все дѣло, продолжали стоять у преторіи, съ явнымъ намѣреніемъ требовать Ему смерти. Снисхожденіе, имъ оказанное, увеличивающаяся толпа

*) У Филона (in Glass.) находится описаніе подобныхъ насмѣшекъ надъ однимъ полоумнымъ человѣкомъ, котораго заставили представлять лице царя, въ укоризну Ироду Агриппѣ, выпросившему у Калигулы себѣ царское достоинство.

парода, который во время бичеванія еще болѣе могъ быть наущенъ, ободряли къ новому упорству и дерзостямъ. Пилать видѣлъ сіе. Какъ самовластный судія, онъ могъ сказать, что дѣло кончено: но его самовластіе было зыбко предъ многочисленною толпою мятежной черни, которая, бывъ одушевлена личнымъ присутвіемъ своихъ вождей, была въ состояніи отважиться на все. Надлежало выслушать синадріонъ и народъ и не раздражать ихъ явно.

Оставивъ леостротонъ, Пилать вошелъ въ преторію къ вопнамъ, дабы видѣть, какъ исполнено его повелѣніе. Увы, оно исполнено было слишкомъ усердно!.. Исполнено такъ, какъ, по всей вѣроятности, не ожидалъ, неравнодушный къ положенію Узника, римлянинъ!.. Взглядъ на жалостное положеніе Узника, безчеловѣчіе, надъ Нимъ оказанное, и кроткій Божественный видъ Страдальца еще болѣе убѣдили прокуратора въ той мысли, что если для подсудимаго, по обстоятельствамъ, неизбежно было какое либо наказаніе, то Онъ наказанъ уже слишкомъ много. Но какъ спасти Его?—Показать въ семь самомъ видѣ народу?—Ужели, думалъ Пилать, и сей жалостный видъ не тронетъ враговъ Его, особенно тѣхъ изъ іудеевъ, кои не имѣютъ къ Нему личной ненависти?

Въ сихъ мысляхъ прокураторъ оставляетъ преторію, повелѣвъ слѣдовать за собою Иисусу. «Вотъ, сказалъ онъ народу, я вывожу Его къ вамъ, дабы вы снова видали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины» (Іоан. 19, 4).

Въ то же время и Господь вышелъ изъ преторіи, съ облитымъ кровію, полузакрытымъ багрянницею, тѣломъ,

съ колючимъ вѣнкомъ на головѣ, которая также была изъязвлена и окровавлена...

«Се человекъ!» — воскликнулъ Пилать, повидимому, тропутый жалостнымъ видомъ Божественнаго Узника. — (Смотрите, есть ли въ Его лицѣ что-либо дерзкаго, мятежнаго, — въ Его положеніи что-либо опаснаго для правительства! — Смотрите, какъ Онъ въ угодность вамъ поругаецъ, измученъ!)

Слова сіи и положеніе Господа дѣйствительно тронули многихъ изъ іудеевъ. Еще раздалось нѣсколько голо-совъ: «распятъ, распятъ Его!» но уже не съ такимъ свѣрѣпствомъ. Первосвященники, старѣйшины и книжники замѣтили это, и начали кричать самп вмѣстѣ съ народомъ (Іоан. 19, 6). Многочисленная толпа слугъ ихъ и приверженцевъ кричали тоже; минуты были самыя рѣшительныя...

И Пилать началъ терять равнодушіе судіи. «Ну, ска-залъ онъ, если уже вы такъ упорны, то возьмите Его и сами распните (если можете); а я еще разъ скажу вамъ, что (по моему образу мыслей и законамъ рим-скимъ) не нахожу въ семъ человекѣ никакой вины.» — Суровый видъ прокуратора показывалъ, что онъ сдер-жить свое слово.

Первосвященники, при всемъ желаніи видѣть Господа осужденнымъ по римскимъ законамъ, принуждены были на время оставить сію надежду, и снова обратиться въ обвиненію Его въ преступленіи отечественныхъ по-стаповленій. Въ послѣднемъ случаѣ, представлялась по крайней мѣрѣ та выгода, что Пилать, какъ язычникъ, не имѣющій права судить о священныхъ законахъ іудейскихъ, а слѣдовательно, о ихъ преступленіи, по

необходимости долженъ полагаться на слова книжниковъ іудейскихъ, копмъ, при помощи фарисейскаго правовѣдѣнія, не трудно было вывести, что Господь, по уложенію Моисея, достоинъ смерти.

«Что за пужда, отвѣчали первосвященники Пилату, что ты не находишь Его достойнымъ смерти, по твоимъ законамъ: у насъ есть свой законъ, по коему Онъ долженъ быть казненъ; ибо выдавалъ Себя между прочимъ и за Сына Божія.»

Но обвиненіе сіе произвело въ Пилатѣ совершенно другое впечатлѣніе, нежели какого надѣялся врагъ Господа. Прокураторъ, по замѣчанію Ев. Іоанна, *услышавъ сіе слово* (Іоан. 19, 8), то есть, что Іисусъ Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, еще болѣе испугался. Прѣжде сего онъ опасался осудить невиннаго человека, праведника, необыкновеннаго мужа, можетъ быть, любимца боговъ; теперь страшился произнести приговоръ надъ Сыномъ Божіимъ, за котораго Богъ-Отецъ Его: кто бы онъ ни былъ, долженъ жестоко отмстить ему; ибо Пилатъ, какъ язычникъ, несколько не чуждъ былъ той вѣры, что боги иногда въ видѣ человѣческомъ входятъ на землю и рождаютъ полубоговъ *). Ничего невозможнаго не находилъ онъ и въ томъ, чтобы такой полубогъ явился въ Іудей, подвергся узамъ и предсталъ его судилищу: ибо языческая религія допускала, что и самые боги принимали иногда видъ бѣдныхъ странни-

*) Таковыми полубогами почитались у язычниковъ: Гераклъ, сынъ Юпитера и Алкмены, — Ромулъ, сынъ Марса и Реи Сильвіи, — Эней, сынъ Венеры и Анхиза. Conf. Vulpaeus.

ковъ *), а полубоги подвергались иногда даже оскорбленіямъ и уничтоженію. Напротивъ, догадкою, не полубогъ ли находится въ его судилищѣ, извѣснялось для Пилата многое, чего онъ прежде никакъ не могъ рѣшить: и чудный сонъ жены его въ пользу Узника, ей неизвѣстнаго, иновѣрнаго; и необыкновенныя поступки Господа: Его молчаніе, необыкновенное терпѣніе, высота мыслей и чувствованій.

Разспрашивать обвинителей, какъ и за какого Сына Божія выдавалъ Себя Обвиняемый, казалось неумѣстнымъ. Раздраженные первосвященники прямо могли бы сказать Пилату, что онъ не имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла ихъ религіи, которая находилась подъ покровительствомъ самого кесаря. Лучшимъ представлялось обратиться къ самому Узнику, и отъ Него узнать тайну Его Божественнаго происхожденія.

Полный страха и сомнѣнія, Пилатъ входитъ немедленно въ преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою І. Христу. «Откуда Ты?»—былъ первый вопросъ.—Не о мѣстѣ рожденія спрашивалось,—ибо Пилатъ слышалъ уже, что Господь родился въ Галилеи,—но о томъ, какого Онъ происхожденія, отъ людей ли рожденъ, или отъ боговъ? Требовалось, чтобы Господь открылъ свое происхожденіе естественное, или сверхъ-естественное. Если и прежде не трудно было Иисусу Христу преклонить на свою сторону судію, то теперь еще легче. Не

*) Таково странствованіе Юпитера у Овидія. *Metam.* 1. 1. И въ книгѣ Дѣян. описывается, какъ ликоонцы, увидѣвъ чудо, произведенное Ап. Павломъ, почли его за Меркурія, а Варнаву, съ нимъ находившагося, за Юпитера. 14, 11, 12.

смотря на свой скептицизмъ, суевѣрный, испуганный язычникъ какъ будто готовъ былъ вѣрить всему, что бы ни было сказано Узникомъ чудеснаго о своемъ происхожденіи. Но Иисусъ—*отвѣта не даде ему* (Іоан. 19, 9)..

Достоинъ ли былъ знать святѣйшую изъ таинъ суевѣрный язычникъ, который спрашивалъ Господа не по любви къ истинѣ, а по страху, послѣ того какъ, совершенно вопреки своей совѣсти, подвергъ Его мучительному бичеванію?—Понтій даже не способенъ былъ понять тайну предвѣчнаго происхожденія лица Иисусова, которая, по высотѣ своей, не могла найти себѣ мѣста даже въ умѣ первосвященниковъ и книжниковъ, всегда почивавшихъ на законѣ Моисеевомъ. Все слышанное, или читанное Пилатомъ о сынахъ божіихъ, коими наполнена мифологія грековъ и римлянъ, не помогло бы ему въ разумѣніи тайны лица Иисусова; на основаніи сихъ басень, Пилатъ всего скорѣе сравнялъ бы Его въ своемъ умѣ съ какимъ либо Геркулесомъ или Ромуломъ *). Притомъ избавить себя отъ смерти повѣствованіемъ о своемъ небесномъ происхожденіи было совершенно несообразно съ нравственнымъ достоинствомъ Иисуса Христа. Мы видѣли, что Онъ, рѣшившись положить душу свою за спасеніе міра, вмѣстѣ съ симъ отрекся отъ всѣхъ сверхъ-естественныхъ средствъ къ своему освобожденію; Ему угодно было, чтобы Его судили какъ человѣка, а не какъ Сына Божія.

Впрочемъ, если бы Господь,—какъ думаютъ, къ сожалѣнію, въ наше время нѣкоторые даже изъ ученыхъ

*) V. Lamp. Comment. in Iohan. 19.

тѣлкователей слова Божіа *), — происходить отъ земныхъ родителей, а не произошелъ, какъ Онъ Самъ говорилъ, съ неба, отъ Отца: то, можетъ быть, самая любовь къ истинѣ, для свидѣтельства коей Онъ родился, побудила бы теперь вывести Пилата изъ заблужденія, сказавъ: «я, подобно всѣмъ людямъ, происхожу отъ смертныхъ родителей; я не Сынъ Божій въ собственномъ смыслѣ сего слова, и называлъ Себя такъ единственно въ томъ отношеніи, въ какомъ каждый добродѣтельный человѣкъ можетъ быть названъ сыномъ Божиимъ.» Пилать, можетъ быть, не былъ бы неспособенъ понять, въ чемъ состоитъ нравственное сыновство Божіе. Но какъ Исусъ Христосъ былъ и есть дѣйствительный, естественный Сынъ Божій, то Ему и прилично было отвѣчать — (какъ и поступлено) на вопросъ Пилата — молчаніемъ

Поеліку для Пилата причины, по коимъ онъ не получалъ теперь отвѣта, были не домыслимы; между тѣмъ для гордости римскаго всадника такое молчаніе казалось вовсе неумѣстнымъ въ Узникѣ, который, сынъ ли Онъ боговъ, или нѣтъ, близокъ ко кресту; то онъ, желая прервать молчаніе, съ надменіемъ спросилъ: «какъ Ты и мнѣ не отвѣтствуешь? развѣ не знаешь, что я имѣю власть раснять и отпустить Тебя?»

Не смотря на высокоуміе словъ сихъ, въ нихъ все еще выражалась склонность Пилата дать Господу свободу: но куда дѣвался страхъ его? — Туда же, от-

* V. Breitschneider. Handbuch der Dogmatik. 2 Band. 2 Ausg. 1822. S. 155—158, гдѣ указаны всѣ новѣйшіе писатели, допущающіе сіе ложное мнѣніе.

куда пронзешель. Легкомысліе родило его, легкомысліе и разсѣяло. Впрочемъ навичная хитрость римскаго вельможи и здѣсь могла дѣйствовать: онъ могъ, скрывая свой собственный страхъ, съ намѣреніемъ устрашать Иисуса Христа своею властію, дабы, судя по тому дѣйствию, какое произведетъ угроза на Узника, заключить: человекъ ли Онъ простой, или сынъ боговъ.

Между тѣмъ надменными словами: «я имѣю власть распять и отпустить Тебя»—Пилать неволью обнаружилъ тайное свойство своего правосудія и своей совѣсти. «Смотри, замѣчаетъ св. Златоустъ, какъ онъ предварительно произноситъ судъ на самого себя!—Ибо, если все было въ твоей (Пилать) власти; то почему ты, не нашедъ въ Немъ никакой вины, осудилъ Его на крестъ?» *).

Самохвальство судій не осталось безъ обличенія, которое, безъ сомнѣнія, столько же казалось необыкновеннымъ для Пилата, сколько было прилично Господу. *«Отвѣща Иисусъ: не имаша власти ни единая на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше: сего ради предивый Мѣ тебѣ болій грѣхъ иматъ»* (Іоан. 19, 11).

Справедливо, замѣчаетъ при сихъ словахъ блаж. Августинъ, что Иисусъ Христосъ *когда молчалъ, молчалъ какъ агнецъ; а когда говорилъ, говорилъ какъ пастырь* **). Въ сихъ словахъ слышенъ истинный гласъ истиннаго Пастыря, который, рѣшившись *положить душу свою за овцы*, не оставляетъ безъ вразумленія и самыхъ вепрей, нищущихъ Его души. Пилать, желая

*) Ном. 83 al. 74 in Johan:

**) Tract. in Johan.

знать о томъ, чего ему нельзя было знать, — о небесномъ происхожденіи Иисуса Христа, совершенно забыть ту истину, которую ему прежде всего надлежало помнить, то есть, что суды земные, какъ и всѣ дѣянія человѣческія, находятся подъ невидимымъ управленіемъ Судии небеснаго, который потребуеть нѣкогда строгаго отчета отъ неправедныхъ властителей. — И вотъ, Господь, не удовлетворивъ безвременному любопытству Пилата, подаетъ однакоже помощь его слабой совѣсти, — приводитъ ему на память истину, что дѣло, конимъ онъ теперь занимается, подлежитъ, кромѣ его лицеостротона, суду гораздо высшему, Божественному, и что ему остается быть только орудіемъ сего суда на землѣ. — Словами: «болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ», освѣщена предъ Пилатомъ, сколько нужно было для его вразумленія, будущая судьба враговъ Иисусовыхъ и его собственная. Ему дается предварительно слышать будущій приговоръ на себя отъ небеснаго Судии за то, что не спасъ отъ смерти Праведника, — слышать во всей точности, то есть, что его ожидаетъ неизбѣжное наказаніе, хотя меньшее въ сравненіи съ наказаніемъ личныхъ враговъ и предателей Иисусовыхъ.

Совѣсть римлянина и на сей разъ не была глуха. Смѣлое указаніе І. Христомъ на Судію небеснаго, явный намекъ на несчастную участь, ожидающую Его гонителей, твердая рѣшимость исполнить свое великое предназначеніе, прозрѣніе въ тайну совѣсти Пилатовой, — кажется, совершенно устранили неблагоприятную переменную мыслей, могшую произойти въ послѣднемъ, по причинѣ молчанія Господа на его вопросы и

даже угрозы. Если судія не слышалъ отъ Подсудимаго признанія въ томъ, что Онъ Есть Сынъ Божій, то не слышалъ и отрицанія. Между тѣмъ могъ полагать, что необыкновенный Узникъ имѣетъ какія либо особенныя причины не открывать тайны своего лица и происхожденія. Посему, по выходѣ изъ преторіи, Пилать, по замѣчанію св. Іоанна (Іоан. 19, 12), не только не премѣнилъ прежняго вида защитника невинности Іисусовой, но еще началъ тѣмъ усерднѣе искать средства спасти Его отъ смерти. Молчаніе Евангелиста не позволяетъ сказать рѣшительно, къ чему именно обращался прокураторъ для достиженія сей цѣли, и что говорено имъ первосвященникамъ.

Прокуратору явно нельзя было утверждать, что обвиняемый не признаетъ Себя виновнымъ въ присвоеніи имени Сына Божія; ибо кромѣ того, что Господь не отрекся предъ нимъ отъ своего наименованія, первосвященники могли вдругъ представить свидѣтелей, какъ Онъ называлъ Себя Сыномъ Божиимъ; нельзя было Пилату сказать и того, что обвиненіе Іисуса Христа въ наименованіи Себя Сыномъ Божиимъ не составляетъ преступленія, достойнаго смерти: ибо не его было дѣло судить о тяжести преступленій, касающихся іудейской религіи. Но тѣмъ съ большимъ правомъ Пилать могъ представлять первосвященникамъ, что подсудимый Узникъ, если въ чемъ либо и виновенъ, то уже наказанъ за то слишкомъ; и несправедливо было бы за одно и то же наказывать такъ жестоко дважды; могъ снова отклонять отъ себя окончательное рѣшеніе дѣла, подъ предлогомъ нужнаго сношенія съ Иродомъ, въ области коего принадлежалъ Іисусъ Христосъ; — могъ

даже, какъ представитель кесаря, явно принять Господа подъ защиту римскаго правосудія, какъ человѣка, гонимаго синадріономъ по лучшимъ видамъ.

Какъ бы то ни было, защищеніе Пилата было такъ дѣйствительно, что первосвященники принуждены были оставить обвиненіе Господа въ нарушеніи отечественныхъ законовъ, и пошли за лучшее снова обратиться къ одному уголовному извѣту — въ измѣнѣ противъ кесаря. Во время послѣдняго Пилатова допроса Господу, фарисейскіе и саддукейскіе лжеполитики имѣли всю удобность согласиться между собою и найти средство, какъ усилить сей извѣтъ и сдѣлать его неотразимымъ для прокуратора.

«Итакъ, ты хочешь, вскричали гордо первосвященники, Избавить Его отъ казни? Поступай, какъ угодно; но знай, что если ты Его отпустишь свободнымъ, то ты не другъ кесарю: всякій, кто называетъ себя царемъ, есть противникъ кесарю» (Іоан. 19, 12). Наущенная чернь кричала тоже самос, упрекая Пилата невѣрностью своему государю.

При слухъ неожиданныхъ словахъ, внезапно исчезла вся твердость Пилата...

«Другъ кесаревъ» — было такое наименованіе, коимъ гордились первѣйшіе люди въ Римѣ, начальники обширнѣйшихъ провинцій. Самъ Иродъ Великій почиталъ себя за особенную честь именоваться и слыть въ народѣ другомъ Августа. Тѣмъ паче долженъ былъ дорожить симъ наименованіемъ римскій всадникъ, который еще весьма далекъ былъ отъ того, чтобы повелитель свѣта назвалъ его *своимъ другомъ*...

«Если освободишь Его, то ты врагъ кесарю» — сло-

на сіи, сказанныя предъ всѣмъ народомъ, устами цѣлаго синедріона, были ужаснѣе грома. Изъ нихъ открывалось, что первосвященники готовы перенести дѣло на судъ кесаря, дабы тамъ обвинять вмѣстѣ съ Иисусомъ Христомъ и Пилата, какъ измѣнника, который не радить о чести и выгодахъ своего владыки. Для Пилата сіи угрозы тѣмъ болѣе имѣли силы, чѣмъ менѣе онъ въ качествѣ правителя Іудей, свободенъ былъ отъ проступковъ *), за кои по справедливости и съ успѣхомъ можно было обвинять его предъ кесаремъ, особенно такимъ врагамъ, кои дѣйствовали въ Римѣ и золотомъ и происками.

Еще бы не такъ ужасало обвиненіе предъ кесаремъ въ измѣнѣ, если бы на римскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Августъ, или ему подобный. Можно было надѣяться, что полубогъ римскій, забывъ свою личность, разсмотритъ дѣло въ истинномъ его видѣ, и не поставитъ Иисусу Христу въ вину одного наименованія себя царемъ. Но Римъ стоналъ тогда подъ желѣзнымъ скипетромъ Тиверія-чудовища, которое, не имѣя довѣрія и жалости даже къ роднымъ, питаясь сомнѣніями и притворствомъ, терзало всякаго по самымъ маловажнымъ подозрѣніямъ; у коего самые безстыдные пзвѣты всегда находили себѣ довѣріе и награду **).

Кромѣ будущей опасности со стороны кесаря, надлежало страшиться и настоящей со стороны народа. Не-

*) Philo Legat. ad Caj. p. 1033. Joseph. Antiq. 18. 141. Bell. Jud. 1, 2. 8.

***) Majes'atis crimen, nihilъ Tacitъ, omniumъ accusationum complementum erat. Annal. 3. 8. Svet. in vit. Tiber. c. 58.

обузданная, наущенная фари́сеями, толпа становилась часть отъ часу наглѣе и мятежнѣе. Свирѣпый крикъ ея уже предвѣщалъ, что она готова позволить себѣ всѣ роды насилія *). Горсть преторіанцевъ ничего не значила въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ іудеевъ, собравшихся со всего свѣта на праздникъ Пасхи. Кромѣ опасности отъ народнаго возмущенія, за него надлежало бы еще отвѣчать предъ кесаремъ. Что же, если бы Тиверій узналъ, что единственною причиною возмущенія былъ отказъ, сдѣланный римскимъ прокураторомъ народу іудейскому, требовавшему казни для личнаго врага Тиверіева, какимъ предполагался мнимый домогатель престола іудейскаго?

Подобныя мысли могли смутить и не Пилата,—человѣка съ не вовсе заглушенною совѣстію, имѣющаго понятіе о справедливости и нѣкоторое расположеніе къ ней, но изъ дѣтства привыкшаго, по примѣру вельможъ римскихъ, ставить свою пользу выше нравственности, смотрѣть не столько на совѣсть, сколько на обстоятельства,—угожденіе кесарю почитать высшимъ закономъ своихъ дѣствий, казаться справедливымъ, гдѣ можно то дѣлать безъ вреда для себя, по крайней мѣрѣ, важнаго; — человѣка, незнакомаго съ истинною религіею, съ лучшими чувствованіями и надеждами рода человѣческаго, — тѣми чувствованіями, кои одни производятъ истинныхъ героевъ добродѣтели, — тѣми надеждами, безъ коихъ самая возвышенная нравственность зыбка и ненадежна.

*) Пилатъ, видя, что ничто не помогаетъ, по волненіе умножается (Мат. 27, 24).

Чтобы для защищенія невиннаго отказаться всенародно отъ дружества съ кесаремъ, презрѣть опасность собственной жизни, для такой высокой жертвы и въ язычествѣ необходимъ былъ твердый духъ Регула, безкорыстіе Циципината: но духъ Регуловъ и Циципинатовъ давно оставилъ Капитолій, наполненный льстецами Августа и рабами Тиверія.

Присовокупимъ еще одну мысль. Если нѣкоторые еще изъ древнихъ учителей Церкви *) предполагали, будто Иуда продалъ своего Учителя въ надеждѣ, что Онъ посредствомъ сверхъ-естественныхъ силъ освободитъ Себя изъ рукъ своихъ враговъ; то еще основательнѣе предположить, что Пилать, рѣшившись осудить Иисуса Христа на смерть, вѣроуно, надѣялся при семъ, что боги, если Онъ ихъ слытъ, не умядутъ сласти Его отъ казни, столь поносной для ихъ божескаго достоинства.

Сообразивъ все сіе, легко понять, какимъ образомъ крикъ народа и первосвященниковъ превозмогъ ослабѣвшее усиліе судій **).

Рѣшившись уступить необходимости, Пилать взомель на судейское мѣсто для окончанія суда. Господь, доселѣ остававшійся въ преторіи, былъ выведенъ на лноострототць для выслушанія приговора. Обвинители также приблизились; мѣсто шума наступила тишина: всѣ ожидали, что скажетъ Пилать и чѣмъ закончится дѣло, столь необыкновенное.

«Се Царь вашъ!» воскликнулъ невольно Пилать,

*) Смотр. Θεοφ. толк. на Матѣ.

***) Лук. 23, 23. Пилать самъ въ донесеніи своемъ къ Тиверію ссылается на сію же причину
Иннокентій. Сочиненія. II.

при взглядѣ на Того, котораго надлежало теперь, вопреки совѣсти и желанію, осудить на смерть.

«Распятъ, распятъ Его!» закричала буйная толпа, желая прекратить зрѣлище, и для нея не легкое.

«Какъ? Царя вашего распятъ?»....

«Распятъ, распятъ Его!»

«У насъ нѣтъ, присовокупили первосвященники, царя, кромѣ кесаря.»

Не такъ говорили они въ синагогахъ своихъ; тамъ всего чаще повторяли: «у насъ нѣтъ другаго Царя, кромѣ Бога *).» При томъ все ожидали Царя—Мессію, все надѣялись, что онъ свергнетъ нго кесаря; о семъ молились въ храмахъ, въ домахъ и на пути, старцы и дѣти, утромъ, въ полдень и вечеромъ. И между тѣмъ для погубленія Иисуса, цѣлый синедріонъ предъ всемъ народомъ не устыдился признать себя законнымъ рабомъ кесаря, коего ненавидѣлъ; отказаться отъ общественныхъ надеждъ и славы, даже нѣкоторымъ образомъ отъ самаго Мессіи! — Нѣсколько десятилѣтій, протекшихъ отъ распятія Господа до разрушенія Іерусалима, показали, какъ первосвященники и фарисей сохраняютъ вѣрность кесарю: нѣтъ ни одной измѣны, которая бы не была совершена тогда нѣсколько разъ, доколѣ въ Іерусалимѣ не остался камень на камени.

Теперь надлежало произнести приговоръ «на праведника, любимца, можетъ быть, сына боговъ.» Мысль сія все еще была слишкомъ тяжела для римлянина. Въ такомъ случаѣ ищутъ какой бы то ни было опоры своей совѣсти. Пилать, къ сожалѣнію, скоро пашель ее.

*, V. Grotius ad Joban 19, 15.

У іудеевъ было обыкновеніе, обратившееся даже въ законъ, что если находили гдѣ либо мертвое тѣло, то старѣйшины ближайшаго города должны были падъ головою юницы омыть руки, говоря: «руки наши не проливали сей крови, и глаза наши не видали убійства (Втор. 21. 6).» Пилать, живъ не малое время въ Іудей, зналъ о семъ обыкновеніи, подобное коему было и у язычниковъ, кои, въ знакъ своей невинности и для очищенія себя отъ грѣховъ, также употребляли омовеніе *). Бѣдный мужествомъ и слабый совѣстію, судія язычникъ рѣшился всенародно обратиться къ сему обряду, который, доставляя нѣкоторое успокоеніе совѣсти, былъ полезенъ теперь и тѣмъ, что стоящіе въ отдаленіи іудей, коимъ за шумомъ не слышны были слова Пилата, могли изъ омовенія его рукъ заключить, что онъ осуждаетъ Іисуса Христа противъ воли. «Я не повиненъ, воскликнулъ Пилать, омывая руки, — не повиненъ въ крови Праведника сего! Смотрите вы! вы принуждаете меня пролить ее: вамъ должно будетъ и отвѣчать за нее!» —

Слова сіи не могли быть произнесены иначе, какъ съ самымъ глубокимъ и горькимъ чувствомъ. Это былъ единственный въ исторіи случай, что римскій судія выражалъ съ такою силою увѣренность свою въ невинности осуждаемаго имъ на смерть узника. Если бы прокураторъ не былъ сильно растроганъ, то одно само любіе заставило бы его произнести приговоръ какъ можно короче, дабы не подать вида, что его къ тому принуждаютъ. Особенно долженъ былъ Понцій сожа-

* , Macrob. Satyr. 3. 1. Ovid, Fast. 2. 35. Scholiast. Soph. Ai. 663.

лѣтъ теперь и упрекать себя, если онъ въ то время, какъ получилъ предостереженіе отъ жены, могъ отклонить отъ себя осужденіе Господа, и не отклонилъ его потому, что надѣялся имѣть въ рукахъ своихъ еще довольно средствъ для Его спасенія.

Буйный народъ, не смотря на разъяренность свою, понялъ, чего хотѣлось прокуратору, и каково состояніе души его; но, наущенный слѣбными вождями своими, онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы вдругъ возвратиться назадъ; опасеніе осудить невиннаго, дѣлающее столько чести язычнику, показалось маловажнымъ для почитателей Иеговы, конемъ внушаемо было понятіе справедливости изъ дѣтства. Какъ бы желая пристыдить, или ободрить малодушіе прокуратора, всѣ закричали «кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!»

(Слова сін, ужасныя сами по себѣ, представляются еще ужаснѣе, когда вспомнимъ, что ихъ надобно разумѣть безъ всякаго ограниченія, во всей буквальной точности; потому что іудеи, согласно ученію Пророковъ, твердо вѣрили, что Богъ, за преступленіе родоначальниковъ, наказываетъ все ихъ потомство *).

Наконецъ земный судія, *видя, яко ничтоже успіаетъ, паче молва* (возмущеніе народное) *бываетъ*, произнесъ смертный приговоръ на Судію живыхъ и мертвыхъ.

Приговоръ сей, по обыкновенію римскаго суда, состоялъ изъ краткихъ словъ, что *такой-то, за такое-то преступленіе, осуждается на такую-то казнь **).*

*) Подобное мнѣніе было и у многихъ древнихъ народовъ. Псал. 4. 160.

***) Въ Никодимовомъ Евангеліи пересказываются самыя слѣдующія

Въ дополненіе евангельской исторіи суда надъ Иисусомъ Христомъ, не излишне замѣтить, что Пилать отправилъ впослѣдствіи къ Тиверію донесеніе, въ которомъ описалъ жизнь Иисуса Христа, Его чудеса и святость, свой судъ надъ Нимъ и причины, побудившія осудить Его на распятіе. Въ существованіи сего донесенія, въ подлинномъ видѣ его для насъ давно потеряннаго *), не позволяютъ сомнѣваться свидѣтельства Іустина Мученика **) и Тертуліана ***) , кои ссылались на него, какъ на несомнѣнное доказательство, въ своихъ апологіяхъ къ сенату и народу римскому. Тиверій, по свидѣтельству сихъ же писателей, столько былъ пораженъ описаніемъ чудесъ и святости Иисуса Христа, что предложилъ сенату включить Его въ число римскихъ боговъ: но сенатъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, на сіе не согласился; и Тиверій удовольствовался тѣмъ, что, подъ опасеніемъ казни, запретилъ преслѣдованіе христіанъ.

Замѣтимъ еще, что Пилать незаконнымъ осужденіемъ Иисуса Христа на смерть не избѣгъ опасности, ко-

сего приговора. конхъ нѣтъ у Евангелистовъ; но къ сожалѣнію, они такъ запутанны и оразнообразны въ различныхъ спискахъ сего евангелія, что не имѣютъ никакой цѣны исторической.

*) Отрывокъ дѣяній Пилата, находящійся въ Фабриціевомъ собраніи Псевдепиграфовъ, давно признанъ подложнымъ. Въ III и V вѣкахъ существовали подъ симъ именемъ и другія сочиненія, составленныя еретиками и язычниками. V. Bible d'Avignon. t. 13 p. 513. Henke de actis Pilati. 1783. Alman. de Epist. Pilat. ad Tiber. 5517 †

***) Apolog. 1. 76, 84.

***) Apolog. 5. 21. Euseb. 22. Eriph. Наг. 50. 1.

торой страшился. Черезъ четыре года послѣ сего, опъ вызванъ въ Римъ къ суду вслѣдствіе жалобъ, принесенныхъ іудеями, и не имѣя возможности оправдаться, заточенъ въ Вѣну, гдѣ погибъ отъ самоубійства *).

Участь другаго судин Иисусова, Ирода Антипы, была немного лучше Пилатовой. Подстрекаемый властолюбивою Иродіею, онъ вмѣсто тетрархін галилейской, началъ домогаться въ Римѣ царскаго достоинства надъ всею Іудеею, желая владѣть ею нераздѣльно, по примѣру отца своего, Ирода Великаго. Но это домогательство приняло такой несчастный оборотъ, что Антипа, вмѣсто вѣнца царскаго, сосланъ былъ въ ссылку въ Ліонъ, гдѣ окончилъ жизнь свою — въ нищетѣ и безвѣстности **).

*) Hermanson de Pontio Pil. 1624. Joseph. Antiq. 18 5. Tacit Annal. 15. 44. Philo Legat. ad. Cai. 589 — 49.

***) Joseph. Antiq. 18. 7. 5. Euseb. Hist. Eccl. 1. 4.

ВЗГЛЯДЪ НА ОБРАЗЪ СУДА НАДЪ ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ.

(Чрезвычайная необыкновенность сего суда.—Характеръ трехъ судищъ.—Низость и виновность первосвященниковъ.—Нечистота Пилатовыхъ видовъ и его двоедущіе.—Благородство жены Пилатовой.—Откуда и для чего чудный сонъ ея? — Нравственное величіе Господа во время суда. Молчаніе Его нисколько не препятствовало правильности суда.—Свойство Его отвѣтовъ.—Трогательность Его вѣшняго положенія.—Дивное исполненіе путей Промысла.)

При самомъ легкомъ взглядѣ на образъ суда надъ Иисусомъ Христомъ тотчасъ открывается, что онъ во многомъ былъ отличенъ отъ обыкновенныхъ и даже необыкновенныхъ судовъ человѣческихъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ выдержать истязаніе отъ трехъ различныхъ властей: іудейской, галилейской и римской, — за такое дѣло, которое ни одна изъ нихъ не признавала своимъ;—быть упрямно обвиняему іерусалимскимъ синедріономъ и народомъ за то, чего синедріонъ и весь народъ петеіпѣливо ожидали; найти ревностнаго защитника своей невинности въ римскомъ прокураторѣ, котораго все, повидимому, не располагало въ пользу Подсудимаго: и Его бѣдность, и молчаніе, и сила враговъ, и опасность обвиненія; изъ устъ судій слышать неоднократно торжественное провозглашеніе невинности, и непосредственно за снмъ отъ того же судій выслушать приговоръ на смерть крестную, съ наименованіемъ Праведника; имѣть множество и естественныхъ

и сверхъ-естественныхъ средствъ для своего защищенія, и пользоваться ими не болѣе, сколько нужно для обнаруженія своей невинности: — это такія обстоятельства, кои находятъ только въ исторіи суда надъ Иисусомъ Христомъ!

Каждое судилище обнаруживало свой собственный характеръ. Въ синагогѣ Иисусъ Христосъ былъ судимъ личными врагами своими, — какъ судить беззаконіе. Во дворцѣ Ирода жребій Его находился въ рукахъ деспота, который не знаетъ другаго закона для своихъ дѣйствій, кромѣ прихоти, коего все правосудіе состоитъ въ томъ, чтобъ не быть слишкомъ неправосуднымъ. Преторія Пилатова могла служить убѣжищемъ невинности — человѣческой: но не могла вмѣстить правды божественной. Здѣсь вмѣстѣ съ правосудіемъ засѣдалъ духъ мірской, языческой власти, на судѣ коей голосъ невинности или не былъ слышенъ, или долженъ былъ отзываться выгодною. Истина небесная въ лицѣ Сына Божія, кажется, посѣтила теперь всѣ суды человѣческіе, дабы видѣть, *аще есть разумѣвая или взысканіи правду*. И теперь, какъ во время Давида, оказалось, что всѣ уклонились и сдѣлались непотребными: *нѣсть творяи благое, нѣсть до единого* (Псал. 13, 3).

Ослѣпленіе и буйство народа іудейскаго, особенно вождей его, обнаружилось во всей силѣ. Еслибы Іоаннъ Креститель воскресъ, то и теперь, когда вся Іудея наполнилась славою чудесъ Иисуса Христа, когда первосвященники сами неоднократно слышали бесѣды Его, разсматривали лице и дѣло Его и готовились вознести Его на крестъ, — и теперь проповѣдникъ покаянія могъ бы снова сказать всему народу іудейскому: *«се стоитъ*

посредь васъ нѣкто, Еюже вы не вѣсте (Іоан.1,26)!» — Нельзя вѣроломнѣе отвергнуться Мессіи, какъ отвергаются Его теперь; нельзя жесточе преслѣдовать Его, какъ преслѣдуютъ теперь. Не будемъ предполагать, что враги Іисуса Христа дѣйствовали противъ Него вопреки яснаго и твердаго убѣжденія, что Онъ есть обѣтованный Мессія: это значило бы приписывать природѣ человѣческой злобу и ожесточеніе діавола, который ненавидитъ истину, потому что она истина. Должно однакоже сказать, что со стороны вождей народа іудейскаго сдѣлано все, дабы имъ остаться нѣкогда безотвѣтными. Какъ недостойно и безчестно поступили они при самомъ взятіи Іисуса Христа подъ стражу! Какъ безразсудно и опрометчиво рѣшили въ своемъ соборѣ дѣло о Мессіи — лица, съ коимъ неразрывно соединено временное и вѣчное благо всего Израіля, въ которомъ они могли узнать своего Царя, Судію и Господа! Положимъ, что бѣдное состояніе Іисуса Христа соблазняло ихъ: по развѣ они не слышали о чудесахъ Его? развѣ не предъ ихъ почти очами совершилось за нѣсколько дней воскресеніе Лазаря? — Если и это событіе не могло убѣдить синедрионъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ есть Мессія; то, по крайней мѣрѣ, должно было заставить его дѣйствовать осмотрительнѣе, не спѣшить умерщвленіемъ человѣка, который, по общему мнѣнію, имѣлъ въ себѣ столько признаковъ Мессіи. Самая медленность, съ коею производился судъ надъ Господомъ въ преторіи, повидимому, допущена Промысломъ для того, чтобы враги Его имѣли время увидѣть свою ошибку и придти въ чувство. Можно сказать, что Пилать былъ для нихъ въ семь случаѣ проповѣдникомъ покаянія. — Между тѣмъ,

къ какимъ низкимъ средствамъ не прибѣгаютъ старѣйшины іудейскіе, дабы достигнуть цѣли, слѣпо принятой!

Подкупаютъ ученика; идутъ послѣ вечера пасхальной съ оружіемъ и дрекольми въ Гееспманію; собираются, подобно разбойникамъ, въ полночь для совѣщанія; влачатся изъ одного судилища въ другое; паущаютъ народъ; притворяются усердными слугами кесаря, угрожаютъ судіи клеветою, даже кричатъ вмѣстѣ съ черлію: — это ли стража дома израилева, драгоценныя камни святилища, преемники Моисея и пророковъ?... — Никогда верховный совѣтъ іудейскій не унижался до такой степени, до какой унился теперь, чтобы собственнымъ посрамленіемъ купить безчестную казнь для своего Мессіи.

Нельзя думать, чтобы среди толпы народа, испросившей Господу смерть, не было людей, къ Нему приверженныхъ. Но ихъ собственная безопасность требовала не объявлять, по крайней мѣрѣ, въ слухъ первосвященниковъ своего мнѣнія. Въ противномъ случаѣ, они сдѣлались бы жертвою необузданности слугъ и клеветовъ фарисейскихъ, кои до того простерли свою дерзость, что начали угрожать самому прокуратору. А посему молчаніе Евангелистовъ о томъ, чтобы кто либо изъ іудеевъ вызвался защищать Іисуса Христа предъ Пилатомъ, надобно принимать за рѣшительное свидѣтельство, что таковыхъ защитниковъ не было; и такъ называемое Никодимово евангеліе, въ коемъ Никодимъ, сілоамскій расслабленный, жена кровоточивая и капернаумскій сотникъ повѣствуютъ предъ прокураторомъ о ученіи и чудесахъ Іисуса Христа, не стоятъ довѣрія историческаго. Испросившая смерть Господу, толпа, до очевидности, показала собою, что значить на-

родный голосъ и какъ легко злоупотреблять его дѣйстви- емъ людямъ злонамѣреннымъ. вмѣсто того, чтобы гласу народа быть звучнымъ, но мирнымъ гласомъ Божиимъ, онъ сдѣлался теперь дикимъ воплемъ Веельзевула...

Пилать служитъ разительнымъ примѣромъ, чего дол- жно ожидать отъ судиі съ слабымъ характеромъ, по- ставленнаго въ необходимость отказаться для истины отъ всѣхъ личныхъ выгодъ. Надъ нимъ воишь оправ- дались слова Господа: свѣтлыиикъ тѣлу есть око: *«аще око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ, и аще око твое лукаво, все тѣло твое темно будетъ»* (Мат. 6, 21—22).» Око души Пилатовой—начало его дѣйствиі —было лукаво: не вѣчный, непремѣняемый законъ правды лежалъ во глубинѣ его сердца и составлялъ основаніе его поведенія; а печная любовь къ самому себѣ, пристрастіе къ земнымъ выгодамъ, поваленное любовію къ справедливости; и вотъ, все тѣло Пилата является темнымъ, всѣ поступки его, не смотря на по- хвальную ихъ сторону, выражаютъ что-то достойное сожалѣнія и презрѣнія. Самое первое дѣйствіе преку- ратора уже запечатлѣно измѣною истины: онъ хочетъ отклонить отъ себя осужденіе невиннаго, предоставляя оное то іудеямъ, то Ироду: какъ будто позволить дру- гимъ совершить злодѣяніе, имѣя право и долгъ оста- новить его, не то же значило, что и самому совершить оное!—Потомъ, единственно изъ угожденія именитымъ и сильнымъ обвинителямъ, Праведникъ подвергается мучительному бичеванію. Нѣтъ нужды, что Онъ мо- жетъ умереть подъ бичами: для судиі довольно, что онъ хотѣлъ спасти Его отъ смерти. Таково правосудіе людей вѣка. Думаютъ, что все сдѣлано съ ихъ стороны

между тѣмъ какъ не хотять сдѣлать именно того, что должно. И всѣ прочія усилія Пилата къ освобожденію Иисуса Христа представляютъ жалкую борьбу своекорыстія съ чувствомъ долга. Видишь человѣка, который мучитъ самъ себя, устремляется во всѣ стороны, обращается съ распутія на распутіе, чтобы выйти изъ пронастей, въ кон зашелъ добровольно; но не хочетъ возвратиться на царскій путь правды, который лежитъ прямо предъ его очами и на который зоветъ совѣсть.

Наконецъ, страхъ и своекорыстіе превозмогли; но Пилатъ, поправъ справедливость, хочетъ сохранить на себѣ ея личину: судія оmyваетъ руки,—и думаетъ быть чистымъ отъ крови Праведника!... При семъ зрѣлищѣ чувство сожалѣнія невольно превращается въ негодованіе...

Впрочемъ, мы не имѣемъ права простирать сужденія своего о Пилатѣ далѣе штиговора, который уже произнесетъ вслухъ его самимъ Господомъ. *Больше* (во всякомъ отношеніи болѣе) *грѣха на томъ, кто предалъ ему Господа*—на Иудѣ, іудеяхъ, особенно старѣйшинахъ іудейскихъ. Тогда какъ первосвященники видимо приближались къ ужасной крайности (нѣкоторые, можетъ быть, и впади въ нее) грѣха на Духа Святаго, который, по слову самого Спасителя, не отпускается ни въ сей вѣкъ, ни будущій (Мат. 12, 32): Пилатъ явно грѣшилъ только противъ Слѣна Человѣческаго, слѣд. принадлежалъ къ числу тѣхъ грѣшниковъ, за спасеніе коихъ, осужденный имъ, Сынъ Божій шелъ теперь на крестъ.

Великодушнымъ поступкомъ жены Пилатовой нѣкоторымъ образомъ искупляются низкія дѣйствія мужа ея.

Какая разительная противоположность между сею язычницею и оною іудеянкою, наложницею Ирода, которая такъ мало уважала Іоанна Крестителя (Мар. 6, 17)! Что Іоаннъ былъ праведникъ, даже пророкъ, достойный того, чтобы признавать его за Мессію—этому все вѣрили; и не смотря на сіе, Иродія не усомнилась принести его въ жертву своей безстудной страсти. Прокла, напротивъ, бывъ язычницею, имѣла открытое чувство для всего истиннаго и добраго. Она видитъ знаменательный сонъ, принимаетъ его за откровеніе небесное и спѣшитъ, даже вопреки отечественному закону, не позволявшему женамъ вмѣшиваться въ дѣла мужей правителей *), спасти Праведника отъ смерти. Различіе религій, которое, къ несчастію, такъ много удаляетъ людей другъ отъ друга, не препятствуетъ ей искать спасенія іудейскому Узнику. Не напрасно почла она сонъ свой за указаніе свыше. Если бы онъ былъ слѣдствіемъ одного воображенія, то почему оно именно въ сію ночь произвело сочетаніе мыслей, столь соответственное съ положеніемъ Пилата и Господа? Нѣтъ! Воображеніе скорѣе представило бы, что теперь для мужа ея удобный случай осужденіемъ на смерть бѣднаго Галилеянина приобрести дружбу синедріона, для мужа полезную. Но, видно, такая нечистая мечта была недостойна благородной души Проклы **).

*) По сей причинѣ, во времена республики римской, правителямъ областей запрещено было брать съ собою женъ. Svet. Vit. Aug. cap. 24. Tacit. Annal. 3. 33.

***) Conf. Hess. Lebensgeschichte Jesu, B. 3. 1823. Ausg. S. 316—322.

Невѣроятно, чтобы Клавдія Прокула принадлежала къ числу іудейскихъ прозелитовъ. Кѣмъ бы она была обращена къ іудейству? Такими ревнителями вѣры, какими Господь описывалъ фарисеевъ (Мат. 23, 15)? Но отъ сихъ наставниковъ она не получила бы выгоднаго понятія объ Иисусѣ Христѣ, и, паущенная фарисеями, всего скорѣе согласилась бы вспомошествовать первосвященникамъ въ погубленіи Праведника.

Вѣроятнѣе, что Прокула сама по себѣ имѣла благородный образъ мыслей и чувствованій *), — стоила того, чтобы Промыслъ открылъ ей волю свою, какъ нѣкогда открывалъ оную и другимъ язычникамъ — Авимелеху (Быт. 20, 3), друзьямъ Іова (Іов. 20, 7), и проч.

«Но что вышло изъ сего сна, спросить кто иибудь, если онъ не былъ игрою фантазій? Предостереженіе пришло слишкомъ поздно; оно не могло перемѣнить, по крайней мѣрѣ, не перемѣнлю хода дѣлъ».

Дѣйствительно, сонъ жены Пилатовой не перемѣнилъ судьбы, ожидавшей Господа: и, можетъ быть, если бы онъ могъ перемѣнить ее, то не былъ бы и данъ; но тѣмъ не менѣе онъ былъ нуженъ и произвелъ дѣйствіе, ему приличное. Жена Пилата, конечно, не осталась равнодушною къ дальнѣйшей судьбѣ Праведника, который такъ много занялъ ее душу; приняла участіе въ послѣдующихъ событіяхъ христіанства, вступила въ сношеніе съ учениками Иисуса, и увѣровала въ Его ученіе. Преданіе, весьма древнее, утверждаетъ, что Прокула, находящаяся въ числѣ святыхъ, по греческимъ

*) Посему-то, думалъ св. Златоустъ, и окрovenіе дано было ей, а не Пилату. Homil. in Matth. 86. al. 87.

спискамъ оныхъ, есть не кто другая, какъ жена Пилатова, обратившаяся въ христіанство и потомъ претерпѣвшая мученіе за имя Праведника, коего не могла спасти отъ мученія.

Въ самомъ Пилатѣ предостереженіе жены его не осталось вовсе безъ дѣйствія, хотя онъ, къ собственному несчастію, не воспользовался ея совѣтомъ. Оно-то, вѣроятно, побудило его, предъ изреченіемъ смертнаго приговора, выразить увѣренность свою въ невинности Господа столь знаменательнымъ дѣйствіемъ, каково умовеніе рукъ; оно-то побудило его торжественно назвать Праведникомъ осуждаемаго на смерть Узника: ибо сіе наименованіе, очевидно, занято имъ отъ жены, которая такъ назвала Ісуса Христа. Такое свидѣтельство о невинности Ісуса Христа изъ устъ суди и язычника служить къ чести христіанской религіи, заграждаетъ уста враговъ Ісусовыхъ, и впоследствии времени могло имѣть дѣйствіе на сердце самыхъ іудеевъ. (

Кромѣ сего, Промыслъ испосланиемъ чудеснаго спасенія Пилатовой показалъ, что онъ никогда не попускаетъ человѣку искушаться болѣе того, сколько онъ *можетъ перенести* (1 Кор. 10, 13). Пилату предстояло величайшее искушеніе: для защиты невиннаго Узника—отказаться всенародно отъ наименованія друга кесарева. Совѣсть его, сама по себѣ слабая, неподкрѣпляемая истиною религією, неминуемо должна была пасть подъ тяжестью сего искушенія. Между тѣмъ Пилатъ доселѣ довольно вѣрно, повидимому, слѣдовалъ ся слабому мерцанію. И вотъ, Промыслъ посылаетъ ей подкрѣпленіе свыше. Пилатъ не воспользовался небес-

нымъ вразумленіемъ; но Промыслъ оправдалъ пути свои. Безъ сего пѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, пожалѣли бы, что Пилать, показывавшій столько расположенія быть правосуднымъ, въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Господь среди обвинителей и судей своихъ является въ неподражаемомъ величїи духа. Платонъ, можетъ быть, узналъ бы теперь своего праведника, изображеніемъ коего такъ полна была душа его, еслибъ былъ свидѣтелемъ суда надъ Иисусомъ *). Теперь уже совершенно непримѣтно въ Немъ слѣдовъ той кровавой, изнурительной борьбы съ самимъ собою, которую Онъ испыталъ въ саду геосиманскомъ. Теперь видѣнъ *левъ отъ колѣна Иуды* (Апок. 5, 5), который, будучи связанъ невидимыми узами правосудія небеснаго, явился *лицемъ, неотвергающимъ устѣ* (Исаі. 53, 7), когда ведутъ его на закланіе. Между тѣмъ какъ судїи и обвинители все приписывали себѣ, Господь взираетъ на нихъ какъ на орудїя, конми управляетъ высшая сила. Духомъ, невидимо Онъ стоялъ на другомъ судѣ—на судѣ Отца, который *освятилъ Его и послалъ въ міръ, дабы Онъ вознесъ тѣломъ своимъ грѣхи рода человеческого* (1 Петр. 2, 24). Невидимый судъ сей, происходившій въ со-вѣтѣ трїипостаснаго Божества, касался уже не одного лица Иисусова, а всего міра, коего искупленіе принялъ

*) Изображая, какая участь можетъ постигнуть истиннаго праведника, сей философъ говоритъ, что его обременять оковами: подвергнуть бичеванію, будутъ издѣваться надъ нимъ, заушать его, будутъ плевать ему въ лицо, потомъ пригвоздятъ ко кресту. De Rep. L. 2.

на себя Сынъ Божій. Здѣсь врагомъ Господа былъ князь тьмы, долженствовавшій потерять владычество надъ родомъ человѣческимъ (Іоан. 12, 31. 32), обвинителемъ—сама правда Божія, требовавшая удовлетворенія за грѣхи людей, искупаемыхъ отъ смерти вѣчной. Здѣсь—прежде сложенія міра произнесенъ приговоръ, коему надлежало исполниться теперь предъ лицомъ неба и земли. Съ сей божественной высоты, что значилъ для Сына Божія Пилать, съ его преторією, синедріонъ, съ его лжесвидѣтелями, Иродъ, съ его царедворцами?...

Зная, что чаша страданій не можетъ *мимо идти*, Господь спокойно взиралъ, какъ она предъ Его очами наполнялась до верха. Впрочемъ, святое молчаніе Его нимало не препятствовало правильности суда. Личнымъ врагамъ своимъ, первосвященникамъ и книжникамъ, Онъ двукратно сказалъ болѣе того, нежели сколько они желали знать, — что Онъ есть Мессія, и что отпущѣ они сами увидятъ въ Немъ божественнаго Судію. Ихъ ослѣпленіе было виною, что они не обратили вниманія на сіе грозное предостереженіе. Убійца Іоанна требовалъ чудесъ, а не словъ, — хотя не стоилъ ни того, ни другаго. Предтеча сказалъ уже ему все, что могло поселить въ его сердцѣ любовь къ справедливости, и отсѣченная въ угожденіе Иродіады глава его засвидѣтельствовала, чего должно ожидать отъ сердца Иродова. Пилать не получалъ отвѣта только тогда, какъ спрашивалъ изъ любопытства, а не по долгу, и зная истину столько, что, даже осуждая Иисуса Христа на смерть, принужденъ былъ своею совѣстію назвать Его праведникомъ. Римскій всадникъ

уступилъ бы необходимости осудить Праведника, хотя бы слышалъ нѣсколько самыхъ краснорѣчивыхъ рѣчей въ Его защищеніе. «*Униче, да одинъ умретъ за люди*», было правиломъ еще болѣе римскаго, нежели іудейскаго правленія. Чтобы не допустить народъ до возмущенія, чтобы удержать титло друга кесарева, іудейскій прокураторъ не пощадилъ бы ни Демосфена, ни Цицерона...

Отвѣты Иисуса Христа судіямъ, при всей краткости ихъ, постоянно выражаютъ высшую мудрость. Сердцевѣдецъ видѣлъ состояніе ихъ совѣсти, и болѣе съ нею, нежели съ лицами и вопросами ихъ, соразмѣрлялъ свои отвѣты. Посему-то иное въ словахъ Его можетъ быть для насъ не совсѣмъ понятно; иное даже, судя по обстоятельствамъ, въ конхъ ои произнесены, можетъ показаться какъ бы несоотвѣтственнымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ всѣ слова Господа были сильны и убѣдительно, какъ то наипаче доказываетъ примѣръ Пилата.

Самый вѣншій видъ Господа, не смотря на мученія и поношенія, безъ сомнѣнія, отличался невыразимымъ величіемъ и трогательностію. Если толпа народная была къ Нему не столь чувствительна, какъ бы надлежало ожидать: то потому, что, паущенная книжниками, распаленная злобою, не видѣла, можно сказать, сама себя. Но, посмотрите на судію — язычника! Каждый разъ, какъ только онъ вступитъ въ личную бесѣду съ божественнымъ Узникомъ, даже не получивъ отвѣта на свои вопросы, даже оскорбившись Его молчаніемъ, всегда однакоже возвращается къ обвинителямъ съ новымъ убѣжденіемъ въ невинности Подсудимаго. Что замѣняло для него въ такомъ случаѣ слова, брало

верхъ надъ его самолюбіемъ, какъ не кроткое величіе невинности и святости, сіявшее, не смотри на ви́шнее уничиженіе, въ лицѣ и взорахъ Богочеловѣка? — Не то же ли самое обуздало и удержало отъ строгихъ мѣръ и тетрарха галилейскаго, коего самолюбіе такъ много страдало, не будучи удостоено ни однимъ словомъ въ отвѣтъ на столько вопросовъ?..

Вообще, образъ суда надъ Иисусомъ Христомъ со всею точностію выражаетъ, какъ премудро Промыслъ управляетъ дѣяніями человѣческими: какъ оцъ, не нарушая свободы человѣческой, приводитъ въ исполненіе свои судьбы посредствомъ тѣхъ самыхъ лицъ, кои противятся сему исполненію. По видимому, все происходило случайно: каждый дѣйствовалъ по своей волѣ, даже по страстямъ, самымъ противоположнымъ: сребролюбивый Иуда получаетъ сребренники, честолюбивый синедрионъ отмщаетъ за оскорбленную гордость, прихотливый Иродъ хочетъ видѣть чудо, человѣкоугодливый Пилать страшится кесаря, грубые волны предаются насмѣшкамъ; между тѣмъ *запечатлѣваются видѣнія и пророки, приводится правда вѣчная, истребляется помазаніе, градъ и святилище іудейское предобручаются разрушенію* (Дан. 9, 24—26).

«Нѣтъ! — скажемъ и мы словами зи меншаго витіи-пастыря, — не человѣки здѣсь ругаются Божію величеству, Божій Промыслъ посмѣвается буйству человѣческому, безъ нарушенія свободы, заставляя его служить высочайшей своей премудрости. Не лукавые рабы прехитряютъ Господа: всеблагій Отецъ не щадитъ Сына, дабы не погубить рабовъ лукавыхъ. Не вражда земная узвляетъ любовь небесную; небесная

любовь скрывается во вражду земную, дабы смертію любви убить вражду, и распространить свѣтъ и жизнь любви сквозь тьму и сѣнь смертную. «*Богъ возлюби міръ, и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ, веруяй въ оны, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный!*»*)

*) Поуч. са. пресов. Филар. 1821. изд. 2, ст. 100.

РАСПЯТИЕ.

(Предварительныя замѣчанія о крестной казни. — Крестный путь. — Плачь женъ іерусалимскихъ. — Слова къ нимъ Иисуса Христа. — Онъ изнемогаетъ подъ своимъ крестомъ. — Симонъ Кириинскій заставляется нести крестъ. — Мѣсто казни, издревле примѣчательное. — Смирна и укусь. — Господь отрекается отъ нихъ. — Распятіе. — Молитва за распинателей.)

Крестная казнь, на которую осужденъ былъ Иисусъ Христосъ, принадлежитъ къ изобрѣтеніямъ безчеловѣчія, коими прославились восточныя деспоты *), и составляла послѣднюю въ ряду казней, самыхъ ужасныхъ **). Съ Востока она перешла въ Римъ, и слѣдовала за побѣдителями свѣта всюду, доколѣ не была уничтожена Константиномъ Великимъ ***). У евреевъ крестной казни не было; за нѣкоторые преступленія законъ повелѣвалъ вѣшать на деревѣ преступниковъ, но ихъ не прибавали гвоздями, и трупы при наступленіи вечера надлежало снимать для погребенія ****).

*) *Crudelissimum et teterrimum supplicium. Cic. Verr. v. 64.*

***) *Herod. 3, 125. 6, 194. Ездр. 6, 11. Есѣ. 1, 9. Polyb. 86.*

****) *Sozom. 1, 8.*

*****) *Вроп. 21, 22. v. Bormitii Dissert. de cruce, num Hebraeorum supplicio fuerit. 1644.*

Въ самомъ Римѣ распинали только рабовъ, кои тамъ едва почитались за людей ¹⁾. Изъ жителей провинцій пригвождали ко кресту однихъ разбойниковъ и возмутителей общественнаго спокойствія ²⁾. Распятію большею частію предшествовало бичеваніе ³⁾. Производилось оно, какъ и всѣ прочія казни, внѣ городовъ и селеній ⁴⁾, намѣстахъ болѣе видныхъ, какъ-то: на холмахъ, или при большихъ дорогахъ. Распинателямъ бывали вопны, кои у римлянъ совершали всѣ казни ⁵⁾. Преступникъ самъ долженъ былъ нести свой крестъ до мѣста казни, подвергаясь въ сіе время насмѣшкамъ и побоямъ ⁶⁾. Крестъ ставили прежде ⁷⁾, а потомъ уже пригвождали къ нему преступника: отсюда выраженія *восходить, быть подняту, вознесену на крестъ* ⁸⁾. Съ распинаемаго снимали всю одежду ⁹⁾, которая поступала въ собственность вопновъ ¹⁰⁾. Погребенія для распятыхъ не было ¹¹⁾. Тѣла оста-

¹⁾ Joseph. Bell. Jud. 2. 14. 9. Petron. c. 3.

²⁾ Y. Wetsten. ad Matth. 27, 38.

³⁾ Liv L. 32. c. 26.

⁴⁾ Plaut. Mit. Glor. act. II. sc. 4, 30. 6. Числ. 15, 35. 1 Цар. 21, 13; Tac. Annal. 2, 32.

⁵⁾ Tertul de coron. mil.

⁶⁾ Plut. de tart. Dei vind. t. II. opp. p. 544. Artemid. 2, 16.

⁷⁾ Joseph. Bel. Jud. 7, 10. Cic. Verr. 5.

⁸⁾ Ascendere, insilire, tolli, agi, levare in crucem.

⁹⁾ Augut. civ. Dei. 16. 2. Ambr. J. 10 in Luc. Artemid. oneirocr. II. 58.

¹⁰⁾ Senec. de tranquil. c. I. Meryl Not. in Pass. Dom. num. 31 in Johan.

¹¹⁾ Scio crucem mihi futurum. Plaut. Mil. Glor. II. 4. 19.

вались на крестахъ, пока не содѣлывались добычею илостоядныхъ птицъ и животныхъ *) и не истѣввали сами собою отъ перемѣнъ воздушныхъ. Иногда однакоже родственникамъ позволялось погребать ихъ **). Въ случаѣ нужды (при наступленіи праздника, торжества в проч.) жизнь распятыхъ могла быть по закону сокращаема перебитіемъ у нихъ ногъ, дымомъ и жаромъ отъ запаленного подъ крестомъ хвороста ***), ударомъ въ голову или сердце и проч.

Самый видъ и составъ креста, сколько можно заключать изъ прилежнаго сличенія всѣхъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, были таковы: основаніемъ креста служили прямой (*σφιδιον*) столбъ или доска, которые укрѣплялись въ землѣ. На верхней части, для прибитія рукъ, дѣлалась перекладина, — иногда на самомъ верху столба, почему крестъ и походилъ на букву **Т** ****); но большею частію нѣсколько ниже верха, соразмѣрно рукамъ, къ ней прибиваемымъ; отъ чего верхній конецъ столба, по словамъ Іустина мученика, представлялъ подобіе рога *****). Въ среднѣ (*in medio*) столба придѣлывалось, также похожее на рогъ, сѣдалище (*πηγμα, se-*

*) *Pascas in cruce corvos.* Hor. Epist. I. 16, 48.

***) Флавій повѣствуетъ, что римскій полководецъ Титъ по усиленной просьбѣ, позволилъ ему снять съ креста трехъ знакомыхъ людей, еще живыхъ, изъ коихъ двое потомъ умерли отъ ранъ, а третій исцѣлился. *Cont. App. p. 1031.*

****) *Cic. ad. Quint. conf. Salmas. de cruce.*

*****) *Nostra T species crucis.* Tert. cont. Marc. 3. 22. *Lucian. in judic. vocal.*

*****) *Dialog. cum Triph. ανωτατον μερος κρας υπερηρημενον.*

dile) *), для поддержанія тѣла, дабы оно тяжестью своею не раздрало рукъ, и не оторвалось отъ креста **). Такимъ образомъ крестъ, по словамъ св. Иринея, имѣлъ пять концовъ, два въ длину, два въ ширину и одинъ по срединѣ ***). О подножии древнiе писатели, до 6-го вѣка, нигдѣ не упоминаютъ; свидѣтельство позднѣйшихъ слабо ****), и оно едва ли не есть плодъ ихъ недоразумѣнiя; ибо, говоря о подножii, они не говорятъ уже о сѣдалницѣ: послѣднее, по ошибкѣ, могло быть принято ими за первое *****). Руки, а иногда и ноги, прибивались ко кресту гвоздями *****); кромѣ сего тѣло распятаго перѣдко

*) *To en meboi pnyvmevos ob xepas kai auto edekon.* Inst.

***) *Ubi requiescit clavis offligitur.* Iginæus contr. Hæg. 1. 46.
Ер ѿ плочытаи.

****) *Ipse habitus crucis fins et summitates habet quinque duos in longitudine, et duos in latitudine, et unum in medio*

*****) Первый о подножii упоминаетъ Григорiй Туронскiй (de laud. Sanct. Martyr. c. 6), жившiй въ 7-мъ вѣкѣ; но не сказывать, откуда онъ взялъ сіе извѣстiе, и самъ же измѣняетъ себя говоря, что на древнихъ изображенiяхъ креста, ноги Иисуса Христа представляются висющими, а не стоящими: *dependere visent potius, quam stare.*

*****) Такого же мнѣнiя о подножii креста былъ св. Дмитрiй Ростовскiй. «Быше ли, пишетъ онъ въ Розыскѣ (ч. 2, гл. 24. стр. 154, 1755), на крестѣ подножiе, или ни, не извѣщаетъ того писанiе святое, ни толковники Божiя Писанiя. Видѣти же есть между сосудами пр. Антонiя Римлянина: на св. потирѣ крестъ Христовъ изображенъ безъ подножiя четвероконеченъ.... Не прекословимъ мы, продолжаетъ святитель, творимому и пишемому на крестѣ подножiiю, токмо то извѣщаемъ, яко въ древнихъ св. книгахъ нѣсть о томъ воспоминанiя подлинной вѣдомости.»

*****) *Conf. Arrian. Dissert. n. Epict. L. 4. 26. Paulus Memor. 4, 38. Johan. II. 366. Theolog. Nachr. 1803. 314. 1804. 46.*

привязывали къ столбу веревками *). Вверху столба, надъ головою распятаго, прибывалась небольшая бѣлая дощечка (*леукома*), на которой черными буквами изображалось его имя и преступленіе. Дощечку сію иногда несли впереди преступника до мѣста казни; или онъ самъ несъ ее на своей шеѣ **). Иногда письменное объявленіе замѣнялось словеснымъ: для сего одинъ изъ воиновъ вслухъ всего народа долженъ былъ кричать: *такой то* распинается за *такое то* преступленіе. Кресты дѣлались не высокіе, такъ что ноги распятаго отстояли отъ земли не болѣе трехъ футовъ***).

Отцы Церкви сравниваютъ крестъ съ птицею, которая съ простертыми крылами летитъ по воздуху, — съ человѣкомъ, плывущимъ или молящимся съ распростертыми руками, — съ мачтою и реемъ корабля ****), и проч.

Поелику евангелисты не сказываютъ, чтобы крестъ Иисуса Христа былъ чѣмъ-либо отличенъ отъ обыкновенныхъ крестовъ, да и не было въ томъ никакой нужды: то, безъ всякаго сомнѣнія, должно полагать, что онъ имѣлъ видъ вышеописанный, то-есть, былъ четвероконеченъ, а считая и сѣдалище, пятиконеченъ *****).

*) Plin. Hist. N. 28. II. Lucan. 6.

***) Sveton. in Calig. c. 32

****) V. Salmas. de cruce. Посему императоръ Гальба для одного римскаго гражданина, который, почтя для себя крестъ безчестіемъ, на основаніи законовъ, требовалъ другой казни, — велѣлъ сдѣлать крестъ повыше и объявить его. Svet. in Calb. 9.

*****) V. Lips. de cruce. L. 1. c. 9.

*****) Conf. Lipsius, Salmasius de cruce. Barthol. de cruce Christ. 1670. Jahn. Arch. 2. 11. 361.

Мученія распятыхъ были ужасны *). Надобно вообразить неестественное положеніе тѣла съ простертыми вверхъ пригвожденными руками, при чемъ малѣйшее движеніе, необходимое для жизни, сопровождалось новою, нестерпимою болью. Тяжесть повнешаго тѣла отчасу болѣе раздражала язвы рукъ, кои поминутно становились острѣе и жгучѣе. Кровь, лишившись естественнаго круговращенія, устремлялась къ головѣ и сердцу, производя въ первой круженіе, а въ послѣднемъ томленіе мучительнѣйшее самой смерти. Несчастный, проникнутый со всѣхъ сторонъ смертію, переживалъ

*; Вотъ одно изъ описаній сего предмета, сдѣланное рукою искуснаго и благочестиваго медика:

„Incredibilem molestiæ sensum in eo consistere, unum tot horis sustinere corporis situm, quis non videt? Cum vix naturalem diu sine crebra mutatione feras, ne dum tam violentum, imo vero tot clavis per loca, nervorum tendinumque plena, trajectis, in isto situ sine spe omnis mutationis, nisi quam mors promittit, tanto temporis intervallo persistere, nihil facile habet, quod fingi acerbius possit. Nequit tam diurnæ extensionis iniuria, sine tardato vel sufflaminato humorum in istis locis circuitu concipi, cum tensa vasa sint extra potestatem actionis suæ incontenta. Nequeunt tot vulnera sub æris liberrime circumfusi tactu sine novis omni momento exacerbati doloris et crescendis corruptionis viribus animo observari. Necessè est sugillata illa loca in cruciariis et sensim atra adparere; necessè est dolorem caloremque inflammatorum in mortem illarum partium lento quidem, at eo hinc sæviori gradu tendere. Aorta inter illa in extremis obstacula fluxum magis ad caput et ventrem determinans, ibi pressis carotidibus rubores faciei doloresque capitis parit, hic opportuniора ad stasim et corruptelam loca occupat. Illud autem longe atrocius est, aortam, quæ jam, ut olim æquali et placidiori rivo per potentia vasa se non liberat, omnem quem

самъ себя, и стоналъ въ мугахъ перѣдко до трехъ *), а иногда до 6-ти и болѣе дней **). Чаша съ умерщвляющимъ напиткомъ, поданная такою рукою, какою подана была Сократу, была величайшимъ благодареніемъ въ сравненіи съ казнію крестно.

Съ мученіемъ распятыхъ равнялось и то только ихъ безчестіе. Названіе крестопосцевъ (спис. *г*, *списіагіус*) было послѣднимъ выраженіемъ гнѣва и презрѣнія. Самые жестокіе господа, за тяжкія преступленія рабовъ своихъ, приказывали надѣвать на нихъ *крестообразное* иго (*fuscum*), и въ семь *срамномъ* видѣ водить ихъ по улицамъ ***). Это значило лишити несчастнаго имени челоуѣка, отдать въ жертву всеобщаго презрѣнія. Для іудеевъ казнь крестная особенно была отвратительна; потому что законъ Моисеевъ гласитъ: проклятъ всякъ висящій на деревѣ****)! Но сей-то причинѣ самое слав-

sinister cordis sinus suggerit, sanguinem minime suscipere, nec igitur pulmonari sanguini liberum huc aditum esse, adeoque et dextri cordis sinum sub nisu expulsionis suæ in oppletum pulmonem horrenda anxietate, quæ omni dolore et ipsa morte intolerabilior est, laborare. Arteriæ et venæ pulmonares, coronariæ, intercostales, omnisque majora vasa atque cor ob copiam redeuntis huc et accumulati sanguinis angores illos animi, jam ante sub incubente peccatorum nostrorum molinatos, etiam ex causa corporea vehementissime intendunt.» (Richters Dissert. de morte Servator. in cruce. 1757).

*) Petr. Sat. 3, 59.

***) V. Richt. Dissert. de morte Servatoris.

****) V. Val. Max. 1. 7. Macr. Satur. 1, 2.

*****) Втр. 12, 22. Conf. Henkii Comment. de eo, quod inprimis ignomin. est in supplic. Jesu Chr. 1785.

ное воскресеніе Госнода и божественныя чудеса, сопровождавшія проповѣдь о Немъ апостоловъ, не могли вознаградить въ глазахъ невѣрующихъ безславія креста Христова; и онъ, по замѣчанію ап. Павла, оставался для іудеевъ *соблазномъ*, а для еллиновъ *безуміемъ* (1 Кор. 1, 23). Вообще, казнь крестная была столь жестока и поносна, что самъ Цицеронъ не находилъ словъ къ ея описанію, и именемъ отечества требовалъ, чтобы не только тѣло, но, если можно, зрѣніе и слухъ, самое воображеніе римскаго гражданина было свободно отъ креста *).

И сію-то казнь Отець небесный благоволилъ избрать для единороднаго, возлюбленнаго Сына своего!!! Христіанинъ, помни сіе и убѣгай грѣховъ, за кои Сынъ Божій претерпѣлъ крестъ, и коиши Онъ, по увѣренію апостола, распинается наки (Евр. 6, 6).

Тайна печестія, надъ которою такъ дѣятельно трудился самъ князь тьмы (Іоан. 13, 2. 27; 12, 31), была уже совершена въ половину: Святой Святыхъ вмѣнецъ съ беззаконными; оставалось только *вознести* Его на крестъ, дабы Онъ могъ *привлечь къ себѣ всяческая* ... (Іоан. 12. 32).

У евреевъ, если вѣрять Талмуду **), существовало обыкновеніе, чтобы осужденный на смерть преступникъ лишаемъ былъ жизни не скоро послѣ сужденія. Гла-

*) Pro Rabyrio.

***) Sanhedrin. c. 6, § 1. Maimonid. in tract. de Syned. eorumque pœnis c. 13.

патай нѣскольکو разъ всенародно объявлялъ его пня, вину, свидѣтелей преступленія и родъ казни, ему назначенной, вызывая всякаго, кто можетъ, идти въ судъ и защищать несчастнаго. И у римлянъ былъ законъ *), изданный Тиверіемъ, вслѣдствіе коего смертная казнь совершалась не прежде 10 дней послѣ приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Онъ судимъ былъ и по римскимъ и по іудейскимъ законамъ, ни то, ни другое обѣщаніе не оказало никакого дѣйствія **). Отсрочка казни простиралась только на обыкновенныхъ преступниковъ; а возмутители общественнаго спокойствія, враги Моисея и кесаря, каковымъ клевета представила Иисуса, не имѣли права на сію милость: ихъ казнь тѣмъ была законнѣе, чѣмъ скорѣе совершалась ***). Итакъ, Иисусъ Христосъ, послѣ осужденія Его, немедленно былъ преданъ воинамъ, кои у римлянъ совершали всѣ казни. Первымъ дѣломъ ихъ было спять съ Него багряницу и одѣть Его въ собственную Его одежду: сего требовалъ обычай и, можетъ быть, жалость. Молчаніе евангелистовъ не позволяеть

*) Tacit. Annal. L. 3, c. 51. Dion. L. 57. Svet. in vita Tiber. cap. 75.

**.) Сказаніе Талмуда, будто и надъ Иисусомъ Христомъ исполненъ приговоръ смертный, спустя 40 дней, въ продолженіе коихъ каждодневно объявляемо было народу о Его дѣлѣ и вызывались защитники, — есть сущая ложь, не стоящая опроверженія историческаго. Вотъ самыя слова Талмуда: *vespera Paschatis suspendunt Jesum et præco præcedebat an'e ipsum quadraginta diebus. Exhibat (clamans) illum lapitandum esse eo quod fascinasset, et seduxisset et impulsisset Israellem. Quicumque autem novit pro ipso meritum, suspendentur illum vespere Paschatis. Sanh. 6.*

***.) Bynæus de mort. Christ. t. 3, c. 5.

сказать рѣшительно: былъ ли спятъ при семь и терновый вѣнецъ, пли оставался на головѣ Господа до спятія Его самого со креста. Впрочемъ древнее обыкновеніе изображать Иисуса Христа на крестѣ въ терновомъ вѣницѣ, имѣетъ видъ историческаго преданія. Въ подтвержденіе его можно сказать, что распинатели имѣли достаточное побужденіе оставить вѣнецъ на главѣ Господа: такъ какъ, по ихъ образу мыслей о Немъ, онъ былъ весьма кстати, выражая тоже самое, о чемъ говорила надпись.

Потомъ войны, слѣдуя обыкновенію, возложивъ на Иисуса Христа крестъ, и повели Его за городъ, гдѣ производились казни. Для такого шествія обыкновенно избирались главнѣйшія улицы, и оно съ намѣреніемъ дѣлалось какъ можно продолжительнѣе; но теперь краткость времени не позволяла ни малѣйшей медленности; ибо до пасхальнаго вечера, который былъ если не столь святъ, какъ предшествующій, въ который сѣдали пасху, то еще болѣе торжественъ и праздниченъ, оставалось не много часовъ. Поелику далѣе вечера, въ слѣдствіе закона, распятыхъ нельзя было оставлять на крестахъ; а крестъ, какъ мы видѣли, умерщвлялъ не скоро: то распятіе Иисуса Христа надлежало бы даже отложить до другаго времени, если бы, какъ мы видѣли, не было обыкновенія, въ случаѣ нужды, сокращать жизнь распятыхъ насильственною смертію. Синедрионъ, при всемъ желаніи продлить, какъ можно болѣе, мученія личнаго врага своего, долженъ былъ рѣшиться на сіе средство: иначе, въ продолженіе праздника, онъ могъ опасаться возмущенія народнаго въ пользу Иисуса Христа.

Открылось необыкновенное зрѣлище! Тотъ, кого народъ іерусалимскій всегда слушалъ съ восторгомъ бесѣдующаго во храмѣ, который, казалось, повелѣвалъ всюю природою, давая исцѣленіе слѣпорожденнымъ, изгоняя бѣсовъ, воскрешая мертвыхъ, — которому еще за нѣсколько дней оказываемо было уваженіе, какъ потомку Давида, какъ царю Израилеву, — проходилъ пространными стогнами іерусалимскими, посреди двухъ злодѣевъ, влача за собою тяжелый крестъ! Теперь-то особенно должны были исполниться слова, сказанныя нѣкогда Иисусомъ Христомъ о своемъ ушженномъ состояніи: *блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ* (Мат. 11, 6)!

«Возможно ли (такъ могли думать многіе даже изъ тѣхъ, кои доселѣ надѣялись увидѣть въ Иисусѣ Христѣ обѣтованнаго пророками Избавителя), возможно ли, чтобы Мессія подвергся такой участи, каковой подверженъ теперь Иисусъ? Кто самъ не въ состояніи избавить себя отъ поносной казни, тотъ можетъ ли доставить избавленіе бѣдному народу іудейскому? — Развѣ не обманываемся ли мы всѣ, ожидая возстановленія царства Израилева, надѣясь пришествія Мессіи сильнаго и могущественнаго? — Но такъ учили насъ отцы наши; такъ, говорятъ, писано въ законѣ и пророкахъ. И для чего бы всѣ пророки за нѣсколько вѣковъ въ такихъ величественныхъ выраженіяхъ предвозвѣщали пришествіе Мессіи, если Мессія долженъ быть такой человѣкъ, каковымъ является теперь Иисусъ, если ему суждено, ничего не сдѣлавъ въ пользу народа, стонущаго подъ игомъ бѣдствій, окончить жизнь свою поносною смертію? — И какая смерть? Крестная!... *О, проклятъ всякъ, висий на древь!* Нѣтъ! Что бы кто ни

говорилъ, а это знаменіе — не спасенія, а клятвы: вѣрно, самъ Богъ пашель что либо преступное въ семь человѣкъ.»

Такъ могли думать нѣкоторые. Съ другой стороны, колеблющаяся вѣра послѣдователей Иисусовыхъ имѣла для себя не малую опору. Въ комъ было сердце, чувствительное къ истинѣ и добродѣтели, знакомое съ высокими чувствами вѣры и святой любви, тотъ не могъ согласиться съ фарисеями и книжниками, представлявшими Иисуса Христа въ видѣ оболъстителя, имѣвшаго нечистые виды. «Нѣтъ! Онъ не оболъщалъ насъ, когда говорилъ съ такой сладостію о любви къ Богу и ближнему; когда раскрывалъ предъ нами святыя пути Промысла, воззывалъ насъ къ подражанію вѣрѣ и добродѣтелямъ нашихъ праотцевъ; когда сердце наше пламенѣло тѣмъ чистымъ восторгомъ, коего никогда не производили бесѣды фарисеевъ и книжниковъ. Поведеніе Его совершенно достойно Сына Давидова. Если бы Онъ искалъ земной славы, то сколько представлялось Ему случаевъ дѣйствовать силою! Не смиреніе ли и кротость Его были причиною, что фарисеи съ такою легкостію овладѣли Имъ? Ему приписали мятежь и измѣну: но это явная клевета, изобрѣтенная первосвященниками за то, что Онъ обличалъ ихъ пороки, отъ коихъ мы страдаемъ. Не самъ ли Пилать объявлялъ Его нѣсколько разъ невиннымъ, и, при самомъ осужденіи, назвалъ праведникомъ? — Его осудили на смерть крестную; — но Онъ, слышно, самъ давно предрекалъ сію смерть, говорилъ, что Ему отъ самаго Бога предопредѣлено пострадать для спасенія Израиля. Мы, послѣдуя нашимъ (слѣпымъ) учителямъ, не ожидали по-

добныхъ событій. Но развѣ намъ извѣстна вся судьба Мессіи? Кто постигъ весь смыслъ пророчествъ, изъ коихъ нѣкоторые изображаютъ Его страждущимъ? — Не сами ли книжники противорѣчатъ между собою, когда описываютъ лице Мессіи! — При томъ, еще не все окончится съ Его смертію. Онъ обѣщаль, какъ слышно, чрезъ три дня воскреснуть. О, если бы сбылось сіе обѣщаніе!»...

Поступокъ съ Иисусомъ Христомъ Ирода, конечно, привелъ многимъ на память Іоанна Крестителя, имъ умерщвленнаго; а воспоминаніе, всѣми уважаемаго и любимаго, Іоанна устраняло соблазнъ, производимый крестомъ Иисуса; ибо всѣ знали, что Іоаннъ признавалъ Его за Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, и такъ высоко ставилъ Его, что почиталъ себя недостойнымъ служить Ему вмѣсто раба (Іоан. 1, 27).

Съ Господомъ вели на казнь двухъ преступниковъ (Лук. 23, 32), кои также осуждены были на распятіе, и безъ сомнѣнія, сами несли кресты. Древнее преданіе говоритъ, что одинъ изъ сихъ преступниковъ назывался Гестасъ, а другой Дисмасъ *). Касательно преступленія ихъ нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній; кажется однакоже, что они принадлежали къ обществу Вараввы, и участвовали въ мятежѣ и убійствахъ, имъ произведенныхъ, ибо съ Вараввою, по замѣчанію ев. Марка (15, 7), находились въ темницѣ и его сообщники, коихъ участь должна была рѣшиться предъ праздникомъ и, судя по роду преступленія, — крестною казнію.

*) In Evang. Nicodemi.

За осужденными слѣдовало великое множество народа (Лук. 23, 27). Казни среди праздниковъ для набожныхъ іудеевъ, каковыми дѣлались на сей случай весьма многіе, были дѣло неприятное и отвратительное. Но казнь Пророка галилейскаго, въ коемъ многіе надѣялись увидѣть Мессію, невольно привлекала всякаго. Между тѣмъ она сдѣлалась теперь извѣстною всему Іерусалиму, вмѣщавшему во время пасхи нѣсколько сотъ тысячъ жителей.

Съ народомъ Господь не бесѣдовалъ. Было время для имѣющихъ уши слышать; теперь оставалось имѣющимъ очи видѣть. Самое несеніе креста и изнеможеніе препятствовало Ему говорить, тѣмъ паче — быть слышиму отъ шумной толпы народа.

Жалостные крики и вопли нѣкоторыхъ женщинъ вывели однакоже Господа изъ безмолвія. То были не ближайшія ученицы Его, коихъ мы увидимъ на Голгоѣѣ, и коимъ не могло быть сказано то, что теперь будетъ сказано, а частію жены іерусалимскія, можетъ быть, матери дѣтей, кои нѣли Ему осанца, частію другія изъ пришедшихъ со всей Іудеи на праздникъ. Ничто не могло удержать ихъ отъ слезъ при видѣ Іисуса, изнемогающаго подъ тяжестію креста: ни присутствіе первѣйшихъ лицъ свидѣтіона, кои имѣли ненавистію на Господа и на всякаго, кто былъ къ Нему привержень, ни опасеніе прослыть въ народѣ участницами въ преступленіяхъ, приписанныхъ Пророку галилейскому: оцѣ не боязненно предавались всей горести, къ какой только способны сердца чувствительныя и безутѣшныя...

Для Господа, который обѣщался не забыть чашы студеной воды, поданной во имя Его (Матѣ. 10, 42),

состраданіе жепъ не могло быть протпвнымъ. Ис-
смерть, на которую шель Опъ, была пресыше обыкновен-
венныхъ слезъ состраданія: надлежало плакать и со-
крушаться всѣмъ колѣнамъ Израилевымъ, только не о
томъ, о чемъ плакали жены.

*«Дщери іерусалимскія! сказалъ Господь, обратясь къ
нимъ, — не плачитесь о Мнѣ; обаче себе плачете и чады
вашихъ.»*

(Такое дивное запрещеніе плакать о Немъ, когда
Опъ, изнемогая подъ крестомъ, шель на очевидную и
мучительную смерть, могло быть совершенно понято
не прежде воскресенія Иисуса Христа; но совѣтъ пла-
кать о себѣ и чадахъ своихъ и теперь давалъ разумѣть
женамъ и каждому, какое великое различіе между чув-
ствами Иисуса Христа, въ такомъ положеніи, не остав-
ляющаго мысли и заботы не только о настоящей, но
и будущей судьбѣ чадъ Іерусалима, — и безчувствіемъ
первосвященниковъ, кои предъ Пилатомъ съ такимъ
безразсудствомъ призывали на всѣхъ чадъ Іерусалима
кровь Праведника).

*«Яко се, продолжалъ Господь, дніе грядутъ, въ нже
рекутъ: блаженны неплоды и утробы, яже не родиша, и
сосцы, яже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ:
падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны. Заче, аще въ
суровъ (зеленѣющемъ) древь сія творятъ, въ сущь (дре-
вѣ) что будетъ» (Лук. 23, 29 — 31.)?*

Нельзя было сильнѣе изобразить бѣдствій, угрожав-
шихъ Іерусалиму. Безчадство почиталось у іудеевъ
самымъ тяжкимъ несчастіемъ и наказаніемъ Божиимъ: а
по сему дойти до того, чтобъ завидовать безчаднымъ, зна-
чило придти въ состояніе отчаянное. Такъ выражался и

пророки (Осін 10, 8; Исаі. 2, 10 — 19; Анок. 6, 16), когда отъ имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступленія. Но сія угроза произнесена Сынномъ человѣческимъ безъ всякаго чувства личнаго негодованія на неблагодарныхъ соотечественниковъ. Онъ не говоритъ, что наступаютъ дни, когда вы, испросившіе Меня на казнь, *скажете*, а говоритъ просто: *скажутъ*, ни мало не касаясь личныхъ враговъ своихъ. Высочайшее чувство самоотверженія заставляеть Его забыть всѣ собственныя страданія, и Онъ запрещаетъ плакать о Себѣ: но истинное чувство любви къ бѣдному отечеству побуждаетъ не скрывать ужасныхъ золь, его окружающихъ, въ предостереженіе тѣмъ, кои еще могли внимать истицѣ. Это была послѣдняя проповѣдь покаянія, которую народъ іудейскій слышалъ изъ устъ своего Мессіи, произнесенная съ самымъ пѣжнымъ чувствомъ любви къ ближнимъ. Войны, гладъ, язвы и прочія бѣдствія, имѣвшія предшествовать разрушенію Іерусалима, дѣйствительно, должны были оказать всю свою свирѣпость особенно надъ жемами непраздыми и матерями, имѣющими грудныхъ младенцевъ. Такъ и прежде, изображая ученикамъ своимъ сѣи бѣдствія, Господь представилъ особенно участь женъ непраздныхъ: *горе же доящимъ въ тыя дни* (Лук. 21, 23; Мар. 13, 17; Мат. 24, 19)!

Слова: «если съ зеленѣющимъ деревомъ (со Мною) сіе дѣлають; то что будетъ съ сухимъ» — (съ народомъ іудейскимъ), — выражаютъ много, очень много ужаснаго для народа іудейскаго. Но и въ сихъ словахъ нѣтъ никакого личнаго негодованія. Это присло-

віе, непрестанно переходившее изъ усть въ уста *); и когда же приличіе было употребить его, какъ не теперь, для вразумленія всѣхъ и каждаго? — Если вожди народа іудейскаго, первосвященники, фѣрисеи и книжники сравниваются здѣсь съ сухимъ деревомъ (обыкновенный у пророковъ символъ людей нечестивыхъ **), то сіе сравненіе еще съ большею выразительностію было уже слышимо изъ усть Іоанна Крестителя, въ то время, когда торжественное посольство отъ лица синедріона спрашивало его, не онъ ли Мессія (Мат. 3, 10).

Въ то время, когда Іисусъ Христосъ въ послѣдній разъ предостерегалъ такимъ образомъ своихъ соотечественниковъ, слова Его, вѣроятно, были приняты съ любовію немногими. Но, во время разрушенія Іерусалима, послѣдовавшаго спустя нѣсколько лѣтъ, самые упорные враги Господа должны были привести ихъ себѣ на память. Нельзя безъ содроганія читать описанія тогдашнихъ бѣдствій народа іудейскаго ***). Состояніе матерей было таково, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшались закалатъ собственныхъ дѣтей для сѣдн... Тогда скалы и пещеры палестинскія, служившія во время войнъ обыкновеннымъ убѣжищемъ іудеевъ, содѣлались, какъ предрекалъ теперь Господь, гробами для многихъ тысячъ несчастныхъ, кои дѣйствительно призывали сами на себя смерть, какъ послѣднюю отраду.

*) V. Schlegel Lebensgeschichte Jesu, 1774. p. 352.

**) Исал. 1, 3; Езек. 20, 47; 21, 3; Сур. 6, 6. Sanhedr. fol 96.

***) Joseph. de Bell. Jud.

Когда приблизились къ городскимъ воротамъ, Иисусъ Христосъ изнемогъ до того, что не въ силахъ былъ далѣе нести своего креста, и, какъ говоритъ древнее преданіе, преклонился подь нимъ. Человѣколюбіе ли римскаго сотника, распорядившагося казнію, или безчеловѣчіе іудеевъ, опасавшихся, что жертва ихъ злобы можетъ умереть до казни, были причиною: только воины рѣшились облегчить Иисуса и, вопреки обыкновенію, возложить Его крестъ на другаго. Провидѣніе не умедлило послать для сего человѣка, пѣкаго Симона, родомъ или прозваніемъ Киринейскаго *), который, возвращаясь съ села, срѣтилъ стражу, ведущую Иисуса, при самомъ выходѣ ея изъ города! **). Воины тотчасъ *захватили****) его и *вставили* ****) нести крестъ Иисусовъ: порученіе тягостное и, при настоящихъ обстоятельствахъ, чрезвычайно безчестное; а посему весьма вѣроятна догадка пѣкоторыхъ *****), что Симонъ былъ изъ числа послѣдователей Иисуса Христа, и при встрѣчѣ съ Нимъ обпаружилъ какой либо знакъ состраданія, вслѣдствіе чего воины сами, или по внушенію іудеевъ рѣшились возложить на него крестъ. По крайней мѣрѣ,

*) Кирены, городъ, находившійся въ той части Ливіи, которая называлась Пентапольскою, или Киринейскою. Ротрон. Mel. l. 4. Что въ сей странѣ было много іудеевъ, о семъ свидѣтельствуесть Флавій. Bel. Jud. 38. А что іудеевъ киринейскихъ было весьма много въ Іерусалимѣ, гдѣ они имѣли свою особенную синагогу, видно изъ Дѣян. 2, 10; 6, 9.

**) *Εξερχομενος δε.* Матѣ. 27, 32.

***) *Επιλαφομενος.* Лук. 23, 26.

****) *αυγαρευεσι.* Мар. 15, 21.

*****) Grotius de Luc. Schlegel. Hess in Lebensgeschichte Jesu.

три евангелиста (Мат. 27, 32; Мар. 15, 21; Лук. 23, 26) не безъ причины почли нужнымъ предать потомству имя и родъ человѣка, который несъ крестъ Господа; и сей причины должно искать въ томъ, что Симонъ несъ крестъ не по одному принужденію, а и съ любовію къ Распятому на немъ; или въ томъ, что онъ, впоследствии по крайней мѣрѣ, совершенно узналъ цѣлу креста Иисусова, и послѣ его уже до конца своей жизни. Св. Маркъ упоминаетъ еще, что Симонъ былъ отцемъ Александра и Руфа: два человѣка, которые, по крайней мѣрѣ во время написанія Маркова евангелія, принадлежали къ числу христіанъ и были всеѣмъ извѣстны по своимъ добродѣтелямъ: иначе упоминаніе о нихъ не имѣло бы никакой цѣли. Руфъ сей, должно думать, есть тотъ самый, коего ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (16, 13), называетъ *избраннымъ въ Господь*, и коего память онъ столько уважалъ, что мать его именовалъ своею матерью. Такого семейства былъ главою Симонъ, удостоенный Провидѣніемъ высочайшей и единственной чести—раздѣлить съ Господомъ тяжесть Его собственнаго креста!...

Чтобы кто либо, видя Симона, несущаго крестъ, не подумалъ, что онъ самъ осужденъ на распятіе *), для

*) Это самое, безъ сомнѣнія, а не что другое означаютъ слова св. Луки: *чтобы несъ крестъ за Иисусомъ* (φερέιν ὀπίσθεν του Ιησου). Между тѣмъ слова сіи издавна послужили для нѣкоторыхъ поводомъ къ ложному мнѣнію, будто Симонъ поддерживалъ только заднюю часть креста, между тѣмъ какъ переднюю продолжалъ нести самъ Господь, какимъ образомъ изображается несеніе креста и на нѣкоторыхъ картинахъ. Погрѣшность сія обличается и ясны-

сего вонны, возложивъ на него крестъ, заставили Иисуса Христа идти прямо впереди его. — Новое положеніе сіе, отзываясь нѣкоторымъ облегченіемъ, въ тоже время могло служить для враговъ Господа случаемъ къ новымъ клеветамъ и насмѣшкамъ. Казалось, Провидѣніе съ намѣреніемъ совокупляло у креста Иисусова все, что могло быть мучительнѣйшаго и болѣе поноснаго, дабы Началовождь спасенія человѣческаго собственнымъ опытомъ узналъ все.

Наконецъ достигли Голгоѡы, или лобнаго мѣста *). Такъ называлась одна изъ горныхъ сѣверозападныхъ возвышенностей, окружающихъ Иерусалимъ, на коей производились казни **), и которая съ сихъ поръ должна была содѣлаться самымъ священнымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. Древнее преданіе іудейской Церкви утверждало, что на сей горѣ погребена была глава Адама ***);

ми словами другихъ евангелистовъ (сего заставили нести крестъ Его. Мат. 27, 32; и заставили нести крестъ Его. Мар. 15, 21), и самымъ существомъ дѣла; потому что облегченіе было бы весьма незначительно, если бы передняя, тяжелѣйшая часть креста оставалась на Иисусѣ Христѣ. Слова ев. Луки ни мало не защищаютъ сего мнѣнія; ибо нести крестъ за Иисусомъ, или позади Иисуса, не тѣже значить, что нести его вмѣстѣ съ Иисусомъ. Посему-то мнѣніе сіе постоянно отвергалось еще отцами Церкви. Hieron. Comment. in Matth. August. de consens. Evang. Orig. in Matth.

*) По еврейски *Gulgoleth*, по халдейски *Gulgatha*. Изъ послѣдняго по закону благозвучія, составилось: *Голгоѡа*. Слово сіе означаетъ: лобъ, черепъ (4 Цар. 9, 35) и голову (1 Парал. 13, 3. 24).

**) *Relandus in Palæstina. Plessing über Golgatha und Ch. Grab. 1789 Michall. in Orient. Bib. 7, 45.*

***) *Ľ. Svicer Thesaurus Eccl. sub voce: Голгоѡа. Cornel. a Lap.*

и вотъ, надъ сею главою должна была пролиться теперь очистительная кровь Адама втораго. Здѣсь же Авраамъ поднялъ жертвенный ножъ на своего единокровнаго Исаака; и вотъ, теперь надъ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ имѣло на самомъ дѣлѣ совершиться то, что въ Исаакѣ послужило токмо къ прообразованію будущаго.

Между тѣмъ какъ воины ставили и укрѣпляли кресты, Иисусу Христу дано было, по древнему обычаю *), питье, состоящее изъ вина, смѣшаннаго съ смирною**). Такое смѣшеніе, производя омраченіе разсудка, дѣлало не такъ чувствительными страданія распятыхъ ***). Судя по тому, что въ числѣ послѣдователей Иисуса Христа было довольно людей весьма богатыхъ и усердныхъ, надлежало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будетъ пріятно, по крайней мѣрѣ неотвратительно: между тѣмъ оно было горько,—какъ желчь, и кисло—какъ уксусъ. Обстоятельство сіе заставляеть думать, что смѣшаніемъ питьемъ распоряжались враги Иисуса Христа, и что мирра и вино употреблены были самыя худыя.

Не была ли даже употреблена при семъ случаѣ на-

in Matth. 27, 33, Отсюда и обыкновеніе изображать подъ крестомъ Иисуса Христа черепъ человѣческой.

*) Еврейскіе писатели находятъ основаніе сего обычая въ одной изъ притчей Соломона. Прит. 21, 6. Sanhed. c. 6.

**) И давали Ему пить вино со смирною. Мар. 15, 23.

***) Galen. de Simplic. med. L. 15, c. 19. Апулей рассказываетъ объ одномъ жрецѣ сирекой богини, что онъ, употребивъ нѣсколько приемовъ мирры, равнодушно переносилъ сильные удары сжиганія огнемъ. V. Glatz. in Comment. in Matth.

стоящая желчь и уксусъ? Безчеловѣчіе враговъ Иисусовыхъ дѣлаетъ сіе вѣроятнымъ, а слова ев. Матѳея весьма благопріятствуютъ сей мысли (Мат. 27, 34). Въ такомъ случаѣ, для соглашенія евангелистовъ надобно предположить, что одни подносили Господу вино, смѣшанное со смирною, какъ то упоминается у ев. Марка, а другіе—враги Его—давали Ему пить уксусъ съ желчію, какъ повѣствуетъ Матѳеи. Впрочемъ пить особенной нужды допускать, что евангелисты говорятъ не объ одномъ и томъ же питьѣ: ибо слово *οξος*, употребленное св. Матѳеемъ, означаетъ не одинъ уксусъ, а всякую кислоту, и въ частности вино худое, окислосъ, какое, безъ сомнѣнія, и давалось преступникамъ *). Равнымъ образомъ *κολη*, кромѣ желчи означаетъ всякую горечь, особенно смирны, которая по тому самому у евреевъ и называлась **) горечь. А посему, говоря словами Теофилакта, уксусъ съ желчію есть тоже у св. Матѳея, что у св. Марка вино со смирною: ибо и вино могло быть названо уксусомъ, по сильной его кислотѣ, и мирра желчію, потому что она весьма горька. Также точно соглашалъ сказанія евангелистовъ въ свое время и блаж. Августинъ ***), основываясь между прочимъ на древнѣйшемъ сирскомъ переводѣ евангелія Матѳеева, гдѣ вмѣсто желчи стоитъ слово, означающее вообще горечь. Ев. Матѳеи, замѣняя смирну желчію и вино уксусомъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду выраженіе

*) Macrobius 5, 6. Meryll. Not. in Pass. Dom. pag. 41.

**) In consens. Evang. I. 3. c. 2.

***) Толков. на Мат. и Марка.

псалма Давидова (по переводу Седмидесяти): *даша въ спѣдь мою жель и въ жажду напоиша мя оцта* (Псал. 89, 22).

Господь принялъ въ руки чашу съ питіемъ, по отвѣдавъ, отдалъ назадъ. Чаша холодной воды, можетъ быть, была бы Имъ выпита: потому что продолжительное изнеможеніе силъ, въ коемъ Онъ находился, рождало жажду; но питье, омрачающее чувства, было недостойно Того, Кто одинъ за всѣхъ выпилъ чашу гнѣва Божія. Не смотря на жестокость мученій, ожидавшихъ Его на крестѣ, Сынъ человѣческій хотѣлъ претерпѣть ихъ всѣ съ полнымъ сознаніемъ. Другаго прохлаждающаго питья безъ смиренія или не было, или враги Господа не позволили дать.

Первосвященники и старѣйшины, не смотря на великій день праздника, всѣ находились на Голгоѣ. Могли опасаться, что безъ ихъ личнаго присутствія, непостоянный народъ перемѣнитъ мысли объ Иисусѣ Христѣ; или послѣдователи Его отважатся воспрепятствовать совершенію надъ Нимъ казни. Но, главнымъ образомъ, привело ихъ на Голгоѣу, вѣроятно, желаніе—быть свидѣтелями безчестія и мученій умирающаго Иисуса,—отравить послѣднія минуты Его клеветою и насмѣшками,—не допустить оказать Ему какое либо облегченіе, видѣть образъ мыслей стекающаго во множествѣ народа и настроить по своему произволу его мнѣніе.

Ахъ, природа человѣческая обнаружилась уже въ продолженіе суда надъ Иисусомъ Христомъ съ такой мрачной и низкой стороны, что отъ нея, не выходя изъ предѣловъ исторіи, можно ожидать теперь всего!...

Приступая теперь къ изображенію самаго распятія и смерти Богочеловѣка, охотно признаемся, что мы не безъ трепета душевнаго приступаемъ къ сему дѣлу: надобно повѣствовать о томъ, что служить предметомъ благоговѣйнаго удивленія для самыхъ ангеловъ (1 Петр. 1, 12)... Творецъ видимыхъ и невидимыхъ (Іоан. 1, 3; Евр. 1, 3; Кол. 1, 16), который могъ призвать, даже сотворить легіоны ангеловъ (Мат. 26, 53), для исполненія воли своей, возносится на брестъ, подобно преступнику, и подвергается ужаснымъ мукамъ!... Единородный Сынь Божій остается среди мученій смертныхъ Отцемъ, у коего Онъ имѣлъ славу, прежде міръ не бысть (Іоан. 17, 5), съ конемъ Онъ есть едино (Іоан. 10, 30. 5, 23), по существу и славѣ! Господь всяческихъ, имѣющій жизнь въ самомъ Себѣ (Іоан. 5. 26) и дающій бытіе всякой твари, истаиваетъ отъ жажды, умираетъ подобно послѣднему изъ сыновъ человѣческихъ! Это — такія понятія, конхъ никогда не совокупило бы самое пламенное воображеніе, если они не были преподаны вѣрою; это премудрость Божія тайная, сокровенная, которая будучи отъ вѣкъ предначтена въ славу нашу, никѣмъ однакожь не была познана, доколѣ Богъ не благоволилъ открыть ее святымъ своимъ (1 Кор. 2, 7. 8). Здѣсь по необходимости теряется всякое соотвѣтствіе слова съ изображаемымъ предметомъ, и повѣствованіе, само по себѣ слабое, становится еще болѣе поверхностнымъ и косязычнымъ. Самые евангелисты при семъ случаѣ изображаютъ Иисуса Христа, такъ сказать, только *по плоти* (1 Кор. 2, 7. 8), — какъ Онъ представлялся чувствамъ зрителей, не раскрывая того, что происходило

въ Его духѣ, не изъясняя тайны внутреннихъ страданій Богочеловѣка. Кто хочетъ знать сію тайну (а не участвуя въ ней живою вѣрою и живою дѣятельностью, нельзя быть истиннымъ христіаниномъ), тотъ долженъ обратиться съ молитвою къ самому Духу Божію (1 Кор. 2, 10), который одинъ предвозвѣщалъ Христовы страданія до совершенія ихъ (1 Петр. 1, 13), одинъ и возвѣщаетъ тайну сихъ страданій по совершеніи ихъ. Слово Божіе объявляетъ только, что для разумѣнія всей силы страданій Христовыхъ надобно распяться со Христомъ и спогребстись Ему (Рим. 6, 4). А одинъ изъ уразумѣвшихъ свидѣтельствуешь, что послѣ сего разумѣнія весь міръ покажется *ничьмъ* (Фил. 2, 8).

Когда кресты были утверждены въ землѣ, вонши, слѣдуя обыновенію, сняли съ Иисуса Христа всю одежду *), взяли пречистое тѣло Его, приподняли на крестъ, распростерли руки, и начали прибывать ихъ къ дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вмѣсто стоновъ и воплей, обыкновенныхъ и неизбежныхъ въ такомъ случаѣ, изъ устъ распинаемаго Господа услышалось другое: въ ту минуту, когда, по всей вѣроятности, ожесточенные враги Его съ злобною радостію слѣдовали взорами за каждою чертою Его лица, ожидая видѣть выраженіе муки,—Господь кротко возвелъ очи къ небу и сказалъ: *«Отче, прости имъ! Не видятъ бо, что творятъ.»*

Таково послушаніе *даже до смерти, и смерти крестной!* —Того, который предалъ Его въ руки враговъ,

*) Такъ полагали и отцы Церкви. Амвросій L. 10 in Luc. Августинъ Civ. Dei 16. 2. Conf. Iossii Harm. Evang. 2. 7. § 3.

пустилъ осудить на мученія и смерть, Божественный Страдалецъ называетъ своимъ Отцемъ, точно также, какъ называлъ Его при гробѣ Лазаря (Іоан. 11, 41), или когда гласъ съ неба вслухъ всего народа свидѣтельствовавъ о Его Божественномъ достоинствѣ (Іоан. 12, 28). Заповѣдавъ послѣдователямъ своимъ молиться за враговъ, Богочеловѣкъ подаетъ теперь примѣръ сей высокой молитвы, подаетъ въ минуту ужаснѣйшихъ страданій отъ враговъ своихъ. Ближайшимъ образомъ слова сей молитвы, конечно, относилась къ распинавшимъ воинамъ (кои виновны были не тѣмъ, что исполняли дѣло своего званія, но что, слѣдуя внушенію іудеевъ, обнаруживали излишнюю жестокость); но въ самой вещи ходатайственная молитва Господа обнимала собою всѣхъ враговъ Его: изъ нея не исключался ни Каіафа, ни Пилатъ, ни Иродъ. Ибо всѣ они, при своей злобѣ, или лукавствѣ, дѣйствительно не знали сами, что дѣлали. Ибо, если бы знали, говоритъ св. Павелъ, то не распяли бы Господа славы *).

Впрочемъ, сіе не значить того, чтобы не было виновныхъ въ смерти Господа. Кто бы не могъ разумѣть, если бы захотѣлъ, того, что уразумѣлъ и съ такою силою исповѣдалъ даже отчаянный Іуда? По сему-то и Господь говоритъ: «прости имъ!»

Безъ молитвы Господа, можетъ быть, природа не перенесла бы поруганія Творцу своему, и враги Его, подобно врагамъ Моисея и Аарона (Числ. 16, 32), были бы пожерты землею, которая съ трепетомъ держала на себѣ Его крестъ.

*) 1 Кор. 2, 6—8. Тоже самое повторяли и апостолы, проповѣдуя своимъ соотечественникамъ Христа, ими распятаго: «я знаю, что вы, такъ какъ и начальники ваши, сдѣлали сіе по невѣдѣнію (Дѣян. 3, 17).

ИСУСЪ НА КРЕСТЪ.

(Распятіе двухъ разбойниковъ.—Особая надпись на крестѣ Иисусовомъ и неудовольствіе на нее первосвященниковъ.—Раздѣлъ одежды между воинами.—Насмѣшки надъ Иисусомъ черни, первосвященниковъ, воиновъ, разбойника.—Покаянная молитва разбойника благоразумнаго.—Отвѣтъ на нее.—Помраченіе солнца.—Усыновленіе Іоанна Богоматери.—Послѣднія страданія и послѣднія слова Иисуса Христа на крестѣ.—Его смерть.—Она не была ускорена сверхъ-естественно.)

Послѣ Иисуса Христа распяли и двухъ преступниковъ, одного по правую, а другаго по лѣвую сторону. Такое положеніе дано имъ съ намѣреніемъ, дабы Святой Святыхъ и на крестѣ представился какъ бы преступнѣйшимъ изъ злодѣевъ. Діаволь, по замѣчанію св. Златоуста, хотѣлъ чрезъ сіе помрачить славу Господа: но самъ не зная, увеличилъ оную; потому, что чрезъ сіе самое исполнилось одно изъ пророчествъ, о томъ, что Иисусъ Христосъ будетъ *вмѣстѣ съ незаконными* (Исаі. 53, 12).

По совершеніи казни, надъ главами распятыхъ, по обыкновенію, прибиты были выбѣленныя дощечки, на коихъ изображалось ихъ имя и преступленіе. Въ надписяхъ разбойниковъ не было никакого отступленія отъ обыкновенной формы. Но надъ главою Господа вмѣсто изъясненія вины, сверхъ чаянія, увидѣли слѣдующія двусмысленныя слова: «Иисусъ Назорянинъ,

царь іудейскій» *) При томъ надпись сія была не на одномъ латинскомъ или иноземномъ языкѣ, какъ обыкновенно дѣлалось: а на всѣхъ, употребительнѣйшихъ тогда, языкахъ, то есть, латинскомъ, греческомъ и іудейскомъ. Такъ поступлено было съ особеннымъ памѣреніемъ, по приказанію самого Пилата. Слова надписи выражали тоже самое обвиненіе, по которому Иисусъ Христосъ осужденъ на смерть: присвоеніе достоинства царя іудейскаго; только оставалось нерѣшеннымъ: законно или незаконно присвоилъ Онъ себѣ сіе достоинство, признали Его іудеи своимъ царемъ, или не признавали? Судя по надписи, каждый гораздо скорѣе могъ подумать, что это дѣйствительный царь іудейскій, коего подданные не могли защитить отъ римлянъ, или который измѣннически оставленъ имп. Три языка въ надписи употреблены Пилатомъ потому, что чужестранцы и многіе изъ іудеевъ, пришедшихъ на праздникъ изъ отдаленныхъ странъ, худо разумѣли тогдашній языкъ еврейскій. Притомъ, такая торжественность еще болѣе располагала думать, что Распятый есть важное политическое лице **); а слѣд. подвергала

*) Иоан. 19, 19. По Матѳею: *сей есть Иисусъ царь іудейскій*, по Марку: *царь іудейскій*, по Лукѣ: *сей есть царь іудейскій*. Первые три евангелиста, вѣроятно, означали только сущность надписи; а Иоаннъ, какъ очевидецъ, передалъ самыя слова: или можетъ быть, не одни и тѣже слова употреблены были на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ; и одинъ евангелистъ взялъ ихъ съ одного, другой съ другаго языка. V. Reycheri Dissert. de titulis Christi, cruci affixi; in Thesauro Dissert. tom. 2 p. 241.

***) Такъ римскіе воины, по свидѣтельству Юлія Капитолина, на гробницѣ Гордіана, погребеннаго на границахъ Персіи, сдѣлали

гордый синедріонъ еще большему осмѣянію. «Вотъ какъ, могли говорить, поступаютъ съ царями іудейскими! вотъ какого Мессію ожидаютъ іудеи! — Какъ они безразсудны, слѣпы!»...

Первосвященники тотчасъ проникли цѣль надписи, и послѣшили къ Пилату съ просьбою, чтобы онъ перемѣнилъ ее. «Не надобно, говорили они, писать: *царь іудейскій*, а написать, какъ Онъ говоритъ: *Я царь іудейскій*. Пусть, то есть, каждый знаетъ, что мы не признавали Его царемъ, а только Онъ самъ выдавалъ себя за Мессію».

«Что я написалъ, то написалъ», былъ отвѣтъ прокуратора; и первосвященники со стыдомъ и досадою возвратились на Голгоѳу, чтобы вознаградить свое безчестіе клеветою и насмѣшками.

Явно, что Пилать составленіемъ надписи, тѣмъ паче отказомъ въ перемѣнѣ ея, желалъ досадить и отмстить первосвященникамъ. Между тѣмъ, по замѣчанію отцевъ Церкви, судія римскій, и въ семъ случаѣ, самъ не зная, служилъ орудіемъ распорядившей высшихъ. Пилать, разсуждаетъ блаженный Августинъ, что написалъ, то написалъ; поелику Господь, что сказалъ, то сказалъ. Онъ сказалъ: «Я царь, поставленный надъ Сіономъ — горою святою» (Псал. 2, 3), сказалъ, что Ему должно пострадать, дабы *войти въ славу свою*; и вотъ, пригвоздившіе Его ко кресту симъ самымъ, такъ сказать, возвели Его на престоль; оставалось провозгласить новаго Царя; и Пилать-язычникъ посредствомъ трехъ-язычной надписи торжественно провозглашаетъ Его, вопреки властямъ іудейскимъ, въ слухъ всѣхъ народовъ: пророческій символъ событій, имѣвшихъ вско-

рѣ послѣдовать! Народъ іудейскій, продолжая отвергать иго царства Христова, видѣль и дсеель — къ по-срамленію своему — видить, какъ народы языческіе, одппъ за другимъ, признають распятаго Иисуса своимъ Царемъ, Спасителемъ и Господомъ».

Особенная надпись, сдѣланная на крестѣ Иисуса Христа, по замѣчанію Златоуста, послужила впослѣдствіи и къ отличію его отъ другихъ крестовъ, съ коими онъ былъ зарытъ въ землю, — когда мать Константина Великаго, св. Елена, рѣшилась (обрѣсти живоносное древо *).

Окончивъ распятіе, воины тотчасъ занялись раздѣломъ между собою одежды распятыхъ, которая, по закону, стаповилась ихъ собственностію **). Верхнюю одежду и прочее одѣяніе Иисуса Христа они раздѣлили между собою на четыре доли (Іоан. 19, 23), раздирая по частямъ то, что не могло принадлежать одному: по хитона, или нижней одежды, нельзя было раздѣлить, нельзя было даже разодрать; потому что онъ не былъ сшитъ, а весь тканый, сверху до низу ***). Видя это, равно какъ и доброту хитона, воины рѣшились, не раздирая, бросить о немъ жребій, кому достанется.

Обстоятельство сіе, по видимому, не такъ важное, становится весьма значительнымъ, когда узнаемъ, что

*) *Hom. in Johan. 82. al. 83.*

**) *Senee. de tranquil. L. 1. Wetstenius. ad Matth. 27, 36.*

***) Тканіемъ такихъ хитоновъ особенно славилась египтяне. П. год. L. 2. Раличныя мнѣнія о составѣ хитона Христова можно видѣть у Свицера in *Thesaurο Eccles. tom. 2 p. 1521. Wolfius in curia.*

чрезъ сіе исполнилось также одно изъ древнѣйшихъ пророчествъ о Мессіи. Св. Давидъ, какъ прообразъ своего великаго Потомка по плоти, описывая свои бѣдствія, говоритъ, что одежды его были раздѣлены врагами, и о хитонѣ его метали жребіи (Псал. 21 19). Что къ состоянію Давида могло идти только въ несобственномъ смыслѣ, какъ прообразъ будущаго, потому что о хитонѣ Давида никогда и никому не доставалось метать жребія, — то самое падъ Иисусомъ Христомъ совершалось теперь во всей дѣйствительности. Съ такою точностію Промыслъ благоволилъ изобразить за нѣсколько вѣковъ самыя малыя черты страданій Христовыхъ! И если когда, то наипаче при крестѣ, должно имѣть въ виду всѣ ветхозавѣтныя пророчества; ибо въ немъ, какъ средоточіи, сами собою сходятся всѣ разсѣянные лучи созерцаній пророческихъ; между тѣмъ сіяніе сего свѣта совершенно разгоняетъ мракъ, окружающій крестъ Иисусовъ, показывая, что онъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ былъ дѣломъ не буйства человѣческаго, а премудрости Божіей.

Изъ раздѣла одежды Иисуса Христа между прочимъ видно, что она была полна и прилична, и что между вещами, Ему принадлежавшими, не было ни одной, которая бы не стоила чего либо. Тяжелый хитонъ показываетъ даже избытокъ и изящество и, какъ повѣствуетъ преданіе, былъ плодъ трудовъ Его Матери. Если сравнить одѣяніе Иисуса Христа съ суровою, пустынною одеждою Іоанна Крестителя, то усматривается значительная противоположность, которая простиралась и на весь внѣшній образъ жизни Иисуса и Его Предтечи.

По окончаніи раздѣла одежды, воины оставались у креста для стражи, которая *) приставлялась къ распятымъ, дабы тѣла ихъ не были преждевременно сняты родственниками или знакомыми для погребенія; и теперь была тѣмъ нужнѣе, что отъ толпы стекавшагося народа могли происходить безпорядки.

Когда распинали Господа, враги Его, повидимому, не издѣвались надъ Нимъ. Народъ также стоялъ только и смотрѣлъ (Лук. 23, 35). Появленіе надписи надъ главою Его послужило какъ бы знакомъ къ всеобщимъ насмѣшкамъ.

Толпа народа, всегда буйная, читая надпись, кивала головою и кричала: «уа, тридневный возстачивитель храма! Уа, царь Израилевъ! — Что же Ты медлишь спасти себя? Вотъ какой Ты Сынъ Божій, что не можешь сойти со креста (Мар. 15, 29)!»

Первосвященники и старѣйшины не только не препятствовали черни издѣваться надъ умрающимъ Господомъ, но и сами всячески поносили и злословили Его. Насмѣшки и поруганія оставались единственнымъ средствомъ, которое имъ можно было противопоставить хитрости Пилата, хотѣвшаго осмѣять ихъ посредствомъ надписи. Между тѣмъ у первосвященниковъ лежало на сердцѣ еще нѣчто, гораздо важнѣе надписи, что побуждало ихъ участвовать въ самыхъ низкихъ насмѣшкахъ. Теперь всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что они — единственною причиною столь ужасной казни для Иису-

*) Petron. Satyr. 389. Adest miles, qui cruce servabat, ne quis ad sepulturam corpora detraheret. Lipsius de cruce. 2. 16.

са и что Пилать долго не хотѣлъ осуждать Его. И такъ надлежало дать предъ народомъ какъ бы отчетъ въ своемъ злодѣянїи и настроить общественное мнѣніе такъ, чтобы чужеземные іудеи, стекшіеся со всего свѣта на праздникъ, не разнесли потомъ всюду извѣстія, что синедрионъ, удовлетворяя своему честолюбію, предалъ попосной смерти праведника, едва ли даже не Мессію. Для такой цѣли поруганія и насмѣшки казались самымъ лучшимъ средствомъ: ибо опытъ доказываетъ, что самые лучшіе люди теряютъ весьма много уваженія, когда по какому либо случаю подвергаются осмѣянїю.

Лицемѣры, по обыкновенію, приняли видъ усерднѣйшихъ служителей Бога Израилева, строжайшихъ ревнителей закона, и обращаясь къ народу, говорили:

«Смотрите, другихъ спасать, а себя не можетъ спасти! Напрасно ли мы увѣрили васъ, что отъ сего человѣка нельзя ожидать ничего добраго? Что другъ мытарей и грѣшниковъ, рано или поздно, займетъ мѣсто посреди злодѣевъ? — Что оскверненіе субботы не останется безъ небеснаго мщенія? Намъ не вѣрпли; думали, что Онъ святъ; вотъ теперь самое дѣло показало, мы ли говорили правду, или Онъ! — Кто не ожидаетъ Мессіи? Мы жизнь свою отдали бы за Его пришествіе. Но ужели мы обязаны вѣровать въ Мессію на крестѣ? И много ли нужно доказательствъ? Если Онъ дѣйствительно царь Израилевъ, пусть сойдетъ сейчасъ со креста, и мы сей же часъ увѣруемъ въ Него (Мар. 15, 32).»

«Въ самомъ дѣлѣ,—издѣвались прочіе старѣйшины, —это совсѣмъ не царскій престоль. Теперь видно,

каковъ Онъ Сынъ Божій и каковы Его чудеса. Оставилъ ли бы Отецъ собственнаго Сына въ такомъ положеніи? Онъ уповалъ на Бога, пусть же теперь избавитъ Его Богъ, если Онъ угоденъ Ему (Мат. 27, 39 — 43; Мар. 15, 29 — 32; Лук. 23, 35)».

Послѣднія насмѣшки суть тѣже самыя, которыя Давидъ въ вышеприведенномъ псалмѣ влагаеть въ уста враговъ праведника, имъ описываемаго. Тагъ вѣ по исполнялись пророчества, въ собственныхъ дѣйствіяхъ, — хотя и безъ сознанія, — тѣхъ самыхъ людей, кои исполняли оныя.

При насмѣшкахъ, безстыдно повторяемыхъ самими властями іудейскими, не удивительно, что и грубые воины, стоявшіе на стражѣ, говорили Иисусу Христу: «если Ты царь іудейскій, то зачѣмъ не спасешь себя?» Такая насмѣшка въ устахъ римскихъ воиновъ могла быть плодомъ только самаго слѣпаго подражанія. Когда іудей кричалъ такимъ образомъ, то выраженіе: *царь Израилевъ*, и для чего не спасешь себя — у него имѣли всю связь и силу: ибо Мессія, по его мнѣнію, долженъ быть чудотворецъ, слѣдственно имѣть возможность помогать себѣ во всѣхъ случаяхъ; язычникъ, напротивъ, подъ царемъ іудейскимъ разумѣлъ обыкновеннаго человека, — изъ чего никакъ не слѣдовало, чтобы онъ могъ сойти самъ собою со креста. Но грубые воины ни мало не заботились о смыслѣ словъ своихъ, довольствуясь тѣмъ, чтобы повторять слышанное отъ другихъ.

Св. Лука упоминаетъ еще (Лук. 23, 36), что воины подносили Иисусу Христу кислое питье, безъ сомнѣнія, то самое, которымъ они имѣли обыкновеніе утолять свою жажду, находясь подъ открытымъ небомъ,

среди жаркаго полдня. Значить, между насмѣшками они не забывали и сострадательности къ распятымъ, кои отъ мученій еще болѣе ихъ должны были чувствовать жажду: обыкновенное сочетаніе въ грубыхъ людяхъ добраго съ худымъ, человѣчества съ звѣрствомъ.

Молчанія по крайней мѣрѣ надлежало ожидать отъ тѣхъ несчастныхъ, кои сами висѣли на крестахъ. Но и изъ нихъ одинъ, по свидѣтельству евангелистовъ, злословилъ Иисуса, требуя, чтобы Онъ, какъ Мессія, спасъ и себя и ихъ. Хотѣлъ ли сей несчастный въ омраченіи разсудка, произведенномъ смирною,—только развеселить себя, участвуя въ общихъ насмѣшкахъ? Или дѣйствительно, по невѣдѣнію, почиталъ Иисуса Христа виновнымъ и достойнымъ казни? Или даже вмѣнялъ себѣ въ честь, что участвовалъ въ возмущеніи за свободу, и думалъ низко о томъ, кто, называя себя Мессією, не произвелъ никакого переворота?—Во всякомъ случаѣ, видно развращенное сердце, видѣнь грѣшникъ, который хочетъ перейти пераскааннымъ и въ другой міръ (Лук. 23, 39—43).

Тѣмъ возвышеннѣйшій образъ мыслей обнаружился въ другомъ распятомъ *). Хула на Иисуса Христа бы-

*) Многие, особенно изъ древнихъ (Svicer Thesaur. sub voce *Αησις*. Вупаѣ *Christus Crucifixus* 18, § 8), основываясь на словахъ Ев. Маттея (27, 44) и Марка (15, 32), полагали, что вначалѣ оба распятыя носили Иисуса Христа, а потомъ одинъ изъ нихъ покался. Но такой мгновенный переходъ отъ ожесточенія къ покаянію невѣроятенъ. Съ другой стороны, всякому, занимавшемуся древнею живописію, извѣстно, что у евреевъ, гръкомъ и

ла для него пестернище креста. «Ужели въ тебѣ, сказалъ онъ хулившему, совершенно нѣтъ страха Божія, что ты издѣвася пасть тѣмъ, что самъ терпишь? И мы осуждены праведно, терпимъ по дѣламъ; а Онъ, Онъ не сдѣлалъ никакого зла!»...

Слова сии какъ бы дали ему смѣлость изъяснить предъ самимъ Господомъ чувство вѣры и уваженія, таившееся въ его сердцѣ. *«Помни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!»*

«Аминь, благолю тебя, отвѣчалъ Господь, днесь со Мною будеши въ раи.»

Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе кающагося разбойника о царствѣ Иисуса Христа еще не было свободно отъ всѣхъ мнѣній, съ коими оно обыкновенно соединялось въ умѣ іудея. Разбойникъ не могъ быть выше Апостоловъ, кои представляли себѣ, какъ мы видѣли, царство Иисуса Христа еще земнымъ и чувственнымъ. Посему въ словахъ разбойника надобно предполагать смыслъ, не превышающій его понятія. Я вѣрую, какъ

латинянь, также, какъ и у насъ, имена нарицательныя часто полагались во множественномъ числѣ, между тѣмъ какъ ихъ надлежало разумѣть въ единственномъ (V. Gloss. phil. Sacr. p. 60 Grotius ad h. l). «Такъ, замѣчаетъ Августинъ, и въ посланіи къ Евреямъ говорится во множественномъ. заградили уста львовъ, между тѣмъ какъ вто разумѣется объ одномъ Давидѣ; или: претрси быша, между тѣмъ какъ сію казнь, по преданію, претерпѣлъ одинъ Исаія.» Евангелисты тѣмъ паче могли въ настоящемъ случаѣ употребить множественное число вмѣсто единственнаго, что исчисляли лица, хулившія Иисуса Христа, какъ бы такъ говоря: «Его хулили мимоходящіе (Мат. 27, 39), архіереи, книжники, старцы, фарисси (41), даже самые разбойники (44).

бы такъ опъ говорилъ Господу, что крестъ не воспрепятствуетъ Тебѣ восторжествовать надъ своими врагами: Ты воскреснешь и воскреснвъ съ собою всѣхъ, ожидавшихъ Твоего пришествія, утвердишь потомъ на землѣ царство Израилево. Не забудь тогда и о мнѣ недостойномъ; воскреси вмѣстѣ съ другими, и дай мѣсто въ царствѣ твоемъ!

А принимая, по необходимости, въ такомъ смыслѣ слова кающагося разбойника, пельзя не видѣть въ отвѣтѣ Господа мудраго снисхожденія къ слабымъ понятіямъ человѣческимъ. Раемъ іудеи называли одно изъ отдѣленій Шеола *), служившее, по ихъ мнѣнію, мѣстопробываніемъ душъ праведныхъ. И вотъ, Господь обѣщаетъ кающемуся пребываніе въ раю, то есть, обѣщаетъ блаженное по смерти состояніе: по не говорить ни слова о царствѣ своемъ, ибо сказать: «нигдѣ ты будешь со Мною въ царствѣ моемъ» значило-бы возродить въ умѣ разбойника мысль, что въ сей же самый день будетъ учреждено видимое царство Мессіи.

Такимъ образомъ Божественный Учитель истины и на крестѣ продолжалъ щадить слабость людскихъ понятій, открывать истину, сколько могли вмѣщать слышашіе, взирать не только на правильность мыслей, но и особенно на чистоту сердца и его расположеніе къ добру. Прежде, во время служенія своего, окру-

*) Мѣсто, въ коемъ, по мнѣнію древнихъ іудеевъ, находятся души людей умершихъ. Во время Іисуса Христа въ семъ Шеолѣ предполагалось два отдѣленія: одно для праведныхъ, называвшееся раемъ, лонемъ Авраамовымъ и проч., другое для грѣшныхъ, которое называли адомъ, геенною и пр. (Лук. 16, 23).

женный чудесами, — Онъ именовалъ Себя Господомъ субботы, храма: со креста является Господомъ рай и ада, коему принадлежитъ всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ. Первосвященники требовали, чтобы Онъ, оставивъ спасать другихъ, спасъ Себя самого: Господь продолжаетъ спасать другихъ, пренебрегая собственное посрамленіе. Справедливо св. Фулгенцій отвѣтъ Иисуса Христа къ кающемуся разбойнику называетъ послѣднимъ завѣщаніемъ Его ко всѣмъ кающимся грѣшникамъ, которое начертано не тростию, а крестомъ.

Торжество злорѣчія и клеветы не было продолжительно: вскорѣ, по распятіи Господа, Промыслъ началъ являть, что Онъ *не даетъ Преподобному своему увидѣть истальніе* (Дѣян. 2, 27). Среди яснаго полдня небо вдругъ покрылось мракомъ (Мат. 27, 45; Мар. 15, 36; Лук. 23, 44), какъ бы во свидѣтельство, что великое дѣло тьмы приближалось уже къ своей полнотѣ. Мракъ сей походилъ на солнечное затмѣніе; впрочемъ нисколько не былъ его слѣдствіемъ *),

*) Есть письмо подъ именемъ Діонисія Ареопагита, въ коемъ онъ пересказываетъ св. Поликарпу о помраченіи воздуха, бывшемъ во время распятія, и производитъ его отъ сверхъестественнаго затмѣнія солнца, утверждая, что самъ былъ свидѣтелемъ сего затмѣнія. Но письмо сіе носитъ на себѣ несомнѣнные признаки своего неподлиннаго происхожденія, и не принимается многими даже изъ тѣхъ, кои стоятъ за подлинность прочихъ сочиненій, извѣстныхъ подъ именемъ Ареопагита. Оригенъ замѣчаетъ, что въ его время даже въ нѣкоторыхъ спискахъ евангелія вмѣсто *σκότιση ο ηλιος* (помрачилось солнце) читалось: *του ηλιου ενλεσποτος* (послѣдовало затмѣніе солнца). На такую перемѣну словъ

потому что пасха іудейская всегда совершалась во время полнолунія, когда луна не может находиться между землею и солнцемъ, отъ чего происходятъ солнечныя затмѣнія. По мнѣнію Златоуста, Теофилакта и Евемія, мракъ во время распятія Исуса Христа происходилъ отъ сгущенія облаковъ между собою и солнцемъ, произведеннаго сверхъестественною силою *).

Ев. Матеей говоритъ, что *тьма бысть по всей земли*. Хотя выраженія сего не должно брать безъ ограниченія, какъ справедливо замѣчено еще древними учителями Церкви **), потому что земля у св. писателей часто означаетъ одну какую либо страну, особенно

евангельскихъ, по его мнѣнію, отважился кто либо, полагая придать чрезъ то болѣе ясности тексту, и воображая, что тьма могла произойти единственно отъ затмѣнія солнца. (Comment in Matth. Opp. Th. 12, P. 269. Edit. Wirceb.).

*) Поеліку землетрясеніямъ, какъ извѣстно, предшествуетъ нерѣдко необыкновенное помраченіе воздуха, происходящее отъ той же причины, отъ коей происходятъ землетрясенія (Widerburg de obscuracione solis in passione Domini); то можно думать, что и мракъ, происшедшій во время распятія Исуса Христа, находился въ связи съ землетрясеніемъ, за нимъ послѣдовавшимъ,—и что всемогущество Божіе, для достиженія своей цѣли, премудро употребило въ семъ случаѣ естественныя силы природы. (Harmar. Beobachtung uber Orient. Th. 2 P. 197).

**) Arbitror, sicut cætera signa, quæ facta sunt in passionem ipsius, in Jeruzalem tantummodo facta sunt, sic et tenebræ tantummodo super omnem terram Judæam sunt factæ... Sic ergo qui intelligit, sine culpa intelligit, ut non magnitudinem miraculi ostendere volens, incidat in risum sapientium huius sæculi, et magis infidelitatem in hominibus operetur, quam fidem.—Orig. Comment. in Matth.

іудейскую, даже одинъ городъ *); впрочемъ нѣтъ никакой причины ограничивать помраченія воздуха одною Палестиною. Оно, (безъ сомнѣнія, простиралось, въ большей или меньшей мѣрѣ, столь же далеко, какъ и землетрясеніе, за нимъ послѣдовавшее, которое, какъ видно изъ современныхъ свидѣтельствъ, чувствуемо было въ большей части Азии, Африки и Европы.

Замѣчательно, что древніе іудейскіе писатели, кои въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно или отвергаютъ или превращаютъ чудеса евангельскія, ничего не говорятъ вопреки повѣствованію о помраченіи солнца во время страданій Христовыхъ **). Замѣчательно также, что языческій историкъ Флегонтъ, коего слова приводятся Евсевіемъ, Оригеномъ и Юліемъ Африканскимъ ***), такъ согласенъ съ евангелистами въ описаніи одного необыкновеннаго помраченія солнца, случившагося въ царствованіе Тиверія, что называетъ для него тотъ же самый часъ (шестый, или по нашему 3-й пополудни ****). Вообще надобно полагать, что событіе сіе, равно какъ и прочія чудеса, за нимъ послѣ-

*) Scheusner. Lex. N. T. sub voce: *γη*. Bynæus de mort. Chr. 1. 3. c. 5. sec. 2.

**) Hess. in Lebensgeschibte Jesu.

***) Euseb. Chronic. Partic. 2. Orig. contra Cels. 50. 3. 33 и 59. Julius in Octavio.

****) Флегонтъ жилъ въ царствованіе Адріана и былъ его отпущенникъ. Онъ написалъ много историческихъ книгъ, до насъ не дошедшихъ. Въ одной изъ нихъ, по свидѣтельству Евсевія, читалось: *quarto anno biscentesimæ et tertiae Olimpiadis magna solis detectio est facta, qua superiorem ullam nemo cognoverat, atque ita nox (hora) sexta facta est, ut stellæ in cælo visæ sint.*

довавшия, были тогда извѣстны всѣмъ: иначе Тертулианъ, приводя ихъ въ доказательство божественности христіанской религіи, не смѣлся бы предъ лицомъ сената и народа римскаго на публичныя архивы, гдѣ хранились описанія подобныхъ явленій *).

Необыкновенное помраченіе воздуха, послѣдовавшее за распятіемъ Господа, должно было заключить хульными уста враговъ Его и произвести въ нихъ впечатлѣніе самое мрачное. Если они не почитали сего явленія слѣдствіемъ (сезчеловѣчія, оказаннаго Праведнику, то, сообразно господствовавшимъ понятіямъ, не могли не видѣть въ Немъ предвѣстія общественныхъ бѣдствій, тѣмъ болѣе печальнаго и ужаснаго, что оно случилось въ день праздника, самаго свѣтлаго. Тогдашніе народы вообще вѣрили, что необыкновенныя воздушныя явленія, особенно помраченіе солнца, предвѣщаютъ худое **); а іудеи тѣмъ паче держались сего мнѣнія, что пророки, предсказывая народныя бѣдствія, также нерѣдко соединяли съ ними помраченіе солнца ***). Особенно тьма могла прослѣтить многихъ изъ іудеевъ, когда увидѣли, что, начавшись съ распятіемъ Иисуса Христа, она окончилась съ Его жизнію; потому что обстоятельство сіе яснѣйшимъ обра-

*) Eum mundi casum relatum in archivis vestris habetis. Apol. c. 21.

**) Plin. St. N. 2. 20. Fiunt nonnumquam prodigiosi et longiores solis defectus, quales occiso Dictatore Caesarę et Antoniano bello, totius paene anni pallore continuo. Virg. Georg. 1, 463. Sol tibi signa dabit: solem quis dicere falsum audeat? Ille enim sæcos instare tumultos, et caeter.

***) Іоил. 3, 34; Іезек. 32, 7; Амос. 8, 9; Мих. 3, 67; Исаі. 3, 10; 24, 23, 34, 4: 50, 3; 60, 19. 20.

зомъ показывало, что естественнымъ, по видимому, событіемъ управляетъ сила сверхъ-естественная, Божія, и что свѣтъ міра стихійнаго померкъ потому, что на крестѣ угасалъ Свѣтъ міра духовнаго.

Для почитателей Иисуса Христа помраченіе воздуха и произведенная имъ тишина въ природѣ, — были благопріятнымъ случаемъ приблизиться ко кресту, гдѣ въ сіе время сдѣлалось покойнѣе. Таковы были, по свидѣтельству Евангелистовъ:

Всѣ знакомые Господу *). Въ частности:

Многія жены галилейскія, пришедшія на праздникъ, которыя, по замѣчанію Марка, и тогда, какъ Иисусъ былъ въ Галилею, ходили за Нимъ (Мар. 15, 41) и помогали Ему отъ своего имуществва (Мат. 27, 55).

Саломія, жена Заведее, мать Іакова и Іоанна (Марк. 15, 40; Мат. 27, 56).

Марія Магдалина **).

*) *Παντες οι γνωστοι αυτου*. Лук. 23, 49.

**) Магдала былъ небольшой городъ при Галилейскомъ морѣ. недалеко отъ Тиверіады (Lightfoot. in chorogr. Matth. graecis 76). Марія называется постоянно Магдалиною потому, что родилась, и мѣ жила въ сѣмъ городѣ. Господь изгналъ изъ нея семь бѣсовъ (Мар. 16, 9; Лук 8, 3). Признательная къ сему благодѣянію, она часто сопровождала Его, слушая бесѣды и доставляя Ему пособіе въ содержаніи (Лук. 8, 3, 4). Многіе принимали Магдалину за великую грѣшницу, которая описывается въ 7 главѣ св. Луки (V. Deuling. obser. sacr. P. 3. p. 291), или за Марію, сестру Лазареву (V. Schlegel. Lebensg. S. 394). И первое мнѣніе не основательно, а послѣднее еще болѣе (См. Сивяк-саръ Вел. Среды).

Марія, сестра Богоматери, мать Клеопы (Іоан. 19, 25), Іакова и Іосіи *).

Іоаннѣ, ученикѣ и другѣ Іисусовѣ.

Мать Господа.

Іосифа, обрученника Богоматери, не было, вѣроятно, не только на Голгоѣѣ, но и на землѣ. Съ того самаго времени, какъ Іисусъ Христосъ, будучи 12 лѣтъ, приходилъ съ родителями своими въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи (Лук. 2, 58), объ Іосифѣ вовсе не упоминается въ евангеліи, хотя при нѣкоторыхъ случаяхъ весьма прилично было упомянуть о немъ, если бы онъ былъ въ живыхъ.

Учениковъ Іисусовыхъ, кромѣ Іоанна, также не видно у креста: такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать молчаніе евангелистовъ. Отсутствіе ихъ тѣмъ извинительнѣе, что самъ Господь и Учитель ихъ запретилъ имъ предаваться опасности. У Петра былъ свой крестъ: онъ плакалъ въ уединеніи...

И Лазарь не могъ явиться между врагами Іисуса, безъ явной опасности жизни. Древнее преданіе говоритъ, что онъ вскорѣ по воскресеніи своемъ, избѣгая преслѣдованія синедріона, удалился въ Іудеи **).

*) Мат. 27, 56. Іакова малаго, Марк. 15, 40. Ев. Іоаннѣ именуется Марію Клеоповою, не упоминая о томъ, чтобы она была матерію Іакова и Іосіи; Матей и Маркъ напротивъ даютъ ей послѣднее названіе, не упоминая о Клеопѣ. Одно ли и тоже лице имѣли въ виду евангелисты, или два?—рѣшить трудно по причинѣ множества различныхъ показаній, кои должны вести къ разрѣшенію сего. (Conf. Schlegel. 1, с.)

**) Смот. Синаксарь Суббст. Лазарь.

Съ Матерію Господа неразлучнѣе всѣхъ былъ Іоаннъ: ихъ соединяли и равная скорбь и равная любовь къ Распятому. Ученикъ по чувству сердца уже занималъ мѣсто сына для безутѣшной Матери.

Прочіе почитатели Господа все еще оставались въ пѣкоторомъ отдаленіи отъ креста (Мар. 15, 40), можетъ быть, на одной изъ возвышенностей, окружавшихъ Голгооу. Но Богоматерь, св. Іоаннъ, Марія Клеопова и Марія Магдалина, презирая страхъ и опасность, подошли такъ близко, что Господь не только могъ видѣть ихъ, но и говорить съ ними (Іоан. 19, 25). Ужасный видъ для сердца матери, какова была св. Марія! — Оружіе, предсказанное Симеономъ въ мноты Ея радости и величія (Лук. 2, 35), проникло теперь всю душу Ея. Дружелюбное сердце Іоанново также терзалось печалію. Видя своего возлюбленнаго Учителя и Друга, висящаго на крестѣ, посреди разбойниковъ, — онъ невольно долженъ былъ вспомнить о своемъ безразсудномъ прошеніи. Теперь ясно было, что онъ совершенно не зналъ, чего просилъ у Іисуса, когда желалъ занять мѣсто по правую Его сторону, и какъ горька чаша, которую онъ обѣщався тогда испить съ такою рѣшительностію (Мат. 20, 22).

Впрочемъ евангелисты не говорятъ, чтобы Матерь Господа и друзья Его рыдали, подобно *женамъ іерусалимскимъ*. Ихъ рыданія возмутили бы послѣднія минуты лица, нѣжно любимаго. Самая горестъ ихъ была выше слезъ: кто можетъ плакать, тотъ еще не проникнуть силою всей скорби, къ какой способно сердце человѣческое.

И для Иисуса Христа взглядъ на Матерь былъ новымъ мученіемъ. Переходя непрестанно изъ одной страны въ другую для проповѣди, Онъ не могъ исполнять домашнихъ обязанностей сына: продолжалъ однакоже быть надеждою и утѣшеніемъ своей Матери даже въ земномъ отношеніи. Теперь Марія оставалась Матерію уже не Иисуса, всѣми любимаго, уважаемаго, Коего страшился самъ сипедрионъ, который составлялъ предметъ надеждъ для всего Израиля,—а Иисуса, всѣми оставленнаго, поруганнаго, окончившаго жизнь на Голгоѣ, вмѣстѣ съ злодѣями!...

Надлежало преподать какое либо утѣшеніе,—преподать однакоже такъ, чтобы оно, служа отрадою на всю жизнь, не подвергало теперь утѣшаемой насмѣшкамъ и преслѣдованію враговъ, изъ коихъ многіе находились еще у креста. Какіихъ бы не позволили они себѣ дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Матерь Иисуса? Господь не употребилъ сего наименованія.

«Жено, сказалъ Онъ Матери, *се сынъ твой.*» Взглядъ на Іоанна объяснилъ сіи слова.

Потомъ, указуя взоромъ на Матерь, сказалъ Іоанну: «*се мати твоя*» (Іоан. 19, 26. 27).

Это значило, что послѣдняя воля Божественнаго Страдальца состоитъ въ томъ, чтобы Матерь и ученикъ не разлучались между собою и послѣ Его смерти, какъ соединились теперь у Его креста; чтобы Іоаннъ прицѣль на себя обязанность сына, а св. Марія оказывала ему любовь матернюю. Ученикъ во всей точности исполнилъ волю умрающаго Учителя и друга; и *съ сего самаго часа*, какъ свидѣтельствуется въ сво-

емъ евангеліи, принялъ Богоматерь въ домъ свой, доставлялъ Ей все нужное для жизни и до самой кончины Ея, какъ говоритъ преданіе, оставался въ отношеніи къ ней, какъ сынъ. Для св. Іоанна тѣмъ удобнѣе было принять въ свое семейство Богоматерь, что домъ его былъ богатъ и благоустроенъ *). Между тѣмъ ученики Иисусовы, оставивъ все стяжаніе, дабы послѣдовать за Нимъ, не теряли чрезъ сіе правъ собственности и, когда можно было, возвращались въ свои дома, дабы заниматься ихъ благоустройствомъ. И для Саломіи, матери Іоанновой, усыновленіе сына ея Матери Иисусовой не могло не быть весьма приятнымъ. Ибо, хотя она имѣла предрасудки въ сужденіи земнаго царства Мессіи (кто не имѣлъ ихъ?) и получила отъ Иисуса Христа, какъ мы видѣли, отказъ и упрекъ за прошеніе о невозможномъ (Мат. 20, 20. 22): впрочемъ немало не перемѣнилась въ своемъ расположеніи къ Нему, и теперь, презрѣвъ опасность, стояла на Голгоѣѣ, желая быть свидѣтельницею послѣднихъ минутъ Его.

Усыновленіе св. Іоанна служитъ новымъ доказательствомъ, что св. Іосифа не было уже въ живыхъ, и что братья Иисусовы, о коихъ упоминается въ евангеліи (Іоан. 7, 5), не были Его родные братья, какъ думали нѣкоторые еретики.

При снятіи со креста и погребеніи Иисуса о Богоматери евангелисты уже не упоминаютъ, хотя снова говорятъ о прочихъ женахъ, нами перечисленныхъ. Отсюда

*; Мар. 1, 20; Мат. 27. 58. 56. Слѣд. Мар. 15, 41; Лук. 8, 3. Іоан. 18, 15.

заключаютъ, что Богоматерь удалилась съ Голгоѣи еще до смерти Господа, вскорѣ послѣ того, какъ послѣдовало усыповленіе Іоанна. Можетъ быть, самъ Господь далъ знакъ ученику удалить Матерь. При всей крѣпости духа и преданности Ея въ волю Промысла, кои довольно засвидѣтельствованы присутствіемъ Ея на Голгсѣѣ и приближеніемъ ко вресту, матернее сердце могло не перенести послѣдней борьбы жизни со смертію, которая предстояла Богочеловѣбу. Съ Богоматерію долженъ былъ удалиться и Іоаннъ, коего присутствіе для Ней было такъ нужно. Впрочемъ онъ опять явится на Голгоѣѣ и, кажется, предъ самую смертію своего Божественнаго друга; ибо, описывая въ своемъ евангеліи послѣднія минуты Его, какъ очевидецъ, и пополняя въ семь отношеніи прочихъ евангелистовъ, онъ за усыповленіемъ непосредственно повѣствуетъ о жандѣ Господа.

Преподавая утѣшніе другимъ, Господь самъ имѣлъ величайшую нужду въ утѣшеніи. Со времени распятія протекло около трехъ часовъ (Мат. 27, 46): боль стѣрапъ, тягость въ головѣ, томленіе въ сердцѣ, пламень во всей внутренности усилились до высочайшей степени. Никогда пророчества не исполнялись съ такою силою, какъ теперь исполнялись на Немъ слова св. Давида о Мессіи: *«изліяхся, яко вода, и разсыпашася вся кости моя, сердце мое бысть яко воскъ, таи посреди чрева моего; изше яко скудель крѣпость моя, и языкъ мой прилепне гортани моему, и съ персть смерти свель мя еси. Ископаша руку мои и нозь мои; исцетоша вся кости моя. Обыдоша мя пси мнози; смотриша и презрѣша мя»* (Псал. 21, 15).

Божественный Страдалецъ, вѣроятно, самъ остановился мыслію на семь пророчествѣ... Чувство силы истощалось вмѣстѣ съ жизнью... Угасающій взоръ все еще стремился къ нбу; но оно было мрачно, — ни одного луча свѣта, ни одного утѣшенія. . Правосудный Отецъ какъ будто оставилъ Сына, страдающаго за грѣхи людей... Мысль сія довершила мѣру страданій, и безъ того ужасныхъ: человѣческая природа изнемогла...

«*Елоі, Елоі, **» — воскликнулъ Божественный Страдалецъ, — *лама савахани!*» (Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ!)

Отвѣта не было... Онъ заключался въ нашихъ грѣхахъ: Господь, по замѣчанію св. Кириана, для того спросилъ Отца, дабы мы спросили самихъ себя и познали свои грѣхи. «Ибо, продолжаетъ священномученикъ, для чего оставленъ Господь? Дабы намъ не быть оставленными Богомъ; оставленъ для искупленія насъ отъ грѣховъ и вѣчной смерти; оставленъ для показанія величайшей любви къ роду человѣческому; оставленъ для доказательства правосудія и милосердія Божія, для привлеченія нашего сердца къ Нему, для примѣра всѣмъ страдальцамъ» **).

*) Мар. 15, 34. По Матеею: *Илі, Илі*; по Марково произношеніе ближе подходитъ къ галилейскому нарѣчію. *Елоі*, образовалось изъ халдейскаго *Елоі*. Чисто на древнемъ еврейскомъ надлежало бы сказать Ели. Равнымъ образомъ *Савахани* произошло изъ халдейскаго *шебактани*, а по еврейски было бы *азабтани*. Изъ сего видно, что языкъ, коимъ говорилъ Іисусъ Христосъ, былъ тотъ же самый, коимъ говорили іудеи, т. е. соединеніе древняго еврейскаго съ сиро-халдейскимъ.

**) Tract. de Passione.

Это единственное толкованіе жалобной молитвы Ису-са, которое надобно знать и всегда памятовать Его послѣдователямъ *). Полный смыслъ сей молитвы есть и долженъ быть для насъ тайною... Впрочемъ въ ней не видно никакого сомнѣнія, или огорченія **). Уже повтореніе словъ: *Боже мой, Боже мой*,—показываетъ противное. Видна только жалоба на тяжесть мученій и внѣшнихъ, а еще болѣе внутреннихъ, а особенно на видимое какъ бы затменіе Божественнаго единства Его со Отцемъ, которое замѣняло доселѣ все утѣшенія, и теперь, сокрывшись, составило послѣдній предѣлъ внутреннихъ страданій и верхъ креста; то есть, видно такое чувство, которое столь же свойственно человѣчеству, сколько Божеству прилично безстрастіе.

Молитвенное восклицаніе Господа для враговъ Его послужило новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ. Изверги притворились непонявшими Его словъ, и, основываясь на нѣкоторомъ сходствѣ звуковъ Елоагъ съ наименованіемъ Іліи ***), давали имъ такой смыслъ, какъ бы они обращены были къ сему пророку: „смотрите, кричали одинъ другому, Онъ зоветъ Ілію на помощь“, то есть смотрите, какъ Онъ, и умирая, продолжаетъ представ-

*) Lettre sur la Plainte du Sauveur sur la croix; въ Journ. littéraire d'Allemagne. t. I. p. 2. Также Lettres sur l'explication de la Plainte de J. C. sur la croix въ Bibliothèque Raisonnée t. 80. Ip. 1. Art. 2.

***) Нѣкоторые (Calvin et al.) допускали, что Иисусъ Христосъ долженъ былъ испытать и сіи душевные недуги, какъ слѣдствіе грѣховъ, Имъ на себя принятыхъ.

***) Ілія на древнемъ еврейскомъ: *Еліау*.

лять лице Мессіи: ибо всѣ вѣрили, что Ілія вмѣстѣ съ другими пророками долженъ явиться предъ появленіемъ Мессіи и быть Его предтечею *) и слугою; вѣрили также, что сей пророкъ является иногда для подачія помощи тѣмъ, кои его призываютъ **).

Къ прочимъ мученіямъ Господа присоединилась теперь еще смертельная жажда, слѣдствие великой потери крови, — предвѣстница въ распятыхъ близкой смерти ***). Изнемогая отъ сего новаго мученія, Божественный Страдалецъ воскликнулъ: «жажду!».

Жалобный вопль сей, провидѣнный и предсказанный также пророкомъ (Исал. 69, 22), тронулъ одного изъ воиновъ. Онъ тотчасъ наполнилъ укусомъ губку и, воткнувъ на несоповую трость, приложилъ ее къ устамъ Іисуса... Согникъ не препятствовалъ челоуѣколюбію подчипеннаго, будучи готовъ позволить и болѣе, потому что распятый Праведникъ часъ отъ часу болѣе возбуждалъ его вниманіе и уваженіе.

Но враги Іисуса и здѣсь показали безчелоуѣчіе. «Оставь Его, кричали съ досадою воипу, Онъ надѣется на Ілію; такъ посмотримъ, придетъ ли Ілія снять Его со креста.» Даже самъ воинъ, напаявшій Іисуса Христа, какъ бы опасаясь показаться слишкомъ челоуѣколюбивымъ, говорилъ: «что за нужда; можетъ быть, Ілія замедлитъ придти.»

Вкусивъ нѣсколько прохладительнаго питія, Господь

*) Mat. 16, 14. Conf. Berthold. Christologia Judaeorum § 15.

**) Rosenmull et Lightfoot ad Matth. 27, 45—49.

***) «Solent, qui crucis supplicio moriuntur, siti vehementer iscruciari.» Gruner in dissert. de morte Jesu Christi.

паки воскликнулъ громко: „*совершишася!*“ Это былъ послѣдній предѣлъ и судебъ Божіихъ, кои исполнялись теперь надъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ, и самыхъ страданій Его; ибо пречистое тѣло Его, для коего страданія, по самому совершенству его, были несказанно мучительнѣе, уже готово было разлучиться съ душою. Возведши взоръ къ небу, Иисусъ сказалъ: „Огче, въ руки твои предаю духъ Мой!“... При сихъ божественныхъ словахъ глава Его преклонилась (какъ обыкновенно бываетъ съ умпрающими), и Онъ *испустилъ духъ* (Іоан. 19, 30; Лук. 23, 46)...

Такъ окончилась жпзнь, коей подобной другой не было и не будетъ на землѣ!

Все, сказанное Господомъ предъ своею смертію, показываетъ, что мысль Его въ сіи рѣшительныя минуты была заключена въ словѣ Божіемъ. При первой борьбѣ, которую Онъ, какъ второй Адамъ, долженъ былъ выдержать въ пустынѣ, при началѣ служенія своего, слово Божіе было для Него единственнымъ щитомъ противъ разженихъ стрѣлъ сатаны (Мат. 4, 1—10). И теперь, въ послѣдней борьбѣ съ немощами природы человѣческой, съ болѣзнями тѣла и духа, Господь обращается за утѣшеніемъ къ тому же слову Божію. Въ немъ, какъ на чертежѣ своей жизни и служенія, видитъ настоящее, прошедшее и будущее; видитъ, что оставалось еще претерпѣть для блага человѣчества, видитъ наконецъ исполненіе всѣхъ великихъ судебъ Божіихъ, и какъ побѣдитель, который *истопталъ точило ярости Божіей* (Исаі. 63, 2). восклицаетъ: „*совершишася!*“ Нужно ли напоминать о томъ, какъ многозначительно сіе восклицаніе!—Цѣлая исторія рода человѣ-

ческаго должна служить его изъясненіемъ; по одна только вѣчность раскроетъ вполне тѣ, что совершилось теперь на маломъ холмѣ Голгѣскомъ. Ап. Павелъ говоритъ, что на крестѣ расторгнуто руцони аніе грѣховъ человѣческихъ (Кол. 2, 13. 14): оно расторгнуто въ ту самую минуту, какъ Господь изрекъ: «совершишася!»

При всей лютости страданій, при всемъ униженіи, Сынъ человѣческій до самой послѣдней минуты является съ полнымъ сознаніемъ своего Божественнаго достоинства и великаго предназначенія. Послѣдній взоръ Его устремленъ къ небу, послѣдній гласъ Его обращенъ къ Отцу!—Мы видимъ всемогущаго Посланника Божія, у котораго, какъ Онъ самъ сказалъ, никто не можетъ взять жизни противъ Его воли (Іоан. 10, 18). Посему, если Онъ предаетъ ее теперь, то предаетъ самъ добровольно,—не прежде, какъ по исполненіи своего великаго дѣла, — предаетъ не ангелу смерти, а *Отцу*, который далъ Ему *иметь животъ* въ самомъ Себѣ (Іоан. 5, 26)...

Впрочемъ, мнѣніе *) , что смерть Богочеловѣка на крестѣ ускорена сверхъестественнымъ дѣйствіемъ божественнымъ, дабы тѣло Его, имѣющее воскреснуть, не подверглось перебіенію голепей, не можетъ быть принято, хотя оно предположено еще древними учителями Церкви **) и подтверждается, по видимому, нѣ-

*) Kiesling. de causis acceleratae J. C. in cruce mortis non more humanis, sed potius divinis. 1767.

**) Cyr. ad Demetr. cruci affixus, praevento carnificis officio, spiritum sponte dimisit.—Aug. L. 4 de Trinit. c. 13. Christ. Hie-

которыми обстоятельствами самой исторіи евангельской (непродолжительнымъ пребываніемъ Господа на крестѣ, удивленіемъ Пилата, что Онъ скоро умретъ, и сотника, что смерть Его послѣдовала вдругъ за громкими восклицаніями и проч.). Достоинъ ли это мѣнѣе Божественнаго Страдальца? Мы видѣли, какъ Онъ рѣшительно отрекся всѣхъ сверхъ-естественныхъ средствъ къ своему защищенію: можно ли послѣ сего думать, что Имъ употреблено было сверхъ-естественное средство для сокращенія своихъ страданій? Чтобы внутренній крестъ Его остался, такъ сказать, недооконченнымъ? Нѣтъ! Кто училъ другихъ, что *претерпѣвый до конца спасенъ будетъ*, Тотъ самъ, безъ сомнѣнія, терпѣлъ до конца: подвигоположникъ не можетъ быть ниже подвижниковъ. Вождь спасенія нашего явился совершеннымъ посредствомъ страданій (Евр. 2, 10): посему, сокращая страданія, мы какъ бы сократимъ Его совершенства.

И не довольно ли естественныхъ причинъ, кои могли ускорить на крестѣ смерть Богочеловѣка? Впечатленіе одно, какъ мы замѣтили, нерѣдко оказывало въ смертію бичуемаго. Удивительно ли, что не продолжалась жизнь Того, Кто, кромѣ бичеванія, претерпѣлъ столь много другихъ мученій, Кто еще въ саду Геосимаанскомъ былъ изнуренъ кровавымъ потомъ до того, что имѣлъ нужду въ ангелѣ укрѣпляющемъ, а на пу-

ron. Enthym. Theoph. in Comment. ad Matth. Изъ новѣйшихъ: Hess. in Lebensgeschichte Jesu. Bd. 3. 1823. Ligny, dans l'Hist. de la Vie de Jesus Christ. t. 2. 1823.

ти къ Голгоѣ, подъ тяжестью креста, ослабѣлъ столько, что самые безчеловѣчные враги примѣтили опасность, въ коей находилась Его жизнь?—Если крестъ ни гдѣ не скоро умерщвлялъ, то должно помнить, кого онъ не скоро умерщвлялъ, и кто были люди, концы распинали на крестахъ. Громкія восклицанія распятыхъ не только не показываютъ избытка жизненныхъ силъ, но, по замѣчанію искуснѣйшихъ фізіологовъ *), суть несомнѣнные признаки наступающей смерти.

Распятые вмѣстѣ съ Господомъ должны были остаться въ живыхъ долѣе, кромѣ многихъ другихъ причинъ, уже потому, что не были подвергнуты бичеванію.

*) Grunerus, filius, in Dissert. de J. morte vera, non syncop. tica. 1805 p. 34. Quibus cor ex nimia sanguinis conjectione anxietate ac palpitatione pressum, quibus suffocatio in propinquo est, prae dolore summo, haud raro, magna voce clamitare solent. Grun. p. 37.

ВЗГЛЯДЪ НА ПОКАЯВШАГОСЯ НА КРЕСТЪ РАЗБОЙНИКА.

На трогательномъ поступкѣ разбойника, кающагося и проповѣдующаго со креста покаяніе, охотно останавливается взоръ и успокоивается сердце, страдающее отъ печальнаго зрѣлища страстей и буйнаго перазумія безчеловѣчныхъ враговъ Иисусовыхъ. Имъ устъ Христосъ—въ глубочайшемъ уничиженіи: Онъ поруганъ, оклеветанъ, пригвожденъ ко кресту, оставленъ даже тѣми, кои были свидѣтелями великихъ дѣлъ Его самыя ученики и сродники съ тѣнетомъ взираютъ на крестъ Его — знаменіе проклятія и гнѣва Божія; и вотъ, въ сіи ужасныя минуты, распятый одесную Его преступникъ возносится мыслию превыше всѣхъ соблазновъ, окружающихъ крестъ Иисусовъ, находитъ болѣе величія въ уничиженіи Праведника, нежели въ постыдномъ торжествѣ первосвященниковъ; въ слухъ всѣхъ исповѣдуетъ Его невинность и свое обаянство. Мало сего: вѣра кающагося проникаетъ за предѣлы всего видимаго: Того, который, подобно ему, терпитъ мученія, находится близъ смерти, онъ признаетъ Господомъ неба и земли, Владыкою рая и ада; не видитъ болѣе креста Иисусова; зрѣтъ одно Его вѣчное царство и молить даровать себѣ въ немъ мѣсто!... Такая вѣра есть подлинно вѣра въ *распятаго Иисуса!*...

Какъ не спросить при семъ: откуда такое величїе духа и такое достоинство въ характерѣ *разбойника*? Кто былъ для него проповѣдникомъ и учителемъ такой мудрости *)?

Обыкновенно предполагаютъ **), что покаявшійся былъ до креста своего разбойникомъ и убійцею, въ собственномъ смыслѣ сихъ словъ: но и въ семъ случаѣ пѣтъ еще необходимости представлять характеръ его совершенно испорченнымъ. Знаемъ ли мы первый поводъ къ преступленіямъ, имъ совершеннымъ, — число ихъ и обстоятельства, при коихъ они совершены? Какъ легко человѣку, и при нехудомъ сердцѣ, впасть иногда въ величайшіе проступки! Чего не можетъ произвести напр. въ одно мгновеніе сильный гнѣвъ? Какихъ ужасныхъ явленій причиною не бываютъ другія бурныя страсти, которыя однакоже совмѣщаются иногда съ похвальнымъ въ другихъ отношеніяхъ образомъ мыслей и чувствъ? До чего не въ состояніи были довести покаявшагося, между прочимъ, одни худые сообщники, каковымъ представляется другой распятый, злословившій Господа? Могло статься, что всѣ сіи причины не имѣли вліянія на проступки распятаго: но сколько могло быть другихъ причинъ, коихъ мы не

*) Св. Кириллъ Іерусалимскій спрашиваетъ: «какая сила просвѣтила тебя, о разбойникъ? Кто научилъ тебя воздать покловеніе всѣмъ пресрѣнному и ко кресту пригвожденному?»... Catech. 13. Также св. Левъ: «отъ какого наставника родилась сія вѣра? Какое ученіе произвело ея? Какой проповѣдникъ возбудилъ оную въ сердцѣ?» — Serm. 2. de Passione.

**.) Henckelius Dissert. de Latrone converso. 1679.

представляемъ, но кои изъяснили бы, какъ онъ подвергся кресту, будучи способнымъ заслужить рай *)!

Впрочемъ, мы сказали уже, что покаявшійся, по всей вѣроятности, не былъ разбойникомъ въ собственномъ смыслѣ сего слова, а принадлежалъ къ числу сообщниковъ Вараввы, который не задолго предъ тѣмъ произвелъ народное возмущеніе; а посему нѣтъ причины предполагать его низкимъ грабителемъ и убійцею. «Тѣмъ хуже, скажетъ кто либо; возмутитель общественнаго спокойствія стоитъ всякаго грабителя и убійцы». — Такъ! Но должно помнить, что власть римлянъ надъ Іудеею была власть завоевателей, и притомъ незаконныхъ, кои дѣйствовали не оружіемъ и побѣдами, а обманомъ и хитростію. При такомъ положеніи вещей, когда притомъ секта зилотовъ и самые фарисеи проповѣдывали, что народъ Божій не долженъ находиться въ рабствѣ у язычниковъ, легко было и доброму человѣку соблазниться истинною или ложною патріотическою ихъ ревностію, и произвести возмущеніе во имя самаго Моисея и Бога Израилева. Исторія іудейская, — особенно предъ разрушеніемъ Іерусалима, представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ. Вообще, если судить о зилотахъ и сикаріяхъ, не терпѣвшихъ римскаго владычества, даже по одному описанію Флавія, то надобно предполагать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма много похвальныхъ качествъ. Самъ ап. Павелъ, до обращенія въ христіанство, находился въ тѣсномъ сношеніи съ зилотами; и, несмотря на чистоту своихъ намѣреній и права, участвовалъ съ ними въ убійствѣ

*) Niemeyer Charakteristik der Bibel.

первомученика Стефана (Дѣян. 7, 58). Примѣръ сей уже достаточно ясно показываетъ, какъ можно быть добрымъ по сердцу и, между тѣмъ, злымъ по дѣламъ! Почему же не предположить подобнаго и въ преступникѣ, покаявшемся на крестѣ?...

Сознаніе распятаго, что онъ осужденъ справедливо, не ослабляетъ сего предположенія. Возмутивъ общественное спокойствіе, сдѣлавшись виною убійствъ, онъ дѣйствительно заслужилъ казнь; но сердце его было свободно отъ напика ко злу, отъ того ожесточенія, которое бываетъ удѣломъ людей, долго жившихъ явными злодѣйствами, привыкшихъ не только попирать права человѣчества, но и поставлять въ томъ свое удовольствіе и честь. Напротивъ, обличеніе, сдѣланное покаявшимся своему сообщнику, обнаруживаетъ въ обличающемъ совѣсть чувствительную, сердце не чуждое страха Божія, твердо вѣрящее въ будущія по смерти награды праведныхъ и наказаніе нечестивыхъ.

Для такого человѣка пребываніе въ темницѣ не могло не имѣть полезныхъ слѣдствій. Мечты разсѣялись, совѣсть пробудилась, разсудокъ принялъ свои права; и то, что прежде казалось плодомъ благоразумія или необходимости, представилось слѣдствіемъ страсти и буйства. Зная духъ римскаго правленія, противнику римлянъ нельзя было ожидать помилуванія; посему дни заключенія были вмѣстѣ днями приготовленія къ смерти: новое побужденіе къ покаянію! Одна мысль о смерти останавливаетъ многихъ на пути беззаконія: чего не можетъ произвести надъ сердцемъ грѣшника самое приближеніе смерти!— Въ сіи минуты и каменныя сердца смягчаются: удивительно ли если сердце

чувствительное сдѣлалось особенно способнымъ къ покаянію?

Съ другой стороны, съ увѣренностію можно утверждать, что покаявшійся, до своего заключенія въ темницу, былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ чудесъ Иисуса Христа, можетъ быть, даже слушателемъ Его, и раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими увѣренность, что человекъ, такъ учащій и такъ чудодѣйствующій, долженъ быть Посланникъ Божій (это первая мысль, которая сама собою рождается въ умѣ, при слышаніи словъ, произнесенныхъ имъ со креста *). Темничное усиденіе посему еще болѣе привело на память бесѣды Иисуса Христа, столь трогательныя для кающихся грѣшниковъ. «Иисусъ проповѣдывалъ свободу; но не одобрялъ возмущеній: Его свобода есть свобода истины и добродѣтели. Ахъ! если бы возможно было теперь слѣдовать сему ученію. Но крайней мѣрѣ, еще разъ услышать Божественнаго Учителя! Получить отъ Него прощеніе во грѣхахъ!» Наступаетъ часъ казни,—и раскаявшійся преступникъ внезапно видитъ себя съ Иисусомъ, узнаетъ, что ему и Пророку Галилейскому надлежитъ претерпѣть одну и ту же смерть!... Зрѣлище печальное—видѣть праведника, осужденнаго на поносную казнь, но для кающагося грѣшника нѣкоторымъ образомъ отрадное!—Для кого не отрадно умереть вмѣстѣ съ праведникомъ,

*) Нѣкоторые изъ отцевъ (Hieron in 27 Matth. Chryfost. Hom 2 de cruce et latrone) предполагали даже, что покаяніе разбойника было между прочимъ, слѣдствіемъ того, что онъ увидѣлъ чудесныя знаменія, какъ-то: землетрясеніе, расторженіе камней, и пр. Но знаменія сіи послѣдовали за смертью Иисуса Христа, а покаявшійся принесъ исповѣданіе прежде.

вмѣстѣ съ нимъ пройти мракъ гроба и явиться къ Судіи небесному?—И кающееся сердце еще почиѣе утверждается въ святыхъ чувствахъ, еще сильнѣе располагается къ Иисусу. И какъ не расположиться!—Его проткое спокойствіе и беззлобіе, разительныя слова Его къ женамъ и дочерямъ іерусалимскимъ, великодушіе, съ коимъ отвергнуто питье, омрачающее чувства, чистѣйшая молитва за своихъ распинателей, могли тропуть всякаго, кто имѣлъ слухъ и сердце *).

Оставалось преобѣднить одну трудность—признать за Мессію человѣка распятаго, приближающагося къ смерти. Но, посліку она преобѣждена, то мы смѣло можемъ предполагать, что покаявшійся былъ и прежде свободнѣе другихъ отъ всеобщаго предразсудка о безсмертіи Мессіи, и имѣлъ какое либо понятіе о Его страданіяхъ. И почему бы нельзя было сдѣлать такого предположенія? Если исторія не слишкомъ благопріятствуетъ ему, то и не исключаетъ его совершенно **). Вскорѣ послѣ времени Иисуса Христа, уже находимъ у іудеевъ мнѣніе о двухъ Мессіяхъ, славномъ и страдающемъ, раскрытое во всѣхъ подробностяхъ ***). Закопъ исторической постепенности требуетъ, чтобы начало такого образа мыслей предполагаемо было во временахъ предшествующихъ. И не имѣли-ль іудеи предъ глазами множества пророчествъ, въ конхъ Мессія описывается страдающимъ и умирающимъ? ****) Что сіи

*) Теоф. и Евѣ. толк. на 27 Мат.

**) Kuinöl Comment. in Johan. 1, 29.

***) Schötlgenii Hor. Hebr. et Talmud.

****) Cruger Comment. de verisimillima oraculi Jcs. 56 interpretandi ratione. 1809.

пророчества пачали быць прылагаемы къ Мессіи еще до Ісуса Христа, за сіе ручаеця уже весь новыи завѣтъ. Неоспоримо притомъ, что лучшіе изъ іудеевъ ожидали отъ Мессіи очищенія грѣховъ народа Божіа (Лук. 1, 7; 2, 30); вѣрили, что по сему самому явленію Его сопряжено будетъ со многими бѣдствіями *), что даже Онъ самъ многими будетъ отвергнутъ (Лук. 2, 34). Но отъ такого образа мыслей далекъ ли переходъ къ мнѣнію, что Мессія для искупленія грѣховъ подвергнется страданіямъ и смерти? Если бы даже совершенно никто изъ іудеевъ не ожидалъ Мессіи страдающаго; то одинъ Іоаннъ Креститель, изображавшій Ісуса Христа Мессіею и вмѣстѣ *Агнецъ Божійъ, вземлющій грѣхи міра*, могъ поселить во многихъ іудеяхъ вѣру въ Мессію страдающаго. Сія же вѣра могла возбудиться во многихъ собственными словами Ісуса Христа, который не разъ всенародно свидѣтельствовалъ, что Сыну челоуѣческому надлежитъ пострадать, *дабы войти въ славу свою*. Вообще надобно предположить, что проповѣдію Іоанна Крестителя и Ісуса Христа, предразсудокъ о земномъ царствѣ Мессіи былъ весьма ослабленъ: иначе крестъ Іисусовъ произвелъ бы въ послѣдователяхъ Его гораздо болѣе ужаса и перемѣны, нежели сколько видимъ.

Сообразивъ все сіе, не трудно представить, какимъ образомъ одинъ изъ распятыхъ съ Іисусомъ Христомъ преступниковъ вдругъ содѣлывается, по выраженію отцовъ Церкви, мученикомъ **), евангелистомъ ***)

*) Schötlgenius in l. c.

***) Cyprian Epistol. ad Fabian.

***) Athanasius in Serm. in Parasceve.

и пророкомъ *). Живо чувствуя собственное педостойнство и готовясь къ смерти, онъ зреть предъ собою вѣчность и Судію живыхъ и мертвыхъ. Видъ ужасный!—«О, если бы Праведникъ, вмѣстѣ со мною страждущій, былъ Мессія? Такъ, это точно Опъ!—Во смиреніи судъ Его взятся; Онъ, какъ овча, веденъ былъ на закланіе, какъ агнецъ, не отверзалъ устъ своихъ,—Опъ, который однимъ словомъ воскрешалъ мертвыхъ!—Напрасно враги вмѣняютъ Его быть *въ трудъ, въ язвъ отъ Бога и въ озлобленіи*. Опъ грѣхи наши поситъ и о насъ болѣзнуетъ; Онъ мучится за беззаконія наши: *«наказаніе мира нашего на Немъ»* (Исаі. 53, 1—40). Мысль—утѣшительная для совѣсти, уязвленной раскаяніемъ; и кающійся грѣшникъ, въ порывѣ святаго чувства, спѣшитъ облобызать вѣрою крестъ Того, въ коемъ опъ видитъ Искупителя и Судію: *«помяни мя, Господи, егда прійдеши во царствіи Твоемъ!»*

Впрочемъ вѣра покаывшагося, во всякомъ случаѣ, достойна удивленія; и кто имѣлъ ее, тотъ достоинъ былъ войти въ рай, вмѣстѣ съ Начальникомъ и Совершителемъ вѣры. Пусть опъ зналъ объ ученіи и чудесахъ Иисуса Христа: кто же не зналъ сего изъ тѣхъ людей, кои теперь издѣваются надъ Нимъ? Пусть обстоятельства содѣйствовали его обращенію: но другой распятый развѣ не въ подобныхъ находился обстоятельствахъ? Однако же мы видимъ въ немъ человѣка нераскаяннаго. Покаывшійся сдѣлалъ то, чего на его

*) Chrysost. sermo in Parasceve.

вѣстѣ, можетъ быть, не сдѣлали бы многие и многие... «У него, разсуждаетъ Григорій Великій *), оставались только сердце и уста свободны; и онъ принесъ Богу въ даръ все, что имѣлъ: *сердцемъ уверовалъ въ правду, а устами исповдалъ во спасеніе.*»—«Не знаю, признается блаж. Августинъ **), чего бы не доставало сей вѣрѣ: подлинно, Иисусъ Христосъ не пашель подобной въ цѣломъ народѣ іудейскомъ, даже въ цѣломъ мірѣ.» Св. Златоустъ замѣтилъ еще въ покающемся высокую черту любви къ ближнимъ, которая побудила его прежде пецись о спасеніи своего сообщника, а потомъ уже просить Господа и о себѣ.

Тѣмъ непростительнѣе, когда грѣшники, злоупотребляя примѣромъ покающагося на крестѣ разбойника, воображаютъ, что, проведши всю жизнь во грѣхахъ, они предъ самою смертію успѣютъ исправиться, и минутнымъ поканіемъ заслужить цѣлую вѣчность блаженства. Не отвергая той утѣшительной, вытекающей изъ сущности христіанства, истины, что самое позднее раскаяніе, по силѣ вѣры въ заслуги Искупителя, можетъ быть дѣйствительно, не отвергая, говорю, сей истины, которая впрочемъ, по самому духу христіанской религіи, требуетъ многихъ ограниченій, и коея дѣйствительное событіе надъ грѣшниками извѣстно только одному Богу,—должно сказать, что примѣръ разбойника, покающагося на крестѣ, по самому существу своему, не менѣе способенъ возбудить страхъ, какъ и надежду. Чтобы прилагать къ себѣ сей при-

*) Moral. cap. 13.

**) Serm. de feria 3. Paschat. также L. 1 de anima et eius origine. cap. 9.

мѣръ, надобно вообразить себя находящимся въ ужасномъ положеніи покаявшагося, и между тѣмъ имѣющимъ такую вѣру, какою, по словамъ Августина, не пашлось въ цѣломъ мірѣ. Послѣ сего каждый почувствуетъ, чего стоитъ рай, даруемый; повидимому, за одно слово!

Подобнымъ образомъ рассуждалъ о покавшемся на крестѣ разбойникѣ и св. Димитрій Ростовскій, предполагая, что онъ помилованъ, между прочимъ, за прежнія нѣкоторыя добрыя качества и дѣла его, и что посему грѣшники не должны злоупотреблять примѣромъ сего разбойника, отлагая свое покаянiе до смерти. *«Не вси, пишетъ святитель, то (прощенiе грѣховъ) получаютъ, и не мнози, но мало нѣкто, ильци токмо развѣ тымъ, иже въ житiи своемъ, аще и грѣшномъ, имѣяху нѣкая добрая дѣла, достойная отъ Господа воспоминовенiя и милосердiя, якоже и о разбойникѣ повѣстуется: егда бо пречистая Мати Божiя съ Сыномъ своимъ и со св. Иосифомъ обручникомъ, бѣжащи отъ Ирода, грядше въ Египетъ, нйдѣ въ пустыхъ мѣстахъ нападоша на нихъ разбойницы и хотяху отнять осла, на немъ же малая нѣкая своя потребная несяху, иногда же Мати со Отрочатемъ везяшея: единъ убо отъ разбойникъ тѣхъ, видѣвъ Отроча зѣло красное, и удивився красотѣ необычной, рече: аще бы Богъ принялъ на ся тѣло человеческое, не бы былъ краснѣйшій паче Отрочате сего: то рекъ, воспрети другомъ своимъ озлобити сихъ путниковъ. Той разбойникъ потомъ распятъ съ Господомъ нашимъ. Се слыши ты, каковымъ подается при кончинѣ покаянiе и прощенiе!»* (Соч. св. Димит. част. 2. 1818, стр. 421—2).

ЧУДЕСНЫЯ ЗНАМЕНІЯ СЪ ИХЪ ПОСЛѢДСТВІЯМИ.

(Землетрясеніе и его обширность.—Раздраніе завѣсы въ храмѣ и его знаменованіе.—Воскресеніе мертвыхъ.—Кто возстали и когда?—Выраженность знаменій и ихъ нравственное значеніе.—Перемѣна образа мыслей объ Иисусѣ Христѣ въ неблагорасположенныхъ до толѣ іудеяхъ.—Вѣра и исповѣданіе сотника.—Ожесточеніе первосвященниковъ.— Откуда оно и до чего простиралось?)

Доколѣ Богочеловѣкъ оставался въ живыхъ, природа какъ бы не хотѣла возмущать послѣднихъ минутъ Его необыкновенными явленіями и страдала съ Господомъ своимъ бѣзмолвно: одно только солнце, по выраженію Златоуста *), не могло освѣщать позорища безчеловѣчія. Но едва Господь предалъ духъ свой въ руки Отца, открылся рядъ знаменій, которыя всему міру показали, что одинъ изъ крестовъ, стоящихъ теперь на Голгоѣ, несравненно святѣе храма іерусалимскаго.

Первымъ знаменіемъ было **) землетрясеніе, столь

*) Homil. in Pass. Domini.

**) Ев. Лука слѣдуетъ другому порядку при повѣствованіи о сихъ событіяхъ. Онъ говоритъ о нихъ прже, нежели о смерти Иисуса Христа, и не раздѣляетъ по времени землетрясенія и прочихъ знаменій отъ помраченія солнца. Здѣсь исторія излагается по сказанію Маттея и Марка, потому что а) они говорятъ раз-

сильное, что многія изъ каменныхъ скалъ, копми наполнена Іудея *), разсѣлись и гробницы, въ нихъ заключавшіяся, открылись, какъ бы для принятія силы Того, Коего не могъ ограививать его собственный гробъ... Явленія сего, нѣкоторымъ образомъ, надлежало уже ожидать послѣ необыкновеннаго помраченія воздуха, съ коимъ оно состояло, по видимому, въ связи; тѣмъ не менѣе оно служило разительнымъ свидѣтельствомъ самаго неба о невинности и божественномъ достоинствѣ распятаго Іисуса. Если Господь творить ангелами и слугами своими естественныя силы природы, то онѣ, при всей ограниченности своей, суть тогда непосредственные провозвѣстники воли и славы Божіей, и смертные должны внимать вѣщанію ихъ, какъ гласу самого Бога. Только великій Правитель міра, повелѣвающій *земль трястися*, могъ повелѣть ей сотрястися въ ту самую минуту, когда Іисусъ Христосъ предавалъ духъ свой.

Страшное, само по себѣ, землетрясеніе было еще страшнѣе, если подземные удары (какъ должно предполагать) послѣдовали вдругъ за смертію Іисуса Христа. Заколебавшіяся отъ землетрясенія кресты должны представлять въ это время самое разительное зрѣлище: издали могло казаться, что распятыя слятся сойти съ крестовъ.

Кириллъ Іерусалимскій, спустя три вѣка, въ слухъ

дѣльнѣе о семъ предметѣ, в) ев. Лука часто совокупляетъ въ одно время событія разновременныя. August. de consens. Evang. 1. 3. c. 13.

*) Strabo 4 p. 751 Michaël. in Anmerkung. ad Matth. 27. 60.

всѣхъ христіанъ іерусалимскихъ говорилъ, что на скалахъ, окружающихъ Голгоѳу, сохранились еще разсѣлины, произведенныя землетрясеніемъ во время страданій Христовыхъ *). И Флавій рассказываетъ **) объ одномъ землетрясеніи въ Іудей, совпадающемъ по времени съ описываемымъ нами, которое, по словамъ его, произвело великія опустошенія.

Необѣдимая сила креста не остановилась на трепещущей землѣ, проникла въ храмъ іерусалимскій, и произвела явленіе, изъ коего *для имѣющихъ очи видѣть* весьма ясно открывалось, что Мессія, ожидаемый народомъ іудейскимъ, уже пришелъ. Внутренняя завѣса храма ***) , отдѣлявшая святое-святыхъ отъ святилища, внезапно расторглась теперь съ верхняго края до самаго низу (такъ что ковчегъ завѣта, херувимы и прочія св. вещи, хранившіяся во святомъ-святыхъ, коихъ никому не позволено было видѣть подъ опасеніемъ смерти, теперь, по необходимости, были видимы для каждаго, находившагося въ храмѣ, священника).

*. Kathesch. 13.

** De Bell. I 1. c. 19. § 3. 4.

***) Въ храмѣ было двѣ завѣсы: одна, здѣсь упоминаемая; другая, отдѣлявшая внѣшнюю часть, или преддверіе отъ *святого*. Евангелистъ не означаетъ, какая именно завѣса расторглась. Но, поелику у Моисея внутренняя завѣса постоянно называется *парохетъ*, а внѣшняя *масалъ*, и 70 толковниковъ первое слово постоянно переводили *катапетабра*, а послѣднее *колумна*, — какое различіе въ сихъ словахъ наблюдалось и писателями іудейскими (Phil. de vit. Mos. 2. p. 667. Joseph. Antiq. 5. 5. 4.): то нѣтъ сомнѣнія, что и у евангелиста *катапетабра* означать завѣсу внутреннюю (Conf. Vупаеus).

Чтобы вполне понять внутреннее отношеніе сего событія къ смерти Мессіи, и то дѣйствіе, которое оно могло имѣть на умы іудеевъ, должно привести на память составъ храма іерусалимскаго, образъ мыслей іудеевъ о храмѣ и Мессіи, и вообще духъ религіи Моисеевой.

Святое-святыхъ было послѣднею изъ трехъ частей храма, неприступною для самыхъ священниковъ, коимъ позволялось входить только во *святое* (вторую часть) и, въ мнѣніи іудеевъ, означало небо, гдѣ обитаетъ самъ Богъ. Завѣса, отдѣлявшая Святое Святыхъ, состоя изъ ткани всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, по сказанію Флавія *), изображала собою весь міръ, и поднималась для одного первосвященника не болѣе какъ однажды въ годъ, въ *день очищенія*, когда онъ съ бровію тельца, заклапаго за грѣхи всего народа, являлся самому лицу Божію (Евр. 9, 7). Надъ ковчегомъ завѣта предполагалось невидимое обитаніе Іеговы, который, какъ Царь народа еврейскаго, избраннаго Имъ въ особенное достоинствіе, открывалъ иногда съ сего мѣста волю свою. Въ семь отдѣленій храма вовсе не было свѣта: символъ непостижимости Іеговы, который еще Моисею сказалъ, что человекъ не можетъ видѣть лица Его, не подвергаясь смерти (Исх. 33, 20). Посему-то входъ во святое-святыхъ, исключая первосвященниковъ, возбраненъ былъ всякому, подъ опасеніемъ смертной казни **).

*) Flav. Antiq. L. 3. c. 5 и 8.

**) Вообще можно полагать, что таинственное знаменованіе свинни, изображенное ап. Павломъ въ посланіи къ евреямъ, предварительно было извѣстно евреямъ хотя не вполне.

Съ другой стороны, іудеи ожидали, что Мессія истребитъ народъ израильскій отъ всѣхъ грѣховъ, такъ что не нужно болѣе будетъ никакихъ жертвъ (Лук. 1, 76. 77), почему, кромѣ другихъ именъ, и называли Его великимъ первосвященникомъ *). Вѣрили также, что Мессія *откроетъ лице Іеговы*: объяснить всѣ сомнѣнія касательно религіи, установитъ новое, лучшее богослуженіе; что устройство храма при семъ или переимѣнится, или вовсе уничтожится; ибо Онъ самъ будетъ *вмѣсто храма, а плоть Его вмѣсто завѣсы*.

Итакъ, раздрапная рукою самого Бога завѣса и открытое, Его невидимою силою, святос-святыхъ, являли всѣмъ, особенно священникамъ, что Богъ не благоволитъ болѣе *обитать во мѣль* (Евр. 8, 5. 6), не хочетъ уже быть чтимымъ такъ, какъ Его чтили до толѣ—кровію козловъ и тельцовъ (Евр. 10, 4. 5. 7), что истинная, единая жертва—Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, принесена уже на Голгоѣѣ за все міръ; вслѣдствіе чего неприступный престолъ страшнаго Іеговы долженъ сдѣлаться престоломъ благодати, приступнымъ для всякаго (Евр. 10, 29; 7, 19. 20)

Священники, находившіеся тогда въ храмѣ на чредѣ служенія, должны были придти внѣ себя при семъ безпримѣрномъ для нихъ явленіи. Раздрапная завѣса, безъ сомнѣнія, была вскорѣ замѣнена новою, и народъ не видалъ сего явленія: по слухъ о немъ не могъ остаться въ кругу однихъ служителей храма, распро-

*; Такъ называется Мессія у Филона. V. Berthold, *Christologia judaeorum, Jesu Apostolorumque aetate*. Eisenmenger.

страшился, безъ сомнѣнія, въ народѣ, производя благоприятное расположеніе въ пользу христіанства.

Что касается до способа, коньмъ раздралась завѣса, то нѣтъ нужды допускать здѣсь особаго чуда. Когда, дѣйствіемъ всемогущества Божія, тряслась вся земля и расторгались каменныя скалы; то вмѣстѣ съ снмъ тѣмъ удобнѣ могла раздраться завѣса, которая, вслѣдствіе строгаго закона о неприступности святаго-святыхъ, со всѣхъ сторонъ была плотно прикрѣплена ко входу, ея закрываемому. По свидѣтельству Іеронима *), въ евангеліи къ евреямъ (до насъ недошедшемъ), было написано, что самый сводъ святаго-святыхъ, къ коему привѣшивалась завѣса, разсѣлся на двѣ части. Сказаніе сіе, весьма сообразное съ обстоятельствами землетрясенія, еще болѣе объясняетъ, какъ разорвалась завѣса.

Наконецъ, дѣйствіе естественнаго, по видимому, землетрясенія простерлось далѣе предѣловъ естества, какъ бы для того, чтобы невѣріе, — іудейское ли оно или христіанское, — лишено было всѣхъ возможныхъ причинъ предполагать, что необыкновенныя знаменія сами собою стеклись и окружили крестъ Іисуса. Мы разумѣемъ воскресеніе мертвыхъ, коньмъ, по свидѣтельству ев. Маттея, заключился рядъ чудесныхъ знаменій голговерскихъ. Чѣмъ необыкновеннѣе сіе событіе, тѣмъ болѣе хотѣлось бы нѣкоторымъ знать его во всѣхъ подробностяхъ: но откровеніе, какъ во многихъ другихъ

*) Comment. ad Matth. 27, 51. „In Evangelio, cujus saepius mentionem fecimus, superliminare templi, infinitae magnitudinis, fractum atque divisum esse legimus.»

случаяхъ, такъ и здѣсь, не удовлетворяетъ любопытству. Посему намъ остается только привести нѣсколько сказаній о семъ событіи древнихъ учителей Церкви, Но прежде повторимъ слова самого евангелиста:

«И гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа: и изшедше изъ гробъ, по воскресеніи Его (Исуса Христа), внидоша во святыи градъ и левишася мнози» (Мат. 27, 52. 53).

Кто сіи воскресшіе, и сколько ихъ?

Изъ словъ св. Матѳея видно только, что ихъ было много, и что всѣ они были—святые: а кто именно и сколько—не видно. Посему одни изъ древнихъ учителей полагали, что въ сіе время воскресли многіе патриархи и пророки; особенно тѣ, кои находились въ родственномъ союзѣ съ Исусомъ Христомъ, какъ: Авраамъ, Давидъ; или служили прообразованіемъ Его лица, какъ Іовъ, Мелхиседекъ *) и другіе. Другіе, имѣя въ виду, что давно умершимъ (трудно быть узнаваемыми, думали **), что воскресшіе теперь святые принадлежали къ числу недавно умершихъ, каковы были Сумеонъ Богопріимецъ, Анна пророчица, Іосифъ обрученникъ и проч. Можно присовокупить къ сему, что воскресли одни тѣ, кои погребены были въ окрестностяхъ Іерусалима; ибо древнѣйшее и постоянное преданіе говоритъ ***), что скалы (въ конхъ находились гробы) распались только около Іерусалима. Таки

*) Conf. Cornel. a lapide in Matth. 27, 53.

**) Eriphan. in Anchor. c. 102.

***) Cyrill. Hier Catech. 13. Orig. in Math. 27.

пазываемое евангеліе Никодимово рѣшительно указать въ семь случаѣ на воскресеніе двухъ сыновъ Симеона Богопріимца.

Когда послѣдовало воскресеніе святыхъ?

И здѣсь одинъ изъ древнихъ вѣрли *), что они воскресли вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ, который, по смерти своей, сошелъ во адъ, извелъ ихъ оттуда съ собою. Главною основою сего вѣрованія, кромѣ ихъ образа мыслей о сошествіи Іисуса Христа во адъ и самомъ адѣ, служили слова апостола: *«иже (Христось) есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ Той первенствующая»* (Кол. 1, 18). Но большая часть отцевъ Церкви всегда принимала **), что воскресеніе святыхъ послѣдовало непосредственно за смертію Іисуса Христа. Такое мнѣніе гораздо согласнѣе съ словами евангелиста, который нимало не отдѣляетъ по времени сего событія отъ землетрясенія и расторженія завѣсы. Вышеприведенныя слова апостола не противорѣчатъ ему: иначе они противорѣчили бы воскресенію всѣхъ людей, кои чудеснымъ образомъ встали изъ мертвыхъ до воскресенія Христова, или взяты на небо, подобно Ілліи и Еноху ***).

Прочіе вопросы: касательно явленія святыхъ во Іеру-

*) Hieron. in Matth. 27 *Quaerquam in obitu Christi monumenta patuerint, tamen non ante surrexerunt, quam Dominus surgeret, ut esset primogenitus resurrectionis ex mortuis.* Orig. in Matth. 27.

***) Chrys. Theoph. Euthym. in Matth. 27.

***) Calmeti Dissert. de Resurrectione Patrum, qui temp. Chr. redierunt ad vitam. Conf. Berthold de Christologia judaeorum, Iesu Apostolorumque aetate. 1811. § 35 p. 176.

салнмѣ, лицѣ, вопмѣ они являлись, ихъ послѣдующей жизни и проч. — срѣтять насъ въ исторіи воскресенія Иисуса Христа, къ которой они существенно и принадлежатъ. Въмѣсто того, чтобы предаваться любопытству, гораздо полезнѣе обратить вниманіе на то, какъ величественны знаменія, возвѣстившія смерть Богочеловѣка, какъ сообразны они съ достоинствомъ Сына Божія, съ цѣлю Его пришествія въ міръ, съ духомъ религій, Имъ проповѣданной.

Всѣми оставленный, поруганный, изъязвленный, умирающій на крестѣ посреди злодѣевъ, Страдалецъ есть едиnorodный Сынъ Отца, Слово, которымъ все сотворено и все содержится, Богъ неба и земли, видимыхъ и невидимыхъ: и вотъ, умирающій гласъ Его сотрасаетъ небо и землю, вся природа свидѣтельствуетъ Ему покорность, яко Владыкѣ, признаетъ торжественно Господомъ своимъ и на крестѣ!...

Умирающій среди поношеній и мукъ, Страдалецъ есть великій Ходатай Бога и человѣковъ, который, принявъ на себя грѣхи всего рода человѣческаго, долженъ не съ кровію (Евр. 9, 8—12) козловъ и тельцовъ, но съ своею собственною едножды войти во святилище, дабы предстать лицу Божію (Евр. 10, 24), и потомъ упразднивъ своимъ жертвоприношеніемъ всѣ жертвы, оставить послѣ себя отверстымъ для всякаго непреступный дотолѣ путь къ престолу благодати (Евр. 10, 19): и вотъ, когда принесена жертва Голгоубская, — храмъ іерусалимскій — скинія ветхаго завѣта, долженствовавшая стоять, доколѣ не придетъ Ходатай завѣта новаго (Евр. 9, 10), колеблется теперь въ своемъ основаніи, означая премьненіе колеблемаго, такъ какъ уже совер

шившагося (Евр. 12, 27); завѣса, сокрывающая святосвятыхъ, расторгается съ верху до низу; престолъ Іеговы выходитъ изъ мрака, его окружавшаго, — да вѣдаютъ священники по чину Ааронову, да вѣдаетъ весь народъ израильскій, что *Первосвященникъ по чину Мелхиседекову* уже пришелъ и принесъ свою жертву, что наступило время новаго завѣта сынамъ Израилевымъ, который долженъ быть начертанъ не на скрижаляхъ, а на сердцахъ (Евр. 8, 9. 10; 10, 16).

Умирающій на крестѣ Страдалецъ есть воскресеніе и животъ всѣхъ, вѣрующихъ во имя Его; Онъ для того и вкусилъ смерть, дабы смертію своею разрушить *державу смерти и избавить тѣхъ, кои изъ страха смерти, чрезъ всю жизнь были подвержены рабству* (Евр. 2, 14. 15): и вотъ, едва Іисусъ Христосъ вступилъ въ область смерти, держава ея начинаетъ разрушаться, гробы отверзаются, тѣла усопшихъ встаютъ, и востаниемъ своимъ увѣряютъ, что Іисусу Христу дана всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ (Мат. 28, 18), что Онъ имѣетъ *ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18), и что непременно наступитъ нѣкогда тотъ день, когда всѣ, находящіеся во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ (Іоан. 5, 25). Явленіе воскресшихъ во Іерусалимѣ должноствовало убѣдить каждого, что саддукеи, кои тогда весьма усилились съ своимъ безотраднымъ ученіемъ, прельщаются и прельщаются, *многомоще не быти воскресенію* (Дѣян. 23, 8).

Умирающій Іисусъ есть Основатель и Глава новаго завѣта благодати, въ коемъ цѣтъ уже грѣха, побѣждающаго человеколюбіе, въ коемъ гдѣ *умножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать* (Рим. 5, 20),

въ коемъ Сынъ Божій является не Судією только міра, но и его Спасителемъ: и какъ вротки знаменія, стекніися вокругъ креста Іисуса-Спасителя! Небо помрачается, но не дождитъ огня и жупела на Іерусалимъ невѣрный, какъ одождило нѣкогда на грады, преогорчившіе Бога; земля сотрясается, но убійцы Іисуса стоятъ на ней съ такою же безопасностію, какъ и плачущіе друзья Его. Самые гробы отверзаются не для того, чтобы поглотить живыми гонителей Сына Божія, достойныхъ смерти вѣчной; изъ нихъ встаютъ сонмы праведныхъ, дабы своимъ явленіемъ проповѣдать Іерусалиму покаяніе и вѣру въ Мессію, имъ отверженнаго.

Не таковы были знаменія ветхаго завѣта. Тамъ мгла дѣти посмѣваются надъ естественнымъ недостаткомъ престарѣлаго пророка: и внезапно выходитъ изъ пустыни львица и растерзываетъ проклятыхъ пророкомъ дѣтей на части (4 Цар. 2, 24). Тамъ два сына Аароновы приносятъ, вмѣсто святилящнаго, чуждый огонь на жертвенникъ: и сами немедленно посядаются огнемъ небеснымъ, и родителю воспрещается даже скорбѣть о ихъ казни (Числ. 3, 25). Тамъ презрители лица Моисея, по выраженію апостола, только вѣрнаго раба въ дому Божіемъ (Евр. 3, 5), псходятъ живые во адъ (Числ. 16, 35): здѣсь презрители, убійцы единороднаго Сына Божія остаются живы.

Таковы знаменія Бога-Искушителя! Таковъ благотворный духъ религіи Іисуса, непознанный до времени еще самыми апостолами (Мат. 12, 4)! Такова жертва любви, предъ кою не воспоминаются неправды человѣческія (Іерем. 31, 31—34; Евр. 8, 12)!

Примѣръ трепещущихъ тварей не остался совершенно безъ дѣйствія и для разумныхъ существъ. Многіе изъ иудеевъ, бывшихъ на Голгоѣ, видя страшныя знаменія, поражены были недоумѣніемъ и ужасомъ. Въмѣсто глословія и клеветы, вокругъ креста почивнаго Иисуса гоцарилась безмолвіе и тишина. Тамъ и здѣсь видны были люди, съ поникшими главами возвращающіеся въ городъ. Болѣе чувствительныя плакали и били себѣ въ перси (Лук. 23, 48). Мыслие, что распятый Иисусъ есть Сынъ Божій, снова начало пробуждаться во всей силѣ. Теперь отъ сердца многіе, даже изъ злословившихъ, сказали бы: «спиди со креста; мы вѣруемъ въ Тебя,» во *левъ отъ Иуды* уже почилъ; и кто возбудить его?...

И римскіе воины увидѣли теперь, что Тотъ, когото они охраняютъ мертвое тѣло, едва ли не выше всѣхъ божествъ ихъ. Они не знали Бога Израилева; но Богъ всея природы, по манію коего колебалась теперь земля, извѣстенъ всякому. Стоя на трепещущей Голгоѣ и сознавая себя виновными предъ умершимъ Праведникомъ, стражи отъ сильнаго страха не знали, что предпринять: во единодушно говорили, что распятый Страдалецъ долженъ быть *Сынъ Божій* (Мат. 17, 54).

Особенно пораженъ былъ благоговѣніемъ и удивленіемъ римскій сотникъ, начальствовавшій надъ стражею. Вниманіе въ Иисусу Христу возбудилось въ немъ еще прежде (Мар. 15, 39) страшныхъ знаменій, вѣроятно, отзывомъ прокуратора о Его невинности и разительными словами, сказанными Господомъ на пути въ Голгоѣ и со креста. Если онъ не воспретилъ своимъ воинамъ глумиться вмѣстѣ съ первосвященниками, то самъ не участвовалъ въ насмѣшкахъ. По замѣчанію

ев. Марка (Мар. 15, 39), сотникъ стоялъ прямо противъ креста, когда Иисусъ Христосъ предалъ духъ, наблюдая, вѣроятно, не только за послѣдними словами, но и выраженіями лица Богочеловѣка. Уже громкія восклицанія Иисуса предъ смертію казались ему весьма удивительными. Заключая изъ нихъ объ избыткѣ въ Немъ тѣлесныхъ силъ, онъ не иначе изъяснялъ себѣ скорую, за тѣмъ послѣдовавшую, смерть Его, какъ слѣдствіемъ благоволенія боговъ, восхотѣвшихъ прекратить страданія своего любимца. Наконецъ, страшное землетрясеніе, разсыпавъ остающіяся въ душѣ сотника сомнѣнія, обнаружило вѣру его во всей полнотѣ и силѣ. Признавая вмѣстѣ съ прочими воинами, что Иисусъ есть дѣйствительно *Сынъ Божій*, онъ не остановился на семъ хладномъ признаніи, но въ слухъ всѣхъ *прославилъ* Бога (Мар. 15, 39), который такъ грозно являлъ теперь смертнымъ, что рано или поздно Онъ награждаетъ добродѣтель и наказуетъ зло, попускаетъ иногда страданія на праведныхъ, даже смерть, но и въ самой смерти показываетъ, что *упованіе ихъ исполнено безсмертія* (Прем. 3, 4).

Непосредственный переходъ сей отъ страха и удивленія къ прославленію Бога служить доказательствомъ, что характеръ сотника и прежде отличался набожностію, и что онъ, по образу мыслей своихъ, достоинъ былъ чести стоять на стражѣ у креста Христова. Нѣтъ сомнѣнія, что слова: «Сынъ Божій» — въ устахъ его, теперь имѣли значеніе не выше того, какое давалъ имъ Пилать *): но древнее преданіе утверждаетъ, что

*) «Нѣкоторые повѣствуютъ, что сотникъ сей, утѣдившись Иннокентій. Сочиненія. II.

Лонгинъ (има сотника) узналъ впоследствии въ Иисусѣ истиннаго Сына Божія и своею бровію засвидѣтельствовалъ твердость исповѣданія, произнесеннаго имъ на Голгоѣѣ. Церковь ублажаетъ страданія его 16 октября *).

Исповѣданіемъ сотника окончилось видимое дѣйствіе страшныхъ знаменій на сердца людей, обружающихъ крестъ Иисуса.

Но не ужели сіи чудесныя явленія не произвели никакого дѣйствія въ умѣ первосвященниковъ и старѣйшинъ іудейскихъ, — тѣхъ людей, кои, можно сказать, были ихъ главною причиною, вознесши, въ безуміи своемъ, на крестъ Господа славы?

Къ сожалѣнію, на сей важный вопросъ нельзя не отвѣчать отрицательно. Въ то время, какъ помрачалось небо, тряслась земля, распадались каменныя скалы, отверзались гробы и вставали мертвые, въ то самое время первосвященники помышляли о приличіи праздника, требовавшемъ, чтобы тѣла распятыхъ не оставались долго предъ лицомъ торжествующаго Іерусалима! — о средствахъ, какъ сократить жизнь несчастныхъ! — о новомъ посрамленіи Иисуса, намѣреваясь предать тѣло Его землѣ вмѣстѣ съ тѣлами злодѣевъ! — Явленіе ужасное для сердца, любящаго человечество, нежелающаго видѣть между людьми изверговъ, достойныхъ ада!

въ вѣрѣ, претерпѣвъ, впоследствии, мученія за Христа». Заат. Бесѣд. на Мат. 27.

*) Tillemont. Memoires et c. t. I. p. 81 и 251. Чет. Мин. на 16 окт. Cornel. a lap. in Matth. 27, 54, гдѣ можно видѣть и другое мнѣніе.

«Такова, восклицаетъ при семъ св. Златоустъ, — сила зависти! Враги Иисуса Христа единожды и навсегда обрекли себя на всѣ злодѣянiя» *). Но не одна зависть обладала сердцами первосвященниковъ и книжниковъ: обладала и суевѣрная приверженность къ преданiямъ старцевъ, къ своимъ мнѣнiямъ, кои, какъ зловредныя, постоянно были отвергаемы Иисусомъ Христомъ; обладало алчное корыстолюбiе, соединенное съ притѣсненiемъ ближнихъ, Имъ перѣдко обличаемое; обладали личная ненависть и злоба, столько разъ раздражаемая; обладалъ наконецъ стыдъ — явиться предъ всѣмъ народомъ iудейскимъ убийцами Мессii или, по крайней мѣрѣ, пророка. Столько демоновъ (пбо такъ по справедливости называются страсти отъ св. отцевъ) — до какой слѣшоты и ожесточенiя не могли довести сердца, и безъ того давно ожестѣляя, хладныя къ истинѣ и добродѣтели, преданныя фанатизму, или чувственности, привыкшия самую религiю употреблять въ орудiе страстей, самыхъ низкихъ! Фараонъ, Даоанъ и Авироцъ уже давно представили собою примѣръ ослабленiя и упорства, видимыхъ теперь въ старѣйшинахъ iудейскихъ. — Злое сердце всегда нестойчимо въ возраженiяхъ противъ самыхъ очевидныхъ истинъ, когда онѣ для него нестерпимы. А что могло быть нестерпимѣе для гонителей Иисусовыхъ Его Божественнаго достоинства? — Въ умѣ книжниковъ и фарисеевъ былъ уже гибельный запасъ возраженiй противъ чудесъ Иисуса Христа; сiи же самыя возраженiя могли они употре-

*) Hom. in Matth.

бить и противъ чудесъ, бывшихъ ради Иисуса Христа. Ничто не препятствовало грубымъ изувѣрамъ думать и говорить, что пастоящія знаменія суть если не приключенія естественныя, то дѣйствіе темныхъ силъ, кои огорчены потерю своего наперсника, какимъ злоба ихъ давно изображала Иисуса (Мар. 3, 22; Мат. 9, 34; Лук. 11, 15). На саддукеевъ, опровергавшихъ бытіе духовъ и безсмертіе, пастоящія знаменія могли не оказывать особеннаго дѣйствія уже потому, что Иисусъ Христосъ умеръ: ибо, по ихъ ученію, смертію чловѣка все оканчивалось.—Знаменія не произвели никакой видимой перемѣны въ судьбѣ Иисуса Христа: Ею тѣло оставалось спокойно на крестѣ, язвы были открыты; оно предоставлено было всѣмъ поруганіямъ. «Явный знакъ, могли толковать книжники, что помраченіе солида и землетрясеніе не имѣютъ отношенія къ смерти Иисуса.» При томъ, между знаменіями не было ни одного, которое причинило бы гибель бому либо изъ враговъ Иисусовыхъ: они всѣ оставались живы, невредимы, неприкосновенны,—еще явнѣйшій признакъ для сердець грубыхъ, что это знаменія не божественныя, не ради Иисуса; потому что, приводя на память событія своей исторіи, они видѣли, что люди, раздражавшіе Бога, немедленно были поражаемы смертію. Что всемогущество Божіе шадить ихъ теперь, оставляя имъ время покаянія, что Мессіи-Искупителю не свойственно отмщать личнымъ врагамъ своимъ казню: мысли сіи были выше Каіаѳы, который могъ сребренниками выпить достоинство первосвященника, но не могъ стяжать куплею истиннаго познанія о Богѣ и Его совершенствахъ, о Мессіи и великой цѣли Его пришествія въ

вѣръ. Не должно забывать и того, что самое разительное изъ знаменій, послѣдовавшихъ за смертію Іисуса Христа — воскресеніе мертвыхъ теперь еще не было вѣдомо.

Если бы, не смотря на высказанное, ожесточеніе первосвященниковъ показалось кому либо неизъяснимымъ, то должно вспомнить, что исторія, не имѣя возможности проникать въ сердце, судить о чловѣкѣ по дѣяніямъ; а дѣянія не всегда бывають согласны съ сердцемъ, по крайней мѣрѣ, часто не выражаютъ съ точностію состоянія сердца чловѣка дѣйствующаго. Многіе изъ враговъ Іисуса уничиженнаго останутся до времени врагами Іисуса прославленнаго; въ ихъ открытыхъ дѣйствіяхъ не произойдетъ еще видимой переменѣны: но изъ сего нельзя заключать, чтобы не произошло никакой переменѣны въ ихъ сердцахъ. Положимъ, что сердце самого Каіафы сильно тронулось мыслию: не отъ Бога ли знаменія, бывшія на Голгоѣ? — Если не произошло совершенной переменѣны въ образѣ его мыслей: то одна хитрость заставитъ надменнаго, предавнаго плотоугодію саддукея (Дѣян. 5, 17), не обнаруживать своихъ сомнѣній, продолжать, хотя съ насиліемъ совѣсти, дѣло, однажды съ такою торжественностію принятое, слѣдовать, волею или неволею, теченію обстоятельствъ. По вознесеніи Господа на небо, сама исторія представляетъ значительную переменѣну въ поступкахъ первосвященниковъ въ отношеніи къ христіанству: они являются уже менѣе жестокими къ Апостоламъ, не такъ рѣшительны въ мѣрахъ къ преслѣдованію христіанъ. Весьма вѣроятно, что таковой переменѣнѣ въ поступкахъ (хотя все еще двусмысленной)

давно предгествовала нѣкоторая переменѣна въ мысляхъ. Вскорѣ также по вознесеніи Господа находимъ, что весьма многіе изъ самыхъ священниковъ іудейскихъ обращаются къ христіанству (Дѣян. 6, 7); между тѣмъ какъ извѣстно, что сословіе священниковъ особенно преслѣдовало Іисуса Христа: что заставило сихъ людей увѣровать въ Распятаго? Вѣроятно, не одно извѣстіе о воскресеніи Іисуса, а и страшныя знаменія, коихъ они были свидѣтелями.

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ ПРИ КРЕСТѢ ІСУСОВѢ.

(Первосвященники просятъ Пилата о сокращеніи жизни распятыхъ по причинѣ наступающей субботы. — Перебитіе голени распятымъ. — Іисусу Христу не перебиваются голени по причинѣ Его смерти. — Одинъ изъ воиновъ прободаетъ Его ребро. — Истеченіе крови и воды. — Свидѣтельство о семъ Іоанна. — Для чего оно особенно выразительно. — Исполненіе въ семъ событіи двухъ пророчествъ.)

Между тѣмъ какъ одни болѣе или менѣе раскаявались, другіе упорствовали, — страшный день приближался къ вечеру, который, будучи важенъ уже потому, что былъ окончаніемъ перваго дня пасхи, дѣлался еще священнѣе отъ того, что имъ предназначалась суббота, по выраженію евреевъ, царица праздниковъ (Іоан. 19, 31). Для многочисленнаго, празднующаго народа, который имѣлъ обыкновение прохаживаться по стѣнамъ города и собираться на холмахъ, его окружающихъ, было бы весьма неприятное зрѣлище, если бы распятые продолжали и на другой день оставаться на крестахъ, посреди Голгофы, весьма близкой къ вратамъ Іерусалима. Притомъ оставленіемъ ихъ на древѣ былъ бы нарушенъ законъ, повелѣвавшій до захожденія солнца предавать погребенію казненныхъ преступниковъ *). Первосвященники чувствовали это

*) Втор. 21, 23. Флавій пишетъ, что сей законъ распространяемъ былъ и на распятыхъ. Bell. Iud. 4. 5. 2.

неприличіе, и рѣшились сократить жизнь распятыхъ съ тѣмъ, чтобы тѣла ихъ предать землѣ до наступленія субботы. Поелику казнь, теперь совершенная, во всемъ зависѣла отъ прокуратора; то и для сокращенія жизни распятыхъ необходимо было его согласіе. Первосвященники не устыдились снова про ить Пилата о семъ дѣлѣ, которое приличествовало болѣе всенароднымъ исполнителямъ казней, нежели первымъ служителямъ Бога Израилева. Стыдъ сей вознаграждался злымъ удовольствіемъ причинить распятому Иисусу новыя мученія (первосвященники отправились къ Пилату прежде Его смерти) и имѣть въ своихъ рукахъ Его мертвое тѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что они погребли бы Его вмѣстѣ съ злодѣями, на какомъ либо обратительномъ мѣстѣ, а можетъ быть, и совершенно лишили бы погребенія, дабы сдѣлать предметомъ всеобщаго презрѣнія: потому что іудеи ничего столько не гнушались, какъ *мертвеца непогребеннаго*.

Пилать безъ всякаго прекословія согласился на просьбу первосвященниковъ, которая и по іудейскимъ и по римскимъ обыкновеніямъ была совершенно справедлива. Для исполненія приказанія отправлены новыя воины. Св. Іоаннъ находился еще у креста Иисусова, когда они пришли на Голгоѳу. Его-то сказаніе будетъ служить теперь единственнымъ источникомъ нашего повѣствованія.

Оба преступника, распятыя съ Иисусомъ, показывали еще вѣрные признаки жизни: носему воины немедленно перебили имъ голени. Другое представилось имъ, когда они обратились за тѣмъ же къ Иисусу Христу: совершенное отсутствіе движенія и дыханія, закрытые

глаза, всящая глава—свидѣтельствовали, что Онъ уже умеръ. Римскіе воины не рѣшились мучить бездушное тѣло и умерщвлять мертваго. Только одинъ изъ нихъ, желая, вѣроятно, прекратить всякое сомнѣніе о смерти, или, по одной наглости, ударилъ Иисуса Христа копіемъ въ бокъ. Поелику при семъ ударѣ не послѣдовало никакого движенія и никакой раздражительности въ первахъ, и поелику самый ударъ былъ (вѣроятно) силенъ и смертеленъ: то не осталось уже никакого сомнѣнія ни для враговъ, ни для друзей Иисуса, что Онъ дѣйствительно умеръ. Изъ язвы однакоже немедленно истекла кровь и вода, или походящая на воду влага *), которая обыкновенно бываетъ въ тѣлѣ чело-вѣческомъ. Такое истеченіе крови и слова, сказанныя Иисусомъ Христомъ по воскресеніи Θεοῦ: «принеси руку твою и вложи въ бокъ Мой» (Іоан. 20, 27),—показываютъ, что рана была глубока; а истеченіе походящей на воду влаги позволяетъ думать, что Иисусъ Христосъ былъ пронзенъ въ лѣвый бокъ, въ предсердіе *περικαρδιον* **). (Поелику мертвое тѣло, сколько бы ему ни причиняли ранъ, никогда не источаетъ крови ***): то нѣкоторые изъ отцевъ Церкви богомудро полагали,

*) Ὑδωρ означать не только воду, но и всякую влагу. V. Schleusn. Lexic. sub. h. v.

** Tale profluvium vix fieri potuit, nisi a latere sinistro, sub quo praeter pulmonem est et pericardium, aquae plenum, si quis post anxietatem summam mortuus est, et cor cum arcu aortae copulatum. Grun. p. 80.

***) Ἐξ νεκροῦ γὰρ ἀνθρώπου, καὶ μυριακὶς νηξή τις, οὐκ ἐξελευβάται αἷμα. Евѡим. въ толк. на 19, 37. Іоан.

что кровь и вода истекли изъ тѣла Іисуса Христа дѣйствіемъ непосредственной силы Божіей *) въ означеніе таинства Евхаристіи **).

Св. Іоаннъ, пересказывая сіе событіе, какъ очевидецъ, выражается съ особенною силою и останавливаетъ предварительное вниманіе читателя слѣдующими словами: *«и видѣвый (Іоаннъ) свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его; и той вѣсть, яко истину глаголетъ, да вы веру имате.*

Что за цѣль сего замѣчанія? Въ чемъ Евангелистъ хочетъ увѣрить своихъ читателей? Почему прободеніе тѣла Іисусова на крестѣ коніемъ и истеченіе изъ него крови и воды должно было быть указаннымъ съ такою выразительностію?

Для изъясненія сего, еще въ древности полагали, что мысль и замѣчаніе Евангелиста направлены противъ докетовъ-еретиковъ, кои, почитая тѣло человеческое произведеніемъ злаго начала, утверждали, что Іисусъ Христосъ (по ихъ мнѣнію, одинъ изъ зодовъ) принялъ на себя не истинное тѣло человеческое, а только одинъ (эѳирный) призракъ его, который хотя былъ

*) Вышеприведенный медикъ говоритъ о семъ предметѣ такъ: «Ex vulnere profuxit cum impetu, ut videtur, sanguis et aqua simul, neque hoc mortui, sed viventis est; ergo Christus dum a milite fodiebatur, vivebat quidem vitam aliquam, sed praedebilem proximeque casuram, at vero, vulnere pectoris illato, e vita subito et vere excessisse putandus est. Ex hoc enim vitalem fontem exhauriri, atque vim vitae perexiguam omnino tolli oportuit.» Grun. p. 39.

***) Cornel. a lapid.

пригвождець ко кресту, но не терпѣлъ никакихъ страданій. Посему Іоанпъ, какъ очевидецъ, хотѣлъ внушить своимъ читателямъ, въ предостереженіе отъ докетовъ, что тѣло Іисуса Христа, какъ во время Его жизни, такъ и по смерти, было совершенно сходно съ дѣйствительнымъ тѣломъ человѣческимъ, состоящимъ изъ плоти и крови. Мнѣнію сему благопріятствуетъ не только исторія (ибо ересь докетовъ появилась съ перваго вѣка и существовала именно въ Малой Азій, гдѣ написано Евангеліе Іоанново) *), но и нѣкоторыя мѣста въ посланіяхъ Іоанновыхъ, кои также весьма примѣтно направлены противъ докетизма (1 Іоан. 4, 1—3). Могло также статься, какъ предполагаютъ нѣкоторые, что во время написанія Евангелія Іоаннова, были люди, сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности смерти Іисуса Христа: или потому, что Онъ не долго оставался на крестѣ и не претерпѣлъ перебитія голеней; или по занятому отъ іудеевъ предразсудку, что смерть не сообразна съ достоинствомъ Мессіи. Для выведенія таковыхъ людей изъ заблужденія, весьма сильнымъ средствомъ служило повѣствованіе Іоанна о прободеніи ребра Іисусова копіемъ, которое самыхъ маловѣрныхъ долженствовало увѣрить, что Сынь Божій изъ послушанія Отцу, смирилъ себя не до креста только, но и до смерти крестныя.

Но, независимо отъ сихъ побужденій и цѣлей, св. Іоанпъ не могъ не остановить своего и всего міра

*) Въ посланіи св. Ігнатія къ смирнянамъ (гл. 2.) уже опровергаются докеты.

вниманія на событіи, нами разсматриваемомъ, уже потому, что въ немъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, исполнились два важныя предсказанія ветхаго завѣта о Мессіи. Первое изъ нихъ гласило: *кость да не сокрушится отъ него*; другое: *возрятъ нано, егже прободоша* *).

Первое изъ сихъ предсказаній, данное Моисеемъ (Исх. 12, 10), относилось собственно къ агнцу пасхальному, котораго израильтяне должны были печь цѣлымъ, не раздробляя и не сокрушая въ немъ ни одной кости. По разумѣнію св. Іоанна, пасхальный агнецъ былъ въ семь отношеній свыше предустановленнымъ прообразованіемъ истиннаго Агнца Божія, закланнаго теперь на Голгоѣѣ, у коего также не сокрушено ни одной кости. Не углубляясь въ свойство ветхозавѣтныхъ прообразованій **), изъ коихъ многія исполнились надъ Іисусомъ Христомъ во время Его страданій, и кои около времени пришествія Христова начали быть замѣчаемы самими іудейскими раввинами ***), замѣтимъ только, что несокрушеніе костей, совершенно не нужное въ агнцѣ пасхальномъ, было не только весьма прилично, но и необходимо нужно для истиннаго Агнца Божія—Іисуса Христа. Св. Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ остановиться на семъ прообразованіи, что онъ слышалъ, какъ Іоаннъ Креститель называлъ Его Агнцемъ Божиимъ, и что смерть Іисуса Христа послѣдовала въ день пасхи, когда закалался агнецъ пасхальный.

*) Rosenmüll. et Kuinöl ad Iohan. 19, 35.

***) Conf. Ravius Freimuthige Untersuchung über die Typologie Erlang. 1784.

**) Conf. Schotigenii Hor. Hebr. et Talmud.

Второе предсказаніе взято изъ пророческаго видѣнія Захаріи (Зах. 12, 10), который, описывая будущее избавленіе народа еврейскаго отъ бѣдствій, его окружающихъ, говоритъ, что въ то время покаявшіеся израильтяне будутъ взирать съ плачемъ на того, котораго они прежде сего несправедливо, оскорбляли и *произли*. Изъ пророчества Захаріи не видно *), кто именно былъ или будетъ пронзенъ невѣрными іудеями, предъ коимъ они принесутъ потомъ покаяніе. Но все описаніе таково, что при чтеніи его, мысли невольно останавливаются на Іисусѣ Христѣ, прободенномъ на крестѣ,—тѣмъ паче, что исторія еврейскаго народа не представляетъ лица, къ коему хотя съ малою удобностію можно было бы относить слова пророка.

*) Conf. Bayerus ad. h. t. Eckermann in Theolog. Beiträgen. Stück. 2. p. 82.

СВЯТІЕ СО КРЕСТА И ПОГРЕБЕНІЕ.

(Иосифъ Аримаѣйскій проситъ у Пилата позволенія погребсти тѣло Иисусово.—Характеръ просителя.—Участіе въ погребеніи Никодима—Мѣсто гроба.—Погребеніе.—Душевное состояніе учениковъ и почитателей Иисусовыхъ.)

Едва только первосвященники вышли изъ преторіи, съ жалкимъ позволеніемъ сократить жизнь распятыхъ новымъ мучительнымъ средствомъ,—предъ Пилатомъ явился проситель другаго рода и свойства, желавшій имѣть позволеніе свята со креста и предать погребенію тѣло Иисусово. То былъ Иосифъ Аримаѣйскій. Не покажется излишнимъ, если мы предварительно скажемъ нѣсколько словъ о семъ св. мужѣ, коему Провидѣніе предоставило единственную честь—оказать самому Сыну Божію послѣднее благодѣяніе въ Его земной жизни.

Аримаѣй, отечество Иосифа, есть древній Гарама-танъ (1 Цар. 1, 1), мѣсто рожденія Самуила пророка; или, что вѣрнѣе, Рама (по сиро-халдейски Армаѣа), городъ въ колѣнѣхъ Веніаминовомъ, упоминаемый св. Матѣемъ (Мат. 2, 18). Великое богатство (Мат. 27, 57) дѣлало Иосифа уже лицомъ значительнымъ въ то время, когда въ Іерусалимѣ все можно было купить за деньги, начиная отъ должности послѣдняго

мытаря до сана первосвященника. Кромѣ сего Іосифъ принадлежалъ къ числу первѣйшихъ членовъ синедріона (Мар. 15, 43; Лук. 23, 50), и вмѣстѣ съ другими благомыслящими совѣтниками, вѣроятно, составлялъ въ синедріонѣ общество, противное приверженцамъ Каиафы, искренно искавшее о благѣ народа іудейскаго, — то общество, коего благородныя усилія къ поддержанію падающаго отечества во время послѣднихъ междоусобій, предшествовавшихъ разрушенію Іерусалима, съ такою благодарностію воспоминаются іудейскимъ историкомъ Іосифомъ Флавіемъ *). Ни почести, ни богатства, заставлявшія многихъ саддукеевъ вовсе оставить надежду на промышленіе Іеговы о народѣ еврейскомъ, нисколько не препятствовали Іосифу ожидать пришествія Мессіи и воздыхать со многими истинными израильтянами о Его святомъ царствѣ (Лук. 23, 51; Мар. 10, 43). Если онъ, подобно прочимъ, питалъ касательно сего царства нѣкоторые предразсудки, представляя его земнымъ и чувственнымъ: то не былъ однакоже, подобно прочимъ, упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ; съ ревностію искалъ наставленія и всегда готовъ былъ слушать тѣхъ, кои могли открыть ему истину. Сія-то ревность сблизила его съ Іисусомъ Христомъ. Не смотря на то, что Пророкъ Галилейскій былъ ненавидимъ и преслѣдуемъ синедріономъ, что небесное царство, Имъ проповѣдуемое, было совершенно противоположно земному царству, ожидаемому народомъ іудейскимъ, что во всѣхъ бесѣдахъ Его внушаема была духовная нищета, столько противная людямъ,

*) De Bell. Jud. 5, 1

обладающимъ благами вѣка сего,—Іосифъ сдѣлался искреннимъ послѣдователемъ и ученикомъ Іисусовымъ (Мат. 27, 57). Весь недостатокъ сего ученика состоялъ въ томъ, что онъ, опасаясь преслѣдованія первосвященниковъ, сохранялъ втайнѣ свою расположенность къ Учителю и свои отношенія съ Нимъ (Іоан. 19, 38),—недостатокъ тѣмъ болѣе извинительный, что Господь, щадя слабость человѣческую и предвиди худыя послѣдствія для Іосифа, не требовалъ отъ него и ему подобныхъ, чтобы они признали Его всенародно Мессією тѣмъ менѣе вступались за Него въ синагогѣ. Въ послѣднихъ покушеніяхъ синагога противъ Іисуса Христа, а равно и въ судѣ надъ Нимъ, Іосифъ не участвовалъ (Лук. 23, 51)—или потому, что, не видя никакихъ средствъ спасти невиннаго, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ Его осужденія; или потому, что хитрость первосвященниковъ нашла средство совершенно устранить его отъ сего дѣла. Впрочемъ бездѣйствіе въ то время, когда столь ужаснымъ образомъ рѣшилась судьба Іисуса, безъ сомнѣнія, было весьма тяжело для сердца благороднаго, которое стыдится малодушія — оставить безъ защиты невиннаго даже и тогда, когда знаетъ, что защищеніе не могло бы спасти его.

Къ числу необыкновенныхъ событій, послѣдовавшихъ за смертію Іисуса Христа, должно отнести и то, что тайные ученики Его вдругъ одушевились чрезвычайнымъ мужествомъ. Презирая стыдъ объявить себя предъ цѣлымъ іудейскимъ народомъ послѣдователемъ Іисуса, уже умерщвленнаго, Іосифъ твердо рѣшился оказать Ему послѣдній долгъ дружбы и уваженія—

спасти отъ посрамленія, по крайней мѣрѣ, смертные останки своего Наставника.

Рѣшимость сія была сопряжена съ немалою опасностію—не со стороны Пилата, отъ коего надлежало ожидать благосклоннаго рѣшенія просьбы въ пользу Иисуса, признаваемаго имъ за праведника; а со стороны первосвященниковъ, кои въ малѣйшемъ знакѣ уваженія къ Иисусу Христу видѣли измѣну своимъ замысламъ, а на покушеніе погребсти Его съ честію не иначе могли вздрать, какъ на возмущеніе противъ синедріона, тѣмъ болѣе опасное, что его предпринялъ теперь знаменитый членъ синедріона, коего примѣръ былъ весьма опасенъ для народа, и безъ того приверженнаго къ памяти Иисуса.

Однакоже Иосифъ, однажды и навсегда презрѣвъ страхъ, явился въ преторіи римской съ дерзновеніемъ *) свойственнымъ великодушію. Прошеніе его было для Пилата первымъ извѣстіемъ, что Иисусъ Христосъ уже умеръ. Игемонъ весьма удивился такой скорой смерти: потому что изъ многихъ опытовъ зналъ, что распятыя остаются въ живыхъ гораздо долѣе. Не имѣя никакой причины сомнѣваться въ справедливости свидѣтельства Иосифова о смерти Иисуса, онъ желалъ однакоже знать ея подробности. Для сей цѣли немедленно призванъ сотникъ, стоявшій на стражѣ у креста Иисусова. «Давно ли Онъ умеръ?»—спросилъ Пилатъ. И получивъ надлежащій отвѣтъ, повелѣлъ отдать Иосифу тѣло Иисусово для погребенія.

Едва ли при семъ случаѣ въ душѣ Пилата снова

*) Мар. 15, 43. *Τολμησας εὐβηλῶεν.*

не возбудилась мысль касательно сверхъ-естественнаго союза Иисуса Христа съ Божествомъ. Скорая смерть Его на крестѣ могла служить для язычника признакомъ благоволенія къ Нему боговъ. Еще яснѣйшимъ признакомъ могли служить чудесныя знаменія, если только Пилать былъ внимателенъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе о скорой смерти Господа облегчало совѣсть судін, которая должна была страдать, представляя страданія на крестѣ Праведника, имъ неинно осужденнаго. Подобное облегченіе доставляло и прошеніе Іосифа. Соглашаясь на погребеніе Иисуса, отдавая тѣло Его друзьямъ, Пилать такимъ снисхожденіемъ къ мертвому какъ бы вознаграждалъ несправедливость, оказанную живому. Самое невниманіе къ враждѣ первосвященниковъ, которые позволеніе, данное Іосифу, почитали, безъ сомнѣнія, новымъ для себя посрамленіемъ, было какъ бы жертва, которую Пилать принесъ памяти Праведника.

Едва только вопиы успѣли напести тѣлу Иисуса Христа послѣдній знакъ своего безчеловѣчія, Іосифъ явился на Голгооу для снятія его со креста. вмѣстѣ съ нимъ и для той же цѣли пришелъ Никодимъ (Іоан. 19, 39), тотъ самый, который приходилъ нѣкогда къ Иисусу Христу ночью и слушалъ Его высокую бесѣду о духовномъ возрожденіи, необходимомъ для людей, желающихъ войти въ царство Мессіи (Іоан. 3, 1—21), тотъ самый, который однажды въ слухъ всего спедріона, осуждавшаго Иисуса, сказалъ: «судить ли законъ пашь чловѣка, если прежде не выслушаютъ его и не узнають, что онъ дѣлаеть?» (Іоан. 7, 51).— Подобно Іосифу, Никодимъ былъ богатъ и засѣдалъ

въ верховномъ совѣтѣ іудейскомъ (Іоан. 3, 1); подобно ему, принадлежалъ тайно къ числу послѣдователей Іисуса Христа, и не открывалъ всѣхъ своихъ мыслей о Немъ, въ опасенія первосвященниковъ (Іоан. 19, 39); и подобно ему, хотѣлъ теперь благороднымъ самоотверженіемъ загладить прежнее малодушіе, иногда почти неизбѣжное, но всегда тягостное для сердецъ великодушныхъ. Если Никодимъ не раздѣлилъ съ Іосифомъ дерзновенія явиться въ преторію Пилата съ просьбою о погребеніи, то не по недостатку усердія, а по нуждѣ: онъ употребилъ это время на приготовленіе вещей, необходимыхъ для погребенія.

Итакъ, тѣло Іисуса Христа немедленно было снято со креста. Изъ евангельской исторіи не видно, чтобы при семъ случаѣ произошло что либо примѣчательное: тутъ слышны были одни воздыханія, видны—однѣ слезы. Господь снова вступилъ въ мирный кругъ дружества и любви, изъ коего исторгла Его рука предателя.

Въ то же время, конечно, были сняты и тѣла распятыхъ съ Іисусомъ. Если у нихъ были родственники и друзья: то и они имѣли право плакать надъ нимъ, хотя не имѣли права погребсти ихъ безъ особеннаго позволенія прокуратора.

Въ рукахъ враговъ Іисусовыхъ оставался теперь однѣ крестъ Его. Еще не пришло время, чтобы сему священному древу воздаваемо было уваженіе, приличное жертвеннику, на коемъ заклана всемірная жертва. Древнее преданіе говорить, что іудеи зарыли потомъ крестъ Іисусовъ въ землю въ такомъ мѣстѣ, котораго никто не зналъ кромѣ ихъ, и откуда онъ извлечень, впо-

слѣдствіи, усердіемъ равноапостольной Елены, матери Константина великаго *).

Послѣду до субботняго вечера оставалось весьма немного времени: то друзья Иисусовы, снявъ пречистое тѣло Его со креста, немедленно занялись погребеніемъ, въ коемъ краткость времени должна была спорить съ усердіемъ и уваженіемъ къ Погребаемому.

Прежде всего подлежало найти приличное мѣсто для погребенія. У Иосифа близъ Голгоѣы былъ садъ, въ коемъ, такъ какъ и во всей окрестности, находились каменные скалы. Въ одной изъ нихъ, по обыкновенію іудеевъ, изсѣчена была пещера для погребенія. Никто еще не былъ погребенъ въ сей пещерѣ, и Иосифъ предназначалъ оную, вѣроятно, для себя и своего семейства (Іоан. 19, 41). Обладаніе мѣстомъ симъ, не совсѣмъ пріятное, по причинѣ смежности его съ Голгоѣою, было на сей случай очень встати для Иосифа и прочихъ друзей Иисусовыхъ, представляя всю удобность не только погребсти Божественнаго Мертвеца безъ отлагательства времени, но и невозбранно приходить на гробъ Его, дабы изливать горестъ свою слезами.

Посему пречистое тѣло Господа немедленно перенесено было въ садъ Иосифовъ. Провидѣніе и въ семъ случаѣ явило слѣды своего особеннаго смотрѣнія. Если бы въ пещерѣ, гдѣ рѣшились положить тѣло Иисусово, были уже прежде погребены тѣла другихъ людей; то злоба враговъ Иисусовыхъ могла бы впослед-

*) Rufin. Hist. Eccles. 50, 1. с. 7.

ствѣи говорить, что воскресъ не Оиъ, а другой, или что Оиъ воскресъ не своею силою, а отъ прикосновенія къ костямъ какого либо праведника, какъ то случилось однажды во время царей израильскихъ *). При всей нелѣпости такихъ клеветъ, онѣ могли бы смущать и соблазнять легковѣрныхъ.

Тотчасъ занялись и погребальными приготовленіями. Иудеи вообще почитали погребеніе дѣломъ важнымъ, даже ставили его въ число добродѣтелей для погребавшихъ (Товит. 1, 20). Любили также, подобно прочимъ народамъ, и погребальное великолѣпіе, состоявшее большею частію въ драгоценныхъ ароматахъ **). Посему, погребенію Иисуса Христа, совершаемому двумя знаменитыми и богатыми людьми, кои своимъ усердіемъ хотѣли вознаградить безчестіе, Ему нанесенное, надлежало быть весьма великолѣпноу. Такъ дѣйствительно и было, сколько могла позволить краткость времени.

Погребальныя полотенцы, доставленныя Иосифомъ, были самыя топкія и высокой цѣны, какія получались обыкновенно изъ Египта, славившагося сими издѣліями ***). А Никодимъ принесъ столько ароматовъ, что ихъ достаточно было бы на погребеніе самого первосвященника. Это было смѣшеніе изъ смирны (смолы благовонной изъ одного дерева, растущаго въ Аравіи) ****) и алая (благовоннаго растенія, коего низшая по-

*) Теофил. толк. на Матѣ.

***) Seierus de luctu Hebr. *Harmar. Beobachtungen über den Orient. Th. 2, 184. 157.*

****) Chiffletius de fasciis sepulcrabilis Christi. c. 28.

*****) Dioscorides 1. 60. Plin Н. N. 13. 15.

рода была и въ Палестинѣ, но лучшая получалась изъ Индiи *)): то и другое употреблялось при погребенiи, иногда въ порошкахъ, иногда въ видѣ масти. Если вѣсъ ароматовъ, замѣченный евангелистомъ (около ста фунтовъ) и не соотвѣтствуетъ въ точности нашему вѣсу **): то, по крайней мѣрѣ, заставляетъ предполагать, что ихъ принесено значительное количество. Остатокъ ароматовъ могъ быть употребленъ на усыпанiе гробницы. Нѣкоторая часть, вѣроятно, была сожжена, по окончанiи погребенiя, на что также есть примѣры въ исторiи погребальныхъ iудейскихъ обрядовъ ***).

По окончанiи приготовленiй, тѣло Господа, по обыкновению (Ioан. 19, 40), было омыто чистою водою; потомъ осыпано благовонiями и вмѣстѣ съ ними обвито четверугольнымъ широкимъ платомъ (платаницею. Голова и лице были обвиты узкимъ головнымъ полотенцемъ (сударь). То и другое завязано сурками. Такимъ образомъ Иисусъ Христосъ положенъ былъ въ гробъ, въ видѣ подобномъ тому, въ какомъ Лазарь былъ воскрешенъ Имъ изъ гроба (Ioан. 11, 44). Но ароматы не спасли Лазаря отъ тлѣнiя; а въ Иисусѣ Христѣ, источникѣ нетлѣнiя, они служили только признакомъ несовершенства вѣры Его почитателей, кои, при всемъ уваженiи къ Нему, какъ замѣчаетъ

*) Celsii Hierodot. p. 1. p. 135. Rosenmüll. Schol ad Num. 24, 6.

***) Слово *λίτρα*, употребленное евангелистомъ, означаетъ и вѣсъ и малую монету. Зѣкъ, очевидно, надобно принимать его въ значенiи вѣса, который, по свидѣтельству Галена, равнялся нашимъ 12 унцiямъ. Conf. Vynaeus. 1. с.

***. Mussachet Semachot. с. 8.

св. Златоустъ *), нимало не думали, что они погребаютъ теперь Господа жизни и смерти.

Краткость времени не позволила соблюсти всѣхъ прочихъ погребальныхъ обрядовъ. Недостатокъ ихъ надѣялись восполнить по прошествіи субботы, когда законъ ветхаго завѣта не могъ уже препятствовать усердію къ Законодателю завѣта новаго.

Входъ въ пещеру, гдѣ положено тѣло Іисусово, былъ плотно заваленъ огромнымъ камнемъ (Мат. 27, 61): предосторожность, необходимая въ Іудей, гдѣ водилось весьма много хищныхъ звѣрей и птицъ **), по излишняя для Того, Кто и во гробѣ не преставалъ бытъ Господомъ земли и неба.

Какъ при снятіи со креста, такъ и при погребеніи, присутствовали нѣкоторыя изъ жепъ, приверженныхъ къ Господу, конхъ мы видѣли стоящихъ при крестѣ Его, — именно: Марія Магдалина и Марія Іосифова (Мат. 17, 61). Усердіе Іосифа и Никодима не давали теперь мѣста ихъ усердію: онѣ смотрѣли только, какъ и гдѣ погребали Господа (Мат. 15, 47). Однакоже отъ нѣжной любви ихъ къ Іисусу не скрылось, что драгоценнымъ останкамъ Его еще можно оказать нѣкоторые знаки уваженія;— и онѣ рѣшились запастись снога благовонными мастями, дабы по окончаніи субботы придти и помазать тѣло своего Учителя. Такое намѣреніе принято ими, конечно, съ согласія Іосифа, который имѣлъ столько достатка и любви къ

*) Они, говоритъ Злат., еще почитали Его за простаго человека. *Hom. in Joh. 85.*

***) *Nicolaus de sepulcr. Hebr. 3. 10. 11.*

Иисусу, чтобы всю пещеру наполнить ароматами; но не хотѣлъ препятствовать нѣжному усердію людей, гораздо менѣе его богатыхъ, но столько же великодушныхъ и признательныхъ къ памяти Иисуса.

По окончаніи погребенія всѣ, участвовавшіе въ опомѣ, немедленно удалились, каждый въ свое мѣсто, для празднованія навечерія субботы, которая, сходясь съ пасхою, по тому самому была величайшимъ праздникомъ *).

Какъ мраченъ, нерадостенъ былъ теперь день сей для учениковъ и друзей Иисуса, — особенно для Его Матери, — для Петра, который долженъ былъ скорбѣть и о потерѣ Учителя и о всемъ паденіи! — Мысль сія наполняла всю душу, подавляла всѣ прочія мысли, не позволяла придти въ себя, дабы составить какое либо понятіе о семъ неожиданномъ, страшномъ событіи. Будущее покрыто было непроницаемымъ мракомъ: прошедшее болѣе смущало, нежели утѣшало. Воспоминаніе о чудесахъ Иисусовыхъ, о Его прежеи величїи, дѣлало еще страшнѣе крестъ и гробъ Его. Доселѣ ученики Его шли неровнымъ, тѣснымъ, часто тернистымъ путемъ; но шли по слѣдамъ Учителя, облеченнаго могуществомъ Сына Божїа, обращая на себя всеобщее вниманіе, раздѣляя съ Нимъ Его славу, утѣшая себя величественными надеждами въ будущемъ: и вотъ, путь сей внезапно приводитъ ихъ къ Голгоѣ,

*) И въ іудейской книгѣ: *Толдотъ Іешуа*, хотя она написана противъ христіанства, упоминается о погребеніи Иисуса Христа Іосифомъ; только послѣдній называется другимъ именемъ — Іудою: «и взялъ Іуда тѣло Иисуса съ древа и положилъ его въ своемъ саду.» Р. 87. Edit. Haldric.

пресѣкается вѣстомъ Учителя, совершенно оканчивается Его гробомъ! Положеніе печальное, безутѣшное!

Еще бы скорбь учениковъ Иисуса была не такъ чрезмѣрна, если бы они менѣе увѣрены были въ Его достоинствѣ. Тогда она скоро могла бы превратиться въ охлажденіе къ Тому, который такъ внезапно измѣнилъ ихъ надеждамъ, подвергнувъ Себя смерти, а ихъ посрамлешию. Тогда скорбѣло бы обманутое самолюбіе.

Но любовь и уваженіе къ Иисусу нисколько не уменьшились въ сердцахъ признательныхъ. Души учениковъ Его были соединены съ Нимъ вѣчнымъ, небеснымъ союзомъ. Гробъ Его содѣлался для нихъ святилищемъ, въ коемъ заключены были всѣ ихъ святые помыслы, всѣ чистыя желанія, вся вѣра ихъ. ;

И съ сею-то святою любовію непрестанно встрѣчалась ужасная мысль Онъ умеръ! Онъ не то, чѣмъ былъ, чѣмъ мы почитали Его! Онъ не Мессія! Онъ, который былъ и есть для насъ все!

Предсказанія Иисуса Христа о своей смерти и воскресеніи должныствовали бы разсѣять сомнѣнія, облегчить горесть учениковъ Его. Но сіи предсказанія, какъ мы видѣли, не обращали на себя вполнѣ вниманія, или казались имъ непонятными. Не умѣя представить, какъ Мессія можетъ умереть, они не думали о Его воскресеніи. И многократныя обѣщанія Иисуса, при прощаніи съ ними на вечерахъ, что они въ скорѣи опять увидятъ Его,—и сіи обѣщанія были теперь забыты, или превратно изъясняемы. Если бы кто сказалъ: «Онъ воскреснетъ, мы увидимъ Его,»—растерзанное печалію, подавляемое сомнѣніями, сердце могло отвѣчать такъ же, какъ отвѣчала нѣкогда Марѳа:

«знаю, что воскреснетъ—въ воскресеніе мертвыхъ, въ послѣдній день: тогда мы всѣ увидимъ Его.» — Уже по воскресеніи Господа, ученики Его привели себѣ на память тѣ случаи, когда Онъ предсказывалъ имъ свое воскресеніе.

КУСТОДІЯ.

(Дальнѣйшее ожесточеніе первосвященниковъ. — Ихъ мнимое опасеніе подлога со стороны учениковъ Иисусовыхъ. — Просьба и дозволеніе употребить для вѣрности стражу и печать. — Кустодія. — Мысли у гроба Иисусова.)

Предписанный закономъ, строгій покой великаго дня субботы пасхальной связалъ, какъ мы видѣли, бездѣйствіемъ самыхъ пламенныхъ почитателей Иисусовыхъ; но не могъ прекратить несчастной дѣятельности ожесточенныхъ враговъ Его. Злоба въ семь случаевъ показала, что она бываетъ иногда памятливѣе любви: тогда какъ въ умѣ учениковъ Иисусовыхъ, какъ будто какимъ либо чудомъ, приведены были въ забвеніе Его многократныя предсказанія о своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, фарисеи и книжники не замедлили привести это себѣ на память и взять мѣры противъ того, чтобы предсказаніе сіе не сбылось на самомъ дѣлѣ. Привыкнувши сами дѣйствовать нечисто, по внушенію страстей и выгодъ, Каіаѳа и клеветы его воображали, что ученики Иисусовы, въ отмщеніе за смерть Учителя, не премпуть воспользоваться подобнымъ предсказаніемъ, то есть, унесутъ тайно тѣло Учителя изъ гроба, скажутъ народу, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и такимъ образомъ произведутъ опасное для синадріона волненіе.

Погребеніе Его членомъ синедріона, въ собственномъ саду и гробѣ, казалось, открывало всю удобность къ такому покушенію. Посему, въ тайномъ совѣтѣ Каіаѳномъ, немедленно рѣшено — взять всѣ необходимыя мѣры, и для сего окружить гробъ Иисусовъ въ продолженіе трехъ дней стражею. Въ подобной стражѣ у первосвященниковъ не было недостатка; между тѣмъ они не рѣшились дѣйствовать въ семь случаѣ сами, и почли за лучшее снова ввести въ участіе прокуратора, какъ новая встрѣча съ нимъ, послѣ событій предшествующаго дня, ни казалась тяжелою. Кромѣ того, что смѣ отклонялась отвѣтственность за послѣдствія повои мѣры, римская стража могла казаться гораздо надежнѣе іудейской, по ея привычкѣ къ строгому исполненію своего долга и неучастію въ народномъ расположеніи къ Иисусу. Являсь къ Пилату, первосвященники и книжники приняли, по прежнему, видъ ревностныхъ блюстителей общественнаго покоя и выгодъ римскаго правительства: «мы вспомнили, такъ говорили лицемѣры, что этотъ льстецъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней Я воскресну изъ мертвыхъ. Итакъ, прикажи охранять гробъ до третьаго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу, что Онъ возсталъ изъ мертвыхъ. Въ такомъ случаѣ, послѣдній обманъ можетъ быть хуже перваго.»

Гордый всадникъ римскій, еще не давно такъ жестоко униженный сими самими людьми предъ цѣлымъ народомъ, всего менѣе былъ расположенъ вѣрить ихъ усердію къ благу общественному: но противиться явно предложенію, которое казалось плодомъ дальновидной осто-

рожности и неутомимаго понеченія о спокойствіи народномъ, было не въ духѣ римской власти. Посему Пилать немедленно согласился на предлагаемую мѣру, выразивъ впрочемъ свое недовѣріе къ чистосердечію спедріона—тѣмъ, что самъ нисколько не принявъ въ ней непосредственнаго участія.

«У васъ есть густодія, отвѣчалъ Пилать (такъ называлась военная стража при храмѣ): подите, возьмите изъ ней, сколько угодно, и стерегите гробъ, какъ знаете.»

Противъ такого мнимаго довѣрія нельзя было сказать ничего; и первосвященники, взявъ нужное число виновъ, отправились въ вертоградъ Іосифовъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, не преминули осмотрѣть всю внутренность погребальной пещеры, увѣриться въ цѣлости тѣла Іисусова, равно какъ и въ томъ, что изъ пещеры цѣтъ другаго выхода, кромѣ того, который заваленъ былъ огромнымъ камнемъ. По освидѣтельствованіи, камень сей опять былъ приваленъ ко входу, и для большей безопасности отъ всякаго покушенія войти въ пещеру, запечатанъ печатію спедріона. Поставленная стража также, безъ сомнѣнія, снабжена была всѣми нужными наставленіями, тѣмъ паче приказаніемъ стрещи неусыпно надъ тѣмъ, отъ чего зависѣло, какъ говорили первосвященники, спокойствіе цѣлой Іудей, Пилатовой преторіи и самого кесаря.

Такимъ образомъ, злоба враговъ Іисусовыхъ сдѣлала съ своей стороны все, что нужно было для засвидѣтельствованія предъ цѣлымъ свѣтомъ истины воскресенія Христова!... Провидѣніе и въ семъ случаѣ показало, какъ оно, не нарушая нисколько свободы чело-

вѣческой, премудро употребляетъ для достиженія цѣлей своихъ тѣхъ самыхъ людей, кои идутъ нагло вопреки его святыхъ опредѣлений.

Ученики и почитатели Иисусовы, — кромѣ, можетъ быть, Иосифа, коему принадлежалъ вертоградъ, — вовсе не знали о кустодіи, поставленной спедриономъ у гроба Иисусова: иначе, по прошествіи дня субботняго, они не собирались бы идти на сей гробъ, чтобы помазать тѣло Его благовонными мастьми, — для чего теперь уже не было возможности.

Время дѣйствовать Богу: ибо разоренъ законъ твой (Псал. 118, 126)! Такъ отъ избытка горести, восклицалъ нѣкогда Давидъ, видя, какъ переполнялась чаша беззаконія въ рукахъ нѣкоторыхъ людей. Стократъ надлежало повторить сіе восклицаніе тому, кто былъ у гроба Иисусова. Если когда, то тутъ время было дѣйствовать Богу, самому Богу, ибо — разоренъ былъ не законъ только, а поруганъ и самый Законодатель! Человѣчество никогда не видало столько великаго, прекраснаго, божественнаго, сколько видѣло въ краткое время служенія Иисусова. И все великое, прекрасное, божественное — было заключено теперь въ гробъ, запечатано печатію Каиаѳы! Что было бы съ человѣчествомъ, если бы печать сія не растаяла отъ огня правды Божіей, — если бы плоть Праведника увидѣла истлѣніе (Дѣян. 2, 31)? Міръ божественный, раскрывшійся на время, опять закрылся бы навсегда. Царство Божіе, низведен-

пое па землю, опять воспарило бы на небо. Послѣ божественнаго озаренія наступила бы еще мрачнѣйшая ночь.

Частныя дѣйствія добра—могли остаться. Закхей не престалъ бы, вѣроятно, быть милостивымъ, помилованная грѣшница—цѣломудренною, Иосифъ и Никодимъ—могли бы сохранить увѣренность, что *Учитель отъ Бога пришелъ* (Іоан. 3, 2). Но великое дѣло спасенія человѣческаго осталось бы погребеннымъ вмѣстѣ съ Иисусомъ. Безотрадны были слова учениковъ: *надъ всеми сими третій день есть, отиельже сія быша* (Лук. 24, 21). Но, какъ ужасны были бы слова сін, когда бы надлежало говорить: *надъ всеми сими третій годъ, третій вѣкъ, третіе тысячелѣтіе есть, отиельже сія быша!*

Безъ Иисова: *радуйтеся!* (Мат. 28, 5)—не было бы радости въ сердцѣ апостоловъ; безъ Иисова — *миръ вамъ!* (Іоан. 22, 20) не распространился бы миръ по лицу земли. Надобно было прежде сказать воскресшему Учителю: *Господь и Богъ мой!* (Іоан. 22, 28)—и потомъ уже умирать за Господа и Бога своего. Воскресеніе утвердило учениковъ въ вѣрѣ, *породивъ ихъ*, какъ выражается св. Павелъ, *въ упованіе живо*. А безъ сего—не раздался бы гласъ проповѣди апостольской, и миръ остался бы безъ креста — съ своими идолами, Аѳины и Римъ — съ ихъ *несвѣдомымъ Богомъ* (Дѣян. 27, 23).

Итакъ, *время было дѣйствовать Богу*, самому Богу! Это была самая рѣшительная минута не только для всего человѣчества, но и для самага міроуправленія божественнаго, — минута, въ которую надлежало предъ лицомъ всего міра, ангеловъ и человѣковъ, показать

горжественно, что не одинъ конецъ благому и злomu, праведному и нечестивому,—что есть Богъ, судяй земли!

Итакъ, воскресни Боже! Суди земли! Яко Ты,—единъ Ты,—наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ!

Б О П Е Ц Ъ .

ЖИЗНЬ
СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

ЖИЗНЬ ВЪ ИУДЕЙСТВѢ.

Павель (παῦλος, paulus, *меньшій*), до обращенія въ христіанство Савль (Σαῦλ, *вождедѣльный*), одинъ изъ величайшихъ учителей христіанской религіи, который послѣ прочихъ апостоловъ обратился къ вѣрѣ въ Иисуса Христа, но болѣе каждаго изъ нихъ содѣйствовалъ къ покоренію державѣ Его всего міра, произошелъ отъ іудейскихъ родителей, изъ колѣна Вениаминова (Фил. 3, 5). Многіе изъ отцевъ Церкви ¹⁾, съ свойственною имъ духовною проницательностію, находили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ветхаго завѣта предсказанія о происхожденіи Павла отъ сего колѣна, особенно въ 28 стихѣ 68 псалма. Выраженіе: *евреимъ отъ еврей*, употребленное Павломъ въ посланіи къ Филипписеямъ (3, 6) для означенія своего происхожденія, показываетъ такого человѣка, между предками коего не было ни одного необрѣзаннаго ²⁾, — преимущество,

¹⁾ Амвросій, Иеронимъ, Августинъ, Феодоритъ и др.

²⁾ Такъ и Ксенофонтъ въ похвальномъ словѣ Агезилаю, для показанія древности его царскаго происхожденія, говоритъ, что онъ произошелъ *οὐκ ἰδιώταις, ἀλλ' ἐκ βασιλείων βασιλευσάν.*

стоившее замѣчанія во времена апостола, когда многіе изъ іудеевъ происходили отъ язычниковъ, обратившихся въ іудейство, или даже сами были некогда язычниками. Значительное образованіе, для коего Павелъ былъ нарочно посланъ въ Іерусалимъ, знакомство въ юныхъ лѣтахъ съ первыми лицами въ іудейской столицѣ, тонкая общежительная образованность, коея слѣды весьма часто встрѣчаются въ его посланіяхъ ¹⁾, заставляютъ думать, что онъ произошелъ не изъ низкаго, по крайней мѣрѣ не изъ бѣднаго состоянія. Время рожденія Павлова, при всѣхъ покушеніяхъ опредѣлить оное, доселѣ остается неопредѣленнымъ; вѣроятно только, что оно не далеко отстоитъ отъ времени Рождества Христова ²⁾. Отечествомъ Павла былъ Тарсъ (Дѣян. 9, 11; 21, 39; 20, 3), главный городъ Киликіи, лежавшей при Средиземномъ морѣ и составлявшей одну изъ цвѣтущихъ областей римской имперіи ³⁾. Іеронимъ сказываетъ ⁴⁾, что родители Павлова переселились въ Тарсъ изъ іудейскаго города Гискала, послѣ того какъ сей послѣдній былъ взятъ и опустошенъ римлянами.

Фамилія Павлова, какъ явствуетъ изъ 22, 28 Дѣяній, имѣла весьма важное въ тогдашнія времена право римскаго гражданства. Откуда сіе право?—По сказанію Діона Хризостома ⁵⁾, городъ Тарсъ, за свою при-

¹⁾ Въ цѣломъ посланіи къ Филимону. Также 1 Кор. 10, 6; 2 Кор. 11, 1,—6; 12, 11.

²⁾ См. Pearson *Annales Paulinas. Witsii Meletema a Leydensia.*

³⁾ Флав. Древ. книг. 1, гл. 6. *Diog. Sicil. in Hist.*

⁴⁾ *In Catal. illust. vir. sub voce: Paulus.*

⁵⁾ *In Tarsica posteriori. Tom. 2, pag. 36. Edit. Reiske.*

верженность къ Юлію Кесарю, стоившую жителямъ его великихъ бѣдствій отъ Кассія, получилъ въ царствованіе Августа многія права и преимущества: отсюда нѣкоторые писатели получили мысль, что всѣ жители Тарса пользовались правомъ римскихъ гражданъ. Но при исчисленіи сихъ преимуществъ ¹⁾ не упоминается о правѣ гражданства римскаго. Напротивъ, латинскіе писатели называютъ Тарсъ только вольнымъ городомъ ²⁾, каковая вольность гораздо ниже онаго права. Притомъ, если бы всѣ жители Тарса имѣли право римскаго гражданства, то римскій трибунъ (какъ описывается въ 21, 39 Дѣяній), знавшій о происхожденіи Павла изъ сего города, не осмѣлился бы подвергнуть его безъ суда тѣлесному наказанію, и Павлу не было бы нужды, для избѣжанія пытки, объявлять, что онъ гражданинъ римскій. Вѣроятнѣе, что кто-нибудь изъ предковъ Павла приобрѣлъ своему потомству право римскаго гражданства, или посредствомъ услугъ, оказанныхъ кесарямъ во время междоусобій, или за деньги. По свидѣтельству Діона Кассія ³⁾, Юлій Цезарь даровалъ сіе право весьма многимъ чужестранцамъ. А Флавій говоритъ ⁴⁾, что іудеи очень охотно покупали его у корыстолюбивыхъ правителей римскихъ.

Гораздо важнѣе вопросъ: былъ ли Павелъ въ юныхъ лѣтахъ образованъ въ греческихъ наукахъ? — Бѣольшая часть писателей древнихъ и новыхъ отвѣчали на сего

¹⁾ Вотъ онѣ: *Χώραν* (Августъ даровалъ тарсянамъ) *νομους, τιμὴν ἐξουσίαν τοῦ ποταμοῦ, τῆς θαλάσσης, τῆς καὶ ἀυτῆν.*

²⁾ Plin. H'st. lib. 5, cap. 27. Appian. Civilium. lib. V.

³⁾ Hist. lib. 43.

⁴⁾ De Bel. Iud. 2, 14.

утвердительно ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, Тарсѣ славился науками, такъ что жители его, по замѣчанію Страбона ²⁾, спорили въ просвѣщеніи съ жителями Аѳинъ и Александріи; а посему невѣроятнымъ кажется, чтобы родители Павла не воспользовались для образованія своего сына тѣми пособіями, кои находились у нихъ, такъ сказать, подъ руками. Самыя посланія Павловы, по видимому, заставляютъ предполагать въ немъ познаніе греческихъ писателей: ибо онъ приводитъ въ нихъ стихи нѣкоторыхъ поэтовъ (Арата, Дѣян. 17, 28; Менандра, 1 Кор. 15, 32; Епименида, Тит. 1, 12). Не смотря на сіе, гораздо вѣроятнѣе, что образованіе, полученное Павломъ въ Иерусалимѣ, не было предварено изученіемъ въ Тарсѣ греческой мудрости: ибо а) Савль отправленъ былъ въ Иерусалимъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. «Жизнь мою», говоритъ онъ, «отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Иерусалимѣ, знаютъ всѣ іудеи (Дѣян. 26, 4)». Тоже, безъ сомнѣнія, означаетъ и выраженіе: быть воспитаннымъ *при ногу Гималиаха*, которое употребляетъ о себѣ Павелъ (Дѣян. 22, 3). б) Родители Павла принадлежали къ сектѣ фарисейской; а фарисей, по словамъ Флавія ³⁾, гнушался не только науками, но и самымъ языкомъ необрѣзанныхъ. в) При тщательномъ разсматриваніи посланій ап. Павла, въ самомъ образѣ изложенія оныхъ открывается много доказательствъ на

¹⁾ Теодоритъ называлъ Павла *Пантодокс*. Сочиненія новѣйшихъ писателей, относящіяся къ сему предмету, исчислены у Витзія (Melet. Leyden.) и Бертольда (Einleitung in Neue Testament).

²⁾ Geog. Lib. 14, pag. 673, a¹. 991.

³⁾ Antiq. Lib. 20, cap. 2.

то, что писатель ихъ не былъ знакомъ ни съ какимъ другимъ образованіемъ, кромѣ раввинскаго, бывшаго въ употребленіи у тогдашнихъ палестинскихъ іудеевъ. Языкъ греческій; но пзъ всего видно, что на немъ пишеть іудей, воспитанный въ Палестинѣ, привыкшій къ выраженіямъ и словосочиненію еврейскому ¹⁾. Мнѣнія греческихъ поэтовъ, приводимыя Павломъ, такого рода, что могли быть извѣстны всякому сколько-нибѣдь образованному человѣку и безъ особеннаго упражненія въ греческой литературѣ; они походятъ на пословицы, каковыми часто дѣлаются нѣкоторые стихи любимыхъ писателей. Впрочемъ, апостолъ могъ весьма часто слышать ихъ во время своихъ путешествій по Греціи, гдѣ лучшіе стихотворцы многими перечтывались наизусть; самое обращеніе его съ увѣровавшими язычниками доставляло ему много подобныхъ свѣдѣній. Кромѣ того, мы знаемъ, что апостолъ посвящалъ свободное отъ трудовъ время на чтеніе книгъ ²⁾. Можно думать, что между сими книгами были нѣкоторыя и греческія. Павелъ, какъ видно изъ 17, 23 Дѣяній, почиталъ за нужное узнавать предварительно духъ и нравы тѣхъ людей, коимъ намѣревался проповѣдывать; но въ семъ отношеніи многіе поэты греческіе могли быть весьма полезны.

Желаніе дать сыну лучшее образованіе, впрочемъ

¹⁾ Vid. Thaleman Dissert. de Eruditione Pavli Judaica, non Graeca.

²⁾ 2 Тим. 4, 13. Выраженіе: *принеси книги, паче же кожаныя*, кажется, показываетъ уже, что апостолъ разумѣлъ подъ сими книгами не одинъ только ветхій завѣтъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

въ духѣ отечественной религіи, примѣръ согражданъ, которые имѣли обыкновеніе посылать своихъ дѣтей путешествовать для усовершенствованія себя въ наукахъ ¹⁾, и, можетъ-быть, родственныя связи, которыя родители Савла имѣли съ жителями Іерусалима (Дѣян. 23, 16), расположили ихъ послать своего сына для обученія въ Іерусалимѣ, который еще почитался тогда средоточіемъ іудейской мудрости. Какъ сынъ фарисея, Савлъ присоединился къ сектѣ фарисеевъ и сдѣлался ученикомъ Гамалиіла, знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ еврейскихъ законоучителей ²⁾. Если онъ тотъ самый Гамалиілъ, о коемъ упоминается въ 5 главѣ Дѣяній; то онъ стоить быть образователемъ такого ученика, каковъ Павелъ. Отзывъ его о христіанствѣ (Дѣян. 5, 35—39) показываетъ въ немъ человѣка здравомыслящаго, который отъ Промысла и времени ожидаетъ разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ необыкновенными событіями, относящимися къ религіи,—въ твердой увѣренности, что изобрѣтеніе человѣческое, сколько бы ни прикрывалось личною божественнаго происхожденія, не можетъ долго удерживать характеръ божественности, и съ продолженіемъ времени исчезаетъ само собою.

Юный Савлъ былъ тщательно наставленъ въ отеческомъ законѣ (Дѣян. 22, 3; чего и надлежало ожидать, судя по знаменитости его наставника. Чрезвычайныя

¹⁾ Strab. Geog. Lib. 14, pag. 673. Edit. Cosarib. pag. 1587.

²⁾ Гамалиілъ былъ сынъ Сумесона, внукъ Гиллела, прозванный на ученость, въ отличіе отъ обыкновенныхъ раввиновъ, *равваномъ*. Талмудъ усвоилъ ему главное начальство надъ фарисейскимъ училищемъ въ Іерусалимѣ. Vid. Schettg. Horae Herb. et Talmud.

дарованія вскорѣ отличили его между сверстниками, такъ что немногіе могли равняться съ нимъ въ разумѣніи фарисейскаго богословія (Гл. 1, 14). Природная доброта сердца, а можетъ-быть, и примѣръ наставника, были причиною того, что Савль, несмотря на юныя лѣта свои, въ кои обыкновенно любятъ болѣе знать, нежели исполнять познанное, старался вести жизнь неукоризненную (2 Тим. 1, 3), и былъ по правдѣ законной непороченъ (Филип. 3, 6).

По обыкновенію тогдашнихъ іудеевъ ¹⁾, обучать дѣтей своихъ какому-нибудь искусству, Савль съ упражненіемъ въ наукахъ соединялъ упражненіе и въ искусствѣ. Евангелистъ Лука называетъ (Дѣян. 18, 3) его *σκηνοποιός*, по нашему славянскому переводу *скинотворцемъ*. Въ чемъ бы ни состояло сіе искусство (пбо мнѣнія о немъ несогласны ²⁾), изъ исторіи путешествій апостола видно, что онъ могъ заниматься имъ всюду, куда

¹⁾ У древнихъ іудеевъ даже обратилось въ пословицу, что кто не обучаетъ сына своего какому-нибудь ремеслу или искусству, тотъ учитъ его красть. Schittg. in Disser. de Christo Rabbin. Summo.

²⁾ Одни (Michael in Einleit. in N. T.) разумѣютъ подъ нимъ дѣланіе инструментовъ; другіе (Luther) ковровъ; иные (Eichhorn. Hug. in Einleit. in N. T.) попоннъ или войлоковъ, изъ коихъ составлялись палатки; многіе—просто дѣланіе палатокъ, которыя на Востокѣ, по причинѣ жаркаго климата и недостатка въ гостиницахъ, были въ великомъ употребленіи у путешественниковъ. Последнее мнѣніе вѣроятнѣе: ибо Златоустъ, который конечно зналъ хорошо силу слова: *σκηνοποιός*, употреблялъ вмѣсто его *σκηνοποιός* (сшиватель палатокъ). Киликія, отечество Павла, славилась матеріалами для палатокъ. Vid. Suidas sub voce: Kilikia. Plin. Hist. Nat. 6, 28.

ни приходилъ, и что платы за труды доставало на содержаніе его вмѣстѣ съ сотрудниками въ дѣлѣ проповѣди.

Апостолъ Павелъ самъ нѣкоторымъ образомъ характеризуетъ духъ образованія, полученнаго имъ отъ Гамалиила, когда ученіе фарисейское называетъ (Дѣян. 26, 5) строжайшимъ (*ακριβεστατον*) въ отеческомъ вѣроисповѣданіи. Правственность фарисеевъ въ новомъ завѣтѣ является большею частію въ безобразномъ видѣ: они вездѣ изображаются лицемѣрами, кои подъ личиною строгой набожности сокрываютъ сердца, исполненные гордости и корыстолюбія — черты, безъ сомнѣнія взятая съ натуры! Впрочемъ, основатели секты фарисейской могли имѣть чистые виды. Въ сочиненіяхъ раввиновъ, [кои большею частію держались фарисейства, часто встрѣчаются пзціи правила правственности ¹⁾. Въ твореніяхъ Иосифа Флавія, который также принадлежалъ къ фарисеямъ ²⁾, большею частію господствуетъ здравый образъ мыслей и нерѣдко чистое чувство нравственное. Если между фарисеями многіе носили только личину благочестія, то нѣкоторые, вѣроятно, были тѣмъ, чѣмъ другіе хотѣли только казаться. По крайней мѣрѣ, нельзя думать, чтобы въ ихъ школахъ учили лицемѣрію. А посему образованіе Павла въ фарисейскомъ училищѣ, при такомъ учителѣ, каковъ Гамалиилъ, могло имѣть благотворное дѣйствіе на развитіе его нравственнаго характера, по крайней мѣрѣ не могло много вредить чистотѣ характера, какъ

¹⁾ Vid. Berger. Moral. Einleit. in N. T. Pag. 478.

²⁾ Joseph de vita sua § 2.

могутъ думать нѣкоторые, основываясь на худомъ понятіи о фарисеяхъ. Чтеніе книгъ ветхаго завѣта, коимъ постоянно занимался въ фарисейскихъ школахъ ¹⁾, способствовало къ обогащенію памяти Савловой лучшими правдами нравственности и высокими образцами благочестія; любимое ихъ упражненіе — изъяснять многія мѣста и писанія въ иносказательномъ смыслѣ, пролагало въ умѣ его путь тому святому искусству — извлекать изъ *мертваго писмени духъ животворящій*, коимъ ознаменованы всѣ посланія его, особенно къ евреямъ и галатамъ. Даже то самое, что въ образованіи фарисейскомъ было предосудительнаго, какъ-то: чрезмѣрная привязанность къ человѣческимъ преданіямъ и мнѣніямъ учителей, страсть все подводить подъ правила, ничего не оставляя нравственному чувству, низведеніе нравственности изъ области духа въ кругъ внѣшнихъ, часто механическихъ дѣйствій ²⁾, — впоследствии, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской религіи, могло обратиться во благо. Люди съ умомъ сильнымъ и живымъ характеромъ, при душевныхъ перемѣнахъ, съ нами встрѣчающихся, обыкновенно уклоняются въ противоположную сторону, и уклоняются далеко. Это случилось и съ Павломъ. По обращеніи въ христіанство, онъ вездѣ обнаруживаетъ противоположный прежнему образъ мыслей даже тамъ, гдѣ говорятъ безъ непосредственнаго внушенія Духа Божія, по собственному чувству (наприм. 1 Кор. 7, 25—40). Въ самомъ началѣ своего апостольскаго служенія онъ не только отвергъ

¹⁾ Joseph Ant. Lib. 20, cap. 2, sub finem.

²⁾ V. Serarii Trihaeresi m.

нечистія преданія человѣческія, кои были отвергаемы и прочими апостолами, вразумленными въ ихъ ничтожности ученіемъ и примѣромъ Иисуса Христа (Матѣ. 15, 1—9), но и проповѣдывалъ свободу христіанъ отъ обрядоваго закона, — поступокъ, который долго подвергался едва не всеобщему нареканію, однако же былъ совершенно сообразенъ съ духомъ новозавѣтнаго ученія.—Такимъ образомъ Промыслъ, избравшій Савла отъ чрева матери (Гал. 1, 4) на великое служеніе апостольства, обнаружилъ мудрое водительство свое и въ томъ, что допустилъ ему провести юность свою *при ногахъ Гамалиила*.

Первое понятіе о христіанствѣ Павелъ, по всей вѣроятности, получилъ еще въ школѣ Гамалиила: ибо нельзя думать, чтобы фарисейскіе наставники оставляли учениковъ своихъ въ невѣдѣніи о новой сектѣ, которая съ самаго начала своего сдѣлалась весьма значительною и угрожала всѣмъ преданіямъ фарисеевъ. Невѣроятно даже, кажется, чтобы Савлъ никогда не видалъ Иисуса Христа въ продолженіе Его земной жизни. Такъ однакожь заставляютъ думать вся послѣдующая исторія и всѣ посланія его. Онъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ, чтобы онъ видѣлъ Иисуса Христа, хотя во многихъ случаяхъ было весьма прилично упомянуть о семъ (наприм. во 2 Кор. 4, 22; 12, 11; Гал. 1, 12 слѣд. послѣд. стихъ съ Дѣян. 1, 21 и друг.); напротивъ, сказываетъ иногда нѣчто такое, изъ чего должно заключить, что Иисусъ Христосъ не былъ ему извѣстенъ лично (наприм. Дѣян. 9, 5). Притомъ, если бы Павелъ находился когда-нибудь въ числѣ слушателей Иисуса Христа, то евангелисты, вѣроятно, замѣтили бы

сіе обстоятельство, тѣмъ паче, что онъ, судя по его характеру, не могъ быть безмолвнымъ слушателемъ или зрителемъ Мессіи. Странность сія, то-есть, что Савль не зналъ Иисуса Христа лично, изъясняется тѣмъ, что время открытаго служенія Иисуса Христа рѣду человѣческому было непродолжительно ¹⁾; что большая часть онаго проведена была въ путешествіяхъ по Палестинѣ, особенно по той ея части, которая называлась Галилеєю; что Иисусъ Христосъ приходилъ въ Іерусалимъ только на праздники, и то на краткое время, всегда почти удалился шумныхъ собраній народа и проповѣдывалъ большею частію не тамъ, гдѣ полагали враги его (Іоан. 11, 54—57). (Посему-то были такіе люди, коп, при всемъ желаніи видѣть Его, не находили къ тому случая. Лук. 23, 8). Съ другой стороны, Гамаліиль, сообразно своему характеру, вѣроятно старался держать учениковъ своихъ, особенно юныхъ, какъ Савль, въ удаленіи отъ всѣхъ народныхъ собраній, которыя въ то время рѣдко происходили безъ печальныхъ явленій. По окончаніи своего образованія, Савль могъ отлучиться изъ Іерусалима въ Тарсъ къ своимъ родителямъ. И можно ли исчислить всѣ причины, которыя могли не допустить Павла знать Иисуса Христа лично?

Изъ училища Гамаліилова Савль вышелъ тѣмъ, чѣмъ надлежало выйдти ученику фарисея — жаркимъ ревнителемъ отеческихъ преданій (Гал. 1, 14). Пыл-

¹⁾ Обыкновенно полагають, что служеніе Иисуса Христа продолжалось около трехъ лѣтъ съ половиною. См. Церк. Вѣст. Истор. Прес. Филарета.

кость характера и юность возраста его были причиною, что онъ не перенялъ у своего наставника самой лучшей, можетъ-быть, части его наставленій — искусства соединять съ ревностію по вѣрѣ хладнокровное разсужденіе и благоразумную терпимость (Дѣян. 5, 33 — 39). Участіе въ убіеніи Стефана, повидному, было не первымъ опытомъ приверженности Савла къ отеческимъ преданіямъ: ибо оно не было столь значительно, чтобы первосвященники іудейскіе вслѣдствіе его рѣшились уполномочить (Дѣян. 26, 10) юнаго фарисея на произведеніе тѣхъ кровавыхъ явленій, которыя, какъ увидимъ, послѣдовали за смертію первомученика. Наклонность многихъ изъ тогдашнихъ іудеевъ къ языческимъ обыкновеніямъ представляла весьма часто случаи къ обнаруженію патріотической ревности. Едва ли даже Савлъ (завлеченный пылкостью характера) не состоялъ въ нѣкоторомъ сношеніи съ ужасною въ тѣ времена сектою зилотовъ ¹⁾. Именнаго ревнителя (Ζηλωτής), которое онъ даетъ самъ себѣ (Гал. 1, 14), довѣренность къ нему убійць Стефановыхъ (Дѣян. 8, 58), которые по всей вѣроятности были зилоты ²⁾, дѣлають сію догадку правдоподобною.

Когда такимъ образомъ ученикъ Гамалиловъ, *имѣя*

¹⁾ Зилотами назывались у іудеевъ нѣкоторые безразсудные ревнители отечественной религіи и свободы, которые, проповѣдуя, что народъ Божій не долженъ платить дани кесарю, позволяли себѣ убивать тѣхъ, кои, будучи благоразумнѣе, имѣли твердость противиться ихъ возмутительнымъ замысламъ.

²⁾ Ибо они только могли рѣшиться на убіеніе Стефана вопреки узаконенію римлянъ, чтобы смертные приговоры исполнялись не прежде утвержденія ихъ прокураторомъ. Іоан. 8, 31.

ревность по Богу, но безъ разсужденія, и не разумя праведности Божіей, усилывая поставить собственную свою праведность,—праведность по вѣрѣ (Рим. 10, 2. 3) въ Иисуса Христа уже оказывала благотворное дѣйствіе свое надъ многими изъ его братій по плоти. Несмотря на гнусную клевету первосвященниковъ о похищеніи тѣла Иисусова учениками Его и на строгія мѣры противъ провозвѣстниковъ Его воскресенія, весь Іерусалимъ исполнялся славою имени Распятаго; *слово Божіе* расло, *число учениковъ* непрестанно *умножалось*; изъ самыхъ *священниковъ іудейскихъ* очень *многіе* *покорялись вѣрѣ* (Дѣян. 6, 7). Іудейству, и безъ того давно потрясаемому различными толками господствующихъ сектъ, угрожала новая величайшая опасность со стороны возникающаго христіанства. Что долженъ былъ мыслить и чувствовать въ сихъ обстоятельствахъ Савлъ — юноша съ пылкимъ характеромъ, патріотическимъ чувствомъ, съ умомъ сильнымъ, но помраченнымъ предразсудками, фарисей, отъ всего сердца приверженный къ отеческому закону и обычаямъ, свято чтившій не только Моисея и пророковъ, но и преданія старцевъ, несообразныя съ духомъ христіанства? — Могъ ли онъ оболстительную мечту о Мессіи, царѣ-завоевателѣ, промѣнять на почитаніе креста, который еще недавно былъ предметомъ посмѣянія для Іерусалима? Могъ ли обѣщать себѣ что-нибудь добраго отъ той секты, коея Основатель столь строго и часто вооружался противъ порочной жизни фарисеевъ—его наставниковъ и воспитателей? Савлъ видѣлъ только опасность со стороны христіанства, а посему ипталъ къ нему одно отвращеніе. Чудеса Иисуса Христа и Его апостоловъ могли быть изъясняемы имъ такъ,

какъ ихъ вообще изъясняли фарисеи — содѣйствіемъ злыхъ духовъ, легковѣріемъ народа и тому подобное. Внутреннее превосходство ученія христіанскаго также не могло трогать его: для сего требовалось спокойное углубленіе въ духъ христіанской религіи и въ свою совѣсть, къ чему умъ, занятый предрассудками, не былъ способенъ; только опытные и разсудительные люди, какъ Гамаліилъ, могли ожидать отъ Промысла разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ успѣхами христіанства. Павелъ думалъ, что ему нужно *сильно дѣйствовать противъ имени Іисуса Назорея* (Дѣян. 26, 9), — и дѣйствовалъ!

Первые опыты Савловой вражды на имя Христова, вѣроятно, состояли въ спорахъ съ провозвѣстниками онаго (Дѣян. 6, 9). Но школьная ученость фарисейская не долго могла стоять противъ устъ Стефана, исполненнаго Духа Божія (Дѣян. 6, 10); сила слова замѣна была насиліемъ клеветы и оружіемъ (Дѣян. 6, 13). Прарота Павлова характера не позволяеть думать, чтобы онъ участвовалъ въ соплетеніи клеветъ на Стефана; но однакоже несомнѣнно, что онъ одобрялъ убіеніе сего (Дѣян. 8, 1), и стерегъ одежды безчеловѣчныхъ убійць Стефановыхъ (Дѣян. 7, 58). Онъ поступилъ въ семъ случаѣ по совѣсти, — только заблуждающей. На немъ, по замѣчанію Златоуста ¹⁾, въ точности сбылись слова Спасителя: *уже убіетъ вы, возмнится службу приносить Богу*. Ему казалось, что онъ приносить Богу отцовъ своихъ самую пріятную жертву, когда преслѣдуетъ распространителей новой ереси, которая, по его

¹⁾ Homil. in Ac a Apost.

мнѣнію, имѣла цѣлю ниспроверженіе іудейской религіи. Если бы онъ увидѣлъ, подобно Стефану, Иисуса, стоящаго одесную Бога, то вѣрно, не опасаясь участи Стефановой, въ ту же минуту исповѣдалъ бы Его Сыномъ Бога живого.

Неисповѣданный Промыслъ попустилъ ненависти Савла къ христіанамъ открыться въ новыхъ разительнѣйшихъ явленіяхъ, дабы, какъ изъясняетъ самъ апостоль, въ немъ *первомъ оказалось все долготерпѣніе Божіе, въ примѣръ тѣмъ, которые будутъ впровадь въ Иисуса Христа къ жизни вѣчной* (1 Тим. 1, 16). Разсѣяніе вѣрующихъ по смерти Стефана породило въ умѣ убійцы его мысль, что усиленное гоненіе положитъ конецъ новой ереси; но крайней мѣрѣ, Савлъ въ ослѣпленіи дерзнулъ на новыя жестокости. Получивъ отъ первосвященниковъ власть преслѣдовать христіанъ, онъ для сего ходилъ по всѣмъ синагогамъ; не довольствуясь симъ, входилъ въ дома ихъ, не щадилъ ни пола, ни возраста, мученіями принуждалъ ихъ хулить имя Иисуса, заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, то подавалъ на то свой голосъ (Дѣян. 26, 10. 11). Такъ можетъ поступить человѣкъ съ самою набожною совѣстію, когда онъ не проникъ въ истинное свойство любви къ Богу и ближнему! — Успѣхи разсѣянныхъ христіанъ, которые всюду, гдѣ ни проходили, благовѣствовали имя Христово, подали Савлу случай простереть гоненіе на нихъ за предѣлы Палестины. Еще дыша угрозами и убійствомъ, онъ испросилъ у первосвященниковъ письма къ дамасскимъ синагогамъ ¹⁾, дабы, связавъ тамошнихъ

¹⁾ Дѣян. 9, 2. Спрашивается: какую власть имѣлъ первосвященникъ Иппокентій. Сочиненія. II.

христіанъ, препроводить ихъ въ Іерусалимъ для суда. Дамаскъ, наполненный іудеями ¹⁾, представлялъ воображенію Павла обширнѣйшее поле для дѣйствованія. Римская власть, которая не терпѣла такихъ явленій, каково было убіеніе Стефана, не имѣла тамъ силы: ибо онъ былъ завоеванъ незадолго предъ симъ Аретою, царемъ аравійскимъ (2 Кор. 11, 32). Новый владѣтель его благопріятствовалъ іудеямъ ²⁾. Письма первосвященника, и безъ того уважаемыя въ иноземныхъ синагогахъ, въ дамасскихъ должны были имѣть силу закона и полный успѣхъ, который дѣйствительно послѣдовалъ, — только совсѣмъ въ другомъ видѣ!

нѣкъ надъ синагогою чужеземною, какова дамаская? Изъ Joseph Ant. 14, 10, 16, 9 видно, что чужеземныя синагоги добровольно повиновались верховному іерусалимскому синедріону, особенно въ дѣлахъ, касающихся религіи, какъ-то: въ расиознаніи ложнаго ученія, лживыхъ пророковъ и проч., и что римскіе областеначальники не противились сему обыкновенію, которое имѣло видъ нѣкотораго національнаго закона у іудеевъ. Vitr. de Synag. Veter. Pag. 866. Wi sius Melet. Leyden. Pag. 23.

¹⁾ Какъ много было іудеевъ въ Дамаскъ, можно заключить изъ того, что, по свидѣтельству Флавія (Bel. Jud. 2, 25), жители Дамаска въ царствованіе Перона, захвативъ нечаянно 10,000 іудеевъ въ теплицахъ, предали смерти.

²⁾ Изъ того, что дочь Ареты была въ замужествѣ за Продомъ Антипою, нѣкоторые заключаютъ даже, что онъ былъ іудейскій прозелитъ. Basnag. E. legitat. contra Baron. Pag. 163.

ОБРАЩЕНИЕ ВЪ ХРИСТИАНСТВО.

Путешествіе въ Дамаскъ было тѣмъ временемъ, которое Промысль избралъ для обращенія Савла. Чѣмъ необыкновеннѣе сіе происшествіе, чѣмъ разительнѣе открывається въ немъ божественность христіанской религіи, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что мы имѣемъ о немъ весьма обстоятельныя и несомнѣныя свѣдѣнія, сообщенныя евангелистомъ Лукою (Дѣян. 9, 1 — 25) и двукратно самимъ Павломъ (Дѣян. 22, 5 — 16; 26, 12 — 19). Среди дня, повѣствуетъ онъ, на пути я увидѣлъ свѣтъ съ неба, превосходящій солнечное сіяніе, который осіялъ меня и шедшихъ со мною. Всѣ мы пали на землю, и я слышалъ голосъ, говорящій ко мнѣ на еврейскомъ языкѣ: «Савль, Савль! что ты Меня гонишь?— Трудно тебѣ идти противъ рожпа (Дѣян. 26, 13. 14)!» Легко представить, сколь сильное впечатлѣніе должно было произвести сіе необыкновенное явленіе въ пылкой душѣ гонителя! Онъ былъ увѣренъ, что всѣ непріязненные дѣйствія его противъ христіанъ непосредственно относятся къ славѣ Божіей; что онъ подражаетъ въ семъ дѣлѣ Финеесу и Иліи,—и на семъ самомъ пути,

который свидѣтельствовалъ о его ревности по Богѣ, видитъ явленіе, котораго онъ не могъ не признать за божественное, слышитъ съ неба голосъ, жалующійся на преслѣдованіе. Въ сію минуту должны были возобновиться въ памяти его всѣ озлобленія, причиненныя имъ въ Іерусалимѣ вѣрнымъ;—должна была предстать воображенію смерть Стефана, безчеловѣчіе его убійць, кроткое спокойствіе и небесное незлобіе сего мученика. Совѣсть, конечно, уже внушала ему, предъ кѣмъ онъ вповенъ; но еще какъ бы не довѣряя несправедливости своего дѣла, какъ бы желая дать знать, что онъ никого не гналъ съ злымъ намѣреніемъ, всегда дѣйствовалъ по закону, Савль въ трепетѣ дерзнулъ спросить: *кто ты, Господи?* «*Я — Іисусъ, котораго ты гонишь*», отвѣчалъ явившійся! Надлежитъ поставить себя на мѣстѣ Павла, чтобы почувствовать всю силу сихъ словъ. Не было уже мѣста сомнѣнію въ божественности лица Іисусова; осталось только мѣсто для страха и ужаса. Савль не зналъ еще, что Іисусъ есть Богъ милосердія и щедротъ, что Онъ пришелъ възыскать и спасти погибшее, и для того взошелъ на крестъ, дабы привлечь къ себѣ всѣхъ обремененныхъ грѣхами: сообразно земному понятію своему о Мессіи, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ увидѣть въ Немъ строгаго мстителя за поруганіе имени своего, за мученіе рабовъ Его,—ожидалъ себѣ участи Даѳана и Авирона. Но Гонимый явился не для того, дабы наказать гонителя, но чтобы сдѣлать его своимъ апостоломъ. *Встань и стѣнь на ноги твои*, сказалъ Господь: *ибо Я для того явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ тому, что видѣлъ, и что Я открою тебѣ,*

избавляя тебя отъ народа иудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ нынѣ посылаю тебя, открыть имъ глаза, дабы они обратились отъ тьмы къ свѣту и изъ подъ власти сатаны къ Богу, и вѣрою въ Меня получили прощенье во грѣсахъ и часть наследія съ освященными (Дѣян. 26, 15—18).

Ободренный симъ утѣшительными словами, Савль желалъ знать, что требуется отъ него, дабы соотвѣтствовать новому служенію, на него возлагаемому; и получилъ въ отвѣтъ, что ему будетъ открыто о семъ въ Дамаскѣ. Послѣ сего видѣніе кончилось, оставивъ глубокіе слѣды на очахъ Савловыхъ (онъ сдѣлался слѣпъ) и еще глубже въ его сердцѣ. Спутники его видѣли только свѣтъ и слышали звукъ голоса, но того, кто говорилъ съ нимъ, не видали и, что говорилъ, не разумѣли ¹⁾.

¹⁾ Въ повѣствованіи евангелиста Луки и апостола Павла о семъ случаѣ усматривается нѣкоторое разногласіе. Первый говоритъ (Дѣян. 9, 7), что спутники Павловы голосъ слышали, но никого не видѣли; послѣдній сказываетъ (Дѣян. 22, 9), что они не слышали словъ того, кто говорилъ съ нимъ. Нѣкоторые (Oesiminius, Beza, Schmidius, Hermanus) думали согласить сіе, разумѣя въ первомъ случаѣ голосъ Павла, а въ послѣднемъ Иисуса Христа; но сего изъясненія не принимаетъ составъ рѣчи: ибо сказаннымъ словамъ въ первомъ случаѣ непосредственно предшествуютъ слова не Павловы, а Христовы; а посему, если бы св. Лука разумѣлъ голосъ перваго, то не сказалъ бы просто *φωνή* (голосъ), а присовокупилъ бы *αὐτοῦ* (его). Гораздо лучше изъясненіе тѣхъ, кои принимаютъ, что слово: *не слышали*, въ послѣднемъ случаѣ означается: *не разумѣли слышаннаго*: ибо *ἀκούειν*, подобно еврейскому *יָדַע*, часто употребляется вмѣсто глагола: *разумѣть*. Такъ употребляетъ слово сіе самъ Павелъ въ другомъ мѣстѣ 1 Кор. 14, 2. Но какъ можно

Савлъ, ведомый спутниками, пришелъ въ Дамаскъ Слѣпота его продолжалась три дня. проведенные имъ безъ пищи и питья. Состояніе духа его было въ сіе время самое мучительное для ветхаго человѣка, но тѣмъ благодѣтельнѣе для человѣка поваго: всѣ силы ума и сердца должны были какъ бы переродиться для новой жизни во Христѣ Іисусѣ ¹⁾. Лишенный свѣта вишняго, онъ обратился ко внутреннему—молился—и получилъ видѣніе, въ коемъ представилось ему, что нѣкто изъ христіанъ, именемъ Ананія, возвратитъ ему зрѣніе (Дѣян. 9, 12). Въ то же время послѣдовало откровеніе и Ананіи ²⁾. Самъ Іисусъ Христось (такъ много заботился Онъ о своемъ гонителѣ!), являсь ему, повелѣлъ идти къ Савлу для возвращенія ему зрѣнія. Ананія ужаснулся, представлялъ лютость сего человѣка и его ненависть къ христіанамъ; но былъ успокоенъ тѣмъ, что прежній гонитель теперь есть уже избранное орудіе славы Христовой. Нашедъ Савла въ домѣ нѣкоего іудейнина, именемъ Іуды, онъ возложилъ на него руки

было слыша не разумѣть? — Можетъ-быть, спутники Павла не знали еврейскаго языка, на коемъ говорилъ съ нимъ Іисусъ Христось, или находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, или Говорившему угодно было, чтобы слова Его разумѣлъ одинъ Савлъ.

¹⁾ Для чего, спрашиваетъ Златоустъ, Павелъ не ѣлъ и не пилъ?— И отвѣчаетъ: осуждалъ въ совѣсти свои дѣянія, исповѣдывался въ нихъ предъ Богомъ, молился. просилъ о помилованіи. Ном. 19 in Act. Apost.

²⁾ По отзыву самого Павла, Ананія былъ мужъ благочестивый по закону, одобряемый всѣми іудеями, живущими въ Дамаскѣ. Дѣян. 22, 12. Древнее преданіе говоритъ, что онъ былъ изъ числа 70 Апостоловъ.

и сказалъ: *братъ Савль! Господь Иисусъ, явившійся тебѣ на пути, послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты прозрѣлъ и исполнился Святого Духа.* За словами тотчасъ послѣдовало и дѣйствіе: съ глазъ Савловыхъ спала какъ бы пѣкоторая чешуя: онъ прозрѣлъ и немедленно принялъ крещеніе (Дѣян. 9, 10 — 18), безъ сомнѣнія отъ рукъ Ананіи.

Обращеніе Павла есть одно изъ необыкновеннѣйшихъ событій, коими прославилась Церковь апостольская: посему-то св. отцы столь часто вспоминали о немъ и съ такимъ удовольствіемъ углублялись въ него размышленіемъ ¹⁾. Оно служитъ утѣшительнымъ примѣромъ для всѣхъ грѣшниковъ, особенно тѣхъ, кои имѣли несчастіе питать ревность по Богѣ безъ разсужденія, и въ то же время есть одно изъ самыхъ ощутительныхъ доказательствъ божественности христіанской религіи. Въ самомъ дѣлѣ, не кроткій по природѣ человѣкъ, который самъ по себѣ имѣлъ расположеніе къ благотворному ученію христіанъ, не слушатель Иисуса Христа, о коемъ можно бы сказать, что онъ увлеченъ сладостію словъ Его, не такой человѣкъ видитъ Иисуса, коего іудеи почитали мертвымъ, но упорнѣйшій защитникъ іудейства, непримиримый врагъ имени Христова, жестокій преслѣдователь почитателей Его, въ коемъ первосвященники видѣли надежный оплотъ противъ разливающегося потока новой ереси, коего одно имя приводило въ трепеть и такихъ людей, каковъ былъ Ананія, коего прибытія въ Дамаскъ христіане ожидали

¹⁾ V. Svicer. Lex. sub voce *Καυλος*. Euchall p. esumtive arguments Serm. 5. 6.

какъ гнѣва Божія, а іудеи какъ ангела-хранителя, однимъ словомъ, Савль видитъ Іисуса, признаетъ Его Мессією, Сыномъ Божиимъ, и содѣлывается ревностнымъ провозвѣстникомъ имени Его, презирающимъ самую смерть за истину новаго ученія. Какое ободреніе для гонимыхъ христіанъ! какой страхъ для іудеевъ! какой ужасъ для убійць Стефана, для убійць Іисуса!

Савль не могъ обѣщать себѣ отъ христіанъ никакихъ земныхъ выгодъ. Искалъ ли онъ чести? Она была оказана ему верховнымъ совѣтомъ іудейскимъ, который возложилъ на него самое важное порученіе: истребить возникающее христіанство. Исполненіе сего порученія покрыло бы его новою славою, вслѣдствіе коей онъ могъ имѣть право на самыя высокія достоинства между фарисеями; напротивъ, христіане какъ сами не искали почестей, такъ не могли и обѣщать ихъ, будучи гонимы и презираемы іудейскими властями. Искалъ ли онъ богатства? Христіане были бѣдны; многіе изъ нихъ жили милосердіемъ своихъ братьевъ по вѣрѣ; ихъ послѣднія стяжанія подлежали расхищеніямъ, самая жизнь находилась въ непрестанной опасности. Напротивъ, секта фарисеевъ изобиловала всѣми временными благами и, пользуясь великимъ уваженіемъ въ народѣ, могла доставлять любимцамъ своимъ все, имъ угодное. Надѣялся ли онъ быть важнымъ лицомъ между христіанами, начальникомъ ихъ ереси? Но что за слава быть главою общества, состоявшаго изъ людей низкаго происхожденія, бѣдныхъ, слабыхъ, незнакомыхъ съ мірскимъ просвѣщеніемъ, проповѣдующихъ произвольную нищету и самоотверженіе? Притомъ, могъ ли Савль надѣяться довѣренности къ себѣ христіанъ послѣ многихъ оны-

товъ своей жестокости къ нимъ ¹⁾?—Вся послѣдующая жизнь св. Павла служить яснѣйшимъ доказательствомъ, что онъ сдѣлался христіаниномъ не по какимъ-либо земнымъ побужденіямъ, но единственно потому, что совершенно убѣдился въ божественности христіанства чудеснымъ явленіемъ Іисуса Христа. Онъ вездѣ показываетъ строжайшее безкорыстіе, имѣя полное право получать содержаніе отъ тѣхъ, кои обязаны ему своимъ спасеніемъ, питается большею частію собственными трудами, собираетъ милостыню по Церквамъ, имъ посажденнымъ, но не для себя, а для бѣдныхъ христіанъ іерусалимскихъ; ищетъ славы, но единственно той, которая состоитъ въ вѣрномъ исполненіи высокихъ обязанностей апостольства; не терпитъ, чтобы кто-либо изъ обращенныхъ имъ назывался по его имени, *Павломъ*; называетъ себя послѣднимъ изъ Апостоловъ; хочетъ, чтобы его разумѣли не болѣе, какъ служителя Іисуса Христова; въ слухъ всѣхъ говоритъ, что онъ былъ гонитель и хульникъ и помилованъ единственно по милосердію Спасителя.

Но Савлъ не только не искалъ для себя у христіанъ никакихъ временныхъ приобрѣтеній, но еще долженъ былъ при переходѣ въ христіанство отказаться отъ тѣхъ, кои имѣлъ въ іудействѣ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ долженъ былъ потерять славу перваго ревнителя и защитника іудейства; долженъ былъ испровергать отеческія преданія, въ коихъ онъ привыкъ издѣтства; долженъ былъ разорвать нѣжнѣйшія узы

¹⁾ Conf. Bretschneider, Handbuch der Dogmatik der Evang.-Luther. Kirche. 2. Auf. 1822. I. B., S. 191—203.

родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались въ іудействѣ. Сего мало: за вѣру въ Іисуса Христа ему неминуемо надлежало содѣлаться предметомъ ненависти всѣхъ фарисеевъ, всего сннедріона, всего народа іудейскаго.

Савль не былъ мечтатель, который внушенія собственнаго чувства, мечты воображенія почитаетъ за вдохновенія божественныя ¹⁾. Энтузіастическая мечтательность происходитъ или отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ любимымъ мнѣніямъ, или отъ меланхоліи, или отъ живаго, но необразованнаго воображенія, или отъ дѣтскаго легковѣрія. Савль имѣлъ сильное пристрастіе, но не къ христіанству, а къ преданіямъ фарисейскимъ; между тѣмъ, когда позналъ истину, то немедленно отвергъ ихъ единожды и навсегда. Онъ не былъ мрачнаго характера. Какимъ опасностямъ, скорбямъ, лишеніямъ ни подвергался онъ въ продолженіе своего апостольства, при всемъ томъ въ немъ не было ни малѣйшихъ признаковъ малодушія: онъ былъ совершенно доволенъ своею судьбою, радовался среди самыхъ страданій. Если онъ желалъ окончанія своей жизни, то потому, чтобы скорѣе соединиться съ возлюбленнымъ Спасителемъ. Въ семъ желаніи не было ничего нетерпѣливаго, энтузіастическаго: посему-то, когда онъ увидѣлъ, что для учениковъ его нужнѣе, чтобы онъ оставался въ сей жизни, то употреблялъ всѣ справедливые способы къ отдаленію ея конца. Савль имѣлъ живое воображеніе; но какъ строго оно было подчинено раз-

¹⁾ Conf. Ba'ler, Grundlehren der Religion. 2. Auf. 1814. S. 414—426.

судку!—Читая посланія его, мы находимъ сильныя порывы чувствъ; но они никогда не выходятъ за предѣлы: это—невольное изліяніе сердца, преисполненнаго любовію къ Богу и ближнему. Тѣмъ менѣе можно предполагать въ немъ легковѣрія и неосмотрительности. Изъ одной исторіи его можно извлечь подробныя правила христіанскаго благоразумія. Онъ постоянно внушалъ ученикамъ своимъ все испытывать, дабы принимать одно доброе; упрекалъ ихъ, когда они, подобно дѣтямъ, *взялись всякимъ вътромъ ученія*; предостерегалъ ихъ отъ ложныхъ откровеній и пророчествъ; никогда не требовалъ себѣ слѣпой вѣры; напротивъ, хотѣлъ, чтобы они поступали по убѣжденію собственнаго своего ума. Такъ-ли поступаютъ люди съ мечтательнымъ характеромъ ¹⁾.

Тѣмъ прискорбнѣе для сердца христіанина, когда онъ находитъ, что въ наши времена нѣкоторые изъ такъ называемыхъ христіанскихъ философовъ покушаются чудесное обращеніе апостола Павла изъяснить естественнымъ образомъ. И пусть изъясненія ихъ были бы дѣйствительно естественны; напротивъ, они столько принужденны, изысканны, нелѣпы, что едва ли бы могли заслужить одобреніе отъ самыхъ враговъ Павловыхъ—іудеевъ.

Весьма вѣроятно, такъ думаютъ тѣ, кои *мудрствуютъ намѣ, нежели подобаетъ мудрствовать* ²⁾, что

¹⁾ V. Lyttleton Observations on the conversion of St. Paul in a Letter to Gilbert West Esqvir. 1747. P. 110.

²⁾ Vid Kuinöl Commen. Hist. in Acta Apost. Ammon. de repentina Savli ad doctrinam Chris. conversione. Eckerman. in Theolog. Beiträgen. Eichhorn über die Nachricht von der Bekehrung des A. Paulus in allgemein. Biblioth. der Biblisch.

Савль послѣ смерти Стефана началъ сомнѣваться въ справедливости гоненія, воздвигнутаго на христіанъ. На пути въ Дамаскъ сіе сомнѣніе еще болѣе усплось. «Что», размышляя онъ, «если христіане невинны; если правда все то, что они повѣствуютъ о Иисусѣ Христѣ; если сей Иисусъ, мною гонимый, есть дѣйствительно Мессія? Чего должны ожидать враги Его, чего должны ожидать я? О, если бы Онъ явился мнѣ и увѣрилъ меня въ своей божественности! Я немедленно сдѣлался бы христіаниномъ». Когда душа Павлова была наполнена сими мыслями, вдругъ нашло облако, ударилъ громъ, и Савль, ослѣпленный молніею, повергся на землю. Поелюку-же іудеи почитали громъ за нѣкоторый видъ божественнаго откровенія, коего смыслъ изъясняли сообразно состоянію своего духа, то сіе естественное происшествіе было почтено Савломъ за божественное откровеніе. Ему показалось, что онъ видитъ самого Иисуса Христа и бесѣдуетъ съ Нимъ, между тѣмъ какъ сія бесѣда была не что иное, какъ разглагольствіе его съ собственною совѣстью. Рѣшившись вслѣдствіе сего явленія обратиться ко Христу, онъ достигаетъ Дамаска, вступаетъ въ сообщество съ христіанами и, узнавъ основательнѣе святость и чистоту ихъ ученія, принимаетъ крещеніе».

Изъясненіе сіе, сколько ни стараются придать ему видъ правдоподобія, никакъ не можетъ быть соглашено

Litter. B. 6. Greling. Versuch über Plötzlichen Uebergang des Apost. Paulus zum Christenthum in Henke Museum für Religion. Также Hezellius, Dindorfus, Rosenmüllerus, Heinrichsius въ толков. на 9 главу Дѣяній.

съ историческими сказаніями о Павловомъ обращеніи, основывается на недоказанныхъ предположеніяхъ и опровергаетъ само себя.

1. *Несоласно съ историческими сказаніями.* а) Павелъ говоритъ (Дѣян. 26, 14), что онъ слышалъ голосъ, говорящій на языкѣ еврейскомъ: это непререкаемая черта дѣйствительнаго разговора съ дѣйствительнымъ лицомъ; ибо громъ не можетъ говорить ни по-еврейски, ни на другомъ какомъ-либо языкѣ: это нелѣпость! Съ другой стороны нельзя сказать, чтобы Павелъ размышлялъ самъ съ собою на еврейскомъ языкѣ: это также нелѣпость! б) Павелъ сказываетъ, (Дѣян. 9, 7), что спутники его голосъ слышали, но никого не видали. Если подъ голосомъ разумѣтся громъ, то слова: *никого не видали*, будутъ совершенно лишнія; ибо кто, слыша громъ, будетъ думать, что это говоритъ какое-либо лицо? Если-же голосъ, слышанный Павломъ, былъ такого свойства, что въ спутникахъ его долженъ былъ возбудить понятіе о лицѣ говорящемъ, то это вѣрный знакъ, что сей голосъ былъ членораздѣльный, сходный съ голосомъ человѣческимъ. в) Павелъ весьма подробно описываетъ явленіе Іисуса Христа, замѣчаетъ мѣсто и время, въ которыхъ оно случилось; какъ-бы не упомянуть ему и о томъ, что голосъ (Дѣян. 9, 3; 22, 6), говорящій съ нимъ, выходилъ изъ облака?—Напротивъ, онъ утверждаетъ, что это случилось внезапно (*ἐξαφνης*) въ полуденное время, когда, то-есть, небо было совершенно чисто и нельзя было ожидать подобнаго явленія съ неба. г) Когда удары громовые упадаютъ близко къ человѣку, то въ такомъ случаѣ звукъ слѣдуетъ непосредственно за свѣтомъ; но

Павель увидѣлъ сначала свѣтъ, потомъ уже, павши на землю, услышалъ голосъ. Если же ударъ палъ въ довольномъ разстояніи отъ Савла, то не могъ повредить его зрѣнія. д) Въ 9, 7 Дѣяній говорится, что спутники Павловы голосъ слышали; а въ 12, 9 написано, что они не слышали словъ Того, кто говорилъ съ Савломъ. Такое противорѣчіе останется неизъяснимымъ, если подъ голосомъ будемъ разумѣть громъ. Ибо въ такомъ случаѣ: *не слышать*, значитъ, просто не слышать, не ощущать слухомъ; но можно-ли вмѣстѣ и слышать и не слышать? Но сіе противорѣчіе исчезаетъ само собою, когда голосъ, слышанный Павломъ, принимаемъ за голосъ членораздѣльный; ибо спутники могли слышать звукъ словъ и не понимать ихъ значенія: такимъ образомъ о нихъ можно было сказать, что они и слышали голосъ и не слышали.

2. *Основывается на недоказанныхъ предположеніяхъ.* Мысль, что Савль предъ путешествіемъ въ Дамаскъ началъ колебаться въ своей приверженности къ іудейству, раскаяваться въ жестокостяхъ, оказанныхъ христіанамъ, есть произвольная догадка, противорѣчащая исторіи ¹⁾. Ибо въ какомъ расположеніи духа онъ отправился въ Дамаскъ?—Дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господнихъ (Дѣян. 9, 1). Это ли признакъ человѣка, начинающаго приходить въ раскаяніе? Въ продолженіе путешествія не было случая переимѣнить ему свой образъ мыслей. Изъ вопроса, сдѣланнаго имъ Иисусу Христу: *кто ты, Господи?* — видно, что онъ непосредственно, предъ симъ совѣмъ не думалъ, какъ предполагается, о

¹⁾ Antiq. 3, 4.

Иисусъ Христѣ. Иначе упрекъ Спасителя: *что ты Меня гонишь?* тотчасъ пробудилъ бы въ душѣ его мысль, что это Иисусъ, имъ гонимый.

Не болѣе силы имѣеть и то предположеніе, что іудеи во времена Иисуса Христа почитали громъ за нѣкоторый видъ божественнаго откровенія. Изобрѣтатели и защитники его, вмѣсто убѣдительныхъ доказательствъ, ссылаются на 12, 26 Іоанна; но мѣсто сіе, безъ явнаго насилія составу рѣчи, не можетъ быть почитаемо за доказательство. Ссылаются еще на Флавія; но у него громы суть только признакъ присутствія Божія: мнѣніе, по всей вѣроятности, происшедшее отъ воспоминанія синайскаго законодательства, въ коемъ присутствіе Божіе обнаружилось громами.

3. *Опровергаетъ само себя.* Предполагается, что Савль былъ ослѣпленъ и поверженъ на землю молніею, и въ то же время предполагается, что онъ, поверженный на землю, могъ спокойно размышлять самъ съ собою, давать вопросы, отвѣты, осуждать прежнія дѣянія свои, рѣшиться на перемѣну своей вѣры. Не истребляютъ ли сами себя сіи два противоположенія?— Человѣкъ, пораженный молніею, способенъ ли къ размышленіямъ? Итакъ надлежитъ утверждать, что разговоръ Павла съ своею совѣстію происходилъ не во время грома, а при дальнѣйшемъ продолженіи пути, или въ Дамаскѣ. Но если такъ, то могъ ли Павелъ представлять его въ видѣ разговора съ самимъ Иисусомъ Христомъ во время грома? — Это могъ сдѣлать стихотворецъ, а не Апостоль.

Кромѣ сего, надобно замѣтить: а) что Павелъ неоднократно поставляетъ явленіе (1 Кор. 9, 1; 15, 8;

Гал. 1, 1—16) ему Іисуса Христа наряду съ дѣйствительнымъ явленіемъ Его прочимъ Апостоламъ и производить изъ него истину и божественность своего апостольства; но все сіе не иначе можно согласить съ правотою Павлова характера, какъ подъ условіемъ, что ему дѣйствительно явился Іисусъ Христосъ. б) Прочіе Апостолы и всѣ христіане безъ сомнѣнія не прежде приняли Савла въ сообщество, какъ по строгомъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ его чудеснаго обращенія, совершенно увѣрившись, что онъ не былъ обманутъ собственнымъ воображеніемъ. Что они не были легковѣрны къ прежнему гонителю своему, ясно изъ апостольскихъ Дѣяній (Дѣян. 9, 27. 28).

ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ ПАВЛОВА.

По многимъ причинамъ полезно знать, въ какой именно годъ по вознесеніи Іисуса Христа случилось обращеніе апостола Павла. Но предиріятіе—опредѣлить въ точности сію эпоху, столь важную по отношенію къ хронологіи Дѣяній Апостольскихъ, — сопряжено съ великими неудобствами, не только по причинѣ недостатка ясныхъ свидѣтельствъ, но и по причинѣ разногласія прикровенныхъ указаній, изъ коихъ посредствомъ соображеній надлежитъ вывести правдоподобнѣйшее мнѣніе. Сдѣлаемъ однакоже то, что можно, если нельзя сдѣлать всего.

Многіе изъ прежнихъ библейскихъ хронологовъ ¹⁾ и недавно Зускиндъ ²⁾ полагали, что Павелъ обратился ко Христу въ первый годъ по вознесеніи. Но принявъ

¹⁾ Vid. Spanhemii Dissert. de tempore conversionis Pavlinae. Также Bengel, ordo temporum, u Pearson Annales Pavlinae.

²⁾ In neuem Versuch über chronologische Standpuncte für die Apostelgeschichte in Bengel Archiv für die Theologie. Bd. 1, Th. 2, pag. 303, sq. q.

сіе мнѣніе, надобно утверждать, что происшествія, описанныя въ книгѣ Дѣяній до 9 главы, содержащей исторію обращенія Павлова, случились въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что, судя по количеству и качеству ихъ, весьма невѣроятно; невѣроятно также и то, чтобы въ продолженіе столь незначительнаго времени хрстіане до того умножились въ Дамаскѣ, что для истребленія ихъ нужно было посылать туда Савла. Притомъ Павелъ самъ сказываетъ, что во время его обращенія Дамаскъ находился подъ властію аравійскаго царя Ареты; но Сирія въ 33 и 34 годахъ принадлежала еще римлянамъ, и состояла подъ управленіемъ Вителлія. Правда, защитники вышесказаннаго мнѣнія догадываются, что Арета въ самомъ началѣ войны съ Иродомъ Антиппою за Иродіаду (война сія началась въ 34 году) сдѣлалъ нападеніе на Дамаскъ, дабы такимъ образомъ предупредить римлянъ, въ пріязни и содѣйствіи коихъ Ироду, своему врагу, онъ не могъ сомнѣваться; но сія догадка весьма неосновательна, ибо Арета конечно не былъ столько безразсуденъ, чтобы нападеніемъ на римскія области раздражать противу себя повелителей свѣта. Исторія напротивъ говоритъ, что Вителлій, правитель Сиріи, оставался спокойнымъ зрителемъ борьбы Ирода съ Аретою, и требовалъ отъ кесаря повелѣнія, какъ ему должно поступать въ семъ случаѣ. Но если Арета до полученнаго Вителліемъ приказанія отъ Тиверія — представить его живого или мертваго въ Римъ — завладе́лъ Дамаскомъ, то остается неизъяснимымъ, почему славлюбивый и мужественный Вителлій, который принудилъ нѣкогда царскаго царя принести жертву ста-

туямъ Августа и Калигулы ¹⁾), не отразилъ тотчасъ силы сплюю, какъ того требовала честь римскаго имени и собственная его слава? Таковое отраженіе онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы и въ томъ случаѣ, когда бы Арета только осмѣлился окружить своими войсками Дамаскъ, какъ весьма принужденно изъясняетъ слова Павловы (*ἔφρουρεν τὴν Δαμασκηνῶν πόλιν, στρεψάσθε Δαμασκὸν ἔραδν*, 2 Кор. 11, 32) Зускиндъ. Еще менѣе можно предполагать въ Аретѣ рѣшимости осаждать Дамаскъ, послѣ того, какъ Вителлій, вслѣдствіе Тиверіева повелѣнія—помогать всѣми силами Ироду—собралъ свои войска для войны съ аравами.

Но не завоевалъ ли Арета Дамаска и слѣдственно не могло ли послѣдовать обращеніе Павла въ 39 году по Рождествѣ Христовѣ, когда Вителлій, получивъ извѣстіе о смерти Тиверія, возвратилъ свои войска на зимнія квартиры ²⁾? Также невѣроятно: ибо римскій военачальникъ ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы аравійскому владѣльцу ненаказанно расхищать и присвоить себѣ области, находившіяся подъ его управленіемъ. Вообще, доколѣ Вителлій былъ проконсуломъ Сиріи (до 39 года), Дамаскъ не могъ быть отнятъ у римлянъ. Значитъ, обращеніе Павла могло послѣдовать по крайней мѣрѣ не прежде 39 года нашей эры, или 5 лѣтъ по вознесеніи.

По вѣроятнѣйшему соображенію, обращеніе Павла

¹⁾ Dion. Cass. Hist. Lib. 59, pag. 661.

²⁾ Такъ думали: Wolfius in Curis ad 2 Кор. 1, 1. Michaelis, Einleitung in N. T. Th. I, § 2, pag. 55, ed 3. Eichhorn in Einleitung. Th. 2, pag. 49.

должно послѣдовать въ 40 годъ по Рождествѣ Христо-
вомъ. Сирія не имѣла тогда побѣдоноснаго Вителлія;
недѣятельность и безразсудство преемника Тиверіева
Калигулы служили ободреніемъ для враговъ римскаго
имени, а посему Арета, который за три года предъ-
тѣмъ разбилъ войска Иродовы ¹⁾, могъ, надменный
успѣхомъ, отважиться на завоеваніе Дамаска. Съ симъ
мнѣніемъ согласуются и важнѣйшія изъ хронологи-
ческихъ указаній на время обращенія Павлова, которыя
находятся въ его посланіяхъ и въ Дѣянїяхъ апостоль-
скихъ. Изъ 1, 19 посланія къ Галатамъ видно, что
первое путешествіе Павла въ Іерусалимъ послѣдовало
спустя 3 года по его обращеніи. Поелюку Павелъ на-
зываетъ здѣсь Іакова младшаго, съ коимъ онъ ви-
дѣлся, братомъ Господнимъ, конечно для того, чтобы
отличить его отъ Іакова старшаго, то надобно думать,
что послѣдній былъ въ живыхъ, когда Апостоль въ
первый разъ былъ въ Іерусалимѣ. Во время вторич-
наго посѣщенія Павломъ Іерусалима Іаковъ старшій
былъ умерщвленъ. Умерщвленіе его должно предва-
рить смерть царя Агриппы, его убійцы, только нѣ-
сколькими мѣсяцами: ибо евангелистъ Лука о послѣд-
ней повѣствуетъ непосредственно за первымъ. А смерть
Агриппы, какъ достовѣрно извѣстно, случилась въ 4 годъ
царствованія Клавдіева, или въ 44 годъ нашей эры.
Итакъ, если обращеніе Павла, какъ мы видѣли, не
могло послѣдовать прежде 39 года, и если Іаковъ
старшій былъ въ живыхъ во время перваго пребыва-
нія Павлова во Іерусалимѣ и мертвъ во время второго,

¹⁾ Joseph. Ant. 18, 1, seq.

то-есть въ 44 годѣ, то значитъ, что первое путешествіе Павла въ Іерусалимъ послѣдовало въ 43 годѣ, и слѣдственно обращеніе его должно быть отнесено къ 40 году по Рождествѣ Христовомъ, или къ 6 году по Вознесеніи. — То же подтверждаетъ и самая причина, по которой предпринято Апостоломъ второе путешествіе въ Іерусалимъ. Гладь, отъ коего страдала тогда Іудея и по причинѣ коего антiохійцы послали чрезъ Павла милостыню въ Іерусалимъ, начался въ 4 годѣ Клавдіена правленія (въ 44 годѣ по Р. Х.) и продолжался, по свидѣтельству Флавія, около двухъ лѣтъ. Но Павелъ, вслѣдствіе пророчества Агава, долженъ былъ, по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ бѣдствія отправиться въ Іерусалимъ для доставленія пособій тамошнимъ хрiстіанамъ. А посему второе путешествіе его придется въ 44 годѣ, первое въ 43, слѣдовательно, обращеніе его должно послѣдовать въ 40 годѣ.

Сказанному нами, повидимому противорѣчитъ нѣсколько посланіе къ Галатамъ, гдѣ Апостоль говоритъ, что второе путешествіе въ Іерусалимъ предпринято имъ, спустя не 4, а 14 лѣтъ по его обращеніи. „*Потомъ-же по четырнадцати лѣтъъ нахи взыдохъ во Іерусалимъ*“. Но лучшіе изъ древнихъ и новѣйшихъ критиковъ полагаютъ, что въ показанномъ мѣстѣ надобно читать не *διὰ δεκατέσσαρων* (14), а *διὰ τέσσαρων* (4) *ἔτων*¹⁾.

1) Въ самомъ дѣлѣ, въ знаменитомъ древностию Времянникѣ (Chronicon) Пасхальномъ или Александрійскомъ (Chronicon Paschale pag. 186, edit. Venet. pag. 233. edit. Paris) читается *διὰ τέσσαρων ἔτων*. Притомъ весьма легко показать, какимъ образомъ могло произойти нынѣшнее чтеніе изъ древняго. Переписчикъ вмѣсто Δ (4) могъ написать ΙΔ (14), или вмѣсто δ (4) по-

Впрочемъ, нѣтъ особенной нужды перемѣнять настоящее чтеніе: ибо наше мнѣніе можетъ быть соглашено съ нимъ удовлетворительно. Именно, Павелъ не говорить, чтобы путешествіе, о коемъ упоминаетъ онъ во 2, 1 Галат., было точно второе, а сказываетъ только, что спустя 14 лѣтъ по обращеніи, онъ опять ходилъ въ Иерусалимъ. Судя по сему времени и по дѣламъ, коими онъ занимался въ Иерусалимѣ, весьма вѣроятно, что онъ разумѣлъ подъ снмъ третіе свое путешествіе въ Иерусалимъ, описанное въ 15 главѣ Дѣяній. Причина, почему онъ упомянулъ непосредственно за первымъ о третьемъ путешествіи и прешелъ молчаніемъ второе, состояла въ томъ, что онъ при разсказѣ о своихъ путешествіяхъ имѣлъ цѣлію показать свое равенство съ прочими Апостолами, въ доказательство коего второе путешествіе ничего не представляло ¹⁾

ставить *δέκα* (10). Грамматикъ какой-нибудь, замѣтивъ сію ошибку, написалъ на полѣ страницы *δέκα τίσσάρων*, которое потомъ внесено въ текстъ. Могло также статься, что какой-нибудь грамматикъ, читая въ своемъ кодексѣ *δέκα τίσσάρων*, вспомнилъ 2 Кор. 12, 2, гдѣ стоитъ *δέκατίσσάρων*, и не имѣя времени или охоты раскрыть и свѣрить послѣднее мѣсто, внесъ въ текстъ, или поставилъ на сторонѣ *δέκα*, которое потомъ вошло въ текстъ.

¹⁾ Vid. Vogelius in Versuch über chronologische Standpunkte in der Lebensgeschichte Pavli in Gableri Journal für ausserles. Theol. I. i ter. B. I., pag. 249.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ПАВЛА ПО ОБРАЩЕНИИ.

По обыкновенному порядку вещей, надлежало думать, что Павелъ по своемъ обращеніи будетъ искать случая вступить въ сообщество съ Апостолами, дабы, научившись отъ нихъ таинствамъ новой вѣры, участвовать въ трудахъ апостольскихъ. Такъ, можетъ-быть, поступилъ бы всякій другой, но — не Павелъ. Бывъ, призванъ къ христіанству и апостольству не *человѣкомъ, ни чрезъ челоѣковъ*, но самимъ Иисусомъ Христомъ, онъ отъ Него единаго ожидалъ наставленія въ великой должности своей, не почитая нужнымъ совѣтоваться о томъ *съ плотию и кровію*, съ кѣмъ-либо изъ людей, себѣ подобныхъ. Ананія, преподавшій ему крещеніе, могъ преподавать и нѣкоторыя первыя понятія о предметахъ вѣры; но могъ ли онъ сообщить ему разумѣніе всѣхъ *тайнъ Христовыхъ*, кои впослѣдствіи раскрыты въ посланіяхъ Павловыхъ, и изъ коихъ нѣкоторыя (наприм. тайна обращенія ко Христу язычниковъ, Еф. 3, 4—8) были тогда запечатлѣны еще для самыхъ Апостоловъ?

Евангеліе къ евреямъ, изъ коего, по мнѣнію нѣко-

торыхъ критиковъ ¹⁾, Павелъ заимствовалъ свѣдѣнія о жизни и духѣ ученія Иисуса Христа, въ первые годы по обращеніи Павла еще не существовало. Изъ того, что въ семь евангеліи упоминается ²⁾ о явленіи Иисуса Христа апостолу Іакову (случай, неупомянутый прочими Евангелистами, но упомянутый Павломъ (1 Кор. 15, 7), не слѣдуетъ еще, чтобы оно было читано послѣднимъ. Павелъ упоминаетъ и о другихъ нѣкоторыхъ происшествіяхъ, описанныхъ Евангелистами (наприм. объ учрежденіи тайной вечери, 1 Кор. 11, 23—28); однакоже утвердительно говоритъ, что онъ узналъ о нихъ не изъ евангелій, а изъ непосредственнаго откровенія. Онъ неоднократно въ посланіяхъ своихъ объявляетъ (и мы должны слушать его, оставя всѣ догадки), что все, чему онъ не поучалъ, открыто ему Духомъ Святымъ (1 Кор. 2). При семь Учителѣ не было нужды въ земныхъ наставникахъ.

Отъ жестокаго гонителя христіанства до ревностнаго проповѣдника евангелія, отъ фарисея, помраченнаго предрасудками, до великаго учителя языковъ, проповѣдующаго премудрость, сокровенную въ Богѣ, разстояніе великое! Но для Павла оно не существовало. Едва только получилъ онъ тѣлесное прозрѣніе отъ Ананіи, тотчасъ, сообразно предсказанію Иисуса Христа (Дѣян. 26, 18), началъ отверзать духовныя очи другимъ. Быть христіаниномъ и проповѣдывать имя Христово для него значило одно и то же. Онъ уже имѣлъ всѣ качества, потребныя для высокаго служенія

¹⁾ E chhorn in Einleitung in N. T. § 202. 1810

²⁾ Hieron. in Catal. Script. Eccles. voce: Iacobus.

апостольскаго. Апостолу надлежало быть самовидцемъ Иисуса Христа: Павелъ видѣлъ Его, и, что важнѣе, видѣлъ не въ состояніи уничтоженія, но въ состояніи славы. Апостолъ долженъ быть избранъ самимъ Иисусомъ Христомъ: Павелъ пріять жребій служенія не отъ кого другого, какъ отъ самого Христа. Апостолъ долженъ былъ пріять Духа Святого: Павелъ былъ постоянно храмомъ Святого Духа.

Могли ли дамаскіе раввинны стоять противъ устъ новаго проповѣдника христіанства? Имъ оставалось одно средство, столь пріятное фанатизму, прибѣгнуть къ насилію. Оно немедленно употреблено было въ дѣло: положили умертвить Павла. Градоначальникъ дамаскій ¹⁾, благопріятствуя врагамъ его, окружилъ стражею всѣ выходы изъ города, дабы обреченная на закланіе жертва не могла спастись бѣгствомъ. Но прозорливая попечительность новыхъ братій Павловыхъ по вѣрѣ была гораздо дѣятельнѣе злобной предусмотрительности враговъ его: въ продолженіе ночи онъ спущенъ былъ въ корзину по городской стѣнѣ. Такъ въ самомъ началѣ апостольскаго служенія Павлова открылся неизмѣримый рядъ опасностей и скорбей, сквозь которыя онъ долженъ былъ проходить до са-

¹⁾ Св. Лука (Дѣян. 9, 24) повѣствуетъ, что сами іудеи стерегли ворота, а, по словамъ Павла, ихъ стерегъ дамаскій градоначальникъ (2 Кор. 11, 32). Или іудеямъ приписывается то, что они произвели своими просьбами, или нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ аравійской стражѣ, дабы указать ей Павла, для нея неизвѣстнаго, или градоначальникъ разумѣется не язычскій, а іудейскій; ибо іудеи въ нѣкоторыхъ городахъ имѣли своихъ градоначальниковъ. O. Kuinoel. comment. in Act. Apoc. ad h. I.

маго конца своей жизни, добы получить тотъ неува-
даемый *вѣнецъ правды*, коимъ онъ хвалился впослед-
ствіи (2 Тим. 10, 8).

Изъ Дамаска Павелъ удалился въ Аравію (Гал. 1, 9). Надлежитъ думать, что сіе путешествіе его, такъ какъ и другія, имѣло цѣлю проповѣдь евангелія: впро-
чемъ, подробности его для насъ неизвѣстны; св. Лука
даже не упоминаетъ о немъ. Возвратившсь изъ Ара-
віи, Павелъ снова посѣтилъ Дамаскъ, и несмотря на
прошедшую опасность, снова проповѣдалъ въ немъ
Христа. Отъ обращенія его къ христіанству протекло
уже около трехъ лѣтъ, и онъ рѣшился побывать въ
Іерусалимѣ, дабы видѣться съ Петромъ (Гал. 1, 18).
Къ сему путешествію могло расположить его частію
потребность опредѣлить кругъ своего апостольскаго
дѣйствованія сообразно дѣйствованію прочихъ апосто-
ловъ, частію желаніе видѣть мать Церквей — Цер-
ковь іерусалимскую, и соутѣшиться съ самовидцами
жизни Іисусъ Христовой преслѣяніемъ христіанства ме-
жду іудеями, частію, наконецъ, ревность возвѣстить
имя Христова въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ явился
упорнымъ гонителемъ онаго.

Іерусалимскіе христіане не могли не слышать о
чудесномъ обращеніи Павла. Но трехлѣтнее пребываніе
его въ Аравіи, съ коєю іудей палестинскіе, особенно
въ то время, не имѣли никакого сообщенія, могло
привести въ забвеніе его безиритворное усердіе къ но-
вой вѣрѣ, оказанное имъ въ Дамаскѣ. Между тѣмъ
весьма живо помнили смерть Стефана, узы и темницы,
въ кои вѣрующіе были повергаемы рукою Савла-гонни-
теля. Посему-то іерусалимскіе христіане, несмотря на

то, что Павелъ, пришедши въ Іерусалимъ, всячески старался присоединиться къ нимъ, удалялись его, но вѣря, чтобы онъ былъ ученикъ Іисуса. Надлежало представить поручителя въ искренности своихъ намѣреній; Павелъ нашелъ его въ Варнавѣ, вѣроятно, познакомившемся съ нимъ въ Дамаскѣ. Сей, пользуясь довѣренностію всей іерусалимской Церкви, представилъ его апостоламъ, рассказавъ подробно какъ о чудесномъ обращеніи его, такъ и о ревности за имя Христова. Подозрѣнія кончились, уступивъ мѣсто братской любви, и Павелъ съ тѣхъ поръ началъ обращаться съ апостолами (Дѣян. 9, 28).

Пробываніе его въ Іерусалимѣ сопряжено было съ великою опасностію; три года отсутствія не могли привести въ забвеніе его измѣны (такъ, безъ сомнѣнія, называли обращеніе Павла ко Христу) предъ великимъ синедріономъ: причина, весьма достаточная для того, чтобы удержаться отъ проповѣданія евангелія въ Іерусалимѣ. Но Павелъ не зналъ страха въ дѣлѣ проповѣди, и безтрепетно возвѣщалъ въ слухъ всѣхъ и каждаго, что распятый Назорейнинъ, коего онъ прежде сего гналъ, есть истинный Мессія, Сынъ Божій!—Іудеи іерусалимскіе въ семъ отношеніи были ничѣмъ не лучше дамасскихъ: составилъ заговоръ на жизнь проповѣдника. Всѣ вѣрующіе увидѣли опасность; одинъ Павелъ не хотѣлъ видѣть оной. Напрасно братія совѣтовали и просили его удалиться: душа его занята была одною мыслію, что Іерусалимъ, бывшій свидѣтелемъ его гоненія на христіанъ, должно быть свидѣтелемъ и его ревности по христіанской религіи (Дѣян. 22, 17). Уже онъ готовъ былъ омытъ предъ лицемъ

спнедріона своею кровію позоръ соучастія въ убійствѣ Стефана; но Промыслъ, Который предопредѣлилъ его къ большиму подвигамъ, не принялъ сей жертвы.

По обыкновенію Павелъ вошелъ во храмъ для молитвы. Кажется, между предметами его молитвъ было и то, чтобы Промыслъ вразумилъ его, долженъ ли онъ остаться въ Іерусалимѣ, или, послѣдуя совѣту братій, удалиться. Среди молитвы онъ пришелъ въ восторгъ; ему явился Іисусъ Христосъ, и повелѣвалъ оставить Іерусалимъ, потому что іудеи не примутъ его свидѣтельства. Въ избыткѣ святой ревности, Павелъ представилъ, что іерусалимяне, соблазненные его прежнему жестокостію къ христіанамъ, ни отъ кого съ такою убѣдительностію не могутъ слышать проповѣдь евангелія, какъ отъ него, и что примѣръ его можетъ возвратитъ на путь правый тѣхъ, кои, подобно ему, имѣютъ ревность безъ разсужденія. Но Господь съъявилъ ему, что онъ предназначенъ быть Апостоломъ язычниковъ, а не іудеевъ (Дѣян. 22, 17—21); Павелъ повиновался, — и былъ препровожденъ вѣрующими сначала въ Кесарію, а потомъ въ Тарсъ, мѣсто его рожденія (Дѣян. 9, 30). — Это было въ началѣ 44 года по Рождествѣ Христовомъ. Между тѣмъ христіане, разсѣянные гоненіемъ Стефана, пронесли слово евангелія до Финикіи, Кипра и Антіохіи (Дѣян. 9, 1—19). Въ послѣдней проповѣдь евангельская оказала силу надъ столь многими душами, что христіане іерусалимскіе, услышавъ о семъ, почли за нужное отправить туда Варнаву, для подкрѣпленія ихъ въ вѣрѣ. Господь благословилъ труды сего добродѣтельнаго мужа; но жатва была такъ богата, что требовала не одного, а многихъ дѣлателей.

Зная отличныя дарованія и ревность Павла, а можетъ-быть, и его предназначеніе въ учителя язычниковъ (изъ коихъ большею частію состояла Церковь антиохійская), Варнава отправился за нимъ въ Киликію, и нашедъ его въ Тарсѣ, привелъ съ собою въ Антиохію (Дѣян. 11, 25).

Здѣсь Павелъ вмѣстѣ съ Варнавою цѣлый годъ трудился надъ образованіемъ Церкви. Успѣхъ былъ столь великъ, что Церковь антиохійская впоследствии содѣлалась, какъ извѣстно, матерію восточныхъ Церквей. Св. Лука при семъ случаѣ замѣчаетъ, что ученики въ Антиохіи первые начали называться именемъ христіанъ¹⁾; поелику же они такъ названы, какъ полагаютъ, отъ частаго употребленія Христова имени, то черта сія даетъ разумѣть, что имя Христа было непрестанно не только въ сердцѣ, но и на языкѣ учениковъ Павловыхъ. Такъ вѣрно и постоянно исполнялъ онъ свое намѣреніе, не казаться знающимъ что-либо, кромѣ Иисуса Христа и того распятаго! Предсказаніе пророка Агава о имѣющемъ послѣдовать гладѣ, который долженъ былъ отяготѣть особенно надъ христіанами іерусалимскими, потерпѣвшими отъ іудеевъ разграбленіе имущества, расположило антиохіянъ сдѣлать имъ братское пособіе. Павелъ по сему случаю снова восходилъ во Іерусалимъ для доставленія собранной милостыни.

¹⁾ Что не сами христіане называли себя симъ именемъ, видно изъ того, что они и послѣ долго не употребляли онаго, довольствуясь прежними именами (учениковъ, вѣрующихъ, пазореевъ), и что самъ Павелъ ни однажды не употребилъ его въ своихъ посланіяхъ.

Если происшествія, описанныя въ 12 главѣ Дѣяній (убіеніе апостола Іакова Иродомъ, заключеніе и чудесное освобожденіе Петра, внезапная смерть Ирода, убійцы Іакова), случились, какъ надлежитъ думать, во время пребыванія Павлова въ Іерусалимѣ, то оно продолжалось около года; подробности его неизвѣстны (Дѣян. 11, 26—12 гл.).

ПЕРВОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СВ. ПАВЛА.

По возвращеніи изъ Іерусалима Павелъ недолго оставался въ Антиохіи; уже наступило время, въ которое ему надлежало явиться на великомъ поприщѣ учителя язычниковъ. Онъ и прежде проповѣдывалъ имъ евангеліе; но его голосъ сливался съ голосами другихъ проповѣдниковъ: онъ назидалъ на основаніи, положенномъ другими; между тѣмъ какъ ревность къ распространенію истины побудила его проповѣдывать тамъ, гдѣ еще не было извѣстно имя Христово.

Къ тель великому подвигу Павелъ приготовленъ былъ новымъ, чрезвычайнымъ откровеніемъ, о коемъ упоминается въ 12, 1—5 второго посланія къ Коринѳянамъ, и которое, по вѣроятнѣйшему соображенію хронологическому ¹⁾, должно быть относимо къ сему вре-

¹⁾ Второе посланіе къ Коринѳянамъ написано Павломъ, какъ достовѣрно полагають историки (V. Berthold, Einleitung in N. T.), въ 58 годъ по Р. Хр.; поелику же откровеніе, о коемъ здѣсь говорится, послѣдовало, по словамъ самого Павла, за 14 лѣтъ

мени. Сущность и образъ сего откровенія описаны самимъ Павломъ въ слѣдующихъ чертахъ: *«вѣмъ чело-
вѣка во Христѣ, прежде тѣмъ четырнадцати (аще
въ тѣмъ, не вѣмъ, аще мнѣ кромѣ тѣла, не вѣмъ; Богъ
вспѣть) восхищена бывша таковаго до третіяго небесе.
И вѣмъ такова челоуѣка; аще въ тѣмъ, или кромѣ
тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣспѣть; яко восхищенъ бысть въ
рай, и слыша неизреченны глаголы, ихъ же не тѣмъ
есть челоуѣку глаголати»* (которыхъ челоуѣкъ переска-
зать не можетъ). Хотя Апостолъ говоритъ здѣсь о себѣ
въ третьемъ лицѣ, впрочемъ нельзя сомнѣваться, что
онъ изображаетъ себя самого. Къ такому заключенію
ведетъ уже краткое вступленіе, коимъ начинается по-
вѣствованіе объ откровеніи: *«похвалятися не поль-
зуетъ ми; прииду бо (однакожъ приступлю) въ видѣнія
и откровенія»*. Того же заключенія требуютъ и слѣдую-
щія за повѣствованіемъ слова: *«и за премногая от-
кровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ
плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣстъ, да не
превозношуся»*,—которыя будутъ излишними, по крайней
мѣрѣ совершенно неожиданными, если предшествую-
щаго повѣствованія не разумѣть о самомъ Апостолѣ.
Самая цѣль, для которой упоминается объ откровеніи,
не позволяетъ относить словъ Павловыхъ къ кому-ни-
будь другому, кромѣ Павла. Ибо Апостолъ хотѣлъ до-
казать чрезъ сіе истину своего апостольскаго достоин-
ства, приводимую въ подозрѣніе лжеучителями; но въ

предъ тѣмъ, то оно приходится въ концѣ 41 или въ началѣ 45 года
по Р. Х.—въ то самое время, около котораго начались апостольскія
путешествія Павловы.

семь отношеніи разсказъ о чужомъ опытѣ ничего не доказывалъ бы въ пользу Павла.—Касательно самаго откровенія представляются вниманію слѣдующіе вопросы: что за состояніе, въ коемъ находился Павелъ? куда онъ былъ восхищенъ и что слышалъ? для чего дано такое откровеніе, коего человѣку невозможно пересказать?

Состояніе Павла въ продолженіе откровенія было таково, что онъ самъ не могъ дать въ немъ отчета. «Въ тѣлѣ ли», говоритъ онъ, «находился я тогда, было ли со мною тѣло, или внѣ тѣла, одна душа оставалась—не знаю; Богъ одинъ знаетъ». И прочіе св. мужи, когда получали откровенія, разрѣшались, болѣе или менѣе, отъ узъ тѣлесной природы, возносились въ область своего духа; но для Павла въ продолженіе откровенія сіи узы какъ бы вовсе не существовали: онъ весь былъ въ духѣ, а духъ весь въ Богѣ. Для всемогущества Божія, конечно, ничего не значило на время совершенно восхитить душу Павлову изъ тѣла; но трудно усмотрѣть необходимость въ такомъ безпримѣрномъ для самыхъ святыхъ людей отлученіи въ живомъ человѣкѣ души отъ тѣла ¹⁾. Міръ духовный, куда восхищенъ былъ Павелъ, какъ неподлежащій пространству, существуетъ вездѣ; а посему требуется только, чтобы въ духѣ человѣка раскрылась способность къ сообщенію съ нимъ, и онъ, оставаясь въ тѣлѣ, безъ всякой перемѣны мѣста, можетъ быть на небѣ—въ обществѣ Ангеловъ и блаженныхъ душъ. Раскрытіе такой способности, по необходимости, сопряжено съ ослабленіемъ обыкновеннаго союза души съ тѣломъ, съ

¹⁾ Злат. въ толк. на 2 посл. къ Кор.

нѣкоторымъ бездѣйствиємъ низшей, чувственной природы: ибо тѣло тлѣнное, какъ замѣчаетъ Премудрый (Прем. 9, 16. 17), отягощаетъ душу и земное жилище обременяетъ умъ и не попускаетъ ему возноситься въ свойственную ему область духовъ.

Духовная область, въ коей находился Апостоль, называется третьимъ небомъ и раемъ. Позднѣйшіе іудеи отличаютъ семь небесъ ¹⁾; но ихъ третье небо низко для Павла. Въ св. писаніи, кромѣ воздушнаго и звѣзднаго неба, упоминается о небесахъ небесъ (Псал. 115, 8). Сіи небеса, вѣроятно, разумѣлъ и Апостоль подъ третьимъ небомъ. Названіе рая, хотя также не совсѣмъ опредѣленное, опредѣляетъ однакоже понятіе третьяго неба. Основываясь на значеніи сего слова, должно полагать, что Павелъ былъ восхищенъ въ міръ духовный, въ блаженное жилище небожителей: здѣсь-то слышалъ онъ такія слова, кои невозможно пересказать. По-видимому, если можно было слышать, то можно и пересказать; но онъ слышалъ ихъ, находясь въ возвышенномъ, сверхъ-естественномъ состояніи духа. Послѣ того, какъ онъ низшелъ съ сего высоты въ обыкновенное состояніе, когда духъ его паки заключился въ темницѣ плоти: хотя осталось въ душѣ нѣкоторое представленіе о предметахъ небесныхъ, но для выраженія ихъ уже не находилось словъ на языкѣ человѣческомъ.

Такое откровеніе, несмотря на то, что его невозможно было пересказать другимъ, имѣло полезную

¹⁾ 1) Завѣса, 2) протяженіе или твердь, 3) облака, 4) обиталище, 5) обитаніе, 6) достойное жилище, 7) арабь. V. Wests:enius ad h. I.

цѣль какъ въ отношеніи къ самому Апостолу, такъ и въ отношеніи ко всѣмъ вѣрующимъ: оно¹ показывало, какъ замѣчаетъ Златоустъ, что Павелъ ничѣмъ не ниже прочихъ Апостоловъ; кромѣ сего, могло служить къ утѣшенію и ободренію Апостола на его многотрудномъ поприщѣ. Подобнымъ образомъ изъ него могутъ почерпнуть назиданіе и утѣшенія всѣ вѣрующіе. Въ апостолѣ Павлѣ, восхищенномъ въ рай, мы имѣемъ очевиднаго свидѣтеля будущаго блаженства праведныхъ.

Упомянувъ объ откровеніи, данномъ Павлу, нельзя перейти молчаніемъ и другого обстоятельства, о которомъ онъ упоминаетъ непосредственно за снмъ откровеніемъ. *За премногая откровенія, говоритъ онъ, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти* (σάρκοφ τῆ σαρκί, жало въ плоть), *ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся.* Нѣкоторые, въ слѣдъ за Златоустомъ, изъяснили сіе о противникахъ, съ коими надлежало бороться Павлу, каковъ былъ, напр., Александръ Ковачъ, на коего онъ жаловался во второмъ посланіи къ Тимоею (4, 14). Въ самомъ дѣлѣ, ангеломъ, или посланникомъ сатаны, по утребленію спхъ словъ въ ветхомъ завѣтѣ, могъ быть названъ какой-нибудь упорный противникъ истины, поощряемый сатаною. Но выраженіе: *жало въ плоть* показываетъ, что источникъ страданій Апостола сокрывался въ его тѣлѣ — въ какомъ-либо недугѣ тѣлесномъ, который мучилъ Апостола особенно тѣмъ, что препятствовалъ его ревности въ дѣлѣ проповѣди. Съ снмъ мнѣніемъ согласуется и древнѣйшее преданіе. Еще Тертуліанъ¹⁾

¹⁾ In libro de Pudicitia.

разумѣлъ подѣ жаломъ плоти болѣзнь въ ушахъ; а Геронимъ ¹⁾ вообще болѣзнь головы. Послапницею сатаны названа сія болѣзнь не потому, чтобы она была непосредственнымъ произведеніемъ духа злобы: ибо, говоря словами Златоуста, могъ ли діаволъ имѣть власть надѣ тѣломъ Павла, когда самъ подлежалъ его власти, какъ рабъ? но или по своей лютости, или по ея дѣйствіямъ, которыя клонились во вредъ христіанству, и слѣдственно въ пользу царства тьмы.

Само путешествіе Апостола для проповѣди язычникамъ было предпринято вслѣдствіе откровенія нѣкоторымъ изъ предстоятелей апостольской Церкви (Дѣян. 13, 2). Духъ Святой повелѣлъ, чтобы Савлъ и Варнава отдѣлены были на дѣло, для котораго Онъ ихъ призвалъ, то-есть, на проповѣдь язычникамъ. вмѣсто всѣхъ напутственныхъ приготовленій совершили постъ, и по молитвѣ, возложивъ руки на избранныхъ, отпустили ихъ въ путь. вмѣстѣ съ ними отправился и Іоаннъ Маркъ, сродникъ Варнавинъ. Но опытъ вскорѣ докажетъ, что онъ былъ еще неспособенъ раздѣлять съ Павломъ труды апостольства.

Кто, смотря на сихъ бѣдныхъ, безславныхъ путешковъ, могъ думать, что они вскорѣ низпровергнутъ тѣхъ идоловъ, предѣ коими, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ опытовъ противоборства, съ благоговѣніемъ преклонилась впитійственная мудрость философовъ Греціи и Рима; что они, среди развращеннѣйшихъ городовъ Азіи и Европы, гдѣ нечестіе было уполномочено закономъ, гдѣ былъ самый престолъ сатаны, — изъ ихъ же

¹⁾ In Catal. illust. vir. sub v. Paulus.

развращенныхъ гражданъ образуютъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совершеннѣйшія общества людей, каковыхъ самыя Платоны могли только желать, не имѣя надежды увидѣть на самомъ дѣлѣ? — Но гдѣ творится дѣло Божіе, тамъ все становится возможнымъ. Богъ положилъ буйствомъ проповѣди спасти міръ, — и проповѣдь Павла должна была произвести чудеса.

Бывъ посланъ Духомъ Святымъ, путешественники не имѣли и другого руководителя въ пути, кромѣ сего Духа. Сначала прибыли они въ Селевкію, приморскій городъ, лежащій противъ острова Кипра ¹⁾. Отсюда отплыли въ Кипръ — отечество Варнавы (Дѣян. 4, 36). Сіе послѣднее обстоятельство и, можетъ-быть, слухъ, что въ Кипръ находились уже нѣкоторые изъ христіанъ, были причиною того, что сей многолюдный островъ первый удостоился слышать благовѣстіе Павлово. Огласивъ саламинскія ²⁾ синагоги именемъ Іисуса Христа, проповѣдники прошли потомъ весь островъ до Пафа, славившагося служеніемъ Венерѣ ³⁾. Здѣсь чудодѣйственная сила Божія открылась (сколько извѣстно) въ первый разъ въ Павлѣ. Тамошній проконсулъ Сергій Павелъ, коего писатель Дѣяній называетъ человѣкомъ разумнымъ, пожелалъ слышать слово Божіе. Но нѣкто іудейнинъ, именемъ Варіисусъ, который выдавалъ себя за волшебника и пользовался довѣренностію проконсула,

¹⁾ Plin. Hist. Nat. 5, 18. Strab. Lib. 14.

²⁾ Саламинъ лежитъ на восточной сторонѣ Кипра, а Пафъ на западной. Herod. 4, 162; Strab. 14, 682.

³⁾ Посему она и называлась: Paphia Venus (Венера Пафская), Paphi Regina (царица Пафская). Hor. Od. 1, 30.

всемѣрно старался отвратить его отъ вѣры. Павелъ, исполняя Святого Духа, устремилъ на него взоръ и сказалъ: «О, исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣянія, сынъ діавола, врагъ всякой правды! перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ?—Вотъ нынѣ на тебя рука Господня: ты будешь слѣпъ и не увидишь солнца до времени».—Волхвъ тотчасъ ослѣпъ; а изумленный смѣлъ чудомъ проконсулъ немедленно принялъ крещеніе.

Огселѣ евангелистъ Лука въ своемъ повѣствованіи о путешествіяхъ Апостола постоянно называетъ его Павломъ, между тѣмъ какъ до сего времени всегда называлъ его Савломъ. Такая перемѣна заставляетъ думать, что Апостолъ около сего времени перемѣнилъ прежнее свое имя на новое. Иеронимъ рѣшительно полагалъ, что Савлъ называлъ себя Павломъ по случаю обращенія проконсула Павла, дабы въ новомъ имени своемъ имѣть какъ бы нѣкоторый знакъ столь славной побѣды надъ знаменитымъ римляниномъ, подобно какъ римскіе военачальники получали прозванія отъ имени городовъ и областей, ими покоренныхъ ¹⁾. Но таковой знакъ очевидно несовмѣстенъ съ смиреніемъ Апостола, который весь успѣхъ своей проповѣди всегда приписывалъ не себѣ, а благодати. Посему многіе отцы Церкви (Златоустъ, Амвросій и друг.) держались мнѣнія, что Апостолъ перемѣнилъ свое имя еще при крещеніи. Въ подтвержденіе сего указываютъ на обыкновеніе іудеевъ означать важныя событія въ своей жизни перемѣною имени. Но если такъ, то почему св. Лука началъ упо-

¹⁾ In Catal. illust. vir. sub voce: Paulus.

треблять имя Павла не прежде, какъ по обращеніи проконсула?—Нельзя не признать, что сіи два событія (обращеніе проконсула и перемѣна имени) находятся въ связи: итакъ, въ чемъ состоитъ сія связь? — Вѣроятно, проконсулъ, изъ любви и уваженія къ Павлу, предложилъ ему свое имя, какъ то дѣлывали и другіе знаменитые римляне съ людьми, ими любимыми и уважаемыми; а Павелъ не отрекся принять предложеннаго имени, которое по своему значенію совершенно соотвѣтствовало его смиренію, вслѣдствіе коего онъ называлъ себя меньшимъ (*ἐλαχίστος*) изъ Апостоловъ. Впрочемъ, обращеніе проконсула могло имѣть вліяніе на употребленіе имени Павла и въ томъ случаѣ, если Савлъ принялъ сіе имя еще при крещеніи. Доселѣ оно, какъ еще малоизвѣстное, оставалось безъ употребленія; но съ сего времени Апостолъ, изъ уваженія къ вѣрѣ проконсула и, можетъ-быть, по его просьбѣ, началъ постоянно употреблять оное: а такимъ образомъ прежнее имя Савла вышло изъ употребленія. — Всего невѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои догадываются, что Апостолъ перемѣнилъ имя для того, дабы не узнавали въ немъ прежняго гонителя христіанства. Съ симъ намѣреніемъ онъ не избралъ бы имени *Павла*, которое по сходству звуковъ неволью приводило на память *Савла*. Равнымъ образомъ неважно мнѣніе и тѣхъ, кои говорятъ, что Апостолъ еще при обрѣзаніи получилъ два имени. Иудеи давали иногда при обрѣзаніи по два имени; но всегда избирали несходныя по звуку.

Изъ Пафа проповѣдники отплыли на твердую землю, въ Малую Азію. Здѣсь Маркъ отсталъ отъ нихъ (Дѣян. 13, 13; сл. 15, 38) и возвратился въ Іерусалимъ во-

прски желанію Павла и Варнавы. Послѣдніе чрезъ Пергію Памфилійскую достигли Писидійской Антіохіи ¹⁾. Въ слѣдующую субботу Апостоль со своими спутниками явился въ тамошней синагогѣ. Послѣ обыкновеннаго чтенія пзъ закона, начальникъ ея предложилъ посѣтителямъ сказать что-нибудь въ назиданіе и утѣшеніе братій. Нельзя было ожидать лучшаго случая для проповѣди. — Обширная книга представлялась сама собою, — и Павелъ началъ щедрою рукою бросать сѣмена благовѣстія. Памянувъ о благодѣяніяхъ, коими Богъ ущедрялъ народъ еврейскій, какъ Онъ извелъ его изъ Египта, питалъ чудеснымъ образомъ въ пустынѣ, даровалъ имъ судей для управленія и защищенія, наконецъ, избралъ на царство прежде Саула, а потомъ Давида, мужа по сердцу своему, Павелъ утверждалъ, что обѣтованіе, данное Давиду о имѣющемъ произойти изъ потомства его Мессіи, сбылось на Иисусѣ, который предъ появленіемъ своимъ былъ возвѣщенъ Іоанномъ Крестителемъ; но, не узнавшій первосвященниками, осужденъ на смерть и распятъ сообразно предсказаніямъ о немъ пророковъ. Впрочемъ, Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, и Онъ явился по воскресеніи многимъ изъ учениковъ, что также предвозвѣщено было пророками и самимъ Давидомъ. Во имя сего-то воскресшаго Мессіи возвѣщается вѣрующимъ въ Него отпущеніе грѣховъ и оправданіе, когдо не могъ доставить законъ. А посему іудеямъ должно быть осторожными, дабы, по примѣру первосвященниковъ, отвергнувъ Иисуса

¹⁾ Она лежала во Фригіи и названа такъ въ отличіе отъ Антіохіи Сирской. Plin. Hist. 5, 27.

Христа, не подвергнуться ужасной казни, бою Богъ угрожаетъ презрителямъ Сына Своего (Дѣян. 13).

Рѣчь сія произвела сильное впечатлѣніе въ слушателей. Многіе изъ іудеевъ и прозелитовъ ¹⁾ послѣдовали за Апостоломъ, дабы получить отъ него обстоятельнѣйшее наставленіе въ вѣрѣ. Въ слѣдующую субботу почти *весь городъ собрался слушать слово Божіе*. Но толь счастливому началу не соотвѣтствовалъ конецъ. Іудейскіе раввины не могли снести равнодушно видя, что бѣдные пришлецы сдѣлались предметомъ уваженія для всего города; можетъ быть, соблазняла ихъ и свобода, съ которою Апостолы, вопреки обыкновенію іудеевъ, обращались съ язычниками: исполнившись зависти и злобы, они, вмѣсто того, чтобы примѣромъ своимъ располагать другихъ въ пользу новаго ученія, начали претиворѣчить проповѣдникамъ и злословить. «Вамъ—отвѣчалъ при семъ случаѣ Павелъ со всею важностію божественнаго посланника,—вамъ, во-первыхъ, надлежало быть проповѣдану слову Божію; но какъ вы отвергаете оное и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то мы теперь обращаемся къ язычникамъ, ибо такъ намъ повелѣлъ Господь». Слова сіи тѣмъ болѣе расположили въ пользу евангелія язычниковъ, кои никогда не замѣчали подобнаго безпристрастія въ іудейскихъ раввинахъ; ибо послѣдніе всегда полагали великое различіе между іудеемъ и еллинномъ. Но тѣмъ болѣе возрастала и ненависть іудеевъ. Не имѣя возможности дѣйствовать противъ Апостоловъ

¹⁾ Прозелитами назывались язычники, обратившіеся въ іудейской религіи.

собственными силами, они возбуждали противъ нихъ нѣкоторыхъ женщинъ, славившихся набожностію и знаменитостію рода (любимое орудіе фанатизма!). Вліяніе послѣднихъ на городскихъ правителей сдѣлало то, что Павелъ и его спутники, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ, оставили Антиохію (Дѣян. 13, 44—52).

Подобныя плоды принесла проповѣдь Павла въ Иконіи. Великое число язычниковъ и іудеевъ признало надъ собою побѣду евангелія; но нѣкоторые изъ послѣднихъ были столь упорны, что отвращали отъ вѣры и другихъ. Постоянство Апостоловъ, которые, несмотря на опасность, продолжали трудиться надъ обращеніемъ заблудшихъ, дало время созрѣть злобѣ враговъ ихъ. Дошло до открытаго возмущенія: весь городъ раздѣлился на двѣ части, изъ коихъ одна почтала Павла и Варнаву за посланниковъ Божіихъ, другая обвиняла ихъ, какъ враговъ отечественной религіи. Уже неистовая толпа народа, предводимая своими слѣпыми вождями, текла для умерщвленія свидѣтелей истины; но они, бывъ заблаговременно предwarnены объ угрожающей имъ опасности, удалились въ ликаонскіе города Листру и Дервію (Дѣян. 14, 1—7).

Здѣсь чудодѣйственная сила Павлова оказала самое необыкновенное дѣйствіе на сердца жителей; доказательствомъ сему служить слѣдующій случай: между слушателями Павловыми находился одинъ нищій, который не владѣлъ ногами отъ самаго рожденія. Сила слова, а можетъ-быть и слухъ о необыкновенныхъ дѣяніяхъ новыхъ проповѣдниковъ столько расположили его къ христіанству, что онъ въ духѣ живой вѣры ожидалъ отъ нихъ себѣ исцѣленія. Павелъ прочелъ его

сердце на его лицѣ и именемъ Иисуса Христа вѣлѣлъ встать на ноги и ходить; хромою вскочилъ, какъ бы никогда не былъ хромою. Такое чудо должно было увѣрить всякаго въ непосредственномъ содѣйствіи Божию тому человѣку, который произвелъ его; но въ глазахъ ликаонцевъ-идолопоклонниковъ оно казалось признакомъ непосредственнаго присутствія самыхъ боговъ. «Боги,—говорили они,—въ человѣческомъ образѣ сошли къ намъ». Варнава, какъ старшій лѣтами, почтенъ былъ за Юпитера, а Павелъ, отличавшійся даромъ слова, за Меркурія ¹⁾. Вѣсть о явленіи боговъ немедленно распространилась по всему городу. Жрецъ Юпитера сѣшилъ приготовить жертву и вывелъ за городъ (гдѣ было произведено чудо) воловъ, увѣнчанныхъ вѣнками, дабы вмѣстѣ съ народомъ совершить жертвоприношеніе.

Чудотворцы не менѣе ликаонцевъ поражены были пзумленіемъ, когда узнали, что имъ готовится божеская почеть. Раздравъ одежды свои, они бросились въ средину народа (который, вѣроятно, нѣсколько

¹⁾ Почему ликаонцы почли Апостоловъ за Юпитера и Меркурія, а не за другихъ какихъ-либо боговъ? 1) Древніе языки или вѣрили, что боги посѣщаютъ иногда города, имъ посвященные, а въ Листрахъ былъ храмъ Юпитера (Дѣян. 14, 3). Вѣроятно также, что и Меркурій, какъ богъ торговли, уважаемый особенно всѣми жителями Малой Азии, имѣлъ храмъ въ семь городѣ. 2) Изъ мифологии извѣстно, что Меркурій имѣлъ обыкновеніе сопровождать Юпитера во время его низшествія на землю (Ovid. Metam. 8, 626; Fast. 5, 495; Plautus Amphitr. 1, 1, 1. 3) Каждый ликаонецъ содержалъ въ свѣжей памяти басню о посѣщеніи Фигемона и Бавкиды Юпитеромъ и Меркуріемъ, что случилось во Фригии, смежной съ Листрами (Ovid. Met. 8, 611).

удаллся отъ нихъ изъ благоговѣнія), восклицая: «Братія! что вы дѣлаете? Мы не боги, а люди, вамъ подобныя. Мы проповѣдуемъ, чтобы вы оставили ложныхъ боговъ, вами почитаемыхъ, и обратились къ единому истинному Богу, который есть Творецъ неба и земли. Онъ попустилъ язычникамъ ходить до времени своими путями, слѣдовать своему нечистому образу мыслей о Богѣ; впрочемъ, никогда не оставлялъ ихъ безъ свидѣтельства о своемъ бытіи. Блага, коими вы наслаждаетесь, дожди, упадающіе съ неба, благораствореніе воздуха, плодоносіе полей и виноградовъ вашихъ, все есть даръ Его отеческой десницы». Сіи разительныя слова едва убѣдили суевѣрный народъ оставить свое безумное намѣреніе.

Неумовѣренное уваженіе ликаонцевъ къ Павлу и Варнаві заставляло ожидать, что весь городъ ихъ обратится ко Христу. Такъ конечно и было бы; но іудеи превратили все дѣло. Воспрепятствовавъ успѣхамъ евангелія въ Антиохіи и Иконіи, они не могли равнодушно слышать объ успѣхахъ Апостоловъ между ликаонцами, пришли въ Листру и клеветами своими до того довели безсмысленный народъ, что онъ побилъ камнями того самаго человѣка, который недавно почитаемъ былъ за Меркурія. Изнемогшій подъ ударами, Павелъ палъ на землю и, почитаемый за мертвого, былъ вытащенъ за городъ, какъ злодѣй, недостойный погребенія. Какое торжество для злыхъ враговъ его! Но истина безсмертна. Тѣ изъ листраянъ, кои остались вѣрными Христу, собрались вокругъ своего полумертвого учителя: подерѣпляемый благодатію и чистою совѣстію, онъ собралъ силы свои, всталъ и въ сопрово-

жденіи ихъ возвратился въ городъ. Послѣнку нельзя было ожидать успѣха проповѣди надъ ожесточеннымъ народомъ, то Павелъ удалился изъ Листры въ Дервію. Вѣдствіе, претерпѣнное имъ въ первой, вознаграждено было духовнымъ утѣшеніемъ въ послѣдней: здѣсь многіе со всемъ усердіемъ присовокупились къ числу учениковъ Господа (Дѣян. 14).

Нельзя при семъ случаѣ не замѣтить, что между противниками христіанской религіи всегда почти первые и упорнѣйшіе были іудеи: замѣчаніе, оправдываемое не только исторіею апостольскаго служенія Павлова, но и всею исторіею христіанства первыхъ вѣковъ. Закоренѣлый предрасудокъ, что они одни, вслѣдствіе завѣта Божіи съ Авраамомъ, имѣютъ право на благодѣянія Божіи, испосланныя въ лицѣ Мессіи, ложное мнѣніе, что исполненія обрядоваго закона достаточно для оправданія себя предъ судомъ Божиимъ, и другіе предрасудки, питаемые гордостію и корыстолюбіемъ, преграждали путь къ сердцамъ іудеевъ благотворному ученію о вѣрѣ въ Иисуса Христа. Имъ нужна была не такая религія, которая сравнивала бы ихъ съ язычниками, ими презираемыми, а такая, которая еще болѣе возвышала бы ихъ мнимыя права и преимущества. Не таково было состояніе язычниковъ. Имъ не чѣмъ было хвалиться по плоти; они не считали между своими предками Авраамовъ и Давидовъ, *не участвовали въ завѣтахъ обитованія, не имѣли надежды и были какъ бы безъ бога въ мірѣ* (Ефес. 2, 12). Приверженность къ бездушнымъ идоламъ, ослабляемая філософіею и здравымъ смысломъ, уже давно погасла во многихъ; потребность новой, лучшей религіи давно пробудилась и со-

дѣлалась почти всеобщей потребностью времени: по-сему-то многіе изъ язычниковъ уже тайно или явно держались іудейства, которое, при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, привлекало сердца служеніемъ единому Богу. Но іудеи, позволяя язычникамъ участвовать въ своихъ благочестивыхъ собраніяхъ и раздѣляя съ ними надежду жизни вѣчной, не преставали однакоже выставить предъ ними свое преимущество; не стыдились твердить, что язычникъ не иначе можетъ войти въ рай, какъ подъ ризою іудея. Итакъ могли ли язычники равнодушно слушать провозвѣстниковъ евангелія, которые отверзали для нихъ врата царствія небеснаго, затворяемыя раввинами; могли ли не прославлять благость Божию (Дѣян. 13, 48), которая простерла и на нихъ отеческій взоръ свой, даруя имъ религію, коею давно искало ихъ сердце?—Естественно, что они охотнѣе іудеевъ преклопались подъ легкое иго евангелія и постоянноѣ послали оное.

На возвратномъ пути въ Антиохію Павелъ снова посѣтилъ учениковъ въ Листрѣ, Иконіи и Антиохіи Писидійской. Въ его отсутствіе они должны были потерпѣть много озлобленій какъ отъ іудеевъ, такъ и отъ язычниковъ, остававшихся во тьмѣ идолопоклонства: а поему присутствіе его было для нихъ присутствіемъ ангела-утѣшителя. Земныя утѣшенія не могли имѣть мѣста въ семъ случаѣ: вѣра питается не землею, а небомъ. Павелъ старался открыть для нихъ неисчерпаемый источникъ утѣшенія въ самомъ существѣ принятой ими религіи, вразумляя ихъ, что царствіе Божіе, внутреннее соединеніе съ Богомъ въ духѣ, не иначе можетъ быть достигаемо, какъ пу-

темъ скорбей и искушеній. Для устроенія внѣшняго порядка между новообращенными и для распространенія истинной вѣры и святой дѣятельности, онъ рукоположилъ къ каждой церкви пресвитеровъ и, поручивъ ихъ Господу, отправился въ дальнѣйшій путь. Прощедъ чрезъ Пергію, въ коей проповѣдали слово Божіе, путешественники достигли Атталіи, изъ коей отплыли обратно въ Антиохію. По прибытіи ихъ немедленно собрались всѣ вѣрующіе: каждый желалъ слышать объ успѣхахъ проповѣди. Повѣствованіе Павла исполнило сердца всѣхъ радостію и благодареніемъ Промыслу, который отверзъ дверь вѣры для язычниковъ.

Въ апостольскихъ Дѣяніяхъ не сказано, какъ долго продолжалось первое путешествіе Павлово для обращенія язычниковъ. Надобно полагать, что въ продолженіе его протекло около двухъ лѣтъ. Надлежало употреблять время и на путешествіе, и на проповѣдь, и на устроеніе новосоздаемыхъ Церквей. О пребываніи Павла въ Иконіи именно сказано (Дѣян. 14, 3), что оно продолжалось довольно долго (*καιὸς χρόνος*). Притомъ Апостолы, какъ можно заключать изъ 14, 6, проповѣдывали и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, о коихъ не упоминаетъ св. Лука.

Пробывъ не малое время въ Антиохіи, Павелъ долженъ былъ въ третій разъ идти въ Іерусалимъ. Поводомъ къ сему путешествію было безпокойство, происшедшее въ антиохійской Церкви, коего виновниками были христіане іудействующіе. Пришедъ изъ Іерусалима, снѣ безпокойные люди начали внушать братіямъ, что безъ соблюденія обрядоваго закона, особенно безъ

обрѣзанія, невозможно получить спасеніе. Павелъ съ Варнавою ревностно стали противъ сего заблужденія, столь несомѣстнаго съ свободою христіанскою: уваженіе, коимъ они пользовались за апостольскіе труды свои, дѣлало ихъ мнѣніе важнымъ; но палестинскіе выходцы могли ссылаться на примѣръ старѣйшихъ Апостоловъ, на обыкновеніе іерусалимской Церкви и тому подобное. Споры, держанные по сему случаю, остались безъ успѣха, и юная Церковь антиохійская, не имѣя возможности сама собою выдти изъ недоумѣнія, рѣшилась прибѣгнуть къ совѣту своей матери—Церкви іерусалимской. Павелъ и Варнава должны были отправиться по сему дѣлу въ Іерусалимъ. Для отвращенія подозрѣній въ пристрастіи, они взяли съ собою нѣкоторыхъ изъ братій, вѣроятно такихъ, кои держались противнаго мнѣнія.

Проходя Фликию и Самарію, путешественники имѣли утѣшеніе обрадовать тамошнихъ христіанъ повѣствованіемъ объ успѣхахъ ихъ проповѣди къ язычникамъ (Дѣян. 15, 3); съ такимъ же удовольствіемъ слушали ихъ о семъ предметѣ и въ Іерусалимѣ. Торжество вѣры христіанской было тогда торжествомъ каждаго христіанина; между тогдашними учениками евангелія совсѣмъ не было того преступнаго равнодушія къ успѣхамъ своей религіи, которое наконецъ сдѣлалось едва не всеобщимъ, спустя 18 столѣтій.

Для разрѣшенія спорнаго вопроса, предложеннаго Павломъ, собралась вся Церковь іерусалимская. Голоса были несогласны и здѣсь такъ же, какъ и въ Антиохіи. Обращенные въ христіанство фарисеи упорно требовали, чтобы обращающіеся язычники были подвергаемы

обрѣзанію. Ожидали мнѣнія предсѣдателей собора — Апостоловъ. Петръ, вразумленный въ тайну спасенія язычниковъ откровеніемъ, первый предложилъ, что не должно возлагать на язычниковъ того ига (закона обрядоваго), котораго не могли понести самыя іудеи. Послѣ сего началъ говорить Павелъ. вмѣсто разсужденій и доказательствъ, онъ разсказалъ собранію исторію своего апостольскаго путешествія, изъ коей самымъ очевиднымъ образомъ открывалось, что Духъ Святый въ изліяніи даровъ своихъ на учениковъ Павловыхъ не полагалъ никакого различія между обрѣзанными и необрѣзанными, и что слѣдовательно обрѣзаніе не составляетъ необходимой принадлежности новаго завѣта. Наконецъ, рѣчь Іакова, который сказанное Петромъ и Павломъ подкрѣпилъ пророчествами изъ ветхаго завѣта, утвердила торжество истины надъ предрасудкомъ. Во имя Святаго Духа положено даровать обращающимся язычникамъ свободу отъ обрядоваго закона, съ нѣкоторыми необходимыми ограниченіями ¹⁾. Павлу и Варнавѣ врученъ былъ отвѣтъ, долженствовавшій успокоить Церковь антиохійскую.

Но Павелъ имѣлъ еще другое дѣло, съ коимъ тѣсно было соединено спокойствіе собственной его совѣсти. Необыкновенные успѣхи, коими Провидѣніе благословляло его проповѣдь, даръ чудесъ, сообщенный ему въ такомъ избыткѣ, служили для него порукою, что онъ вѣрно исполняетъ высокое званіе апостола, *не поддѣлывая, подобно другимъ, слова Божія, но проповѣдуя*

¹⁾ Ограниченія сіи состояли въ томъ, чтобы язычники удерживались отъ оскверненнаго идолами, отъ блуда, удавленія и крови.

искренно (2 Кор. 2, 17). Но Павелъ всегда помнилъ, что онъ такъ, какъ и другіе апостолы (2 Кор. 4, 7), носитъ *сокровище* благодати въ *скудпльномъ сосудѣ*, что даръ апостольства, подобно другимъ дарамъ духовнымъ, требуетъ отъ обладающаго имъ строгаго надзора за своими поступками, непрестанной повѣрки должнаго употребленія онаго, а посему желалъ повѣрить чистоту ученія, проповѣдуемаго имъ язычникамъ, мнѣніемъ прочихъ апостоловъ, дабы, какъ самъ говоритъ, убѣдиться, не напрасно ли онъ подвизался и подвизается (Гал. 2, 2) въ дѣлѣ проповѣди. Кромѣ спокойствія совѣсти, сего требовалъ и успѣхъ проповѣди. Враги Павловы, то-есть враги креста Христова, какъ увидимъ, всюду будутъ разглашать, что онъ учитъ не тому, чему учать прочіе апостолы. Чтобы заградить имъ уста, надлежало имѣть одобрительное свидѣтельство о своемъ ученіи отъ прочихъ апостоловъ. Итакъ, Павелъ, который почиталъ закономъ *стараться о добромъ не только предъ Богомъ, но и предъ людьми* (2 Кор. 8, 21), *и представлять себя на судъ совѣсти всякаго чловѣка* (2 Кор. 4, 2), наединѣ предложилъ Петру, Іакову и Іоанну благовѣствованіе, проповѣдуемое имъ язычникамъ. Они не нашли въ немъ ни излишества, ни недостатка, и единодушно признали его въ великомъ достоинствѣ учителя языковъ, прося объ одномъ, чтобы онъ располагалъ обращающихся язычниковъ ко вспо-мооществованію палестинскимъ христіанамъ, которые претерпѣвали крайнюю бѣдность, — что Павелъ, говоря его словами, *и старался всегда исполнять въ точности* (Гал. 2, 10).

По возвращеніи изъ Іерусалима, Павелъ продол-

жалъ трудиться надъ устроеніемъ Церкви антиохійской, утверждая въ вѣрѣ и благочестіи членовъ ея (Дѣян. 15, 35). Къ сему времени принадлежитъ обличеніе, сдѣланное имъ Петру, о коемъ упоминается во второй главѣ посланія къ Галатамъ. Петръ, по прибытіи въ Антиохію, сначала, подобно Павлу, свободно обращался съ обращенными язычниками и раздѣлялъ съ ними ихъ трапезу; но когда пришли нѣкоторые изъ іерусалимскихъ іудеевъ, то онъ, не желая обнаружить предъ ними свободы христіанской, началъ удаляться отъ трапезы обращенныхъ язычниковъ. Примѣръ его такъ сильно дѣйствовалъ, что къ сему лицемѣрству (такъ названъ Павломъ поступокъ Петра) присталъ даже Варнава, ревностный дотошъ защитникъ свободы христіанской. Предупреждая соблазнъ нѣкоторыхъ іудеевъ, Петръ уже соблазнялъ всѣхъ язычниковъ, между тѣмъ какъ послѣдніе имѣли большее право на то, чтобы не быть соблазняемыми: ибо они водились истиною, а іудей предразсудкомъ. Павелъ видѣлъ сію опасность и предъ лицомъ всѣхъ сказалъ Петру: «если ты, іудей, живешь по-язычески (не наблюдаешь различія яствъ, предписываемаго закономъ Моисеевымъ), а не по-іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-іудейски (Гал. 2, 12—15)»? Павелъ не упоминаетъ, какое дѣйствіе произвело въ Петрѣ его обличеніе; безъ сомнѣнія, послѣдній увидѣлъ и исправилъ свою ошибку.

ВТОРОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СВ. ПАВЛА.

Церковь антиохійская была богата наставниками, притомъ довольно утверждена на краеугольномъ камени—Иисусѣ Христѣ. Труды Павла престоали для нея быть необходимыми; между тѣмъ сердце его стремилось видѣть чадъ своихъ по вѣрѣ и породить новыхъ отъ нетлѣннаго сѣмени слова Божія. Въ сихъ чувствахъ онъ предложилъ Варнавѣ предпринять второе путешествие апостольское. Сей вѣрный соучастникъ намѣреній и трудовъ Павловыхъ со всѣмъ усердіемъ готовился сопутствовать ему; но выборъ сотрудниковъ заставилъ ихъ разлучиться. Варнавѣ хотѣлось имѣть спутникомъ Марка, своего сродника; Павелъ почиталъ недостойнымъ сей чести такого человѣка, который въ предшествующемъ путешествіи оставилъ ихъ безъ всякой достаточной причины (Дѣян. 13, 13). Надлежало опасаться, что онъ, устрашенный опасностями и трудами, снова оставитъ ихъ: каковый поступокъ могъ послужить соблазномъ для новопрсвѣщенныхъ. Посему Павелъ

желалъ взять въ сотрудники Силу, прпшедшаго съ нимъ изъ Іерусалима, въ способностяхъ и ревности коего онъ имѣлъ случай увѣриться изъ его проповѣданія слова Божія къ антiохійцамъ. Варнава не согласился; Павелъ еще менѣе способенъ былъ уступить въ истинѣ: произошло *огорченіе* ¹⁾. Апостоль, взявъ съ собою Силу, отправился въ путь безъ Варнавы, который вмѣстѣ съ Маркомъ поплылъ въ Кипръ (Дѣян. 15, 35 — 41). Разногласіе сіе не погасило въ душѣ апостола христіанской любви къ Варнавѣ и самому Марку. Въ посланіяхъ, писанныхъ послѣ сего, онъ упоминаетъ о первомъ, и всегда съ похвалою (Галат. 2, 12; 1 Кор. 9, 6), не забываетъ и послѣдняго, свидѣтельствуя, что онъ былъ ему полезенъ (Колос. 4, 10): таково свойство чистой ревности по истинѣ! Она всегда предпочитаетъ дѣло Божіе связямъ и расчетамъ человѣческимъ; смѣло говоритъ истину вопреки тому, кого любить; готова, если не можетъ разувѣрить, удалиться отъ него, но никогда не измѣняетъ главному закону любви; съ радостію слышитъ объ успѣхахъ того, отъ кого удалилась; находитъ въ немъ похвальнымъ все то, что дѣйствительно заслуживаетъ похвалу; и наки охотно соединяется съ нимъ, коль скоро исчезаетъ причина раздѣленія. Таковая миролюбивая ревность есть плодъ зрѣлой мудрости и безкорыстнаго служенія Іисусу Христу.

Прошедь Сирію и Киликію и увѣрившись въ твер-

¹⁾ Выраженіе подлинника (*пароѣυσθη*) означаетъ сильную досаду. Такъ слабость поврежденной природы человѣческой обнаруживается иногда и въ такихъ чистыхъ душахъ, какова Павлова, дабы онѣ не превозносились.

дости тамошнихъ христіанъ, Павелъ достигъ Дервіи и Листры. Въ послѣднемъ городѣ онъ нашелъ себѣ юнаго, но неутомимаго сотрудника, который въ послѣдствіи сдѣлался достойнымъ того, чтобы о немъ сказано было филиппійцамъ: «я никого не имѣю единомысленнаго, кто бы столь искренно заботился о вашихъ обстоятельствахъ» (Фил. 2, 20). То былъ Тимоѳей, іудей по матери, по отцу язычникъ. Еще до пришествія апостола онъ уже зналъ Христа и своимъ поведеніемъ (вѣроятно, и проповѣдію) спискалъ себѣ всеобщее одобреніе не только въ Листрѣ, но и въ Иконіи. Павелъ, обладая даромъ проникать въ души и сердца, тотчасъ замѣтилъ рѣдкія способности юнаго Тимоѳея и сдѣлалъ его своимъ спутникомъ. Поелику надлежало опасаться, что Тимоѳей, какъ необрѣзанный ¹⁾, будетъ соблазномъ для христіанъ изъ іудеевъ, коимъ всѣмъ извѣстно было его происхожденіе, отъ язычника, то апостоль совершилъ надъ нимъ обрядъ обрѣзанія. Онъ, бывши въ Іерусалимѣ, не согласился обрѣзать Тита (Гал. 2, 3), потому что сей и по отцу и по матери былъ язычникъ, а по сему обрѣзаніе его было бы соблазнительнымъ нарушеніемъ свободы христіанской; но Тимоѳей, происходя отъ матери іудейки, могъ быть обрѣзанъ безъ нарушенія сей свободы: ибо тогда еще всѣ почти вѣрили, что обрѣзаніе нужно для іудея и въ христіанствѣ. Учитель язычниковъ и здѣсь, какъ и въ другихъ слу-

¹⁾ Сынъ іудейки отъ язычника не могъ быть обрѣзанъ безъ согласія отца, какъ видно изъ Талмуда; а отецъ Тимоѳея, вѣроятно, не хотѣлъ видѣть его обрѣзаннымъ. Теперь его не было въ живыхъ.

чаяхъ, смотрѣлъ на обрѣзаніе какъ на вещь безразличную, и поступилъ сообразно своему мнѣнію объ употребленіи безразличныхъ вещей — употреблять ихъ такъ, чтобы изъ нихъ выходило какъ можно болѣе пользы. «Павелъ—говоритъ Златоустъ (толк. на Дѣян.)—обрѣзалъ Тимоѳея, дабы упразднить обрѣзаніе; ибо обрѣзанный будетъ проповѣдывать ученіе апостола о томъ, что не нужно обрѣзаніе». Таковъ поступокъ, по замѣчанію того же отца Церкви, обнаруживаетъ, что Павелъ былъ совершенно свободенъ отъ предрасудковъ; что онъ, при всей ревности по свободѣ христіанской, не былъ однакоже предубѣжденъ противъ обрѣзанія, зналъ его цѣну и умѣлъ дѣлать изъ него употребленіе.

Взявъ Тимоѳея, Павелъ проходилъ прежніе города, извѣщая учениковъ объ опредѣленіи іерусалимской Церкви касательно свободы обращающихся язычниковъ отъ обрядоваго закона. Извѣщеніе сіе тѣмъ было нужнѣе, что изъ Палестины уже готовились выйти безразсудные ревнители сѣни законной, дабы превращать труды и успѣхи апостола. Павелъ скоро проходилъ тѣ мѣста, въ конхъ проповѣдывалъ евангеліе: конечно потому, что посѣянныя сѣмена жизни сами собою давали вождедѣнные плоды. Впрочемъ и краткое посѣщеніе прежняго учителя сопровождается было видимымъ умноженіемъ вѣрующихъ и утвержденіемъ въ вѣрѣ слабыхъ (Дѣян. 16, 4 — 6). Въ сіе время основана Павломъ Церковь галатская, которая сначала принесла весьма много духовной радости, а потомъ еще болѣе сердечной печали своему основателю. Несмотря на бѣдность внѣшняго состоянія Павлова и на гоненія, коимъ онъ всюду подвергался, галаты приняли его со всѣмъ ува-

женіемъ, приличнымъ посланнику Божію, и слушали Его какъ ангела Божія, какъ самого Іисуса Христа. Любовь къ его ученію, преданность къ его лицу вскорѣ возрали въ сердцахъ ихъ до того, что они, *если бы возможно было, исторгли бы свои очи, дабы отдать ему*. Толь благословенное сѣянiе, безъ сомнѣнiя, принесло бы богатѣйшую жатву, если бы плевели іудейства, посѣянные руками палестинскихъ выходцевъ, не прозябли на сей удобренной благодатию нивѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи (Гал. 2, 3).

Изъ Галатіи апостоль хотѣлъ идти на проповѣдь въ Азію ¹⁾, но былъ удержанъ Духомъ Святымъ. Подобнымъ образомъ Провидѣніе останоило его, когда онъ изъ Мисіи думалъ перейти въ Вионію ²⁾. Очевиднѣйшее доказательство, какъ все великое дѣло распроетраненiя христіанской религiи зависѣло отъ невидимаго управления Духа Божія! Одинъ только сей Водитель, испытующій сердца и утробы, могъ безошибочно видѣть, гдѣ труды проповѣдниковъ евангелiя не останутся безъ плода. Азія и Вионiя, конечно, еще не были способны къ тому, чтобы для нихъ возсіялъ свѣтъ славнаго благовѣствованiя о Христѣ.

Итакъ, вмѣсто Вионiи Павелъ пошелъ въ Троаду, городъ, лежавшій недалеко отъ древней Трои, на во-

¹⁾ Поелику и прочіе города, чрезъ которые проходилъ апостоль, и самая Галатiя принадлежала къ Малой Азіи; то подъ Азією должно разумѣть здѣсь Іонію, которая въ древности извѣстна была подъ симъ именемъ. V. Kuinoel. Comm. in acta Apost. ad 2, 19.

²⁾ Какимъ именно образомъ Павелъ былъ остановленъ Духомъ Святымъ, чтобы не идти въ Азію и Вионію, нельзя опредѣлить при молчаніи св. писанiя.

сточномъ берегу Эгейскаго моря ¹⁾. Здѣсь въ ночномъ видѣніи предсталъ ему нѣкоторый мужъ ²⁾ и молилъ его придти къ нимъ въ Македонію для подавія духовной помощи. Апостоль заключилъ изъ сего, что самъ Промысль призываетъ его проповѣдывать евангеліе македонцамъ. Вслѣдствіе сего проповѣдники отплыли на островъ Самооракію, а на другой день пристали въ Неаполь, одномъ изъ приморскихъ городовъ Македоніи. Не останавливаясь въ семь городѣ, Павелъ поспѣшилъ въ Филиппы ³⁾. Здѣшніе іудеи имѣли за городомъ молитвенницу. Апостоль, пришедъ къ ней въ слѣдующую субботу, вступилъ въ разговоръ съ женщинами, собравшимися на молитву. Слова его падали на добрую землю; особенно тронута была одна богатая и набожная женщина изъ Тіатиры, торговавшая багрянницею, именемъ Лидія. Окрестившись со всѣми своими домашними, она

¹⁾ Plin. His. Nat. 5,33; Cellar. Geogr. 3,3.

²⁾ Кто былъ сей мужъ? — Иѣто въ образѣ македонца. Сей образъ могъ принять Ангель, или онъ могъ быть произведенъ въ воображеніи Павла высшею силою.

³⁾ Strab. 7. p. 511. Св. Лука называетъ Филиппы первымъ городомъ сей части Македоніи. Дѣян. 16, 12. Но главные города Македоніи, раздѣленной на 4 части, были: Амфиполь, Тессалоники, Пелла и Пафлагонія. Liv. 45, 29. Несогласіе сіе примиряется тѣмъ, что названіе *прѣти* (первый), какъ явствуетъ изъ древнихъ монетъ, иногда давалось не однимъ главнымъ, но и знаменитѣйшимъ городамъ. V. Eckhili doctr. vet. num. P. 1, vol. 4, с. 8. Поелику св. Лука при повѣствованіи о путешествіяхъ Павла съ нихъ поръ третіе лице переимѣняетъ на первое (Дѣян. 16, 11); то вообще полагають, что онъ въ сіе время сдѣлался сопутникомъ Павловымъ; но гдѣ именно, и по какому случаю соединились сіи два великіе мужа, не извѣстно.

убѣдила проповѣдниковъ избрать домъ ея своимъ жилищемъ.

Послѣ сей утѣшительной встрѣчи ожидала апостола новая, весьма неприятная. Въ городѣ одна служанка была одержима духомъ пророчанія. Вѣрили, что она можетъ предсказывать будущее, и сія вѣра доставляла господамъ ея большой доходъ. Принуждаемая духомъ злобы, или собственною совѣстію, сія несчастная сопровождала Павла всякій разъ, когда онъ шелъ на молитву, и кричала въ слухъ всѣхъ: «эти люди рабы Бога Всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія». Павелъ, который подобно великому Учителю своему, Иисусу Христу, не хотѣлъ, чтобы божественность его ученія получила свидѣтельство изъ такихъ устъ, кои разверзались для пророчества по любостыжанію, именемъ Господа Иисуса повелѣлъ нечистому духу выйти изъ нея. Пророчательныя уста служанки сомкнулись; вмѣстѣ съ нимъ исчезли и корыстолюбивыя виды господъ ея. Нечистый духъ, вышедшій изъ первой, какъ бы перешелъ въ послѣднихъ. Они напали на Павла и его спутниковъ и повлекли ихъ на судилище. Если не совѣсть, то благоприличіе не позволяло открыть истинную причину ихъ негодованія на добродѣтельныхъ и миролюбивыхъ странниковъ; и корыстолюбіе по обыкновенію прикрылось лжиною любви къ отечеству и религій. Говорили: «сіи люди, которые суть іудеи, возмущаютъ нашъ городъ, проповѣдуя богослуженіе, котораго намъ римлянамъ принимать и исполнять не слѣдуетъ». Обвиненіе подѣйствовало; мятежный народъ толпами бросился на невинныхъ проповѣдниковъ евангелія; самые судьи, забывъ свое достоинство, осыпали ихъ ударами.

Изыязвленные, они ввержены были въ темницу; стражѣ приказано было усугубить надзоръ; для большей безопасности, ноги узниковъ забиты были въ колоду.

Но для слова Божія нѣтъ узъ (2 Тим. 2, 9). Въ полночь, когда земные судьи совершенно не думали объ узникахъ, Павелъ воззвалъ къ Судии небесному, — не для того, чтобы молить Его объ отыщеніи, но чтобы въ духѣ вѣры и святой преданности излить предъ Нимъ чувства хвалы и благодарности. Оглушаемая воплями ропота и отчаянія темница, можетъ-быть, въ первый разъ огласилась звуками чистой равноангельной молитвы: зрѣлище умиленное для всякаго, кто несовершенно закоснѣлъ во грѣхѣхъ, способное пробудить совѣсть самаго упорнаго грѣшника! Узники слушали апостоловъ съ безмолвнымъ вниманіемъ; слышалъ и Тотъ, предъ Кѣмъ не таится ни одна слеза невинности, ни одинъ вздохъ правды. Землетрясеніе вдругъ съ такою силою поколебало основанія темницы, что всѣ двери ея растворились сами собою. Между прочимъ произошло то, чего обыкновенное явленіе въ семь родѣ никогда произвести не можетъ, — съ заключенныхъ спали всѣ узы. За умиленнымъ явленіемъ неколебимой преданности Промыслу послѣдовало явленіе отчаяннаго малодушія. Отверстыя двери темницы не позволяли сомнѣваться, что узники воспользуются симъ случаемъ для своего спасенія; тѣмъ болѣе надлежало опасаться за Павла и его спутниковъ, отданныхъ подъ особенное смотрѣніе. Посему темничныи начальникъ извлекъ мечъ и хотѣлъ въ слѣдъ за мнимыми бѣглецами бѣжать — изъ сего міра. Онъ не зналъ Бога Павлова, не зналъ, что на апостолахъ были другія узы, концы не могло расторгнуть

никакое потрясеніе не только земли, но и неба, что они были связаны Духомъ (Дѣян. 20, 22). «Не дѣлай себѣ никакого зла», воскликнулъ Павелъ, «мы всѣ здѣсь». При сихъ словахъ гибельное смятеніе отчаянія уступило мѣсто новому смятенію чувствъ въ душѣ римлянина. Онъ съ трепетомъ входитъ въ темницу, не видитъ болѣе узъ на заключенныхъ, но видитъ, что никто изъ нихъ не помышлялъ о бѣгствѣ. Можно ли было не повергнуться съ благоговѣніемъ предъ симъ явленіемъ торжествующей непорочности? Римлянинъ палъ къ ногамъ Павла и Силы и молилъ разрѣшить собственныя его узы — узы душевнаго ослѣпленія, въ коихъ содержало его идолослуженіе.—Такова сила добра надъ сердцемъ человѣческимъ! Когда ужасъ римскихъ законовъ и казней не могъ исправить сердца преступныя, одно молитвенное изліяніе сердечныхъ чувствъ, сдѣланное узникомъ, такъ сильно подѣйствовало на преступниковъ, что они явили примѣръ повиновенія законамъ, достойный времени Регула! Но сей узникъ былъ—Павелъ! Проникнутый страхомъ Божиимъ, начальникъ темничныхъ стражей не думалъ болѣе о страхѣ человѣческомъ. Провѣдники взяты были къ нему въ домъ, ихъ раны омыты; а ему преподано крещеніе.

Когда такимъ образомъ усердствовала къ Павлу и его сотрудникамъ сердечная признательность новыхъ чадъ его по вѣрѣ, самая злоба враговъ должна была преклониться предъ ихъ кротостію и невинностію. Пораженные ужасомъ необыкновеннаго землетрясенія, которое могли представлять наказаніемъ за оказанную несправедливость, или безпристрастнѣе разсмотрѣвъ дѣло и свою опрометчивость, или наконецъ узпавъ о

случившемся въ темницѣ, градоправители прислали къ темничному начальнику приказаніе отпустить апостоловъ. Начальникъ съ удовольствіемъ спѣшилъ исполнить оное; но напрасно. «Какъ?»—возразилъ Павелъ, «насъ, гражданъ римскихъ, безъ суда всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ? Нѣтъ! пусть придутъ сами (судіи) и освободятъ насъ». Въ самомъ дѣлѣ, наказанъ римскаго гражданина розгами и притомъ безъ суда (какъ былъ наказанъ Павелъ) значило оскорбить величіе Рима и кесаря ¹⁾. Наказанный такимъ образомъ могъ подвергнуться судей своихъ строжайшей отвѣтственности ²⁾. Но не того хотѣлъ Павелъ. Онъ желалъ только отклонить соблазнъ, могшій произойти отъ того, если бы онъ тайно удалился изъ Филиппъ: враги его не преминули бы разгласить, что проповѣдникъ евангелія спасся постыднымъ бѣгствомъ, воспользовавшись землетрясеніемъ, разрушившимъ темницу. Посему, когда градоначальники явились ³⁾ и, признавая свою несправедливость предъ Павломъ, смиренно молили его оставить городъ, онъ безпрекословно

¹⁾ Cic. Verr. 5, 54, 56; Liv. 10, 9. Посему-то Марцелъ выразилъ неудовольствіе на кесаря тѣмъ, что приказалъ высѣчь розгами одного изъ новокоменщевъ, коимъ дано было право римскаго гражданства. Appian. de bell. civ. Lib. 2, p. 433.

²⁾ Наказанный тѣлесно римскаго гражданина подвергся лишенію имущества и даже смерти. Dion. Halic. Ant. Rom. 2, p. 725. Родосцы лишены были свободы Клавдіемъ за то, что распяли пѣкаторыхъ римлянъ. Dio. Cas. Lib. 6, p. 785.

³⁾ Они безъ всякихъ розысканій повѣрили Павлову праву римскаго гражданства потому, что ложно присвояющіе оное наказывались смертію; а посему нельзя было подозрѣвать въ подлогѣ. Svet. in vita Claudii.

повиновался ихъ желанію. Одно только могло еще удерживать проповѣдниковъ въ Филиппахъ—потребность утвердить въ вѣрѣ новообращенныхъ; но чудо землетрясенія, какъ справедливо замѣчаетъ св. Златоустъ ¹⁾, еще сильнѣе должно было располагать въ пользу евангелія филиппійцевъ по отшествіи тѣхъ, для конхъ оно произведено Промысломъ; притомъ, вмѣсто проповѣдника оставался обращенный начальникъ темницы.—Изъ того, что апостолы не рѣшились, хотя имѣли полное право, вопреки просьбамъ градоначальниковъ, остаться въ городѣ, видно, какъ тщательно избѣгали они всѣхъ случаевъ быть поводомъ къ народнымъ безпокойствамъ.

Чрезъ Амфиполь и Аполлонію Павелъ пришелъ въ Фессалонику, главный городъ второй области македонской ²⁾. По обыкновенію, проповѣдь его первоначально обращена была къ своимъ единоплеменникамъ. Въ продолженіе трехъ субботъ (дни обыкновенныхъ собраний въ синагогахъ) онъ доказывалъ имъ изъ книгъ пророческихъ, что Мессіи надлежало пострадать и воскреснуть, и что проповѣдуемый имъ Іисусъ есть истинный Мессія. Множество іудеевъ, прозелитовъ и въ томъ числѣ знатныхъ женщинъ сдѣлались его учениками. Павелъ обходился съ ними, какъ мать обходится съ младенцемъ (1 Фессал. 2, 7); впрочемъ не скрывалъ отъ нихъ бѣдствій, конмъ они могутъ подвергнуться за пскренное исповѣданіе Христа (1 Фессал. 3, 4). Въ предостереженіе и утѣшеніе ихъ, онъ раскрылъ предъ

¹⁾ Hom. in Acta Apost.

²⁾ Strab. Hist. 7.

ними ученіе о послѣднихъ временахъ и послѣднемъ противникѣ христіанства — антихристѣ, которое, какъ увидимъ, послужило для нихъ, по причинѣ суетности нѣкоторыхъ людей, поводомъ къ недоразумѣніямъ (2 Тессал. 2, 5). Несмотря на то, что проповѣдь не оставляла апостолу времени на другіе труды, онъ не хотѣлъ получать пропитанія отъ учениковъ своихъ и содержался собственными трудами, коими занимался по ночамъ (1 Тессал. 2, 9), а частію милостынею, которую присылали къ нему филиппійцы (Филипп. 4, 16). Тессалоникійцы чувствовали его апостольское безкорыстіе и принимали слово его не какъ человѣческое, но какъ слово Божіе (1 Тессал. 2, 13). Не было недостатка и въ упорныхъ врагахъ истины, которые, подговоривъ нѣкоторыхъ негодныхъ людей, произвели возмущеніе. Неистовая толпа съ крикомъ устремилась къ дому Іасона, въ коемъ пребывалъ Павелъ съ своими спутниками, и, не найдя ихъ, повлекла Іасона на судилище. «Эти всесвѣтныя возмутители», кричали возмутители, «пришли и сюда; Іасонъ принялъ ихъ; всѣ они поступаютъ противъ кесаря, почитая царемъ не его, а другаго — Іисуса». Нельзя было клеветѣ избрать удачнѣе обвиненія. Отъ него пострадалъ божественный Основатель христіанства; отъ него преимущественно, какъ явствуетъ изъ исторіи гоненій на христіанъ, страдали и его распространители. — Градоначальники приведены были въ великое смущеніе: надлежало ожидать самыхъ печальныхъ слѣдствій. Но Іасонъ успокоилъ ихъ и себя, убѣдивъ, что нѣтъ ни малѣйшаго повода къ возмущенію, и, можетъ-быть, давъ обѣщаніе, что принятыхъ имъ странниковъ скоро не будетъ въ городѣ.

Въ слѣдующую ночь Павелъ и Сила дѣйствительно препровождены были въ Берію, городъ, принадлежавшій къ третьей македонской области. Жители здѣшніе, какъ замѣчаетъ св. Лука, были гораздо благомысленнѣе (*ευγενέστεροι*) ѳессалоникійцевъ. Выслушавъ проповѣдь о Мессіи, они поступили такъ, какъ надлежало поступить каждому здравомыслящему іудею — сначала слышанное съ тѣмъ, что находится въ книгахъ ветхаго завета, — черты возвѣщаемаго Мессіи съ чертами обѣтованнаго. Слѣдствіемъ столь благоразумнаго испытанія новой вѣры по необходимости было усердное принятіе ея. Но ѳессалоникскіе враги Павловы не дали продолжиться духовному торжеству его надъ сердцами благомыслящихъ веріанъ; пришедъ въ Вѣрію, они возмутили народъ, и подвижники евангелія снова должны были исполнить совѣтъ Спасителя: «если гонять васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой». Оставивъ Тимоѳея и Силу, съ повелѣніемъ скоро послѣдовать за нимъ, Павелъ удалился въ Аѳины (Дѣян. 17, 1—15).

Появленіе его въ Аѳинахъ есть одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ, представляемыхъ новымъ заветомъ и въ особенности исторіею дѣяній апостольскихъ. Здѣсь великій учитель языковъ имѣлъ случай явить все величіе своего духа, всю мудрость, приличную посланнику Божію. Доселѣ онъ имѣлъ дѣло или съ суевѣрными почитателями обрѣзанія и субботы, или съ язычниками, слѣпо кланяющимися бездушнымъ истуканамъ: надлежало возвѣститъ слово крестное и мудрымъ вѣка сего, водрузить крестъ тамъ, гдѣ доселѣ видны были только портики философовъ. Аѳины были полны философами и—идолами! Мудрость грековъ еще имѣла здѣсь

свою столицу ¹⁾; но духъ Сократа, который почиталъ философію образовательницею благоденствія человѣческаго, давно исчезъ. Послѣдователи выпренняго Платона были жалкіе мечтатели; ученики привлекательно-мудраго Эпикура были низкіе плотоугодники; воспитанники суровой Стои были лицемѣрные самохвалы. Религія была для здѣшнихъ философовъ частію гражданскаго законоположенія, которое, не смотря на всѣ нецѣлостности свои, должно оставаться неприкосновеннымъ изъ уваженія къ народнымъ предрасудкамъ. Они смѣялись надъ богами внутри своихъ кабинетовъ, и съ благоговѣніемъ падали предъ ними на торжищахъ. Образованнѣйшая часть народа раздѣляла съ философами внутреннее равнодушіе къ религіи; менѣе просвѣщенная погружена была въ суевѣріе самое грубое. Впрочемъ, духъ набожности, можетъ-быть, слѣдствіе прежней здоровой философіи, продолжалъ быть характеромъ аѳинлян ²⁾: городъ ихъ былъ наполненъ храмами и жертвенниками, изъ коихъ нѣкоторые посвящены были неизвѣстнымъ богамъ ³⁾.

Среди сего-то народа, который изъ прежней мудрости сохранилъ только одно свойство ея—любопытность, и то въ превратномъ видѣ, Павелъ долженъ былъ возвѣститъ имъ распятаго Богочеловѣка. Онъ хо-

¹⁾ Cic. de orat. 1, 4; Orat. pro Flac. 26.

²⁾ Pausanias in Attic. 1, 24; Strab. 10, p. 472.

³⁾ Аѳиняне, чтобы не оставить ни одного бога безъ своего знака уваженія, ставили алтари съ сею надписью. Иеронимъ говоритъ, что на одномъ жертвенникѣ была слѣдующая надпись: Θεοῖς Ἀσίας, καὶ Ἑβραίων, καὶ Λιβύης, Θεοῖς ἀγνώστοις, καὶ ξένοις. V. Comment. in Epist. ad Titum.

тѣль отложить начало своей проповѣди до прибытія Тимофея и Силы, дабы въ соединеніи съ ними тѣмъ слышнѣе былъ голосъ истины. Но сердце его раздиралось отъ жалости при видѣ множества истукановъ, которыми просвѣщенные аѳиняне гордились, какъ нѣкою драгоценностію; и онъ началъ проповѣдывать одинъ, сначала въ синагогѣ — іудеямъ, потомъ на площади всѣмъ жителямъ безъ разбора. Въ числѣ слушателей были стоики и эпикурейцы; тѣ и другіе остались недовольны, ибо онъ проповѣдывалъ о Іисусѣ и воскресеніи, коему не вѣрили ни тѣ, ни другіе ¹⁾. Одни думали видѣть въ немъ пустослова, который хочетъ увѣрить людей въ томъ, чему нельзя вѣрить; другіе почитали его за проповѣдника новыхъ, неслыханныхъ боговъ. Однакоже проповѣдь Павла показалась достойною любопытства; его привели въ ареопагъ и просили повторить оную ²⁾. Это было случаемъ къ той рѣчи, которая въ полной мѣрѣ показала, что божественный Осно-

¹⁾ Послѣдователи Епикура не вѣрили Провидѣнію и безсмертію души и одобряли добродѣтель единственно за удовольствіе, ею доставляемое. Cic. de fin. bon. 2, 31; Tusc. 5, 31; Diog. Laërt. 9. Стоики и вѣрили и не вѣрили въ безсмертіе. Клеантъ утверждалъ, что души будутъ существовать до сожженія міра. Cic. Tusc. 1. 31. 32; Laërt. 7. 156. Хризиппъ усвоивалъ сіе преимущество только душамъ добродѣтельными. Plut. de placit. Phil. 4. 7; Laërt. 7. 57. Другіе думали, что души по разрѣшеніи отъ тѣла возвращаются въ огненную природу Божества. V. Tiedemann. Geist. de Specul. Philosoph. 13. 2, pag. 453.

²⁾ Нѣкоторые думали, что Павелъ былъ представленъ въ ареопагъ на судъ. Но изъ всѣхъ обстоятельствъ, изъ всей рѣчи его видно, что онъ говорилъ въ ареопагѣ не какъ обвиняемый, а какъ разномыслящій, новый учитель религіи.

ватель христіанства всегда вѣрно исполнялъ обѣщаніе свое подавать распространителямъ Его ученія, въ случаѣ нужды, *уста и премудрость*. Павелъ принялъ такой тонъ, какой долженъ принимать каждый защитникъ христіанства, имѣющій дѣло съ строптивою философіею. Онъ забылъ на время всю историческую часть христіанской вѣры, началъ съ истинъ здраваго смысла, почерпнутыхъ изъ разсматриванія природы, общества человѣческаго и совѣсти, — тѣхъ высшихъ истинъ, кои составляютъ внутреннее основаніе христіанства. Какъ проповѣдуя іудеямъ, онъ находилъ приступъ для проповѣдуемаго христіанства въ самой іудейской религіи, такъ и здѣсь онъ открылъ въ мертвоиъ деревѣ язычества мѣсто, гдѣ можно было привить живоносную отрасль новой религіи.

«Аѳиняне!» воскликнулъ Павелъ, «по всему вижу я, что вы очень набожны; ибо я, обходя и обозрѣвая ваши святины, нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: *неизвѣстному Богу*. Сего-то Бога, Котораго вы, не зная, почитаете, я проповѣдую вамъ». — Слова сіи должны были возбудить величайшее вниманіе въ аѳинянахъ. Многозначительная надпись: *неизвѣстному Богу*, вѣроятно, уже давно заставляла, хотя немногихъ изъ нихъ, погружаться въ размышленіе; впрочемъ, если они и не были доселѣ внимательны къ ней, то напоминаніе, сдѣланное Павломъ, должноствовало вдругъ возбудить въ душѣ ихъ всѣ мысли, кои заключались въ словахъ: *Божество неизвѣстное!* Павелъ вызывался быть Его провозвѣстникомъ: можно ли было не обратить на слова его вниманія? Впрочемъ, аѳиняне могли еще ожидать отъ него не болѣе, какъ повѣсти о ка-

комъ-впбудь иноземномъ, для нихъ неслыханномъ, но обыкновенномъ, подобномъ ихъ истуканамъ, божествѣ. Надлежало изобразить въ краткихъ чертахъ величіе того Бога, коего онъ проповѣдывалъ, дабы, приведши въ забвеніе идоловъ, вознести ихъ умъ и сердце на высоту истиннаго боговѣдѣнія.

«Богъ», вѣщалъ богодухновенный вптїя, «сотворившій міръ и все, что въ немъ, будучи Господь неба и земли, не живетъ въ созданныхъ руками храмахъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ по какой-либо нуждѣ, но самъ даетъ всему жизнь, и дыханіе, и все».

Предъ сею безпредѣльною идеею о всемогущемъ Творцѣ всяческихъ, сами собою исчезали всѣ неправильныя понятїя о божествахъ, заключаемыхъ въ капища, и истуканыхъ.

«Пронзведши», продолжалъ Павелъ, «отъ одной крови всѣхъ человѣковъ, Онъ разселилъ народы по всему лицу земли, опредѣливъ жительству каждому изъ нихъ предназначенныя времена и предѣлы, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли и не найдутъ ли Его; хотя, впрочемъ, Онъ недалекъ отъ каждого изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ, такъ какъ нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ».

Изъ сихъ высокихъ понятїй о намѣренїи Творца въ устроенїи міра и общества человѣческаго, какъ средствъ къ распространенїю познанїя о Немъ между тварями разумными, апостоль заключалъ объ истинномъ почитанїи, которое прилично всесовершенному Существо.

«Итакъ мы, будучи, родъ Божїй», говорилъ онъ, «не должны думать, что Божество подобно золоту, или

серебру, или камню, обдѣланному художествомъ и вымысломъ человѣческимъ».

Озаривъ такимъ образомъ свѣтомъ естественной религіи безобразіе идоловъ и безславіе ихъ почитателей, Павелъ начинаетъ приподнимать завѣсу, сокрывающую величественное зданіе откровенной религіи, имъ возвѣщаемой.

«Богъ, попустивъ быть временамъ невѣдѣнія, нынѣ всѣмъ челоуѣкамъ проповѣдуетъ покаяніе. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа: о чемъ далъ Онъ доказательство всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ».

Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, многіе изъ мнимыхъ мудрецовъ не хотѣли болѣе слушать. Такъ самая утѣшительная истина здраваго смысла была нестерпима для гордыхъ безумцевъ, кои, не обращая вниманія на то, чтобы имѣть Бога въ разумѣ, осустились умствованіями своими, и преданы были похотямъ сердецъ ихъ (Рим. 1, 21—28). Павелъ умолялъ. — Впрочемъ, слова его не всѣ пали на камень и въ терны: нѣкоторые изъ слушателей скрыли ихъ въ сердцахъ и увѣровали въ Иисуса Христа, въ томъ числѣ и членъ ареопага, знаменитый Діонисій (Дѣян. 17, 34).

Забываясь объ умноженіи новыхъ членовъ Церкви Христовой, Павелъ не оставлялъ попеченія и о прежнихъ чадахъ своихъ. Испытавъ тяжкое гоненіе отъ ѳессалоникскихъ іудеевъ, онъ по необходимости думалъ, что юная Церковь ѳессалоникская находится подъ тяжкимъ крестомъ. Посему два раза рѣшался возвратиться въ ѳессалонику (1 ѳессал. 2, 16); но,

бывъ удержанъ непредвидѣнными препятствіями, отправилъ туда Тимоѳея, для укрѣпленія въ вѣрѣ тамошнихъ христіанъ (1 Фессал. 3, 1. 2).

Между тѣмъ онъ недолго оставался въ Аѳинахъ. Склонность къ новостямъ, по коей его слушали пытливые аѳиняне, должна была скоро наскучить неизмѣняемыми истинами, кои возвѣщаль проповѣдникъ креста Христова, и онъ удалился въ Коринѣ.

Здѣсь одинъ іудеянинъ, по имени Аквила, который незадолго предъ тѣмъ пришелъ изъ Рима (вслѣдствіе Клавдіева указа объ изгнаніи іудеевъ изъ римской столицы), принялъ его въ домъ свой. Поелику Аквила занимался тѣмъ же художествомъ, въ коемъ искусенъ былъ Павелъ, то послѣдній раздѣлялъ съ нимъ труды его. Впрочемъ, главный долгъ, лежавшій на немъ, не оставался безъ исполненія. Каждую субботу синагога была оглашена именемъ Иисуса Христа. Безусищность проповѣди была нѣкоторымъ образомъ вознаграждена утѣшительнымъ извѣстіемъ, которое принесли Тимоѳей и Сила, возвратившпсь изъ Фессалонки.

Тамошніе христіане, при всѣхъ озлобленіяхъ со стороны іудеевъ и язычниковъ, оставались вѣрными, но колебались различными сомнѣніями касательно пришествія Иисуса Христа и весьма много скорбѣли о умершихъ (1 послан. къ Фессалон.). Могъ ли Павелъ оставить безъ ободренія и утѣшенія возлюбленныхъ чадъ своихъ? Онъ написалъ къ нимъ посланіе (первое по времени изъ посланій Павловыхъ), исполненное отеческой любви и заботливости. Возблагодаривъ ихъ за твердость въ вѣрѣ, онъ увѣщевалъ ихъ не скорбѣть о умершихъ, подобно немнѣющимъ упованія, представляя,

что наступитъ непременно тотъ великій день, когда всѣ мертвые возстанутъ изъ гробовъ для наслажденія жизнью вѣчною. Касательно времени пришествія Христова поставлялъ на видъ одно обстоятельство—столь благотворное по своему вліянію на нравственность—его внезапность; умолялъ вести себя во всемъ неукоризненно, какъ надлежитъ святымъ, быть миролюбивымъ и удаляться лѣности. Нѣкоторыя недоразумѣнія, происшедшія за сямъ въ умѣ ѳессалоникійцевъ, побудили апостола отправить къ нимъ другое письмо. ѳессалоникійцы, частію не выразумѣвъ смысла апостольскаго ученія о будущемъ пришествіи Іисуса Христа, частію смущаемые нѣкоторыми подложными письмами, писанными яко бы Павломъ (2 ѳессал. 2, 2), получили мысль, что Іисусъ Христосъ долженъ придти въ непродолжительномъ времени. Нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, вслѣдствіе сей мысли, оставили свои работы и занимались единственно праздными сужденіями. Апостоль въ второмъ посланіи, опровергнувъ первый предразсудокъ и показавъ, что явленію Спасителя должно предшествовать еще явленіе антихриста и отступленіе отъ вѣры, снова заповѣдуетъ имъ, подражая его примѣру, удаляться праздности, не вдаваться въ бесполезныя мечты и вести жизнь трудолюбивую. Въ предостереженіе отъ подложныхъ посланій онъ далъ имъ знакъ подлинныхъ своихъ писемъ, который состоялъ въ томъ, что онъ имѣлъ обыкновение приписывать въ концѣ посланія собственною рукою слѣдующее прівітствіе: «благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами» (2 посланіе къ ѳессал. послѣдній стихъ).

Поелику коринѳскіе іудеи оставались упорными, то

Павель, сказавъ пмѣ: «кровь ваща на главахъ вашихъ, я чистъ отъ нея, и съ сего времени пойду къ язычникамъ», перешель отъ Аквилы въ домъ нѣкоего язычника Густа. Близость новаго жилища его къ синагогѣ (ибо домъ Густовъ былъ подлѣ нея) показывала, что онъ въ семъ случаѣ поступилъ сообразно мудрому правилу своему—мнпмымъ пристрастіемъ къ язычникамъ возбуждать ревность въ сродникахъ своихъ по плоти, для ихъ спасенія. Таковая заботливость его о своихъ единоплеменникахъ не осталась безъ уснѣха: вскорѣ крестился самъ начальникъ синагоги Креспъ со всѣмъ домою своимъ. Изъ язычниковъ также обратилось не малое число; но еще гораздо большее готовилось обратиться. Павель былъ извѣщенъ о семъ откровеніемъ. Кажется, угрожающія опасности возбудили было въ немъ намѣреніе оставить Коринѣъ. Посему Господь, явись ему, сказалъ: не бойся, говори и не умолкай: ибо Я съ тобою, и никто не сдѣлаеть тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ семъ городѣ». Вслѣдствіе сего онъ проповѣдывалъ коринѣянямъ въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ. Сѣми продолжительными трудами столько была утверждена и благоустроена Церковь коринѣская, что Павель впоследствии называлъ оную печатію своего апостольства (1 Кор. 9, 2). Не менѣе была дѣятельна и злоба враговъ Павловыхъ. Улучивъ удобное время, они напали на него и привели къ проконсулу. Обвиненіе было обыкновенное: этотъ человекъ, говорили, распространяеть въ народѣ почитаніе, несогласное съ закономъ». Обвиняемый хотѣлъ было говорить въ свое оправданіе; но проконсулъ, примѣтивъ, что дѣло идетъ о ученіи, именахъ и законѣ

іудейскомъ—предметахъ, совершенно чуждыхъ римской политикѣ, прогналъ обвинителей отъ судилища.

Пробывъ еще немалое время въ Коринѣхъ, Павелъ въ сопровожденіи Аквилы и Прискиллы, отплылъ изъ Кенхрей (коринтской пристани на берегу Эгейскаго моря, что къ востоку) въ Сирію и остановился въ Ефесѣ. Тамошніе іудеи, услышавъ его проповѣдь, просили его помедлить у нихъ; но онъ, давъ обѣщаніе возвратиться къ нимъ, спѣшилъ въ Іерусалимъ, дабы провести тамъ наступающій праздникъ (неизвѣстно, какой). Новые спутники его (Аквила и Прискилла) остались въ Ефесѣ. Въ Іерусалимѣ, повидимому, Павелъ былъ весьма недолго и возвратился въ Антиохію, которая, бывъ мѣстомъ его посвященія на проповѣдь, была нѣкоторымъ образомъ и мѣстомъ его отдохновенія. О дѣяніяхъ его въ Іерусалимѣ евангелистъ Лука ничего не говоритъ. Вѣроятно, впрочемъ, что онъ доставилъ туда милостыни, собранныя въ Церквахъ, имъ основанныхъ. Такимъ образомъ закончилось второе апостольское путешествіе Павла.

ТРЕТІЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СВ. ПАВЛА.

Спустя немного времени, Павелъ предпринялъ изъ Антиохіи третье путешествіе апостольское (Дѣян. 18, 22). Прошедъ Фригію и посѣтивъ галатійскую Церковь, онъ, по обѣщанію своему, прибылъ въ Ефесъ. Здѣсь нашелъ онъ нѣкоторыхъ учениковъ, но не нашелъ въ нихъ того, безъ чего въ первенствующей Церкви нельзя было называться вѣрующимъ — видимыхъ даровъ Святого Духа. На вопросъ: сообщенъ ли имъ Святой Духъ послѣ крещенія? отвѣчали: «мы даже и не слышали, есть ли Духъ Святой». При дальнѣйшемъ розысканіи оказалось, что они крещены только Іоанновымъ крещеніемъ ¹⁾. Апостоль немедленно изъяснилъ имъ недостаточность

¹⁾ Кто крестилъ ихъ?—Аполлосъ? Но онъ, наученный Аквиллою и Прискиллою (Дѣян. 18, 25. 26) внушилъ бы имъ вѣру въ Іисуса Христа. Вѣроятно, это палестинскіе выходцы, которые, принявъ отъ Іоанна, или ученика его, крещеніе, оставили Іудею прежде, нежели тамъ распространилось христіанство.

сего крещенія, показавъ, что Іоаннъ крестилъ въ покаяніе, заставляя вѣровать въ грядущаго Мессію, который давно пршелъ, и есть Господь Іисусъ. Вслѣдствіе сего, ученики Іоанна снова крестились во имя Іисуса Христа. Павелъ возложилъ на нихъ руки; они исполнились Святого Духа, стали говорить иными языками и пророчествовать.

Послѣ сего учитель язычниковъ занялся, по обыкновению, проповѣдію въ синагогѣ. Іудеи спокойно слушали его въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; но потомъ вступили съ нимъ въ неблагонамѣренные споры, не устыдились даже злословить его лице и ученіе. Смиреніе проповѣдника спокойно могло переносить подобныя оскорбленія; но клеветы приводили въ соблазнъ новообращенныхъ язычниковъ, которые, вслѣдствіе прежняго уваженія къ іудейскимъ учителямъ, еще продолжали смотрѣть на нихъ, какъ на образецъ. Павелъ увидѣлъ опасность и, отдѣливъ послушныхъ учениковъ отъ упорныхъ противниковъ истины, оставилъ синагогу и избралъ мѣстомъ своей проповѣди училище одного язычника, именованнаго Тиранна ¹⁾, или уже христіанина, или расположеннаго къ христіанству. Здѣсь, будучи свободенъ отъ бесполезнаго пренія съ іудеями, онъ провелъ два года въ непрерывной проповѣди. Толь долговременное сѣяніе, совершаемое руками Павла, который не разъ сѣянное омочалъ собственными слезами (Дѣян. 20, 31), долженствовало произрастить богатую

¹⁾ Это былъ какой-нибудь софистъ, или народный учитель, каковыхъ въ греческихъ городахъ было весьма много. Что онъ не іудей, видно изъ того, что Павелъ отдѣлился отъ іудеевъ.

жатву. Такъ и было. Поелику въ Ефесѣ непрестанно стекалось множество народа, частію для торговли, частію для поклоненія Діаннѣ образу ¹⁾; то вся Азія (какъ іудей, такъ и еллины) услышала проповѣдь о Іисусѣ Христѣ.

Сила истины ученія, возвѣщаемаго апостоломъ, была подкрѣпляема силою чудесъ, которыя въ такомъ избыткѣ совершались руками Павла, что наконецъ самыя платки и полотенца, бывшія на тѣлѣ его, начали употреблять для уврачеванія болѣзней и прогнанія духовъ нечистыхъ. Это послужило поводомъ къ самому странному происшествію, въ которомъ съ одной стороны обнаружилась вся гнусность корыстолюбія, съ другой достоинство и святость чудесъ Павловыхъ.

Въ Ефесѣ было семь сыновъ какого-то іудейскаго первосвященника ²⁾ Скевы, которые, выдавая себя за повелителей духовъ нечистыхъ, обманывали легковѣрный народъ ³⁾. Наслышавшись, какъ Павелъ именемъ Іисуса Христа совершалъ чудеса, они стали употреблять сіе имя при заклинаніяхъ надъ бѣсноватыми, говоря: «заклинаемъ васъ Іисусомъ, коего Павелъ проповѣдуетъ». Усиѣхъ такового безстыдства естественно кло-

¹⁾ Strab. 14, pag. 948; Plin. His. Nat. 5, 29; Ioseph. Ant. 14, 17.

²⁾ Скева не былъ собственно первосвященникомъ іудейскимъ, а только начальникомъ одного изъ отдѣленій, на которыя раздѣлялись священники. 2 Пар. 36, 14; 1 Пар. 24, 6; Мат. 3, 4; 26, 3.

³⁾ Флавій повѣствуетъ, что искусство заклинать нечистыхъ духовъ было въ великомъ употребленіи между его соотечественниками, и что его производили отъ Соломона. Смот. Ant. 8, 11, гдѣ описывается и способъ заклинанія.

нился бы ко вреду христіанства. Промысль употребилъ въ семь случаѣ такого обличителя, какого только стоилъ обличаемые — злого духа. «Исуса», отвѣчалъ онъ на заклинанія, «я знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ; но вы кто?» Къ сей укоризнѣ присоединились жестокіе удары отъ бѣсноватаго, — и низкіе корыстолюбцы принуждены были спасать жизнь свою бѣгствомъ. Случай сей, вскорѣ сдѣлавшись извѣстнымъ въ цѣломъ Ефесѣ, усилилъ уваженіе къ христіанской религіи. Всѣ увидѣли, что даръ чудотворенія, украшавшій проповѣдниковъ оной, не есть естественная какая-либо недовѣдомая сила, которая можетъ быть подчинена произволу человѣческому и обращена въ предметъ купли; но живая сила Божія, которая оказываетъ свое дѣйствіе только тамъ, гдѣ угодно Промыслу. Особенно обстоятельство сіе подѣйствовало на нѣкоторыхъ людей, занимавшихся тайными знаніями и волшебствомъ ¹⁾: они снесли въ одно мѣсто всѣ книги свои, служившія источникомъ гибельнаго искусства, и, несмотря на великую цѣну ихъ ²⁾, предали оныя огню.

Устроивъ такимъ образомъ Церковь ефесскую, Павелъ помышлялъ о новыхъ путешествіяхъ, гораздо об-

¹⁾ Ефесъ такъ былъ богатъ сими людьми, что всюду были въ употребленіи такъ называемыя ефесскія граматки (*εφεσια γραμματα*), коимъ приписывали сверхъестественное дѣйствіе. Онѣ не заключали въ себѣ почти никакого смысла. Вотъ одна для примѣра: *ἡτοιμασθε ἑαὶ Γέτραξ δαριαρμενὺς ἄλιον*. Diogenian. Cent. 4, prov. 78; Erasmus adagg. Cent. 2, p. 578.

²⁾ Онѣ стоили 50,000 драхмъ серебра. что на наши деньги составитъ около 6,250 имперіаловъ. V. Kuinoel. Comm. in Act. Apost. ad. h. 1.

ширѣйшихъ въ сравненіи съ прежними. Именно, онъ намѣревался идти въ Коринѣъ, потомъ въ Іерусалимъ (2 Кор. 1, 15, 16); изъ Іерусалима думалъ предпринять путешествіе въ Римъ, а отсюда пройти въ Испанію (Дѣян. 19, 21; Рим. 15, 24 — 28). Въ семъ предположеніи онъ послалъ предварительно въ Македонію двоихъ сотрудниковъ своихъ, Тимофея и Ераста, повидимому (1 Кор. 16, 8), для того, чтобы они собрали приношенія различныхъ Церквей, которыя онъ долженъ былъ доставить бѣднымъ христіанамъ іерусалимскимъ.

Въ сіе время пришелъ къ апостолу изъ Коринѣа Аполлосъ (1 Кор. 16, 12), трудившійся, подобно ему, надъ обращеніемъ язычниковъ; съ нимъ пришли и нѣкоторые изъ братьевъ, чрезъ коихъ коринѣяне писали къ апостолу, прося совѣта касательно супружескаго и безбрачнаго состоянія (1 Кор. 7, 1). Отъ нихъ узналъ Павелъ о многихъ безпорядкахъ, вкравшихся въ коринѣскую Церковь, что было поводомъ къ написанію перваго посланія къ коринѣянамъ. Обличивъ въ немъ заблужденія коринѣянь, Павелъ обѣщался самъ, послѣ праздника пятидесятницы, придти въ Коринѣъ (1 Кор. 7, 18. 19; 11, 34; 16, 5—8). Посланіе отправлено было съ Стефаномъ, Фортунатомъ и Ахаикомъ: ибо Аполлосъ, съ коимъ Павлу хотѣлось послать его, не рѣшался такъ скоро возвратиться въ Коринѣъ, конечно изъ опасенія, чтобы его присутствіе снова не послужило для коринѣянь поводомъ къ разногласіямъ касательно важности учителей, отъ коихъ каждый изъ нихъ получилъ крещеніе (1 Кор. 1, 11, 12).

Въ семъ посланіи апостолъ Павелъ упоминаетъ объ одномъ обстоятельстве своего пребыванія въ Ефесѣ,

опущенномъ св. Лукою, которое весьма замѣчательно и по своему свойству, и по тѣмъ разногласіямъ, въ кон толкователи св. писанія впали при изъясненіи его. Въ 15, 32 говорится, что онъ боролся со звѣрями въ Ефесѣ. Спрашивается: въ самомъ ли дѣлѣ апостоль въ Ефесѣ былъ осужденъ на употребительную въ тѣ времена казнь сраженія съ звѣрями? Никифоръ, писатель XIV вѣка, такъ подробно описываетъ сіе сраженіе ¹⁾, какъ бы онъ самъ былъ его очевидцемъ; но его повѣствованія, въ коихъ онъ никогда не даетъ историческаго отчета, давно уже потеряли довѣріе у тѣхъ, кои въ исторіи ищутъ строгой достовѣрности. Все, что можно привести въ оправданіе сказанія Никифорова о дѣйствительномъ сраженіи апостола Павла съ звѣрями въ Ефесѣ, состоитъ въ томъ, что жизнь его въ семъ городѣ подвергалась крайней опасности, какъ явствуется изъ 2 Кор. 1, 9. Но подъ сею опа-

¹⁾ Nicephorus lib. 2, cap. 25. Вотъ сущность сказанія: разъяренный народъ заключилъ апостола въ темницу, въ намѣреніи бросить его на пищу звѣрямъ. Во время ночи Павелъ чудесно выходитъ изъ темницы для преподанія крещенія двумъ женщинамъ, и пакы возвращается, не бывъ никѣмъ примѣченъ. Левъ, пущенный на Павла, упадаетъ со смиреніемъ къ его ногамъ; то же дѣлаютъ и другіе звѣри. Необыкновенный традь убиваетъ многихъ зрителей и звѣрей, исключая льва, который убѣгаетъ въ лѣсъ; апостоль освобождается. Очевидно, что Никифоръ, или кто другой, смѣшаль два рода наказаній, совершенно различныхъ. *Θερίων* означаетъ борьбу со звѣрями, на которую осужденный выходилъ въ вооруженіи и перѣдко оставался побѣдителемъ, а не поверженіе на сѣденіе звѣрямъ: это была другая казнь. Павелъ, если принять слова его: *боролся со звѣрями*, въ собственномъ смыслѣ, осужденъ былъ на первую.

сностію, сообразно обстоятельствамъ пребыванія его въ Ефесѣ, всего приличнѣе разумѣть ту опасность, коей подвергался онъ во время возмущенія, пропзведеннаго Димитріемъ серебрянникомъ, какъ увидимъ вполсѣдствіи. Если бы Павелъ сражался въ Ефесѣ съ звѣрями: то 1) св. Лука не преминулъ бы, хотя кратко, упомянуть о семъ въ Дѣянїяхъ; 2) самъ Павелъ не пропустилъ бы сего обстоятельства при исчисленїи корничанамъ всѣхъ видовъ бѣдствїй, коимъ онъ подвергался за имя Христова (2 Кор. 11, 24—32). Притомъ древніе отцы Церкви, какъ-то: Златоустъ и Иеронимъ, коимъ исторїя Павлова, безъ сомнѣнїя, была извѣстнѣе, нежели Никпфору, принимаютъ выраженїе Павлово: *сражался со звѣрями*, за метафору. Въ самомъ дѣлѣ, это — метафора. Греки, на языкѣ копхъ писалъ Павелъ, также какъ и мы, сравнивали людей свирѣпыхъ съ звѣрями. Игнатій Богоносецъ въ посланїи своемъ къ смиряннамъ употребляетъ тоже самое слово, какое употреблено Павломъ (*θηριονοχοῦ*), разумѣя подъ нимъ свое обхожденїе съ жестокими приставниками своими. Самъ Павелъ употребляетъ подобное выраженїе въ посланїи къ Тимоою, когда говоритъ о себѣ, что онъ былъ избавленъ изъ львиныхъ челюстей, то-есть, отъ гнѣва императора римскаго (2 Тим. 4, 17).

Въ сіе же время, то-есть въ концѣ трехлѣтняго пребыванія Павлова въ Ефесѣ, должно полагать, написаны имъ посланїя къ Титу и галатамъ. Первое видно изъ того, что апостоль повелѣваетъ Титу скорѣе придти къ нему въ Никополь (Тит. 3, 12); а Титъ дѣйствительно является спутникомъ его вскорѣ по выходѣ изъ Ефеса (2 Кор. 7, 6. 7. 13),—и изъ того, что

заповѣдуетъ ему принять Аполлоса (Тит. 3, 13), который, какъ мы замѣтили, отказавшись возвратиться въ Коринѳъ, пошелъ въ Критъ. Послѣднее открывається изъ жалобы писателя на галатовъ за то, что они такъ скоро измѣнились въ вѣрѣ (Гал. 1, 6), ибо апостоль послѣтилъ, какъ мы видѣли, галатійскую Церковь на своемъ пути въ Ефесъ. Сущность посланія къ Титу состоитъ въ преподаніи ему правилъ пастырскаго благочинія, а къ галатамъ — въ защищеніи своего апостольскаго достоинства отъ клеветъ іудействующихъ лжеучителей, которые старались унижить его предъ галатами, и въ защищеніи свободы христіанской отъ ига законнаго, которое первые хотѣли возложить на послѣднихъ.

Когда такимъ образомъ Павелъ сражался вездѣ за истину, по его выраженію, *съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ* (2 Кор. 6, 7), сатана, коего онъ поразилъ въ самое сердце основаніемъ Церквей въ знаменитыхъ городахъ Азіи, приготовлялъ на него новую бурю. Ефесъ, какъ замѣчено, славился храмомъ Діаны, который, по своей огромности и несмѣтнымъ сокровищамъ, считался въ числѣ семи чудесъ свѣта ¹⁾. Корыстолюбіе художниковъ, ободряемое слѣпымъ суевѣріемъ почитателей Діаниныхъ, вымыслило искусственный подобія храма ея, который покупались молещниками, какъ иѣкая святыня. Сею работою особенно славился и обогатился нѣкоторый серебрянникъ Димитрій. Въ его-то сердце вошелъ сатана для исполненія своихъ злоумышленій на Павла. Собравъ подобныхъ себѣ ре-

¹⁾ Plin. Hist. Nat. 36, 14—16, 40.

месленплковъ, онъ описалъ имъ всю опасность, кою угрожаетъ прибыткамъ ихъ распространеніе хрстіанства. «Друзья!»—говорилъ онъ имъ,—«вамъ извѣстно, что отъ сей прибыли зависятъ все содержаніе наше; между тѣмъ вы видите и слышите, что Павелъ не только въ Ефесѣ, но и почти во всей Азіи, не малое число людей переувѣрилъ, что боги, дѣлаемые руками, не суть боги. Что выйдетъ изъ сего? То, что не только ремесло наше придетъ въ презрѣніе, но и храмъ великія богини Діаны будетъ почитаемо за ничто, и испровергнется величіе той, которую вся Азія и вселенная почитаетъ». Выслушавъ сіе, толпа корыстолюбивыхъ лицемѣровъ, исполнившись фанатическаго восторга, начала кричать: «велика Діана Ефесская!» Возмущеніе тотчасъ распространилось по всему городу. Двое изъ спутниковъ Павловыхъ (Гай и Аристархъ) были схвачены. Наступила минута рѣшительная и вмѣстѣ опасная. Являясь предъ разъяренною толпою возмутителей значило принести самого себя добровольно въ жертву ихъ лютооти; искать спасенія въ бѣгствѣ значило измѣнить истинѣ, измѣнить своимъ спутникамъ, кои находились въ величайшей опасности. Павелъ избралъ первое; но вѣрующіе удержали его. Даже асіархи ¹⁾ старались отклонить его отъ сей опасности. Между тѣмъ изъ возмутителей одни кричали одно, другіе другое: большая часть собранія не знала, въ чемъ состоитъ дѣло.

¹⁾ Областные начальники надъ играми народными и жертвоприношеніями, такъ названные отъ провинцій, имъ подчиненной: подобно какъ таковыя начальники въ Сиріи назывались сиріархами, въ Кипрѣ — кипріархами. V. Kuinöl Comm. in Acta Apost. ad XIX, 31.

Поеліку Павла почитали всѣ іудеємъ, то обвиненіе пало на іудеевъ (единственный случай, когда іудеи подверглись опасности за христіанъ, которые, по свидѣтельству исторіи, неоднократно терпѣли гоненіе за іудеевъ). Послѣдніе избрали нѣкоего Александра, который долженъ былъ защитить ихъ предъ народомъ, сложивъ всю вину на Павла. Но Промыслъ разрушилъ ихъ намѣреніе. Узнавъ, что Александръ іудей, язычники прогнали его съ зрѣлища и снова въ продолженіе двухъ часовъ кричали: «велика Діана Ефесская!» Честь утишить столь бурное волненіе народа и освободить проповѣдниковъ христіанства отъ опасности досталась одному книжнику, вѣроятно, благопріятствовавшему христіанамъ. «Граждане ефесскіе! -- сказалъ сей искусный витія, — какой же человекъ не знаетъ, что городъ Ефесъ есть служитель великія богини Діаны?... Когда же въ семъ нѣтъ спора, то надобно намъ оставаться въ покоѣ и не поступать опрометчиво; ибо вы привели сихъ людей, незамѣченныхъ ни въ святотатствѣ, ни въ хуленіи богини вашей. И такъ, если Димитрій и его товарищи имѣютъ причину жаловаться на кого-нибудь: на то есть судебныя собранія, есть проконсулы... Мы находимся въ опасности за происшедшее сегодня быть обвиненными въ возмущеніи, тогда какъ нѣтъ законной причины, кою мы могли бы оправдать сіе стеченіе народа». Успокоенное сими словами собраніе разсѣялось.

Изъ словъ книжника видно, что проповѣдники евангелія, открывая язычникамъ ничтожность ихъ истукановъ, не хулили однакоже боговъ. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ ефессяне увѣрены были въ божествѣ Діаны, то безъ нарушенія закона совѣсти не могли спокойно слу-

шать хулы на оное. Насмѣшки вообще ведутъ не къ убѣжденію, а къ досадѣ и ненависти. Когда истина ученія евангельскаго о Богѣ была признаваема, то божества языческія падали сами собою. Сей поступокъ Павла служитъ прекраснымъ примѣромъ того, какъ должно поступать съ мнѣніями другихъ касательно религіи. Наставляй, выводн изъ заблужденія, обличай; но доколѣ не переувѣришь, не издѣвайся надъ тѣмъ, что другой почитаетъ священнымъ ¹⁾).

По утишеніи мятежа, Павелъ рѣшился оставить Ефесъ. Созвавъ вѣрующнхъ и преподавъ имъ наставленіе, онъ пошелъ въ Македонію. На семъ пути онъ остановился въ Троядѣ. Здѣсь *отверзлась* для него *дверь* вѣры; но онъ, не имѣя покоя духу своему (2 Кор. 2, 12. 13), потому что не нашелъ тамъ Тита, спѣшилъ въ Македонію, гдѣ полагалъ встрѣтиться съ нимъ. Въ Македоніи онъ дѣйствительно былъ утѣшенъ свиданіемъ съ симъ ревностнымъ сотрудникомъ своего апостольства. Извѣстія, принесенныя Титомъ изъ Коринѳа, еще болѣе умножили радость апостола (2 Кор. 7, 5 — 16). Онъ узналъ, что коринѳяне приняли посланіе его со всѣмъ уваженіемъ, немедленно исправили замѣченные у нихъ безпорядки и что они готовы участвовать вмѣстѣ съ другими въ мѣлостыпѣ, собираемой для Церкви іерусалимской. Но тутъ же узналъ, что неисполненіе обѣщанія придети къ нимъ нѣкоторыми злонамѣренными

¹⁾ Иосифъ Флавій говоритъ (Ant. IV, 8 — 10), что между Моисеевыми законами (неписанными) былъ одинъ, запрещавшій іудеямъ хулить божества язычниковъ. Іудейскій историкъ заблуждался, почитая Моисея виновникомъ сего закона; но законъ стоитъ законодателя синайскаго.

людьми выставляется какъ признакъ непостоянства, и что сіи же люди стараются вообще упизнать его апостольское достоинство предъ коринтянами. *Уста его при семь, какъ онъ самъ говоритъ, отвързись къ коринтянамъ, сердце распространилось* (2 Кор. 6, 11) отъ любви къ нимъ и ревности по ихъ спасеніи, и онъ написалъ посланіе, исполненное усердія и отеческой заботы. Въ немъ апостоль представляеть истинныя причины, удержавшія его отъ путешествія въ Коринѣ, благодарить за послушаніе, защищаетъ свое апостольское достоинство и чистоту поведенія своего, побуждаетъ къ дѣятельнѣйшему участию въ милостивѣ для іерусалимскихъ христіанъ.

Изъ Македоніи Павелъ перешель въ Грецію (собственно такъ называемую) и провель въ ней три мѣсяца, вѣроятно, большею частію въ Коринѣ. Отсюда и въ сіе время написано имъ славное посланіе къ римской Церкви. Павелъ давно желалъ видѣть оную, утѣшаясь слухомъ о ея преусиѣяніи въ вѣрѣ (Рим. 1, 11. 12); но обстоятельства до сихъ поръ препятствовали ему исполнить сіе намѣреніе. Между тѣмъ онъ слышалъ, что въ римской Церкви происходятъ несогласія: язычники презирають іудеевъ, а іудеи язычниковъ. Отшествіе Фивы, кенхрейской діакониссы, въ Римъ представило ему случай писать къ тамошнимъ христіанамъ (Рим. 16, 1). Поелику разногласіе іудеевъ съ язычниками было почти общимъ недугомъ, отъ коего страдали тогдашнія Церкви, то учитель языковъ въ посланіи къ римской Церкви, какъ знаменитѣйшей между Церквями новоустроенными, пространно изложилъ свое ученіе касательно взаимнаго отношенія обрѣзанныхъ и

необрѣзанныхъ христіанъ: а сіе привело его къ изъясненію догматовъ о духовномъ безсиліи и *безотвѣтности* предъ Богомъ всего рода человѣческаго, свойствахъ вѣры оправдывающей и о тѣхъ обязанностяхъ, кои она ведетъ за собою. Посему-то посланіе къ римлянамъ всегда почиталось важнѣйшимъ изъ посланій Павловыхъ и какъ бы сокращеніемъ его ученія.

Собравъ въ Греціи приношенія всѣхъ Церквей, имъ основанныхъ, Павелъ избралъ было самый кратчайшій путь въ Іерусалимъ чрезъ Сирію; но извѣстіе о злоумышленіи іудеевъ (можетъ-быть, хотѣвшихъ воспользоваться милостынею, которую онъ несъ съ собою) заставило его предпринять другой путь чрезъ Македонію (Дѣян. 20, 3). Посѣтивъ Церковь флиппійскую, онъ достигъ Троады, гдѣ провелъ семь дней. Въ послѣдній день пребыванія (недѣльный) троадскіе христіане собрались, по обыкновенію, для общественной молитвы. Павелъ предложилъ имъ поученіе, которое простерлось до полуночи. Столь благочестивое собраніе, гдѣ, по выраженію Златоуста ¹⁾, любовь проповѣдывала, любовь и слушала, возмущено было внезапно однимъ неприятнымъ случаемъ. Одинъ юноша (Евтихъ), сидѣвшій на окнѣ, погрузился въ сонъ; окно было открыто, и онъ упалъ съ третьяго этажа. Соннаго подняли мертвымъ. Но Павелъ нашелъ въ немъ признаки жизни и успокоилъ братьевъ. За проповѣдію слѣдовала вечеря любви, потомъ опять слово вѣры, такъ что вся ночь проведена была въ бесѣдѣ. Къ утру отрока привели живого.

¹⁾ Hom. in. Act. Apost.

Съ разсвѣтомъ дня Павелъ оставилъ Троаду. Спутники его поплыли въ Ассѣ, а самъ онъ пошелъ туда пѣшкомъ, вѣроятно для того, чтобы на пути передать наставленіе вѣрующимъ. Въ Ассѣ сѣлъ онъ на корабль, и въ нѣсколько дней прибылъ въ Милетъ. Церковь ефесская осталась въ сторонѣ, ибо онъ сѣшилъ въ Іерусалимъ. Она не знала еще, что никогда не увидитъ его; но Павелъ зналъ сіе, а посему изъ Милета послалъ за ефесскими пресвитерами, дабы изъяснить имъ послѣднюю волю свою. Прощальная рѣчь его къ симъ пастырямъ есть изліяніе истинно отеческаго сердца и невольно напоминаетъ прощальную рѣчь Іисуса Христа къ ученикамъ своимъ.

«Вы знаете», говорилъ онъ, «какъ я жилъ съ вами во все время съ перваго дня, въ который пришелъ я въ Азію: служилъ Господу со всѣмъ смиреніемъ, со многими слезами, среди искушеній, случавшихся со мною по злоумышленію іудеевъ; и что я не пропустилъ ничего полезнаго, о чемъ бы не сказалъ вамъ, и чему бы не поучалъ васъ при народѣ и по домамъ. Я проповѣдывалъ іудеямъ и еллинамъ покаяніе, и обращеніе къ Богу, и вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа. И вотъ нынѣ, по влеченію Духа, иду я въ Іерусалимъ, не зная, что тамъ со мною встрѣтится; только Духъ Святой по городамъ свидѣтельствуется мнѣ, что меня ожидаютъ узы и бѣдствія. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнію, только бы совершить съ радостію свой путь и служеніе, которое принялъ я отъ Господа Іисуса, проповѣдать евангеліе благодати Божіей. И нынѣ вотъ, я знаю, что всѣ вы, между которыми я ходилъ и проповѣдывалъ царствіе Божіе, уже не уви-

дите лица моего. И потому свидѣтельствую вамъ въ сей день, что неповиненъ я въ крови всѣхъ васъ; ибо я не опускалъ возвѣщать вамъ всю волю Божию. Итакъ берегите себя и все стадо, въ которомъ Духъ Святій поставилъ васъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ себѣ кровію своею. Ибо я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и что изъ васъ самихъ явятся люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь за собою учениковъ. Итакъ бодрствуйте, помни, что я три года непрестанно день и ночь со слезами поучалъ каждого изъ васъ. А нынѣ, братія, поручаю я васъ Богу и Его благодатному слову, могущему наказать васъ болѣе, и дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами вы знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ служили сіи мои руки. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ надобно, трудясь, поддерживать слабыхъ и помнитъ слова Господа Іисуса; ибо Онъ самъ сказалъ: болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели брать».

Окончивъ увѣщаніе, Павелъ повергся на землю и молился вмѣстѣ съ вѣрующими. При мысли, что не увидятъ его болѣе, глубокая скорбь овладѣла сердцахъ всѣхъ: всѣ молчали, и всѣ плакали; наконецъ невольно разстались.

Корабль, на коемъ отплылъ Павелъ, долженъ былъ пристать въ Тиръ для выгрузки товаровъ. Нашедъ здѣсь вѣрующихъ, путешественники пробыли у нихъ семь дней. Предвидя бѣдствія, коимъ апостоль имѣеть подвергнуться въ Іерусалимѣ, тиряне молили его не

ходить въ оный: но могъ ли сдѣлать сіе Павелъ, который шелъ туда по влеченію Духа Божія? — Отшествіе его изъ Тира было отшествіемъ отца семейства: всѣ вѣрующіе, не исключая малыхъ дѣтей, провожали его до самаго берега; здѣсь, ставъ на колѣни, они спрашивали ему у Отца небеснаго счастливаго пути. Какой утѣшительный видъ для чистаго сердца Павлова! Какъ ничтожны въ сравненіи съ симъ выраженіемъ безпритворной любви всѣ пышные и принужденныя клики въ честь земныхъ исполнновъ!

Сошедъ съ корабля въ Птолемаидской пристани, путешественники вскорѣ достигли Кесаріи, гдѣ были приняты Филиппомъ, однимъ изъ числа семи діаконовъ, коего дочери, дѣвицы, обладали духомъ пророчества. Въ сіе время пришелъ въ Кесарію изъ Іудеи Аганъ, тотъ самый, который въ Антиохіи предсказалъ нѣкогда голодъ. Нашедши Павла, онъ взялъ его поясъ и, связавъ имъ руки и ноги, сказалъ, что такъ будетъ связанъ въ Іерусалимѣ владѣтель сего пояса. При сихъ словахъ кесарійскіе христіане, подобно тирскимъ, начали отклонять Павла отъ его намѣренія быть въ Іерусалимѣ. Убѣжденія растворены были слезами: такъ крѣпко они любили его! Павелъ любилъ ихъ не менѣе; но чувствованія его сердца всегда были подчинены гласу долга. Онъ зналъ, что узы, ожидающія его въ Іерусалимѣ, по намѣренію Промысла, должны послужить къ славѣ евангелія: высшаго блаженства для него не было на землѣ. «Что вы дѣлаете?» сказалъ онъ плачущимъ ученикамъ своимъ. «Зачѣмъ плачете и разстроиваете сердце мое? Я готовъ быть не только узникомъ, но и умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа

Исуса». Видя безуспѣшность своихъ прошеній, вѣрующіе наконецъ успокоились, сказавъ: «да будетъ воля Господня!»—Черезъ нѣсколько дней Павелъ прибылъ въ Иерусалимъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ учениковъ кесарійскихъ, кои хотѣли указать ему пристанище въ домѣ одного христіанина, по имени Мнасона (Дѣян. 20, 21).

Здѣсь оканчивается исторія апостольскихъ путешествій Павла. По вѣроятнѣйшему численію, они продолжались 12 лѣтъ. Пространство, измѣренное стопами апостола, начинается Аравією и оканчивается Иллирією ¹⁾. Главнымъ мѣстомъ дѣйствованія его была Малая Азія и Греція: конечно потому, что сюда стекалось множество народа изъ всѣхъ странъ свѣта, что могло лужить къ скорѣйшему распространенію христіанства.

самомъ дѣлѣ, оно столь успѣшно распространилось проповѣдію Павла, что въ посланіи къ римлянамъ можно уже было сказать: *голосъ проповѣдниковъ разнесся по всей землѣ, и слова ихъ до предѣловъ вселенная* (Рим. 10, 18). Учитель языковъ имѣлъ ревностныхъ сотрудниковъ; но они всѣ дѣйствовали по его распоряженію, большею частію поливали то, что имъ посѣяно: притомъ они были, такъ сказать, его воспитанники. Основавъ множество Церквей, Павелъ не далъ ни одной изъ нихъ письменнаго своего ученія; оно должно было сохраниться не въ книгахъ, а въ сердцахъ учениковъ

¹⁾ Рим. 15. Иллириккомъ, или Иллирією называлась страна, лежащая между Италією, Германією, Македонією и Фракією. Съ одной стороны она граничила съ Адриатическимъ моремъ, а съ другой съ Дунаемъ. Wits. Melet. Leyd. pag. 105.

его. Новообращенные слушали его, какъ самого Бога: впрочемъ онъ все уваженіе, какое было оказываемо его лицу, старался обратить въ пользу религіи; онъ желалъ, чтобы ученики его, если можно, вовсе не знали своихъ земныхъ наставниковъ, а знали одного небеснаго Учителя Іисуса Христа. «Что Павелъ?» писалъ онъ къ коринѳянамъ, «что Аполлосъ? Они только служители, посредствомъ которыхъ вы увѣровали (1 Кор. 3, 5)». Дѣйствуя именемъ Бога, онъ отъ Него единственно ожидалъ успѣха трудовъ своихъ; Ему препоручилъ возвращеніе того, что имъ было сѣяно.

УЗЫ ПАВЛА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Въ Іерусалимѣ Павелъ былъ принятъ вѣрующими со всеобщемою радостію. Первымъ дѣломъ его было раздѣленіе милостыни, принесенной бѣднымъ братьямъ. На другой день онъ посѣтилъ апостола Іакова, тогдашняго предстоителя іерусалимской Церкви, куда собрались и всѣ пресвитеры, желая слышать отъ него объ успѣхахъ христіанства. Павелъ рассказывалъ подробно о всемъ, что сотворилъ Богъ у язычниковъ посредствомъ его проповѣди. Всѣ слушали съ удовольствіемъ и славили Бога, призрѣвшаго благодатію своею и на бѣдныхъ язычниковъ. Пресвитеры съ своей стороны увѣдомили Павла о состояніи іерусалимской Церкви. «Многія тысячи іудеевъ», говорили они, «признали Іисуса Христа Мессіею, но продолжаютъ крѣпко держаться закона Моисеева. Всѣ они наслышались о тебѣ, что ты противнаго образа мыслей и учишь отступленію отъ Моисея, запрещая обрѣзаніе ¹⁾). Всего вѣроятнѣе,

¹⁾ Обвиненіе сіе было несправедливо. Апостолъ не запрещалъ іудеямъ обрѣзываться; училъ только, что язычники не должны сего дѣлать, и что обрѣзаніе вообще есть вещь безразличная.

что сіи ревнители закона обратятъ все вниманіе на твое поведеніе въ ІерусалимѢ. Итакъ, послѣдуй нашему совѣту: у насъ есть четыре человѣка, которые дали обѣтъ Богу; присоединись къ нимъ и возьми на себя ихъ издержки для жертвоприношенія ¹⁾. Такимъ образомъ узнаютъ всѣ, что слышанное ими о тебѣ не правда, и что ты продолжаешь соблюдать законъ. Впрочемъ, — продолжали они, мы далеки отъ того, чтобы лишитъ свободы христіанской обращенныхъ язычниковъ; въ отношеніи ихъ мы постоянно держимся прежняго положенія нашей Церкви: но что касается до іудеевъ, то почитаемъ за пужное не соблазнять ихъ неуваженіемъ къ закону».

Павель, который твердо зналъ, что и обрѣзаніе и необрѣзаніе для христіанина ничто, а важна вѣра, споспѣшествуемая любовію, и что главный долгъ свободы христіанской — не соблазнять слабыхъ совѣстію, быть съ іудеемъ какъ іудей, съ язычникомъ какъ язычникъ, охотно послѣдовалъ совѣту братьевъ. Уже наступилъ седьмой день, когда надлежало окончиться обѣту, въ коемъ участвовалъ Павель, жертвоприношеніемъ во храмъ. Апостоль явился туда, — но для того только, чтобы самому содѣлаться жертвою непредвидѣннаго возмущенія. Казалось, что самъ Промыслъ,

¹⁾ У іудеевъ почиталось признакомъ особенной набожности, если кто такимъ образомъ участвовалъ въ чужихъ обѣтахъ. Участвующій могъ, если хотѣлъ, подобно общавшимся, воздерживаться отъ употребленія извѣстныхъ снѣдей и питія: въ противномъ случаѣ участіе состояло только въ принятіи на себя издержекъ, съ коими соединенъ былъ обѣтъ. *Ioseph. Ant.* 19, 6; *Bell. Iud.* 2, 15, 1.

избравшій сію минуту для лишенія его свободы, не хотѣлъ, чтобы учитель язычниковъ, первѣйшій защитникъ свободы христіанской, явился въ видѣ почитателя сѣни законной въ томъ храмѣ, который давно уже потерялъ истинное свое значеніе. Онъ тотчасъ былъ замѣченъ нѣкоторыми изъ азіатскихъ іудеевъ, которые пришли въ Іерусалимъ для поклоненія. Въ памяти сихъ суевѣрныхъ людей мгновенно возбуждился всѣмъ тѣмъ случаемъ, въ коихъ Павелъ казался имъ презрителемъ отечественнаго закона. И сей врагъ Бога и Моисея—въ глазахъ ихъ осмѣлился войти въ святилище, съ явнымъ или тайнымъ, какъ они думали, презрѣніемъ святыни его!—Въ жару безразсудной ревности они полагали, что онъ вводилъ съ собою въ храмъ и язычниковъ, коими видѣли его недавно окруженнымъ. «Израильтяне!» воскликнули сіи безразсудные люди, «помогите: вотъ человекъ, который повсюду всѣхъ учитъ противъ народа еврейскаго, закона и сего священнаго мѣста; который осквернилъ храмъ, введши въ него язычниковъ». Воиль сей разнесся по всему городу; со всѣхъ сторонъ стеклись толпы народа, и безъ того во множествѣ окружавшаго храмъ. Многіе помнили еще измѣну Павла іудейству на пути въ Дамаскъ; всѣ слышали о его проповѣди между язычниками, которая также почиталась измѣною. Мнимый врагъ религіи Моисеевой былъ схваченъ и извлеченъ изъ храма, который тотчасъ заперли, повидимому для того, чтобы онъ не пользовался правомъ прибѣжища къ алтарю (1 Цар. 1, 50; 2, 29).

Но прибѣжищемъ Павла былъ Тотъ, Кто въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ. Гонимый обрѣзанными,

опъ спасенъ былъ отъ смерти язычниками, какъ-бы въ благодарность за его апостольское служеніе язычникамъ. Римская стража, особенно во время праздниковъ, тщательно наблюдала за всѣмъ, что происходило въ народѣ; часть ея была и при храмѣ ¹⁾: посему о происшедшемъ возмущеніи тотчасъ дано было знать тысященачальнику. Появленіе его съ вооруженными воинами принудило враговъ Павловыхъ остановиться. Онъ былъ взятъ подъ стражу и обремененъ цѣпями. Поеліку въ обвиненіе его одни кричали то, другіе другое, то тысященачальникъ велѣлъ его отвести въ крѣпость ²⁾, дабы впослѣдствіи разсмотрѣть дѣло. Мятежники преслѣдовали его до самаго входа въ крѣпость, такъ что воины должны были нести его на рукахъ, дабы онъ не былъ растерзанъ ими до суда. Павелъ просилъ позволенія у тысященачальника сказать ему вѣчто: сей, услышавъ, что онъ говоритъ по-гречески, подумалъ было, что онъ тотъ самый египтянинъ, который незадолго предъ тѣмъ произвелъ возмущеніе противъ римлянъ и сдѣлался виною многихъ убійствъ и грабежей ³⁾; но вышелъ изъ заблужденія, когда узналъ,

¹⁾ Ioseph. Ant. 20, 4, 3; Bell. Iud. 5, 5, 8.

²⁾ Она находилась близъ храма, на горѣ Моріагъ и названа Иродомъ Великимъ въ честь Антонія Антоніевою. Ioseph. Bell. Iud. 20, 4, 3.

³⁾ Сей египтянинъ, по сказанію Флавія, собравъ толпу праздныхъ и предприимчивыхъ людей, вывелъ ихъ на гору Елеонскую, съ обѣщаніемъ, что по слову его падутъ стѣны іерусалимскія. По вмѣсто паденія стѣнъ на нихъ начало войско, посланное отъ Феликса; разбитый лжепророкъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Ant. 20, 8; Bell. Iud. 2, 13.

что узникъ его происходить изъ Киликіи, и никогда не думалъ быть главою заговорщиковъ.

Обвиняемый просилъ дозволенія говорить къ народу. Римлянинъ согласился, и онъ, въ намѣреніи возбудить вниманіе къ себѣ, началъ говорить употребительнымъ въ тѣ времена нарѣчіемъ іудейскимъ (сиро-халдейскимъ, или арамейскимъ). Средство сіе подѣйствовало: народъ умолкъ. Павелъ представилъ кратко исторію своей жизни, приводилъ на память, что онъ былъ упорнымъ гонителемъ христіанства, но выведенъ изъ своего заблужденія чудеснымъ явленіемъ ему Іисуса Христа; ссылаясь на божественное откровеніе, вслѣдствіе коего онъ сдѣлался апостоломъ для язычниковъ. Едва онъ пропзнесъ послѣднее слово, какъ сердца іудеевъ снова закипѣли яростію; не хотѣли болѣе слушать того, кто благопріятствовалъ необрѣзаннмъ, вопреки выгодамъ потомковъ Авраамовыхъ. Со всѣхъ сторонъ раздались тысячи голосовъ къ военачальнику: «истреби отъ земли таковаго; не должно ему жить!»

Столь неудачное слѣдствіе Павловой бесѣды и новое ожесточеніе мятежнаго народа, коего спокойствіе было первымъ предметомъ попеченія для римскихъ правителей, расположили тысященачальника къ строгимъ мѣрамъ. Онъ велѣлъ Павла подвергнуть пыткамъ, желая вывѣдать чрезъ сіе истинную причину всеобщаго негодованія на него. Павелъ никогда не отрекался претерпѣть самую смерть для славы Божіей. Но мученія, коимъ онъ теперь долженъ былъ подвергнуться, не могли принести никакой пользы евангелію: посему онъ рѣшился освободить себя отъ нихъ правомъ римскаго гражданина. «Развѣ можно бить римскихъ граж-

данъ, да и безъ суда?» спросилъ онъ своихъ будущихъ мучителей. Произнесть сіи слова значило остановить весь судъ. Сотникъ въ страхѣ спѣшилъ съ извѣстіемъ къ тысященачальнику. «Что ты хочешь дѣлать?» говорилъ онъ, «это римскій гражданинъ». Последній очень хорошо зналъ цѣну римскаго гражданства, заплативъ за него великую сумму (Дѣян. 22, 28). Увѣрившись въ истинѣ Павловыхъ словъ, онъ велѣлъ отложить не только пытку, но и узы.

Не оставалось другого средства разобрать дѣло, какъ заставить обвинителей говорить въ присутствіи обвиняемаго, и обратно. Назначено общее собраніе, въ коемъ должны были присутствовать первосвященники и весь синедріонъ. Павелъ безтрепетно выступилъ, дабы защищать имя Іисуса предъ людьми, отъ коихъ онъ нѣкогда домогался полномочія гнать Его. Чувство собственной невинности, желаніе перелить его въ сердца своихъ соотечественниковъ, все еще любезныхъ для него, исполнило всю его душу. «Братія!» воскликнулъ онъ, «я со всею чистотою совѣсти жилъ предъ Богомъ даже до сего дня». Сей голосъ искренности могъ тронуть всякаго; но въ собраніи не было сердець, способныхъ внимать ему. Первосвященникъ Ананія первый почелъ слова сіи выраженіемъ дерзости и приказалъ Павла бить по устамъ. Столь явная несправедливость исторгла изъ сихъ кроткихъ устъ строгій упрекъ: «Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная (лицемѣръ)! Ты сидишь, дабы судить меня по закону, а вопреки закону велмишь бить меня?» Предстоящіе изумились: Ананія былъ первосвященникъ, а Павелъ назвалъ его подбѣленною стѣною! «Какъ!» возразили нѣкоторые, «ты

злословишь первосвященника Божія?» — «Я не зналъ, братія, — отвѣчалъ Павелъ, — что онъ первосвященникъ; ибо въ писаніи сказано: начальствующаго въ народѣ твоёмъ не злословь (Исх. 22, 28)». Таковъ отвѣтъ совсѣмъ не былъ хитрымъ оборотомъ, какъ представляютъ его себѣ ¹⁾. Прежній первосвященникъ, извѣстный Павлу, пли уже не былъ въ живыхъ, или давно пересталъ быть первосвященникомъ. Корыстолюбіе римскихъ правителей часто перемѣняло преемниковъ Аароновыхъ; иногда въ продолженіе одного года являлось ихъ по два и болѣе. Таковыя перемѣны апостолу, удаленному отъ Іерусалима, могли быть вовсе неизвѣстны. Одежда первосвященника отличала его отъ прочихъ только въ храмѣ ²⁾. А посему весьма возможно, что Павелъ не зналъ о первосвященствѣ Ананіи ³⁾.

Но жестокія укоризны противъ судіи вообще приличны-ли подсудимому, христіанину, апостолу? Возра-

¹⁾ Такъ, многіе (Camerarius, Thiessius, Heinrichsius) полагаютъ, что слова Павловы: *я не зналъ, что онъ первосвященникъ*, суть пропія и заключаютъ въ себѣ слѣдующую мысль: онъ поступаетъ не такъ, какъ должно первосвященнику. Другіе находили въ нихъ другой смыслъ: я не признаю первосвященникомъ того, кто достигъ первосвященства незаконнымъ образомъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ Павлу надлежало-бы сказать не *οὐκ ᾔδειν*, а *οὐκ οἶδα τοῦτον ἀρχιερέα*. Притомъ таковымъ отвѣтомъ апостоль еще болѣе раздражилъ-бы противъ себя своихъ судей, чего онъ, какъ показываютъ всѣ слова его, старался избѣжать.

²⁾ Joseph. Ant. 6, 15; Braunius de Vest. Sacerd. Hebr. 2, 26.

³⁾ V. Gatackeri Miscell. sacr. 1, 6; Wolfius in Curis, Witsius in Melet. Leyden.

женіе сіе казалось столь сильнымъ даже нѣкоторымъ отцамъ Церкви ¹⁾, что они признавали на сей случай въ Павлѣ неумѣстный порывъ оскорбленнаго сердца. Напрасно! Должно думать, что Павелъ поступилъ въ семъ случаѣ не какъ обыкновенный человѣкъ, а какъ посланникъ Божій; а извѣстно, что пророки имѣли право обличать всѣхъ въ преступленіяхъ (3 Цар. 18, 18; 4 Цар. 3, 13; Ис. 1, 10—23; Езек. 21, 25). Опытъ показалъ, что его укоризна дѣйствительно произнесена была въ пророческомъ духѣ; ибо впоследствии, когда возмутители, подъ предводительствомъ Менахема, овладѣли Іерусалимомъ, Апанія, скрывавшійся въ водопроводѣ, былъ пойманъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Гизкіею ²⁾. Іисусъ Христосъ заповѣдалъ, чтобы послѣдователи Его готовы были подставить правую ланиту, когда ударяютъ ихъ въ лѣвую (Матѣ. 5, 24); но симъ требуетъ Онъ отъ нихъ только удаленія отъ мщенія, а не такого молчанія, коимъ питается дерзость людей нечестивыхъ. Павелъ вѣрнѣе всякаго исполнялъ волю Іисуса Христа въ семъ отношеніи, ибо онъ самъ говоритъ о себѣ: «злословятъ насъ, а мы благословляемъ; насъ гонятъ, а мы терпимъ; насъ хулятъ, мы молимся (2 Кор. 4, 12, 13)». Но въ настоящемъ случаѣ онъ поступилъ по примѣру Іисуса Христа, который также обличилъ несправедливость ударившаго Его прежде осужденія.—Но если такъ, то зачѣмъ Павелъ извиняетъ свой поступокъ?—Для того, чтобы устранить подозрѣніе, яко-бы онъ нару-

¹⁾ Иеропиму, contra Pelag. 3, init. Августину, epist. 5, pag. 23.

²⁾ Ioseph. Bell. Iud. 2, 17, 9

шилъ законъ, повелѣвающій не злословить первосвященника ¹⁾.

Послѣ укоризны, сдѣланной Ананіи Павломъ, надлежало отложить совершенно надежду на успѣхъ отъ обыкновеннаго защищенія своего дѣла. Раздраженное самолюбіе первосвященника неспособно было ни видѣть, ни слышать истины; прочіе судіи, безъ сомнѣнія, были большею частію его угодниками. Павелъ нашелъ другой способъ обнаружить свою невинность, по крайней мѣрѣ, предъ римскимъ судіею, который уже долженъ былъ принимать въ немъ дѣятельное участіе, какъ въ гражданинѣ римскомъ. Толпа обвинителей его состояла изъ фарисеевъ и саддукеевъ; тѣ и другіе думали совершенно различно о важнѣйшихъ предметахъ религіи: первые допускали воскресеніе и бытіе духовъ, послѣдніе отвергали оба сіи догмата ²⁾. Въ семь-то разногласіи обвинителей обвиняемый нашелъ себѣ надежное убѣжище. «Братія!» сказалъ онъ, «я фарисей и сынъ фарисея; меня судятъ за чаяніе воскресенія мертвыхъ ³⁾». Если-бы іудеи способны были судить хладно-

¹⁾ При семъ должно примѣтить, что Ананія былъ человекъ самыхъ худыхъ свойствъ и достигъ первосвященства куплею и происками. Joseph. Ant. 28, 8.

²⁾ Дѣян. 23, 8; Joseph. Ant. 17, II.

³⁾ Правду-ли сказалъ Павелъ? — Правду. Ибо воскресеніе мертвыхъ, и въ особенности воскресеніе Иисуса Христа, составляло главный предметъ его проповѣди (Дѣян. 17, 18), такой догматъ, съ опроверженіемъ коего падало все христіанство (1 Кор. 15, 13, 14); а его судили главнымъ образомъ за то, что онъ христіанинъ и проповѣдуетъ Иисуса Христа. Павелъ умалчиваетъ здѣсь о другихъ частныхъ причинахъ несправедливости къ нему іудеевъ, которые

кровно, то они въ семь случаѣ обратили-бы вниманіе на прочіе члены ученія Павлова, дабы видѣть, точно-ли онъ не болѣе, какъ фарисей. Но такая хладнокровность была несомнѣстна съ ихъ опрометчивымъ характеромъ. Секта фарисейская, не противорѣча самой себѣ, не могла не принять подъ свою защиту человѣка, котораго осуждаютъ за то, чему она вѣритъ. Сильнѣе всего располагала фарисеевъ въ пользу Павла ихъ закоренѣлая ненависть къ саддукеямъ. Защищеніе его представляло ей самую пріятную пищу. Произошелъ сильный споръ между обѣими сектами. Фарисей въ жару энтузіазма объявляли невиннымъ Павла и въ томъ случаѣ, если-бы онъ училъ чему-нибудь новому, предполагая, сообразно началамъ своей секты, что, можетъ-быть, онъ удостоился божественнаго откровенія. Взаимное ожесточеніе спорящихъ сторонъ подвергало Павла новой опасности. Саддукеи, имѣя на своей сторонѣ первосвященника, могли безъ суда растерзать его на части. Римскій военачальникъ примѣтилъ сію опасность и велѣлъ воинамъ проводить его въ крѣпость.

Что должно было происходить въ сіе время въ душѣ Павла? Вся нація, любезнѣйшая для него нація,

преслѣдовали его особенно за то, что онъ распятаго ими Іисуса признавалъ Мессією, почиталъ обрядовый законъ ненужнымъ ко спасенію и пр. Но умолчаніе не есть ложь; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно не только позволяется, но и одобряется нравственнымъ закономъ. Павелъ, конечно, разъяснилъ-бы впоследствии и то, что имъ въ началѣ умолчано, если-бы судіи его потребовали разъясненія. Но когда они не сдѣлали сего, то не онъ виноватъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, а они сами.

въ лицѣ вождей своихъ почитала его врагомъ своимъ и искала его смерти у судіи римскаго. Онъ не видѣлъ никакого средства разувѣрить ее въ семь прискорбномъ для его сердца заблужденіи; принужденъ былъ, оставя отеческіе законы, священные для каждаго патриота, прибѣгнуть къ праву римскаго гражданина—убѣжищу, ненавистному для его согражданъ, кои уже въ полной мѣрѣ чувствовали тягость римскаго ига, не совсѣмъ пріятному, безъ сомнѣнія, и для Павла, который вмѣнялъ въ тщету и не такія пріобрѣтенія, какъ римское гражданство. Сколько и другихъ мыслей могли волновать душу апостола, особенно если предположить, что благодать Божія предоставила его въ семь случаѣ (какъ сіе бываетъ съ людьми самыми высокими въ святости) силамъ собственнаго немощнаго естества человѣческаго. Какъ-бы то ни было, но духъ Павловъ ослабѣлъ въ сіе время и имѣлъ нужду въ подкрѣпленіи; посему въ слѣдующую ночь ему явился самъ Іисусъ Христосъ и сказалъ: «дерзай, Павелъ; ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ и въ Римѣ свидѣтельствовать». Утѣшеніе истинно апостольское, или паче божественное! Павла тяготили не узы, но невозможность проповѣдывать евангеліе; и вотъ ему обѣщается исполненіе любимаго его желанія—проповѣдывать Іисуса Христа въ столицѣ міра! Большой отрады и не желалъ онъ въ сей жизни.

Въ слѣдующій день составилъ противъ Павла самый гнусный заговоръ. Болѣе сорока человѣкъ, едва ли не подущенные Ананією, заклили себя (*ἀναθέματι ἀναθέματι σαυτοῦ*) не вкушать пищи, доколѣ не успѣютъ

лишить его жизни ¹⁾). Обѣтъ сей открытъ былъ ими верховному совѣту іудейскому, который не только одобрилъ сей умыселъ, но взялся споспѣшествовать его исполненію, то-есть, взялся быть орудіемъ злодѣевъ!—Таковы уже были въ сіе время вожди народа, нѣкогда возлюбленнаго Богомъ!—Согласились потребовать у тысященачальника на судъ Павла, какъ бы для дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла, въ самой же вещи для того, чтобы дать случай заговорщикамъ напасть на него. Но дѣла тьмы рѣдко не измѣняютъ сами себѣ. Молодые заговорщики были нескромны; Павелъ былъ извѣщенъ о ихъ злоумышленіи отъ одного юноши, своего племянника. Увѣренный явленіемъ Іисуса Христа, что ему надлежитъ быть въ Римѣ, онъ могъ спокойно ожидать отъ Промысла разрушенія заговора; но онъ зналъ, что Промыслу угодно, дабы мы употребляли и естественныя средства для своего спасенія,—зналъ, что ожидать во всякомъ случаѣ чудодѣйственной помощи свыше—значитъ искушать Бога. Посему чрезъ того же юношу немедленно извѣстилъ о своей опасности тысященачальника. Сей слишкомъ увѣренъ былъ въ мятежномъ нравѣ іудеевъ, чтобы не повѣрить донесенію юноши; притомъ онъ уже видѣлъ опытъ ихъ безумной ненависти къ Павлу. Съ другой стороны, безъ всякой нужды подвергнуть римскаго гражданина опасности было предо-

¹⁾ Павелъ желалъ быть самъ анаемомъ, только бы получили спасеніе іудей, его братія по плоти (Рим. 9, 1—4), а сіи жестокосердые братія подвергаютъ себя добровольно анаемѣ, если не убьютъ Павла! Какая противоположность! *Tantum religio, замѣ- часть одинъ писатель, potuit suadere, si Paulum spectas, bonorum, si hostes ipsius, malorum!* Witsius Melet. Leyd. pag. 121.

судительно для того, кто самъ столько дорожилъ симъ титломъ. Вего благоразумнѣе казалось отправить узника къ іудейскому прокуратору, находившемуся тогда въ Кесаріи, коего суду и безъ того принадлежало дѣло Павлово по своей важности. Такъ и сдѣлано. Тысященачальникъ, призвавъ къ себѣ двухъ сотниковъ, велѣлъ имъ приготовить двѣсти воиновъ пѣшихъ, семьдесятъ конныхъ и двѣсти тѣлохранителей, чтобы съ третьяго часа ночи идти въ Кесарію; велѣлъ также приготовить ослонъ, чтобы, посадивъ Павла, въ безопасности препроводить его къ Феликсу. Подъ столь сильнымъ прикрытіемъ ¹⁾ Павелъ въ слѣдующую ночь былъ отвезенъ въ Антипатриду. Поелику дальнѣйшій путь, по причинѣ отдаленности отъ Іерусалима, былъ менѣе опасенъ для узника, то тѣлохранители и пѣшіе воины возвратились отсюда въ Іерусалимъ, предоставивъ охраненіе его однимъ коннымъ воинамъ. По прибытіи въ Кесарію, Павелъ немедленно былъ представленъ Феликсу вмѣстѣ съ письмомъ отъ тысященачальника слѣдующаго содержанія ²⁾:

¹⁾ Оно нужно было потому, что къ заговорщикамъ, конхъ число само по себѣ было немаловажно, а дерзость отчаянна, могли присоединиться другіе фанатики.

²⁾ Евангелистъ Лука передаетъ только сущность письма, а не самое письмо. Слово *τύπος*, которое въ нашемъ руссiйскомъ переводѣ переложено *содержаніемъ*, а въ славянскомъ *образомъ*, означаетъ легкое очертаніе какого-нибудь предмета и протнвополагается изображенію точному, подлинному: τῶ ἱκρίβει (Plat. Polit. 3, pag. 414). Дѣйствительно, невѣроятно, чтобы подлинное письмо Лисія перешло въ руки Павла или Луки. Но содержаніе его могло быть извѣстно Павлу, а отъ него Лукѣ.

«Клавдій Лисій достопочтенному правителю Фелпксу желаетъ здравствовать.

«Сего человѣка, котораго іудеи схватили и готовы были убить, я, пришедши съ воинами, отнялъ, узнавъ, что онъ гражданинъ римскій. Потомъ, желая узнать, въ чемъ обвиняли его, привелъ его въ синедріонъ ихъ, и нашель, что его обвиняють въ нѣкоторыхъ спорныхъ мнѣніяхъ, относящихся до закона ихъ, но что нѣтъ въ немъ никакой вины, достойной смерти или оковъ. А какъ до меня дошло, что іудеи на него злоумышляли, то я немедленно послалъ его къ тебѣ, объявивъ и обвинителямъ, чтобы они говорили на него предъ тобою. Прощай».

Прочтавъ письмо сіе, Фелпксъ спросилъ Павла, изъ какой онъ области, и, узнавъ, что онъ кликіянинъ, сказалъ: «я выслушаю тебя, когда явятся обвинители». До того времени велѣно Павлу находиться подъ стражею въ Иродовой преторіи ¹⁾.

Черезъ пять дней обвинители явились, имѣя при себѣ, для большаго успѣха въ своемъ дѣлѣ, судебного оратора, именемъ Тертулла. Наемный защитникъ лжи, величая Фелпкса миротворцемъ и благодѣтелемъ іудейской страны (который, по свидѣтельству Тацита, съ властію царскою соединялъ сердце раба и очернилъ память свою многими злодѣйствами ²⁾), обвинялъ Павла

¹⁾ Дворецъ Иродовъ, который потомъ сдѣлался жилищемъ римскаго правителя. При дворцахъ главныхъ правителей находились мѣста для содержанія узниковъ. V. Kuinöl. Comment. ad Act. Apost. Cap. 23, 35.

²⁾ Annal. 11.

въ возмущеніи народнаго благоденствія, въ пренебреженіи закона и оскверненіи храма іудейскаго. Іудеи единогласно засвидѣтельствовали истину его словъ. Фелпксъ далъ знакъ, чтобы Павелъ отвѣчалъ; и онъ началъ говорить такъ:

«Какъ я знаю, что ты многіе годы (справедливо) судишь сей народъ ¹⁾, то тѣмъ свободнѣе могу я говорить въ защищеніе себя. Ты можешь знать, что не болѣе двѣнадцати дней тому, какъ я пришелъ въ Іерусалимъ для поклоненія ²⁾. И они не находили, чтобы я съ кѣмъ-либо спорилъ въ храмѣ или производилъ народное возмущеніе въ синагогахъ или по городу; и они не могутъ доказать того, въ чемъ нынѣ обвиняютъ меня. Но въ томъ признаюсь я тебѣ, что подлинно тѣмъ образомъ богопочитанія, который они называютъ ересію, служу Богу отцовъ моихъ, вѣруя всему написанному въ законѣ и пророкахъ, имѣя надежду на Бога (чего и они сами ожидаютъ), что будетъ воскресеніе мертвыхъ, праведныхъ и неправедныхъ».

Такимъ образомъ Павелъ не скрывалъ сущности дѣла, своего образа мыслей и отношенія христіанства къ іудейству, и не думалъ, какъ клеветалъ нѣкогда Оробій ³⁾, обманывать своихъ судей тѣмъ, что онъ продолжаетъ держаться іудейства въ прескнемъ его видѣ.

«Для сего и подвизаюсь я, чтобы имѣть всегда неукоризненную совѣсть предъ Богомъ и людьми».

¹⁾ По счету Уссерія, Фелпксъ правилъ Іудеею до сего времени уже десять лѣтъ.

²⁾ А не для оскверненія храма, какъ клеветалъ Тертулль.

³⁾ Orob. Script. 3, Num. 3, pag. 139, 140.

Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія моего, я пришелъ отдать милостыню народу моему и приношенія».

Чего, конечно, никогда не сдѣлалъ бы врагъ іудейской націи и религіи.

«Между тѣмъ нашли меня очистившагося въ храмѣ, не съ толпою народа и не съ шумомъ. Это были азійскіе іудеи, коимъ надлежало бы предстать предъ тебѣ и обвинять меня, сжали что на меня имѣють».

Требованіе совершенно справедливое, безъ исполненія коего нельзя было и судить Павла.

«Или пусть сін самые скажутъ, нашли ли они во мнѣ какую вину, когда я стоялъ предъ синедріономъ. Развѣ только вина моя въ одномъ словѣ, которое я громко сказалъ, стоя предъ ними: я сегодня судимъ предъ вами за ученіе о воскресеніи мертвыхъ».

То-есть, развѣ меня захотятъ осудить совершенно невинно.

Феликсъ, который уже изъ письма Лисія ясно видѣлъ невинность Павла, тотчасъ примѣтилъ, что обвинители его дѣйствуютъ по одной злобѣ; но образъ судопроизводства требовалъ, чтобы клеветы, взводимыя на него, были рассмотрѣны законнымъ порядкомъ. Надлежало узнать, точно ли ересь Назорейская, въ коей признавался Павелъ, была противна закону Моисееву, неприкосновенность коего римская политика брала подъ свою защиту, и точно ли онъ производилъ возмущеніе въ народѣ. О послѣднемъ долженъ былъ дать свидѣтельство Лисій. Итакъ Феликсъ въ ожиданіи сего тысяченачальника, отпустилъ первосвященниковъ и старѣйшинъ, собственно говоря, ни съ чѣмъ. Павелъ остался подъ стражею, которая, по приказанію проку-

ратора, ослаблена была до того, что онъ имѣлъ полную свободу видѣться съ своими знакомыми и получать отъ нихъ все нужное.

И собственное любопытство слышать начальника (какъ называлъ Тертуллъ Павла) новой ереси, которая начинала уже обращать на себя всеобщее вниманіе, а болѣе, вѣроятно, Феликсовой жены Друзиллы, которая, какъ іудейка и знатнаго происхожденія ¹⁾, могла принимать живое участіе въ дѣлѣ Павла, въ коемъ участвовалъ весь синедрионъ, расположили прокуратора слышать проповѣдь о христіанской религіи. Павелъ былъ позванъ для сего предъ Феликса и Друзиллу. Развращенный язычникъ спокойно и со вниманіемъ слушалъ проповѣдника, когда онъ говорилъ о жизни и чудесахъ Иисуса Христа. Повѣствованіе сіе находило себѣ въ его памяти удобное мѣсто въ ряду съ извѣстными разсказами о полубогахъ. Но когда Павелъ началъ разсуждать о чистотѣ, воздержаніи, справедливости и о будущемъ судѣ, то Феликсъ пришелъ въ страхъ, язвы совѣсти его раскрылись, онъ не могъ долѣе слушать и отпустилъ Павла, сказавъ: «теперь поди; а когда буду имѣть время, позову тебя». О преступное отлагательство!—воскликаетъ при семъ случаѣ блаженный Августинъ, — о слова, исполненія вражды

¹⁾ Она была дочь Ирода Агриппы старшаго, который обручилъ было ее Антиоху Епифану, подъ условіемъ его обращенія къ іудейству. Joseph. Ant. 19, 9, 1. Но поелику Антиохъ не устоялъ въ обѣщаніи, то братъ ея Агриппа младшій отдалъ ее въ супружество Агизу, царю емесенскому. Ant. 20, 7. Феликсъ, прельщенный красотою Друзиллы, убѣдилъ ее, оставивъ мужа, вступить съ нимъ въ бракъ. Ant. 20. 7.

на благодать Божию! Любовь къ міру, разсѣянность, непрестанныя забавы никогда не позволяютъ снова найти удобнаго времени; пренебреженная благодать удалится, и грѣшникъ пробудится отъ своего усыпленія развѣ только въ адѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Феликсъ уже не чувствовалъ въ послѣдствіи благотворнаго страха въ совѣсти, хотя часто призывалъ къ себѣ и слушалъ Павла. Невинность узника совершенно была ясна для него. Онъ готовъ былъ возвратить ему свободу; ожидалъ только награды за свое правосудіе. Узы и рубища Павловы не могли питать надежды въ корыстолюбивомъ сердцѣ. Но онъ слышалъ отъ самого Павла о деньгахъ, принесенныхъ имъ въ Іерусалимъ; полагалъ, безъ сомнѣнія, что и назорей (христіане) не пожалѣютъ сокровищъ, дабы доставить свободу своему начальнику. Напрасно! Павелъ разсуждалъ о правосудіи, воздержаніи, судѣ, но ни слова о томъ, чего хотѣлось корыстолюбцу. Протекло два года. Феликсъ долженъ былъ уступить мѣсто свое Фесту Порцію. Желая угодить іудеямъ, онъ оставилъ Павла въ узахъ; но и въ семъ, несчастный, обманулся: ибо они, по удаленіи его отъ должности, тотчасъ явились въ Римъ съ жалобами на его жестокости ¹⁾).

Съ новымъ прокураторомъ ожила надежда враговъ Павловыхъ. Едва онъ явился въ Іерусалимъ, они предстали предъ него съ жалобами. Сначала требовали смертнаго приговора; но получивъ отвѣтъ, что у римлянъ нѣтъ обыкновенія осуждать человѣка безъ разсмотрѣнія его вины, просили вызвать Павла изъ Ке-

¹⁾ Joseph. Ant. Lib. 20, cap. 7.

саріи въ Іерусалимъ, имѣя намѣреніе умертвить его на пути. Фестъ обѣщаль разсмотрѣть дѣло, но — въ Кесаріи, куда приглашалъ явиться и обвинителей. Они явились, взошли на Павла самия тяжкія вины, но безъ доказательствъ. Обвиняемый рѣшительно и спокойно отвѣчалъ, что онъ не сдѣлалъ никакого преступленія ни противъ народа іудейскаго, ни противъ храма, ни противъ кесаря. Фестъ, желая пріобрѣсть благосклонность іудеевъ, предложилъ Павлу, не согласится ли онъ, чтобы его дѣло было разсмотрѣно въ Іерусалимѣ, какъ того недавно требовали враги его. Согласиться на сіе значило предать себя въ жертву ихъ ярости и коварству. «Я требую суда у кесаря», отвѣчалъ Павелъ. Это значило, что онъ не хочетъ быть судимъ областными правителями и пользуется правомъ римскаго гражданина. Фестъ, поговоривъ по обыкновенію съ совѣтниками своими, сказалъ: «ты потребовалъ суда у кесаря, и отправившись къ кесарю».

Между тѣмъ какъ Фестъ ожидалъ случая отправить Павла вмѣстѣ съ другими узниками къ кесарю, для поздравленія его съ должностію іудейскаго правителя прибылъ въ Кесарію Агриппа, царь халкидскій ¹⁾. Вмѣстѣ съ нимъ прибыла и знаменитая красотою сестра его Вереница, которая, послѣ развода съ Полемономъ, царемъ виликійскимъ, жила у Агриппы ²⁾. Прибытіе

¹⁾ Правнукъ Прода Великаго, внукъ Аристоула, сынъ Агриппы старшаго, послѣдній изъ царей Антипатрова племени. Joseph. Ant. 20, 8, 5.

²⁾ Женщина, по словамъ іудейскихъ и римскихъ историковъ, весьма зазорнаго поведенія. Joseph. Ant. 20, 7, 3; Tac. Hist. 2, 81; Juven. Satyr. 16, 136.

ихъ послужило для Павла поводомъ еще разъ торжественно засвидѣтельствовать предъ лицомъ іудеевъ о упованіи, ради котораго онъ былъ связанъ. Поелику Агриппѣ, какъ природному іудею, совершенно извѣстна была іудейская религія, и поелику онъ имѣлъ право назначать первосвященниковъ и пещись о благоустройствѣ іерусалимскаго храма ¹⁾, въ оскверненіи коего обвиняли Павла, то Фестъ, желая воспользоваться его свѣдѣніями и совѣтомъ, пересказалъ ему образъ судопроизводства надъ Павломъ. Разсказъ сей возбудилъ въ Агриппѣ охоту выслушать самаго Павла; Фестъ согласился; назначено собраніе, въ коемъ должны были присутствовать Агриппа, Вереника, тысящачальники и всѣ почетные граждане кесарійскіе. Когда Павелъ былъ приведенъ въ сіе собраніе, то Фестъ сказалъ: «Царь Агриппа и всѣ присутствующіе съ нами! вы видите человѣка, противъ котораго и въ Іерусалимѣ и здѣсь іудеи во множествѣ приступали къ мнѣ съ крикомъ, что ему не должно болѣе жить. Но я нашель, что онъ ничего не сдѣлалъ достойнаго смерти; и какъ онъ самъ требовалъ суда у государя, то я рѣшился послать его къ нему. Теперь, не имѣя ничего вѣрнаго писать о немъ къ государю, я представляю его вамъ, и наипаче тебѣ, царь Агриппа, чтобы, по разсмотрѣніи, было мнѣ что написать. Ибо, мнѣ кажется, неприлично послать узника и не показать, въ чемъ его обвиняють». Послѣ сего Агриппа далъ позволеніе Павлу защищать

¹⁾ Право сіе вмѣстѣ съ халкидскимъ престоломъ перешло къ нему, по милости Клавдія, отъ дяди его по отцѣ, Пропа, царя Халкиды сирійской. Joseph. Ant. 19.

себя, и онъ, простерши вверхъ руку ¹⁾, началъ говорить такъ:

«Царь Агриппа! я почитаю себя счастливымъ, что предъ тобою сегодня могу защищаться во всемъ томъ, въ чемъ обвиняють меня іудеи ²⁾, тѣмъ болѣе, что ты знаешь всѣ обычаи и спорныя мнѣнія іудейскія. И потому прошу тебя выслушать меня великодушно. Жизнь мою отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ іудеи. Знаютъ также обо мнѣ издавна (ежели захотятъ свидѣтельствовать), что я жилъ по ученію фарисейскому, строжайшему въ нашемъ вѣроисповѣданіи. И нынѣ я стою предъ судомъ за надежду на обѣщаніе, данное отъ Бога отцамъ нашимъ, котораго событіе увидѣтъ надѣются всѣ наши двѣнадцать колѣнъ, непрестанно служа Богу день и ночь. Сію-то надежду, царь Агриппа, ставятъ мнѣ въ вину іудеи. Что? ужели невѣроятнымъ почитаете вы, что Богъ воскрешаетъ мертвыхъ? Правда, я и самъ думалъ, что мнѣ должно сильно дѣйствовать противу имени Іисуса Назорея, и я дѣлалъ это въ Іерусалимѣ».

Послѣ сего, изобразивъ свои жестокости въ Іерусалимѣ надъ христіанами и описавъ явленіе Іисуса Христа во время путешествія въ Дамаскъ, Павелъ продолжалъ: «посему, царь Агриппа, я не воспротивился не-

¹⁾ По обыкновенію древнихъ, кои при началѣ рѣчи простирали вверхъ руку. *Aruleus Metamor.* 2, pag. 59.

²⁾ Нравъ Агриппы дѣйствительно во многомъ не сходствовалъ съ ненавистнымъ характеромъ его прадѣда и отца, и отличался умѣренностію и разсудительностію. *Ioseph. Ant.* 28, 7.

бесному явленію; но сперва жителямъ Дамаска и Іерусалима, потомъ по всей землѣ іудейской и у язычниковъ проповѣдывалъ, чтобы покаались и обратились къ Богу и дѣлали дѣла, достойныя покаянія. За сіе іудеи схватили меня во храмѣ и покушались убить. Получивъ же отъ Бога помощь, до сего дня я живъ и свидѣтельствую малому и большому, не говоря ничего болѣе, какъ то, о чемъ пророки и Моисей говорили, что это будетъ, то-есть, что Христосъ долженъ былъ пострадать и, возставъ первый изъ мертвыхъ, возвѣститъ свѣтъ сему народу іудейскому и язычникамъ».

Послѣднія слова о Іисусѣ Христѣ, коего поносная смерть содѣлалась источникомъ благословеній для всего рода человѣческаго, Фесту, надменному предразсудками язычества, показались столь страшными и несбыточными, что онъ, прервавъ рѣчь Павлову, вслухъ всѣхъ сказалъ: «съ ума сошелъ ты, Павелъ! Большая ученость доводитъ тебя до сумасшествія». — «Нѣтъ, достопочтенный Фестъ», отвѣчалъ апостоль, «я не сошелъ съ ума, но говорю слова истины и здраваго смысла. Ибо знаетъ объ этомъ царь, предъ которымъ я и говорю свободно. Я отнюдь не вѣрю, чтобы отъ него что-нибудь о семъ (о смерти и воскресеніи Іисуса Христа) было сокрыто, ибо это не въ углу происходило. Вѣришь ли», продолжалъ онъ, обратившись къ Агриппѣ, «вѣришь ли, царь Агриппа, пророкамъ? Знаю, что вѣришь». Слова сіи такъ сильно подѣйствовали на царя, что онъ какъ бы невольно сказалъ: «ты немного не убѣдиль меня сдѣлаться христіаниномъ». — «Молилъ бы я Бога», отвѣчалъ Павелъ, «чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и всѣ слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими,

какъ я, кромѣ сихъ узъ». Симъ прекратилась бесѣда; всѣ присутствовавшіе встали и, отошедши отъ Павла, разсуждали о его дѣлѣ. Агриппа рѣшительно объявилъ Фесту, что, по его мнѣнію, Павелъ совершенно невиненъ, и что его можно было бы освободить, если бы онъ уже не потребовалъ суда кесарева. Посему рѣшено было отправить его въ Римъ.

Къ чѣму, могутъ спросить здѣсь, послужили долговременныя узы (онѣ продолжались два года) Павловы въ Іудеѣ? Не лучше ли было бы, еслибъ онъ провелъ сіе время въ проповѣдываніи евангелія язычникамъ? Сколько тысячъ душъ, ослѣпленныхъ идолопоклонствомъ, выведено было бы имъ изъ тьмы въ свѣтъ?— Дабы уразумѣть въ семъ случаѣ достопокланяемые пути Промысла, надлежитъ припомнить, какая цѣль назначена самимъ Іисусомъ Христомъ для пребыванія Павлова у іудеевъ: онъ долженъ былъ дать торжественное свидѣтельство о божественности Іисуса Христа, имъ отверженнаго и гонимаго (Дѣян. 23, 11). Это было послѣднее воззваніе, коимъ Промыслъ вразумлялъ потомковъ Авраама, прежде нежели наступило время предать ихъ конечному отверженію за убіеніе Богочеловѣка. Въ семъ отношеніи нельзя было найти провозвѣстника покаянія лучше Павла, прежняго гонителя христіанъ, теперь ревностнѣйшаго ихъ защитника. Самыя узы его, очевидно, входили въ составъ его свидѣтельства о божественности Іисуса Христа; онѣ обратили на него вниманіе всего верховнаго совѣта іудейскаго и, слѣдовательно, всего Іерусалима, всей Іудеи. Въ лицѣ Павла нѣкоторымъ образомъ снова предсталъ на судъ іудеевъ самъ Іисусъ Христосъ. Большая

часть іудеевъ, ослѣвленныхъ предразсудками, снова не узнали, отвергли Его; но были, конечно, и такіе, для коихъ примѣръ обращеннаго Савла послужилъ во спасеніе.

ПЛАВАНІЕ ПАВЛОВО ВЪ РИМЪ.

Для препровожденія Павла вмѣстѣ съ прочими узниками въ Римъ назначенъ былъ сотникъ Августова полка, именемъ Іулій, человекъ, какъ видно изъ его обхожденія съ апостоломъ, кроткій и человеколюбивый. Двое изъ учениковъ и друзей Павловыхъ, Лука и Аристархъ, находившіеся при немъ во время заключенія его въ Іерусалимѣ и Кесаріи, сопутствовали ему и въ Римъ. Многотрудное плаваніе ихъ къ сему городу служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ той утѣшительной истины, что вѣрующимъ все споспѣшествуетъ на благое, и что Промыслъ блюдетъ праведниковъ, какъ зѣницу ока. Не касаясь мѣстныхъ подробностей сего плаванія, изобразимъ оное такъ, какъ описалъ его самъ Лука.

Корабль, на которомъ помѣстили узниковъ, плылъ не въ Италію, а въ приморскіе города Азіи. Сотникъ избралъ его по причинѣ недостатка кораблей, плывущихъ въ Римъ, въ той надеждѣ, что въ какой-нибудь пристани на пути найдется корабль, идущій въ Италію. О мѣстѣ, откуда началось плаваніе, не упоминается;

но весьма вѣроятно, что оно началось изъ Кесаріи. Время было осеннее. На другой день приплыли въ Сидонъ. Сотникъ такъ расположенъ былъ къ Павлу, что позволилъ ему безъ всякой стражи идти къ тамошнимъ христіанамъ и воспользоваться ихъ усердіемъ. На пути изъ Сидона противные вѣтры занесли ихъ въ Кипръ. Отсюда, чрезъ Киликійское и Памфилійское море, они достигли Миръ лкійскихъ, гдѣ корабль ихъ долженъ былъ остаться. Узниковъ перевели на другой, плывшій въ Италію. Между тѣмъ наступилъ октябрь — время, съ котораго море у древнихъ почиталось заключеннымъ для плаванія ¹⁾). Противные вѣтры непрестанно усиливались. Павелъ совѣтовалъ сотнику провести зиму въ портѣ, называемомъ *Хорошія пристани*, предсказывая, въ противномъ случаѣ, крайнюю опасность; но корабельщикъ и многіе другіе, находя сей портъ неудобнымъ для перезимованія, хотѣли плыть на зиму въ одну изъ критскихъ пристаней. Сотникъ, къ несчастію, предпочелъ ихъ мнѣніе совѣту Павлову. Вышли въ море при благопріятномъ вѣтрѣ; но вскорѣ поднялась опасная буря. Корабль захватило вихремъ; неслись, сами не зная куда. Товары, а потомъ и прочія вещи были брошены въ море для облегченія корабля; но опасность продолжалась. Въ теченіе четырнадцати дней не видали ни солнца, ни звѣздъ; не вкушали ницы, ожидая единственно смерти.

Одинъ Павелъ не зналъ страха и увѣрялъ своихъ спутниковъ, что вся потеря ихъ будетъ состоять въ кораблѣ, а они все спасутся. Такъ говорилъ онъ вслѣд-

1) Vegetius de re militari 4, 39.

ствіе откровенія: ибо ангель, явись ему почью, возвѣстилъ, что Богъ ради его избавить отъ смерти всѣхъ его спутниковъ. Между тѣмъ мореплаватели, извѣдавъ глубину водъ, заключили, что корабль ихъ приближается къ землѣ. Боясь попасть на камни, они бросили четыре якоря, а сами, спустивъ лодку, приготовлялись бѣжать. Павелъ примѣтилъ ихъ умыселъ и далъ знать о семъ сотнику, который немедленно отвратилъ побѣгъ ихъ, велѣвъ оттолкнуть лодку отъ корабля. Послѣ сего Павелъ снова ободрялъ своихъ путниковъ, и просилъ ихъ подкрѣпить себя пищею, увѣряя именемъ Божіимъ, что ни у одного изъ нихъ не пропадетъ и волоса съ головы. Послѣдую его примѣру, они дѣйствительно ободрились и вкусили пищи.

Съ наступленіемъ дня увидѣли землю, но не знали, какою. Вытащивъ якоря и поднявъ парусъ, спѣшили войти въ заливъ. Но потеря корабля, предсказанная Павломъ, была неизбѣжна. Попали на мель, корабль увязъ носомъ въ песокъ, между тѣмъ какъ корма его разбилась стремленіемъ волнъ. Целъзи было долѣе оставаться на немъ. Воины, въ намѣреніи предупредить неизбѣжный, по ихъ мнѣнію, въ семъ случаѣ побѣгъ узниковъ, хотѣли предать ихъ смерти; но сотникъ, желая спасти Павла, удержалъ ихъ отъ сего варварства. Начали спасаться, одни вплавъ, другіе на доскахъ; предсказаніе Павла сбылось въ точности: никто не погибъ. «Такова», говоритъ св. Златоустъ, «польза отъ сожитія съ праведникомъ, хотя и узникомъ: съ нимъ всюду безопасно ¹⁾».

1) Ном. 53 in Acta.

Земля, на которую выбросила буря Павла, былъ островъ Мелитъ ¹⁾, подвластный Риму. Жители приняли потерпѣвшихъ кораблекрушеніе весьма человѣколюбиво. Для обсушенія ихъ разведенъ былъ на берегу огонь. Когда Павелъ вмѣстѣ съ другими клалъ на него хворостъ, то изъ сухихъ прутьевъ вышла эхидна и обвилась около его руки. Мелетійцы, увидя сіе, подумали, что гнѣвъ небесный преслѣдуетъ его за какое-нибудь человѣкоубійство, и ожидали Павловой смерти; но онъ спокойно бросилъ змѣю въ огонь, не потерпѣвъ никакого вреда. Обстоятельство сіе привело ихъ, подобно какъ ликаонцевъ, къ той мысли, что онъ не человѣкъ, а Богъ. Павелъ скорѣе доказалъ, что онъ и не Богъ и не простой человѣкъ: бывъ принятъ въ домъ начальникомъ острова, онъ исцѣлилъ своими молитвами его отца, страдавшаго горячкою. Когда слухъ о семъ чудѣ разнесся по острову, то къ новому врачу со всѣхъ сторонъ стеклись всякаго рода больные, и всѣ получили исцѣленіе. Изъ благодарности за такое благодѣяніе островитяне снабжали Павла и его спутниковъ всѣмъ нужнымъ.

Черезъ три мѣсяца снова открылось мореплаваніе. Узники посажены были на корабль, который, перезимовавъ въ Мелитѣ, шелъ въ Италію. На семъ пути они приставали на три дня въ Сиракузахъ, что въ Сициліи, потомъ въ Ригіи, что въ Калабріи; наконецъ вышли на италіанскій берегъ, близъ Песаполя, въ Путеолской пристани. Здѣшніе христіане удержали ихъ у себя цѣлую недѣлю. Входъ Павла въ Римъ походилъ на торжествен-

¹⁾ Мальта.

ное вшествіе героя, возвращающагося съ побѣды. Римскіе христіане вышли къ нему навстрѣчу за городъ, одни до Трехъ-гостинницъ, другіе до Аппіевой площади ¹⁾. Усердіе сіе было для Павла новымъ залогомъ, что Промыслъ не оставитъ его своею защитою въ Римѣ: онъ ободрился въ духѣ и возблагодарилъ Бога. Это было въ началѣ весны, около шестьдесятъ перваго года нашей эры, въ седьмое лѣто царствованія Неронова.

¹⁾ Три гостиницы отстояли отъ Рима на 6, а Аппіева площадь (село) на 8 тысячъ шаговъ геометрическихъ. V. Michael. ad Act. 28, 15.

ПЕРВЫЯ УЗЫ ПАВЛОВЫ ВЪ РИМѢ.

Узники, по обыкновенію, сданы были преторіанскому начальнику, въ каковой должности находился тогда Буръ, знаменитый наставникъ юнаго Нерона и другъ Сенеки ¹⁾. Павлу, безъ сомнѣнія вслѣдствіе хорошаго отзыва о немъ Феста и Юлія, позволено жить въ наемномъ домѣ, подѣ такъ называемою благородною или легкою стражею. Для уразумѣнія свойства сей стражи должно знать, что у римлянъ она вообще была троякаго рода. Одни узники содержались въ темницѣ (въ коей также было три отдѣленія); другіе, менѣе виновные, при судебныхъ мѣстахъ; иныя жили въ наемныхъ и даже собственныхъ домахъ. Надзоръ за послѣдними состоялъ въ томъ, что при каждомъ изъ нихъ находился воинъ, который былъ соединенъ съ узникомъ продолговатою веревочкою. У воина привязывалась она къ лѣвой, а у подсудимаго къ правой рукѣ. Въ такомъ видѣ они могли ходить всюду ²⁾. Стража, подѣ которою находился Павелъ, была послѣдняго рода.

¹⁾ Witsii. Melet. Leyden. p. 136.

²⁾ Witsii. Melet. Leyden. p. 155.

На третій день по прибытіи въ Римъ Павелъ призвалъ къ себѣ единоплеменниковъ, дабы изъяснить имъ причину своихъ узъ, и то намѣреніе, съ коимъ онъ желалъ явиться на судъ кесаря: безъ сего они не преминули бы почестъ его за человѣка подозрительнаго, который ищетъ случая клеветать предъ императоромъ на свое отечество, какъ то часто случалось въ тѣ времена. «Братія!» сказалъ имъ Павелъ, «не сдѣлавъ ничего противъ народа и установленій отеческихъ, я во узахъ изъ Іерусалима преданъ въ руки римлянъ. Они, судивъ меня, хотѣли освободить, потому что не было во мнѣ ничего достойнаго смерти. Но какъ іудеи противорѣчили, то я принужденъ былъ потребовать суда у кесаря, не съ тѣмъ впрочемъ, чтобы обвинять въ чемъ-либо народъ мой... ибо за надежду Израилеву обложенъ я сими цѣпями». Іудеи отвѣчали, что они не слышали о немъ ничего худого; просили однакожь открыть имъ свой образъ мыслей о религіи: «ибо намъ, говорили они, извѣстно, что ученіе, тобою проповѣдуемое, всюду служитъ предметомъ споровъ». Въ назначенный день они собрались для сего въ домъ Павла, который отъ утра до самаго вечера изъяснялъ имъ христіанскую религію со всею подробностію. Одни убѣждались, другіе оставались упорными, такъ что апостоль невольно долженъ былъ повторить къ нимъ упрекъ, сдѣланный нѣкогда пророкомъ Исаіею еврейскому народу. «Хорошо», — сказалъ онъ, — «Духъ Святыи говорилъ чрезъ пророка Исаію отцамъ нашимъ: поди къ сему народу и скажи: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете, и не увидите; ибо огрубѣло сердце людей сихъ... Итакъ да будетъ

извѣстно вамъ», продолжалъ Павелъ, «что спасеніе отъ Бога послано язычникамъ; они и услышатъ». Слова сіи нѣкоторыхъ изъ іудеевъ заставили пристальнѣе размышлять о христіанствѣ, а въ другихъ возбудили негодованіе (Дѣян. 28).

Поелпку обвинители Павла не являлись (ожидая, вѣроятно, благопріятныхъ обстоятельствъ и вымышляя болѣе правдоподобныя клеветы), то онъ провелъ цѣлые два года въ ожиданіи суда и, пользуясь свободою, возвѣщалъ имя Христова всѣмъ, кои приходили къ нему (Дѣян. 28, 30. 31). Въ сіе время должно быть сдѣлано весьма много въ пользу евангелія, хотя мы и не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ Павловой проповѣди въ Римѣ. Между тогдашними жителями Рима, несмотря на упадокъ нравовъ, еще были люди, расположенные къ добру. Въ посланіи къ филиппійцамъ Павелъ утвердительно говоритъ, что узы его послужили въ пользу евангелія и сдѣлались извѣстны всей преторіи, то-есть, плѣвсему дому кесареву, или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ преторіанцамъ (Фил. 1, 12. 13. 14). Что извѣстность сія не ограничивалась однимъ слухомъ о Христѣ, котораго проповѣдывалъ апостолъ, видно изъ того же посланія, гдѣ онъ привѣтствуетъ филиппійцевъ отъ лица христіанъ, принадлежавшихъ къ кесареву дому (Фил. 4, 22).

Кто именно были сіи христіане—неизвѣстно. Бароній упоминаетъ о нѣкоторомъ Торкетѣ, который, по свидѣтельству римской минеи, впослѣдствіи сдѣлался мученикомъ. Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ Сабину Помпею, которая, по словамъ Флавія ¹⁾, была ревностною

¹⁾ Ant. 20, 7.

покровительницею іудейскаго народа. Но въ семъ отношеніи большее вѣроятіе заслуживаетъ Тацитъ, по сказанію коего, сей женщинѣ ничего не доставало, кромѣ доброй души ¹⁾. Гораздо вѣроятнѣе догадка тѣхъ, кои думаютъ видѣть христіанку, обращенную Павломъ, въ Помпоніи Грецинѣ, женѣ Плавта ²⁾. Подозрѣніе ея въ чужестранной ереси, ея долговременная жизнь, проведенная въ постоянной набожности, заставляють думать, что она принадлежала къ числу христіанъ. Весьма вѣроятно также, что извѣстный философъ Сенека, какъ повѣствуетъ преданіе (древнее, хотя не совсѣмъ вѣрное), былъ знакомъ апостолу Павлу. За сіе ручается дружба Сенеки съ Буромъ, подъ главнымъ надзоромъ коего находился Павелъ; также и то, что сей философъ жилъ при дворѣ, коему Павелъ былъ весьма извѣстенъ. Но переписка философа съ апостоломъ, какъ увидимъ, совсѣмъ не имѣетъ исторической достовѣрности.

Между тѣмъ, когда дошелъ слухъ объ узахъ апостола въ Римѣ до филиппійской Церкви, она отправила къ нему одного изъ своихъ предстоятелей, Епафродита, съ пособіемъ (Фил. 2, 25. 4, 14; 18). Усердіе сіе было весьма пріятно для апостола, *не потому*, говоря его словами, *чтобы онъ былъ бѣденъ*, ибо онъ научился всегда быть довольнымъ своимъ состояніемъ, но потому, что усердіе филиппійцевъ къ учителю религіи ручалось за ихъ усердіе къ самой религіи (Фил. 4, 10—34). Къ прискорбію Павла, Епафродитъ, находясь у него, впалъ

¹⁾ Annal. 13.

²⁾ Eus. Lib. 2, cap. 25.

въ опасную болѣзнь. Но Господь не восхотѣлъ къ печали его приложить новую печаль: больной выздоровѣлъ (Фил. 2, 26. 27). Съ нимъ отправлено посланіе къ филиппійцамъ, по замѣчанію Златоуста ¹⁾, самое богатое сердечными чувствованіями. Благодаря ихъ за усердіе къ себѣ, писатель побуждаетъ ихъ быть твердыми въ вѣрѣ и благочестіи, совѣтуя въ тоже время остерегаться іудействующихъ лжеучителей, кои внушали искать оправданія не въ вѣрѣ въ Иисуса Христа, а въ дѣлахъ закона — въ обрѣзаніи.

Около сего времени Павелъ обратилъ въ христіанство Онисима, бѣлаго раба, принадлежавшаго Филимону, одному изъ почетнѣйшихъ христіанъ и гражданъ колосскихъ. Ища себѣ убѣжища въ Римѣ, куда, по словамъ Тацитта, стекалось со всѣхъ концовъ земли все нечистое, и, можетъ быть, мучимый совѣстію, онъ присталъ къ апостолу, въ надеждѣ примириться посредствомъ его съ своимъ разгнѣваннымъ господиномъ. Наставленія и увѣщанія Павловы совершенно переѣняли его нравъ: онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ, коего апостоль не усомнился послѣ того назвать своимъ сыномъ, даже своимъ сердцемъ (Филим. ст. 12). Сколько Онисимъ былъ прежде бесполезенъ для Филимона, столько сдѣлался теперь полезнымъ для Павла. Последнему хотѣлось даже оставить его при себѣ; но онъ не рѣшился на сіе безъ согласія господина Онисимова, *дабы доброе дѣло было не вынужденно, но произвольно*. Посему Онисимъ былъ отправленъ къ Филимону съ письмомъ, въ коемъ апостоль, принимая его

¹⁾ Ном. in Epist. ad Philipp.

вину на себя, просилъ принять его уже не какъ раба, а какъ брата возлюбленнаго. Безъ сомнѣнiя, Филимонъ исполнилъ желанiе столь высокаго просителя. Есть преданiе, что Онисимъ сдѣлался въ послѣдствiи преемникомъ Тимооея въ ефесскомъ епископствѣ.

Съ Онисимомъ-же и Тихикомъ послано письмо къ колоссянамъ ¹⁾. Поводомъ къ нему, послѣ общей попечительности Павла о благосостоянii всѣхъ Церквей христіанскихъ, было пришествiе въ Римъ Епафраса, учителя (если не основателя) Церкви колосской, который извѣстилъ апостола, о вѣрѣ и благочестii своихъ учениковъ. Увѣщевая колоссянъ сохранять дары духовныя, быть твердыми въ вѣрѣ и добродѣтели, Павелъ остерегаетъ ихъ отъ нѣкоторыхъ лжеучителей, кои старались обольщать христіанъ ложною философіею, суетвѣрнымъ почитанiемъ ангеловъ, слѣпою привязанностию къ обрядовому закону.

Въ продолженiе первыхъ-же узъ въ римскихъ написано Павломъ посланiе къ евреямъ. Въ немъ утверждается божественное достоинство Иисуса Христа, и Его вѣчное священство по чину Мелхиседекову; показывается, что законъ обрядовъ съ пришествiемъ Мессii долженъ потерять свою дѣйствительность и уступить новому закону благодати. Споры о писателѣ сего посланiя не принадлежать къ нашему предмету. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что они давно были-бы окончены, если-бы критики обращали болѣе вниманiя на духъ Павлова богословія.

Послѣ двухлѣтняго ожиданiя, Павелъ позванъ былъ

¹⁾ Wits. Mel. Leyd. pag. 142.

на судъ Нерона (2 Тим. 4, 16). Друзья и ученики его, вслѣдствіе римскихъ обыкновений, имѣли право быть свидѣтелями судопроизводства надъ нимъ; но въ семъ случаѣ всѣ оставили его (2 Тим. 4, 21): такъ страшно было явиться предъ сего льва (какъ называетъ Нерона Павелъ)! Такъ непостоянна природа человѣческая въ самой чистой дружбѣ! Одинъ небесный другъ, Господь Іисусъ, ради Котораго Павелъ приносилъ себя въ жертву, не оставлялъ его: Опъ предсталъ ему и укрѣпилъ его духъ. Явились-ли іерусалимскіе враги Павловы на сей судъ, или нѣтъ, въ чемъ обвиняли его, и какъ онъ защищалъ себя отъ ихъ клеветъ, неизвѣстно. Упомянувъ о семъ судѣ во второмъ посланіи къ Тимоѳею, апостоль непосредственно предъ тѣмъ жалуется на одного кузнеца Александра (2 Тим. 4, 14). Не былъ-ли онъ въ числѣ обвинителей Павловыхъ? Но кто онъ и чѣмъ вредилъ апостолу, также неизвѣстно. Даже спорять о томъ, чѣмъ кончился судъ надъ Павломъ: смертію его, или освобожденіемъ.

Полагали, и нынѣ полагаютъ нѣкоторые ¹⁾, что первыя узы Павловы въ Римѣ были вмѣстѣ и послѣдними. Но сему мнѣнію, при всей учености защитниковъ онаго, не достаетъ основательныхъ доказательствъ. За истину противнаго мнѣнія, то-есть, что первыя узы Павловы окончились освобожденіемъ, ручается а) *всеобщее преданіе Церкви*. Правда, сіе преданіе становится извѣстнымъ со временъ Евсевія ²⁾; но тѣмъ не

¹⁾ Schmidt. *Histor. kritisch. Einleitung* in N. T. 1818, pag. 199, 207; также Eichhorn *Einleit.* 1811, 2 Band. 2, pag. 353—372.

²⁾ Euseb. *Hist. Eccles. Lib. 2, cap. 21.*

менѣе оно важно: ибо Евсевій заимствовалъ его изъ сочиненій (нынѣ потерянныхъ) Діонисія Коринѣскаго, во время коего послѣдняя судьба Павла была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Выраженіе *ios logos echei* (какъ носится слухъ, какъ говорятъ), не показываетъ еще того, чтобы Евсевій считалъ сіе преданіе недостовернымъ, ибо онъ ясно говоритъ, что преданіе сіе пересказано имъ для того, дабы кто-нибудь не подумалъ, что первыя узы Павловы въ Римѣ окончились его смертію. Историки, пересказывая преданія, нерѣдко употребляютъ выраженія обоюдныя, сила коихъ должна быть опредѣляема, смотря по ходу повѣствованія ¹⁾. Со временъ Евсевія преданіе объ освобожденіи Павла изъ римскихъ узъ становится общеупотребительнымъ для всѣхъ писателей. Нельзя думать, чтобы они основывались въ семъ случаѣ на одной важности Евсевія. б) *Многоя мѣста въ посланіяхъ Павловыхъ*, писанныхъ изъ Рима (Фил. 2, 19, 24; Флиим. ст. 28; Евр. 12, 22). Писатель вездѣ показываетъ твердую надежду на свое освобожденіе и обѣщается снова посѣтить учениковъ своихъ. Даже надлежитъ думать, что посланіе къ евреямъ написано Павломъ по окончаніи узъ: ибо онъ въ заключеніи его говоритъ: «знайте, что братъ нашъ Тимоѳей освобожденъ, и я вмѣстѣ съ нимъ (если онъ скоро придетъ) увижу васъ». в) *Заключеніе Дѣяній Апостольскихъ*. «И жилъ (*deimone*)», пишетъ св. Лука, «Павелъ цѣлые два года въ напѣтомъ имъ домѣ, и принималъ (*apodeuxeto*) всѣхъ приходящихъ къ нему, про-

¹⁾ V. Berthold. Einleitung in N. T. des 5 Theils 2 hälfte pag. 2748, 1806.

повѣдуя царствіе Божіе и невозбранно уча о Господѣ Иисусѣ Христѣ со всею смѣлостью». Если-бы апостоль Павелъ, когда написаны Дѣянія Апостольскія, носилъ еще узы, то св. Лука не сказалъ-бы: *жилъ и принималъ*; равно, если-бы Павла въ сіе время не было уже въ живыхъ, онъ не преминалъ-бы въ концѣ своей книги упомянуть, хотя кратко, о кончинѣ, тѣмъ паче, что бѣльшая часть Дѣяній Апостольскихъ есть не что иное, какъ исторія Павловыхъ путешествій. Весьма вѣроятно, что обвинители Павла (если только онъ имѣлъ безстыдство явиться на судъ кесаря) не могли доказать своихъ клеветъ; между тѣмъ какъ въ пользу обвиняемаго ходатайствовали и одобреніе Феста и Юлія, и собственная его безпорочная жизнь, и усердіе римскихъ христіанъ, особенно принадлежавшихъ къ дому кесареву. Неронъ въ сіе время, по замѣчанію Евсевія ¹⁾, еще не совсѣмъ забылъ прежнюю свою кротость и слушалъ иногда своихъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ наставниковъ, а посему могъ быть справедливымъ въ дѣлѣ іудейскаго узника, оправданія коего требовала, нѣкоторымъ образомъ, самая честь римскаго имени.

Касательно самаго образа и времени освобожденія Павлова нѣтъ никакихъ извѣстій. Бароній ²⁾ догадывается, что съ Павла сняты узы по случаю умерщвленія Агриппины, матери Нероновой, когда въ Римѣ торжественно праздновали сіе злодѣяніе, и когда, въ память спасенія императора отъ мнимой опасности со

¹⁾ Hist. Ecclest. Lib. 2. cap. 21. Quinquennium Neronis обрѣтается даже въ пословицу.

²⁾ Ad. annum Christ. 51 num. X.

стороны Агриппины, многимъ узникамъ была дарована свобода. Догадка довольно правдоподобная, но едва-ли согласная съ хронологіею ¹⁾).

¹⁾ Wits. Mel. Leid. pag. 159.

ЧЕТВЕРТОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПАВЛА И ПОСЛѢДНІЯ УЗЫ ВЪ РИМѢ.

Остальная часть Павловой жизни, по признанію всѣхъ историковъ, подлежитъ многимъ недоумѣніямъ и спорамъ. Причиною сего недостатокъ историческихъ источниковъ. Ибо повѣствованіе св. Луки о дѣяніяхъ Павла оканчивается вмѣстѣ съ его первыми узамъ; а изъ послѣдующихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ никто не обращалъ особеннаго вниманія на дѣянія апостоловъ. Самые собиратели христіанскихъ древностей, Папій и Егезиппъ, не могли бы служить пособіемъ въ семъ случаѣ: ибо Евсевій, который пользовался ихъ трудами (для насъ давно потерянными), сообщаетъ весьма немногое о послѣдней судьбѣ Павла. Почему намъ остается употребить въ дѣло только нѣкоторыя указанія на остальную часть Павловой жизни, кои находятся въ его посланіяхъ и сочиненіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей Церкви. Въ утѣшеніе тѣхъ, кои желали бы въ точности видѣть, какъ сей великій свѣтильникъ Церкви скончалъ свѣтозарное теченіе свое, можетъ служить

слѣдующее прекрасное мѣсто изъ бесѣдъ Златоуста на Дѣянїя: «для чего ты», вопрошаетъ онъ, «желаешь знать послѣдующїя дѣянїя (Павловы)? Они таковы же, какъ и предшествующїя: узы, мученїя, томительные подвиги, темницы, навѣты, клеветы, ежедневная смерть. Ты видѣлъ малую часть: таковыми же представляй и остальные. Когда ты смотришь на небо, то хотя видишь малую часть неба, но съ нею сходны всѣ прочїя, такъ что, сколько бы ты ни перемѣнялъ мѣстъ, небо все то же: точно такъ разсуждай и о Павлѣ ¹⁾».

Не подвергаясь упреку въ историческомъ невѣрїи, нельзя сомнѣваться, что апостоль Павелъ по своемъ освобожденїи предпринималъ четвертое апостольское путешествїе, продолжавшееся до его послѣднихъ узъ. Такое сомнѣнїе было бы несомнѣстно и съ посланїями Павловымп, писанными изъ Рима, въ коихъ онъ даетъ многократныя обѣщанїя снова посѣтить учениковъ своихъ, и съ всеобщимъ преданїемъ Церкви. Даже вопросъ: куда было предпринято четвертое путешествїе?—можетъ быть разрѣшенъ, хотя несовершенно. Если мы не знаемъ всѣхъ мѣстъ, посѣщенныхъ въ сіе время апостоломъ, то съ достовѣрностїю знаемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Изъ второго посланїя къ Тимоею, писаннаго во время послѣднихъ узъ, открываεται, что писатель онаго незадолго предъ тѣмъ былъ въ Коринфѣ, Мелитѣ, Иконїи, Листрахъ и Антиохїи, и въ трехъ послѣднихъ городахъ весьма много претерпѣлъ (2 Тим. 3, 11; 4, 13. 20). Значитъ, послѣднее путешествїе было предпринято Павломъ на востокъ, и именно по тѣмъ

¹⁾ Ном. 55. Edit. Montfauconii 1741. Venetiis.

Церквамъ, кои почитали его своимъ учителемъ. Бывши на востокѣ, онъ, безъ сомнѣнія, исполнилъ обѣщаніе свое посѣтить Колоссъ (Кол. 3, 22) и Филиппы (Филип. 1, 25); сопредѣльными съ ними Церкви (исключая ефесской, которой Павелъ, во время прощанія съ нею, предсказалъ, что она не увидитъ болѣе его лица) также, конечно, имѣли утѣшеніе насладиться лицезрѣніемъ своего основателя.

Есть мнѣніе, что послѣднее путешествіе Павлово простерлось до Палестины; оно основывается на 13, 23 посланія къ евреямъ, гдѣ апостоль изъявляетъ надежду увидѣться съ евреями, къ коимъ онъ писалъ. Но основаніе сіе слабо. По признанію едва не всѣхъ критиковъ ¹⁾, посланіе сіе написано не къ евреямъ палестинскимъ, по крайней мѣрѣ не къ нимъ однимъ, а ко всѣмъ христіанамъ изъ евреевъ. Возраженіе, что подъ именемъ евреевъ во время апостоловъ разумѣлись евреи палестинскіе, а жившіе внѣ Палестины назывались еллинистами, не важно уже потому, что надписаніе сего посланія произошло не отъ руки самого писателя. Впрочемъ, весьма сомнительно и то, чтобы евреи, жившіе внѣ Палестины, никогда не назывались евреями, а всегда еллинистами ²⁾. Предпринять путешествіе въ Іудею значило безъ нужды подвергать себя неизбѣжнымъ опасностямъ. Въ Палестинѣ не было Церквей, основанныхъ Павломъ; жребій служенія его былъ — проповѣдывать язычникамъ, а не обрѣзаннымъ; для пале-

¹⁾ V. Rosenmüller, Schol. in Epist. ad Hebr.

²⁾ Karpzov. in Proleg. ad Sac. exercit. in Epist. ad Hebr. ex Philone Alex. pag. 10.

стинскихъ іудеевъ назначены были Промысломъ другіе апостолы. Павелъ и прежде сего всегда являлся въ Іерусалимѣ не столько какъ апостоль, а болѣе какъ посѣтитель.

Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои полагають: что Павелъ, послѣ обозрѣнія восточныхъ Церквей, посѣтилъ Испанію ¹⁾. Выраженіе Климента Римскаго ²⁾. *καὶ ἐπὶ τὸ τέρμα τῆς οὐραίας ἐλθὼν* (доходившій до послѣднихъ предѣловъ запада), именно заставляеть такъ думать: Ибо послѣднимъ предѣломъ запада не можетъ быть, какъ толковали нѣкоторые ³⁾, ни Италія, ни Британія, это безспорно Испанія, коей послѣдній предѣлъ назывался концомъ земли (*finis terrae*). Павелъ еще въ посланіи къ римлянамъ изъявлялъ желаніе свое побывать въ Испаніи. «Но время, протекшее отъ освобожденія Павлова до послѣднихъ узъ, недостаточно для того, чтобы съ востока предпринять путешествіе въ Испанію ⁴⁾». Возраженіе не очень сильное. Въ четыре года можно было совершить путешествіе и на востокъ и на западъ, тѣмъ паче, что послѣднее путешествіе Павлово по востоку было предпринято не столько для новой проповѣди, сколько для преподаванія послѣдняго утѣшенія вѣрующимъ ⁵⁾.

Между тѣмъ какъ великій учитель язычниковъ обтекалъ въ послѣдній разъ красными стопами своими

¹⁾ Pearson. *Annal. Paulinae*.

²⁾ 1 Epist. ad Cor. sect. V.

³⁾ *Stillingfleetus in originibus Britannicis*, cap. I.

⁴⁾ Berthold in *Einleitung*.

⁵⁾ V. Weber de *verosimili Pauli in Hispania martyrio*, 1787.
Spier *Historia critica de Hispanico Pauli itinere*, 1742.

востокъ и западъ, въ Римѣ возгорѣлось гоненіе на христіанъ. Неронъ, зажегшій въ безуміи сію столицу міра, дабы видѣть подобіе горячей Трои, въ избѣжаніе ненависти за злодѣйство тѣмъ охотнѣе сложилъ вину онаго на христіанъ, что суевѣрный народъ уже давно расположенъ былъ почитать ихъ врагами общественнаго благоденствія. Мищеніе за мнимое произведеніе пожара искало всюду жертвъ: однихъ изъ христіанъ въ звѣриныхъ кожахъ предавали на растерзаніе псамъ; другіе, съ ногъ до головы облитые горючими веществами, должны были, сгарая постепенно, освѣщать собою, во время ночи, сады Нероновы. Для римской Церкви потребна была вся вѣра и терпѣніе, дабы не пасть подъ тяжестію креста. Могъ ли Павелъ оставаться равнодушнымъ слушателемъ о кровавой борьбѣ христіанства съ язычествомъ? Могъ ли онъ оставить безъ утѣшенія возлюбленныхъ чадъ своихъ въ Римѣ?— Напротивъ, онъ немедленно явился къ нимъ, дабы раздѣлить съ ними вѣнецъ мученическій, въ полученіи ко-его онъ увѣренъ былъ, по словамъ Аванасія ¹⁾, предварительнымъ откровеніемъ. Та же, вѣроятно, причина привела въ Римъ и апостола Петра. Узы немедленно соединили сихъ первоверховныхъ апостоловъ, коихъ жребій служенія раздѣлялъ въ продолженіе цѣлой жизни. Неронъ въ сіе время былъ уже чудовищемъ, а не человѣкомъ; почему апостоль еще до рѣшительнаго приговора надъ собою писалъ къ Тимоѳею о скоромъ отшествіи своемъ изъ сего міра, и просилъ его придти къ себѣ (2 Тим. 4, 9). Судя по сей просьбѣ, должно

¹⁾ In Apolog. pro fuga sua.

однакожь думать, что послѣднія узы Павловы продолжались по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Послѣднимъ побужденіемъ къ осужденію Павла на смерть для Нерона, по сказанію Златоуста ¹⁾, было слѣдующее: апостоль, несмотря на опасность, продолжалъ возвѣщать имя Христова и обратилъ одну изъ наложницъ тирана, имъ страстно любимую. Обращенная рѣшительно отказалась раздѣлять съ нимъ безчестное ложе. Матереубійца воскипѣлъ гнѣвомъ, и узнавъ, что Павелъ виною сего случая, осудилъ его на казнь.

Преданіе, почти общее, говоритъ, что апостоль Павелъ былъ замученъ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ. Но есть и другое преданіе, что Павелъ пострадалъ, спустя годъ по смерти Петра, впрочемъ, въ тотъ же самый день, то-есть 29 іюня ²⁾.

Лактанцій ³⁾ пишетъ, что сіи апостолы предъ концомъ своей жизни изрекали пророчество о томъ, что Богъ вскорѣ воздвигнетъ царя въ Римѣ, который опустошитъ Іерусалимъ, разрушитъ храмъ іудейскій и разсѣетъ іудеевъ по всему міру. Орудіемъ казни Павла, какъ римскаго гражданина, былъ мечъ. Она послѣдовала въ преклонныхъ лѣтахъ апостола на мѣстѣ, называемомъ Салвіанскими источниками, въ правленіе Гелія и Поликлета ⁴⁾, кѣмъ Неронъ, во время путешествія своего въ Грецію, поручилъ верховную власть,

¹⁾ In Orat. adversus vitae Monast. vituperatores.

²⁾ Чет. мин. на 29 іюня.

³⁾ Lib. 4, cap. 21.

⁴⁾ Clem. Rom. 1; Epist. ad Cor., sect. 5.

около 67 года по Рождествѣ Христовомъ ¹⁾. Священные останки Павловы погребены вѣрующими близъ Рима. Св. Златоустъ говоритъ ²⁾, что ихъ страшились демоны и уважали ангелы, и что вѣрующіе со всѣхъ странъ стекались для поклоненія гробу Павлову. Надъ симъ гробомъ Константинъ Великій, по совѣту Сильвестра, римскаго епископа, создалъ малую церковь, которая потомъ распространена была Валентиніаномъ.

«Такъ скончалъ теченіе свое сосудъ Христовъ избранный, учитель языковъ, всемірный проповѣдникъ небесныхъ высотъ, и райскихъ добротъ видѣцъ, ангеловъ и челоуѣковъ позоръ и удивленіе, великій подвижникъ и страдалецъ, язвы Господа своего на тѣлѣ своемъ понесый, святой верховный апостоль Павелъ, и вторицею, аще и кромѣ тѣла, до третіяго небесе взялся! ³⁾».

¹⁾ Отъ временъ Златоуста и Амвросія идетъ преданіе, что изъ усѣченной выи апостола вмѣсто крови истекло молоко. См. Чет. Мин. на 29 іюня.

²⁾ Ном. 8, in Ephes.

³⁾ Св. Дим. Рост. въ Чет. Мин. на 29 іюня.

ЗАМѢЧАНІЯ

касательно внѣшняго вида апостола Павла, его природныхъ дарованій, характера, писаній подлинныхъ и подложныхъ, уваженія къ нему отцовъ Церкви и особенно Златоуста.

Изъ 2 Кор. 10, 20 заключаютъ, что апостоль Павель былъ весьма незамѣчателенъ по виду и малъ ростомъ. Св. Златоустъ въ одной бесѣдѣ называетъ его человѣкомъ въ три локтя (*ἀνδρῶπον τρεπλήδον*) ¹⁾. Думаютъ, что сочинитель Филопатриды (Луціанъ, или это другой) имѣлъ въ умѣ Павла, когда выводилъ на зрѣлище Галлея, у коего на верхней части головы нѣтъ волосъ, съ орлинымъ носомъ, по воздуху восходившаго до третьяго неба ²⁾. Но никто не оставилъ намъ такого подробнаго описанія Павла по внѣшнему виду, какъ Никифоръ Каллисть ³⁾. «Павель», говоритъ онъ, «былъ

¹⁾ Hom. in 2 Epist. ad Cor.

²⁾ Wits. Mel. Leyd. pag. 162.

³⁾ Hist. Lib. 2, cap. 37.

ростомъ малъ, непрямя и нѣсколько согбенъ; лице у него было чистое и являло признаки долгихъ лѣтъ; голова плѣшива; въ глазахъ его усматривалось весьма много пріятности; брови поднятыя вверхъ и какъ бы разбѣгающіяся; носъ продолговатъ съ пріятною неровностію; борода густая и довольно длинная, по мѣстамъ съ сѣдиной, также какъ и голова». Портретъ весьма выразительный; жаль только, что онъ писанъ, спустя 13 вѣковъ по смерти апостола, и неизвѣстно съ какого подлинника!

Если въ самомъ дѣлѣ апостолъ Павелъ былъ малъ ростомъ, то на немъ оправдалось мнѣніе, что въ маломъ тѣлѣ нерѣдко бываетъ душа истинно великая. Благодать, безъ сомнѣнія, преобразовала и усовершила въ немъ дары природы; но сіи дары сами по себѣ были весьма велики. Нѣтъ ни одного качества, потребнаго для великихъ умовъ и характеровъ, коего не усматривалось бы въ Павлѣ. Св. Златоустъ равнялъ его по естественнымъ дарованіямъ къ любомудрію съ Платономъ: сравненіе неопредѣленное; ибо тотъ и другой дѣйствовали при совершенно различныхъ обстоятельствахъ: одинъ во свѣтѣ Духа Божія, другой при слабомъ свѣтильникѣ разума; но то несомнѣнно, что геній Павла, еслибы Промыслъ судилъ ему явиться подъ небомъ Греціи, не потерялся бы въ толпѣ послѣдователей Платоновыхъ, и къ списку мудрецовъ греческихъ прибавилось бы еще одно великое имя.

Характеръ Павла есть характеръ вселенскаго учителя, характеръ посланника Божія къ роду человѣческому. «Когда», витійствуетъ Златоустъ ¹⁾, «ты ска-

¹⁾ Hom. 55, in Acta Apost. Edit. Montfauc. 1742.

жешь: апостоль, всѣ разумѣютъ Павла, точно также какъ при имени: креститель, всякому приходитъ на мысль Іоаннъ». У Павла все служитъ въ пользу евангелія, къ славѣ Божіей, — и довольство, и нищета, и похвала, и поруганія, и свобода, и узы, друзья и враги, жизнь и смерть. Предъ нимъ, какъ предъ Богомъ, коего онъ посланникъ, нѣтъ ни іудея, ни еллина, ни раба, ни свободного, ни мужескаго пола, ни женскаго: всѣ едино во Христѣ Іисусѣ. Съ язычникомъ — онъ язычникъ, бесѣдуетъ о естественной религіи; ссылается на ихъ поэтовъ, извиняетъ лѣта ихъ невѣдѣнія о истинномъ Богѣ; съ іудеемъ—іудей, рассуждаетъ о знаменованіи обрядоваго закона, совершаетъ обѣты, наблюдаетъ различіе яствъ, предписанное закономъ; съ слабыми совѣстію—слабъ, умѣряетъ свободу христіанскую, воздерживается отъ идоложертвенныхъ, хотя совершенно увѣренъ, что идолъ есть ничто. Но во всѣхъ случаяхъ видѣнъ учитель истины, образецъ чистоты нравственной, сосудъ благодати. «Не погрѣшитъ тотъ», по словамъ Златоуста ¹⁾), «кто назоветъ душу Павлову моремъ и небомъ: небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ. Въ семь морѣ нѣтъ драгоцѣнныхъ зеренъ, но есть вещи, драгоцѣннѣйшія всякаго перла. Кто пожелаетъ углубиться въ сіе море, тотъ найдетъ въ немъ всѣ сокровища, кои сокрыты въ царствѣ небесномъ».

Ни одинъ изъ апостоловъ не оставилъ намъ столько писаній, какъ Павелъ. Четырнадцать посланій его всегда признавались Церковію за источникъ истиннаго христіанскаго ученія. По нѣкоторымъ особеннымъ обстоя-

¹⁾) Hom. 55, in Acta Apost.

тельствамъ, посланіе къ евреямъ было приписываемо другимъ писателямъ, впрочемъ — безъ достаточныхъ причинъ ¹⁾; о прочихъ никогда не было спора. Древніе еретики ²⁾, поражаемые истинами, въ нихъ содержащимися, старались повреждать нѣкоторыя мѣста; но сіи поврежденія были немедленно замѣчены, обличены, и нимало не повредили подлинности Павловыхъ посланій.

Духъ сихъ посланій есть духъ живой вѣры въ Иисуса Христа въ противоположность съ мертвою дѣятельностію подзаконной праведности. Здѣсь видимъ, какъ падшій человѣкъ неспособенъ самъ по себѣ и помыслить о чемъ-либо добромъ, тѣмъ менѣе — исполнить въ точности всѣ повелѣнія закона Божія; какъ Богъ Отецъ, по неизреченной любви своей къ преступному роду человѣческому, опредѣляетъ извлечь его изъ бездны золь, въ которую увлекло его паденіе праотца; какъ Богъ Сынъ въ тайнѣ предвѣчнаго совѣта приѣмлетъ на себя великое дѣло искупленія, въ предопредѣленное время является на землѣ въ образѣ человѣка, смертію своею упраздняетъ царство грѣха и смерти и потомъ, вознесшись на небо, посаждается одесную Отца, ожидая, доколѣ всѣ враги Его царства будутъ положены въ подножіе ногъ Его; какъ Духъ Святой своимъ благодатнымъ дѣйствіемъ усвоетъ вѣрующимъ заслуги Сына Божія, напишетъ новый законъ жизни на сердцахъ ихъ, изливаетъ въ нихъ любовь Божію, ходатайствуетъ о нихъ предъ Богомъ и содѣлываетъ ихъ новою тва-

¹⁾ Euseb. Hist. Eccl. Lib. 3, cap. 3.

²⁾ Гностики и маркіониты. Iren. Lib. 3, cap. 12.

рію, созданною во Христѣ на дѣла благія. Павелъ часто вводитъ читателей во мракъ ветхозавѣтныхъ образованій; но сія прообразованія теряютъ у него свою мрачность и являются свѣтлыми и живыми образами, въ коихъ всякій безъ труда находитъ для себя назиданіе и утѣшеніе. Какъ учитель вѣры, онъ большею частію учитъ, обличаетъ и исправляетъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ утѣшенію вѣрующихъ повѣствуетъ какъ дѣеписатель, и предсказываетъ будущее какъ пророкъ. Ему принадлежатъ предсказанія объ умноженіи въ послѣднія времена лжеучителей и обращеніи народа іудейскаго къ Иисусу Христу предъ Его вторымъ пришествіемъ, о явленіи антихриста, о безумной его гордости, ложныхъ чудесахъ и ужасной казни.—По выпренности созерцанія Павелъ можетъ столь же справедливо, какъ и Іоаннъ, именоваться орломъ богословія. Въ первой главѣ посланія къ евреямъ господствуетъ возвышенность мыслей, подобная той, коей удивляемся въ первой главѣ Іоаннова евангелія ¹⁾).

О внѣшнемъ образѣ изложенія мыслей Павелъ самъ даетъ отзывъ, когда говоритъ, что слово и проповѣдь его состояли не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, а въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4). Въ другомъ мѣстѣ онъ даже называетъ себя *невѣждою* (*ἰδιώτης*) въ словахъ (2 Кор. 11, 6). Безъ сомнѣнія, онъ разумѣетъ здѣсь то буйство проповѣди, коимъ благоволилъ Богъ спасти міръ, не познавшій Бога въ премудрости Божіей,—то бус Божіе, которое мудрѣе всѣхъ

¹⁾ V. Tzschirner Observationes Pauli Ap. Epistolarum, Scriptoris ingenium concernentes. Witeb. 1800. 4.

человѣковъ. Впрочемъ, хотя Павелъ не заботился о томъ, чтобы льстить слуху и вкусу тѣхъ, къ коимъ онъ писалъ; но естественный даръ къ краснорѣчію, освященный Духомъ Божиимъ, никогда не оставлялъ его. Нѣтъ почти ни одного украшенія мыслей и словъ, для коихъ не находилось бы прекрасныхъ образцовъ въ посланіяхъ Павловыхъ; изъ нихъ однихъ можно извлечь всѣ правила для церковнаго витійства ¹⁾. Лонгинъ, не будучи христіаниномъ, поставлялъ Павла за краснорѣчіе наряду съ лучшими витіями греческими ²⁾.

Не излишне замѣтить, что посланія Павловы писаны не имъ самимъ, а писцомъ, коему они были диктованы (Римл. 16, 22). Павелъ только имѣлъ обыкновеніе подписывать собственноручно въ концѣ посланія привѣтствіе, что служило отличительнымъ знакомъ его истинныхъ писаній (Кор. 16, 21; Кол. 4, 8). Причина сего, по сказанію св. Златоуста ³⁾, состояла въ томъ, что почеркъ его письма былъ весьма неисправенъ и нечетокъ.

Неблагодарное усердіе къ памяти апостола, или нечистое намѣреніе прикрыть свои вымыслы высокимъ именованіемъ его, или предосудительное желаніе пополнить собственными догадками нѣкоторыя пустыя мѣста въ его исторіи, было причиною, что подъ именованіемъ апостола появились нѣкоторыя ложныя сочиненія, какъ-то: *Вознесеніе Павла, Апокалипсисъ, Дѣянія Павла и*

¹⁾ V. Bauer Rhetorica Paulina. Hal. 8, 1783.

²⁾ V. Berthold in Einleitung.

³⁾ Hom. in Epist. ad Gal. 6, 11. Тоже сказаніе находится у Иеронима Теодорита.

Феклы, Переписка Павлова съ Сенекою, Посланіе къ Лаодикійцамъ.

О *Вознесеніи* *ἀναβητικῶν* Павла такъ говоритъ Епифаній ¹⁾: «еще и другую книгу вымыслили (каиниты) подъ именемъ апостола, исполненную нестерпимыхъ соблазновъ, обращающуюся въ употребленіи и у тѣхъ, кои называются гностиками. Называютъ же ее *Вознесеніемъ Павла*. Поводъ къ такому подлогу взятъ ими изъ 2 Кор. 12, 7, гдѣ апостоль говоритъ, что онъ восхищенъ былъ до третьяго неба и слышалъ тамъ неизреченные глаголы. Изъ сихъ-то глаголовъ, по ихъ увѣренію, составилась оная книга». Августинъ также зналъ сію книгу, равно какъ и подложность ея ²⁾. «Нѣкоторые изъ людей, живущихъ въ духѣ», говоритъ онъ, «достигли того, о чемъ нельзя человѣку и говорить; по какому случаю пустые люди съ неимовѣрною дерзостію вымыслили *Вознесеніе Павла*, отвергаемое Церковію, исполненное нелѣпныхъ вымысловъ. Еще бы нѣсколько спосна была ихъ дерзость, если бы апостоль сказалъ, что онъ слышалъ то, чего нельзя еще человѣку говорить: но когда онъ безъ ограниченія сказалъ, что человѣкъ не можетъ говорить о томъ, что имъ слышано: то кто сіи люди, кои дерзаютъ безстыдно и нелѣпо говорить о сихъ предметахъ?» Болѣе о *Вознесеніи* Павла ничего неизвѣстно.

Подобнаго достоинства *Апокалипсисъ Павловъ*. Со-
зоменъ сказываетъ ³⁾, что онъ въ его время пользо-

¹⁾ De Hair, 38, num. 2.

²⁾ Tract. 98, in Ioh.

³⁾ Hist. Eccl. Lib. 7, cap. 19.

вался уваженіемъ нѣкоторыхъ монаховъ, и былъ найденъ, по откровенію, въ тарсскомъ домѣ апостола Павла, подъ землею, въ мраморномъ ящикѣ. Тотъ же писатель увѣряетъ, что когда онъ, сомнѣваясь въ истинѣ сего происшествія, спросилъ о немъ престарѣлаго пресвитера тарскаго, то сей рѣшительно отвѣчалъ, что въ Тарсѣ никто не слышалъ о семъ происшествіи, и что оно, равно какъ и книга, безъ сомнѣнія, суть вымыселъ еретиковъ. — Обѣ предшествующія книги давно потеряны, если только можно назвать сіе потерю.

О *Дьяніяхъ Павла и Θεκλμ* упоминалъ еще Тертуліанъ ¹⁾. Онъ же говоритъ, что сочинитель ихъ есть одинъ азійскій пресвитеръ, который, бывъ обличенъ въ подлогѣ, признался, что онъ сдѣлалъ его изъ любви къ Павлу. *Дьянія* сіп дошли до нашихъ временъ съ нѣкоторыми прибавленіями и перемѣнами ²⁾. Содержаніе ихъ составляютъ: чудесное обращеніе Павломъ Θεκλμ, разнообразное мученичество послѣдней, и множество чудесъ, съ нимъ соединенныхъ. Основоу вымысла могло быть истинное происшествіе; ибо многіе изъ древнихъ писателей упоминаютъ о мученицѣ Θεκλμ ³⁾.

Переписка Павла съ Сенекою, хотя Иеронимъ вѣрилъ ея подлинности ⁴⁾, не стоитъ и Сенеки, не только Павла. Она состоитъ изъ тринадцати писемъ, весьма бѣдныхъ по содержанію. Всѣ они суть произведеніе одного пера. Языкъ (латинскій) непрестанно измѣняетъ автору. Не-

¹⁾ De Bapt. 17.

²⁾ V. Grabii specil. Pat. sec. 1.

³⁾ Кипріанъ in Orat. pro Mart., Иеронимъ Epist. 22, также Григорій Назіанзинъ, Амвросій, Златоустъ, Исидоръ Пелусіотъ и др.

⁴⁾ Catal. 5.

смотря на краткость, въ нихъ находится много историческихъ ошибокъ, вовсе неумѣстныхъ въ Сенекѣ ¹⁾. Философъ удивляется мудрости апостола, производитъ ее отъ Духа Святаго, и въ то же время совѣтуетъ ему побольше заботиться о слогахъ.

Посланіе къ Лаодикійцамъ состоитъ изъ двадцати стиховъ: такъ лѣнивъ былъ сочинитель, несмотря на свою охоту писать за другихъ! И сіи двадцать стиховъ суть не что иное, какъ буквальный выборъ изъ другихъ посланій Павловыхъ, такъ что нельзя сыскать произведенія, которое было-бы по содержанию незначительнѣе сего посланія. Иеронимъ зналъ опое и почиталъ подложнымъ ²⁾.

Кромѣ сего, на армянскомъ языкѣ есть два письма—одно къ Павлу отъ коринѳянъ, другое къ нимъ отъ Павла ³⁾. Сочинитель думалъ, безъ сомнѣнія, замѣнить мнимую потерю посланія Павлова къ коринѳянамъ, которое, повидимому, никогда не существовало (1 Кор. 5, 9).

Самыя подложныя сочиненія, нами исчисленныя, показываютъ уже, что имя Павла еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства было именемъ, возбуждающимъ уваженіе. Изъ однихъ наименованій, коими христіанскіе писатели старались выражать величіе и доблести души Павловой, можетъ составиться цѣлое слово въ похвалу

¹⁾ Наприм. онъ говоритъ, что во время пожара въ Римѣ выгорѣло только 132 дома, или четыре квартала; между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Тацита, изъ 14 частей города только 4 остались цѣлы.

²⁾ Catal. g.

³⁾ Schmidt. Handbuch der Kirchengesch. 1. Theil, pag. 423, 1801.

сему апостолу. Церковь усвоила ему вмѣстѣ съ Петромъ наименованіе *первоверховнаго*; но по трудамъ апостольскимъ всегда признавала его первымъ изъ апостоловъ. Св. Златоустъ, кажется, никогда такъ не былъ краснорѣчивъ, какъ когда разсуждалъ о Павлѣ. Онъ написалъ ему нѣсколько похвальныхъ словъ, съ особеннымъ тщаніемъ изъяснялъ его посланія, называлъ его своимъ учителемъ, посвятилъ ему (если вѣрнѣе темному преданію) свои Толкованія на св. писаніе, весьма часто и въ бесѣдахъ и въ другихъ сочиненіяхъ обращался къ дѣяніямъ Павловымъ, подражалъ ему въ образѣ мыслей и въ самыхъ выраженіяхъ. Вотъ слова, коими онъ заключаетъ свое толкованіе на посланіе къ римлянамъ, и коими столь же прилично заключить жизнеописаніе Павлово:

«Кто дастъ мнѣ нынѣ, да обниму тѣло Павлово, да повергнусь на гробъ его, да узрю прахъ того тѣла, въ коемъ восполнялось лишеніе скорбей Христовыхъ, которое носило на себѣ язвы Господа своего; — да узрю прахъ тѣхъ устъ, кои изрекли блаженныя оныя слова: «я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ моихъ» (Римл. 9, 3), — кои вѣщали предъ царями и не стыдились... чрезъ коихъ Христось провѣщалъ величайшія тайны, большія нежели чрезъ себя самого... Чего не совершали сій уста? Демоновъ изгоняли, грѣхи разрѣшали, тирановъ приводили къ молчанію, связывали языки философовъ, вселенную обратили къ Богу, варварамъ внушили любомудріе, все, что на землѣ, привели въ порядокъ, располагали по волѣ всѣмъ, что на небѣ, связывали, разрѣшали, по данной имъ власти. Желалъ бы видѣть прахъ и онаго сердца,

которое всякій можетъ смѣло назвать сердцемъ вселенныя... Такъ пространно было сіе сердце, что могло вмѣщать цѣлыя города, области, народы. Ибо онъ говоритъ: *сердце наше разширено*. Сердце, которое жило новою жизнію, не сею нашею: *уже не я живу*, говоритъ, *а живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Итакъ сердце Павла было сердцемъ *Христовымъ*, скрижалями Духа Святаго, книгою благодати... Желалъ бы видѣть и прахъ рукъ, узами связанныхъ, возложеніемъ преподававшихъ Духа Святаго, написавшихъ сіи строки: *смотрите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою* (Гал. 4, 11), оныхъ, говорю, рукъ, кои увидѣвъ, ехидна упала въ огонь. Желалъ бы видѣть прахъ очей, претерпѣвшихъ счастливую слѣпоту и снова прозрѣвшихъ для блага всего міра, удостоившихся видѣть тѣлесно Іисуса Христа, очей, кои земное видя, не видѣли, а созерцали невидимое, кои сна не знали, въ полунощи были бодры, въ коихъ не было никакой зависти. Желалъ бы видѣть и прахъ ногъ, кои, не утруждаясь, проходили вселенную, которыя были забиты въ колоду, но освобождены землетрясеніемъ.

«Но для чего исчислять все въ подробности? Желалъ бы видѣть гробъ, гдѣ лежитъ оружіе правды, оружіе свѣта, члены теперь живые, но когда онъ (Павелъ) жилъ, мертвые, въ коихъ всѣхъ жилъ Христосъ, кои распяты были міру, члены Христовы, во Христа облеченные, храмъ Духа, жилище святыхъ...

«Все сіе представляя, будемъ стоять мужественно; ибо и Павелъ былъ челоуѣкъ одной съ нами природы, имѣя все то, что есть и у насъ. Но поелику онъ показывалъ величайшую любовь къ Іисусу Христу, то прошелъ

небеса и находится теперь между ангелами. Итакъ, если и мы рѣшимся возстать отъ духовной недѣятельности и оживить въ сердцѣ нашемъ онъи огнь (любви), то въ состоянїи будемъ подражать сему праведнику. Если бы это было для насъ невозможно, то онъ не воскликнулъ бы, говоря: «подражайте мнѣ, какъ я Христу!» (1 Кор. 4, 16). Итакъ намъ должно не удивляться только Павлу, но и подражать ему, дабы, прешедъ изъ сей жизни, мы удостоились насладиться его лицезрѣнїемъ и раздѣлить съ нимъ неизрѣченную славу, которая да будетъ удѣломъ всѣхъ насъ, по благодати и милости Иисуса Христа, коему со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, честь, держава нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь».

ЖИЗНЬ

СВЯТОГО СВАЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРІАНА

ЕПИСКОПА КАРΘΑΓЕНСКАГО.

ЖИЗНЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРІАНА ¹⁾:

Оасцій Цецилій Кипріанъ (полное наименованіе святи- теля) родился въ Карфагенѣ, знаменитомъ городѣ Африки, около 201 года. Неизвѣстно, кто именно были его родители, ибо ни онъ самъ, ни его дѣлписатели не упоминають о нихъ. Извѣстно только, что онъ произо- шелъ отъ знаменитой карфагенской фамиліи ²⁾, и что родители его, обладая великими богатствами, не имѣли единого истиннаго сокровища—вѣры во Христа.

¹⁾ Свѣдѣнія сіи почерпнуты а) изъ собственныхъ сочиненій св. Кипріана и особенно изъ его писемъ; б) изъ жизни Кипріана, пи- санной Понтіемъ Діакономъ, который неотлучно находился при немъ въ послѣдніе годы его жизни; в) изъ похвального слова св. Кипріану Григорія Назіанзина и бесѣды Августина о мученичествѣ св. Кипріана; г) изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ писаніяхъ Іеронима, Августина и другихъ, гдѣ они сказываютъ что-либо о св. Кипріанѣ.

²⁾ Григ. Наз. въ похвальн. словѣ св. Кипр.

Воспитаніе, полученное Кипріаномъ, соотвѣтствовало знатности происхожденія и отличнымъ его дарованіямъ. Онъ былъ обученъ всѣмъ наукамъ, которыя входили въ составъ тогдашняго языческаго образованія, особенно же изящнымъ ¹⁾. Въ послѣднихъ оказалъ онъ столько успѣха, что изъ слушателя краснорѣчія непосредственно сдѣлался наставникомъ онаго въ карагенскомъ училищѣ ²⁾. Изъ обыкновенія, по коему въ древности должность публичнаго учителя краснорѣчія большею частію была соединяема съ званіемъ судебного оратора, и изъ слога нѣкоторыхъ писемъ Кипріановыхъ ³⁾ заключаютъ, что онъ даръ слова своего употреблялъ между прочимъ и на защищеніе невинности предъ зеркаломъ правосудія.—Съ основательнымъ знаніемъ отечественнаго (латинскаго) языка Кипріанъ соединялъ обширныя свѣдѣнія въ греческомъ. Посему-то, сдѣлавшись христіаниномъ, въ сочиненіяхъ своихъ онъ нигдѣ почти не держался какого-либо латинскаго перевода св. писанія, а слѣдовалъ (особенно въ книгѣ псалмовъ) собственному разумѣнію греческаго текста и, подобно Тертуліану, всегда приводилъ евангелія съ греческимъ заглавіемъ (напр. *κατά Ματθαίου* и проч.).

Рожденный и воспитанный въ языческой религіи, Фасцій не былъ однакоже изъ числа тѣхъ язычниковъ, которые, бывъ ослѣплены предрасудками рожденія и воспитанія, не усматривали ничего нелѣпаго въ язычествѣ. Онъ не могъ безъ негодованія присутствовать въ

¹⁾ Понтій въ жизни св. Кипр.

²⁾ Герон. въ катал. знам. мужей.

³⁾ Письмо къ Донату.

циркѣ, гдѣ несмысленные юноши искали безразсудной славы въ сраженіи съ звѣрями, и гдѣ безумныя матери съ торжественными кликами возбуждали къ новымъ сраженіямъ дѣтей, уже истерзанныхъ лютыми животными ¹⁾). Безстыдныя представленія позорныхъ дѣйствій на театрѣ, сопровождаемыя всеобщимъ восторгомъ и одобреніемъ, также не нравились Ѳасцію, и производили въ немъ одно сожалѣніе о томъ, что пороки не только остаются ненаказаннымъ, но и живетъ съ похвалою въ памяти потомства ²⁾). Особенно же сокрушалось сердце его при мысли о безстыдныхъ дѣяніяхъ, коими миѳологія старалась украсить исторію своихъ боговъ. Чего добраго, думалъ онъ, можно ожидать отъ тѣхъ людей, кои поклоняются столь развратнымъ богамъ ³⁾? Печальный опытъ еще болѣе укрѣплялъ его въ сей мысли! Развратъ царствовалъ во всѣхъ состояніяхъ: въ судилищахъ, чертогахъ царей, даже въ храмахъ совершаемы были такія преступленія, коихъ можно было ожидать только въ вертепахъ разбойниковъ; благо-разумнѣйшіе люди старались быть только сокровеннѣйшими злодѣями; нравственность, изгнанная изъ сердецъ, оставалась на одномъ языкѣ и вмѣстѣ съ нимъ обращалась и превращалась по прихотямъ страстей ⁴⁾). Все сіе, произведя въ Кипріанѣ отвращеніе отъ язычества, возбудило въ душѣ его спасительный глады истинной религіи.

¹⁾ Письмо къ Донату.

²⁾ Письмо къ Донату.

³⁾ Письмо къ Донату.

⁴⁾ Письмо къ Донату.

Духъ Кипріана находился въ самомъ мучительномъ состояніи. Онъ видѣлъ ложь и суету того, что другіе и онъ самъ почитали за истину; ощущалъ въ душѣ своей непреодолимую потребность истины, и не находилъ никакого способа удовлетворить оной. Умъ его боролся съ тысячею сомнѣній, изъ коихъ каждое превышало его силы. Сердце его изнемогало среди множества противоположныхъ желаній, изъ коихъ одни привлекали своею чистотою, другія увлекали своею грубостію ¹⁾. Кипріанъ, такъ сказать, висѣлъ между небомъ и землею. Но поелику онъ искренно алкалъ правды, искренно жаждалъ истины, то Промыслъ не умедлилъ ниспослать ему хлѣбъ небесный и воду жизни.

Кипріанъ находился въ дружеской связи съ однимъ христіанскимъ пресвитеромъ, по имени Цециліемъ. Сей другъ-христіанинъ не могъ безъ сердечнаго сокрушенія видѣть, какъ жалко блуждалъ Кипріанъ во тьмѣ невѣрія. Онъ обнаружилъ предъ нимъ недостатки языческой религіи, которые еще могли укрываться отъ него, какъ язычника, и изобразилъ духъ христіанства во всемъ его благотворномъ величіи. Святость жизни его ругалась за истину его словъ,—и Кипріанъ, которому надлежало только видѣть истину, дабы полюбить ее, рѣшился быть христіаниномъ. Другъ его, обрадованный своимъ успѣхомъ, принялъ на себя обязанность наставить его въ первоначальныхъ истинахъ христіанской вѣры. Изъ благодарности къ таковому попеченію о себѣ, Кипріанъ принялъ его имя ²⁾, не отпуская отъ себя

¹⁾ Письмо къ Донату.

²⁾ Письмо къ Флорентину.

до самой его кончины, любилъ и уважалъ, какъ отца, и по смерти его принялъ на себя попеченіе о его семействѣ ¹⁾).

Благія качества сердца Кипріанова, нашедши среднюю себѣ пищу въ высокой нравственности христіанской, скоро начали раскрываться во всей силѣ. Кипріанъ рѣшился быть истиннымъ христіаниномъ. Онъ совсѣмъ не думалъ искать способа, какъ согласить пышность своего прежняго состоянія съ строгостію принимаемой имъ религіи. Ему казалось, что слова Спасителя, повѣлѣвшаго юношѣ продать имѣніе и раздать нищимъ, сказаны были именно ему. Посему онъ продалъ немедленно имѣніе свое, состоявшее въ домахъ, садахъ и украшеніяхъ, и полученные за оное деньги роздалъ нищимъ — будущимъ братіямъ во Христѣ. Сей дивный опытъ любви ко Христу Кипріанъ оказалъ, не получивъ еще залога вѣры — крещенія, такъ что онъ отрекся міра и похоти его прежде дѣлами, нежели долженъ былъ отречься онаго предъ купелью крещенія словами ²⁾).

Вскорѣ за симъ послѣдовало крещеніе (246). Къ умноженію духовной радости Кипріана, Донатъ, искренній другъ, бывшій сотоварищемъ его въ изученіи мудрости языческой, содѣлался соучастникомъ его въ мудрости христіанской ³⁾. Дѣйствія Духа Божія при крещеніи и послѣ онаго такъ были ощутительны для обоихъ, что они въ письмахъ своихъ не находили словъ къ выраженію превосходства настоящаго своего состоя-

¹⁾ Понтій въ жизни Кипр.

²⁾ Понтій въ жизни св. Кипр.

³⁾ Письмо къ Донату.

нія предъ состояніемъ въ язычествѣ. «Когда я», — писалъ Кипріанъ, — «былъ окруженъ тьмою язычества и въ нерѣшимости сердечной блуждалъ умомъ своимъ, не находя ни въ чемъ успокоенія: — для меня казалось совершенно невозможнымъ оставить прежнюю грѣхонную жизнь, и содѣлаться истинно добродѣтельнымъ человѣкомъ. Я не могъ представить себѣ, чтобы животносныя воды крещенія могли омывать грѣхи и возродить человѣка для новой жизни въ Богѣ. Возможно ли, размышлялъ я самъ съ собою, чтобы вдругъ искоренилось столько привычекъ, которыя перешли въ самую природу; чтобы законъ грѣха потерялъ силу надъ сердцемъ, которое питалось беззаконіемъ; чтобы изъ человѣка слабого, преданнаго грѣху отъ юности, сдѣлался новый человѣкъ, любящій и дѣлающій одну правду; и чтобы всѣ сіи чудеса совершились въ той же брэнной плоти, которая была источникомъ зла, нищею разврата, сѣдалищемъ діавола? Въ сихъ мысляхъ, я считалъ излишнимъ всякое покушеніе противъ грѣха, во мнѣ живущаго; ненавидѣлъ его и мирился съ нимъ, какъ съ непобѣдимымъ противникомъ; желалъ быть добродѣтельнымъ и полагалъ навсегда оставаться въ области грѣха... Но когда свѣтъ благодати проникъ мракъ, окружавшій мою душу, и я ощутилъ въ сердцѣ своемъ присутствіе божественной силы: всѣ сомнѣнія исчезли, благія намѣренія укрѣпились, святыя надежды ожили, невозможное сдѣлалось возможнымъ, и духъ мой, окриленный вѣрою, подобно орлу воспарилъ надъ бездною собственнаго растлѣнія. Ты знаешь сіе, любезный другъ, такъ же хорошо, какъ и я, мы оба удостоены незаслуженной милости Божіей. А посему намъ должно

теперь упражнять по возможности силы, сообщенныя намъ свыше, дабы благоразумнымъ и вѣрнымъ употребленіемъ ихъ содѣлаться достойными новыхъ даровъ божественныхъ: Богъ нашъ неистощимъ въ своихъ щедротахъ» ¹⁾).

Достоинъ замѣчанія, что первое по обращеніи письмо къ Донату написано самымъ красивымъ слогомъ и исполнено всею роскошію языческаго витійства ²⁾, между тѣмъ какъ всѣ прочія письма и сочиненія Кипріана писаны, хотя сильнымъ и трогательнымъ, но простымъ и безыскусственнымъ слогомъ. По замѣчанію Августина ³⁾, сіе сдѣлано было Кипріаномъ не безъ намѣренія: ему хотѣлось, чтобы послѣдующіе роды, зная, какъ писалъ Кипріанъ до христіанства и какъ писалъ, сдѣлавшись христіаниномъ, могли тѣмъ удобнѣе судить о благотворномъ дѣйствіи христіанскаго ученія, которое преобразовало на лучшее не только сердце, но и самый языкъ Кипріана.

Возбуждая друга своего къ дѣятельной жизни въ духѣ христіанства, Кипріанъ самого себя непрестанно упражнялъ въ подвигахъ добродѣтели. Не было ни одного добраго дѣла, къ совершенію котораго онъ не почиталъ себя обязаннымъ. Понимая всю высоту духовнаго совершенства, котораго Іисусъ Христосъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей, и зная, что высота сія не иначе можетъ быть достигнута, какъ по совершенномъ обузданіи мятежной плоти, онъ наложилъ на сего до-

¹⁾ Письмо къ Донату о благодати.

²⁾ Руфинъ въ предувѣдом. къ бесѣд. Ориг. на книгу Числъ.

³⁾ Август. о учен. христ. книг. 4, гл. 14.

машняго врага крѣпкія узы воздержанія и самоумерщ-
вленія ¹⁾. Язычникамъ, знавшимъ прежній образъ жизни
Кипріана, казалось, что онъ сдѣлался безплотнымъ.
Для него осталась одна роскошь—любви къ ближнимъ.
Въ семь случаѣ онъ, подобно Моисею и Павлу, не
любилъ наблюдать мѣры. Вообще, поведеніе новообра-
щеннаго Кипріана было таково, что ему могли подра-
жать многіе даже изъ тѣхъ, кои всю жизнь провелъ въ
христіанствѣ ²⁾.

Около сего времени, по всей вѣроятности, написана
Кипріаномъ книга «о суетѣ идоловъ». Сіе видно какъ
изъ того, что Понтій, говоря о сочиненіяхъ Кипріана,
написанныхъ имъ во время уединенія, не упоминаетъ
о сей книгѣ, такъ и изъ того, что новообращеннымъ
прежде всего старались внушить ничтожность идоловъ ³⁾,
а если они были изъ числа ученыхъ, то заставляли ихъ
писать о семъ предметѣ въ видѣ защищенія противъ
язычниковъ. Самый составъ книги указываетъ на сіе
время; въ немъ невидно ничего такого, о чемъ Кипріанъ
не преминулъ бы упомянуть, если бы писалъ оную,
будучи пресвитеромъ или епископомъ. Всего приличнѣе
было начать Кипріану поприще христіанскаго писателя
опроверженіемъ идоловъ, коихъ онъ, по свидѣтельству
Іеронима ⁴⁾, защищалъ, будучи язычникомъ.

Всеобщее удивленіе, возбуждаемое добродѣтелями
Кипріана, недолго оставалось безъ плода. Несмотря

¹⁾ Понтій въ жизни Кипр.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Оригенъ, противъ Цельса.

⁴⁾ Катах. зван. мужей.

на то, что онъ былъ между самыми новообращенными новообращенный, его, по общему согласію, причислили къ сословію клира, а вскорѣ сдѣлали и пресвитеромъ ¹⁾. Всѣ видѣли, пишетъ Понтій, что успѣхи Кипріана въ духовной жизни не подчинены обыкновенному порядку времени; а посему никто не почиталъ нужнымъ подчинять его принятому порядку церковныхъ степеней. Гласъ народа въ семъ случаѣ былъ только отголоскомъ гласа Божія.

Съ распространеніемъ круга обязанностей, распространялась и ревность Кипріана. Домъ его отверсть былъ для всякаго: голодный находилъ въ немъ пищу, нагій — одежду, угнетаемый — защиту, кающійся — утѣшеніе, слабый совѣстію — здравый совѣтъ ²⁾. Никто не возвращался изъ него недовольнымъ, развѣ токмо собственнымъ недостойнствомъ.

Между тѣмъ, преимущественнымъ занятіемъ Кипріана было проповѣданіе божественнаго слова. Зная, что примѣры гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на сердце, онъ старался не столько указывать, какъ должно поступать, сколько показывать, какъ поступали святые Божіи чело-вѣки. Въ изображеніи каждаго изъ нихъ онъ наблюдалъ нѣкоторое святое искусство ³⁾. Проходя жизнь какого либо святого мужа, онъ останавливалъ вниманіе своихъ слушателей на тѣхъ качествахъ его сердца и на тѣхъ подвигахъ его, коими онъ заслужилъ особенное благоволеніе Божіе, дабы, возводя слушателей къ самому

¹⁾ Понтій, въ жизни Кипр.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

источнику духовнаго величія прославляемаго праведника, открыть имъ тѣмъ удобнѣйшій способъ подражать его добродѣтелямъ. Слушатели Кипріана съ радостію примѣчали во многихъ поступкахъ его близкое и вѣрное подражаніе нѣкоторымъ знаменитымъ дѣяніямъ св. мужей ¹⁾.

Вскорѣ послѣдовавшая смерть кареагенскаго епископа подала народу случай снова изъяснить глубокое уваженіе, которое всѣ имѣли къ пастырскимъ добродѣтелямъ Кипріана. Онъ по времени принадлежалъ еще къ числу новообращенныхъ; несмотря на сіе, всѣ желали имѣть его епископомъ. Не столько бы тяжела была вѣсть о гоненіи для малодушія слабыхъ, сколько тяжело было извѣстіе о семъ для Кипріана. Никто бо-лѣе его не сознавалъ достоинства другихъ, и никто менѣе его не чувствовалъ собственныхъ совершенствъ. Онъ рѣшительно отказался отъ епископскаго престола. Но народъ, наученный его же примѣромъ не ослабѣвать въ совершеніи похвальныхъ предпріятій, не отсталъ отъ своего намѣренія. Произошло странное зрѣлище! Одни собрались во множествѣ предъ домомъ будущаго святителя, другіе заняли всѣ входы и исходы онаго; прочіе, оставшись во храмѣ, молились, какъ бы ожидая отъ него приговора надъ собою ²⁾. Кипріанъ, такъ сказать, осажденный усердіемъ будущей паствы, внялъ въ ея гласъ гласу Божію, и мѣсто унынія заступили всеобщая радость и торжество.

Побѣжденный любовію своей паствы, св. Кипріанъ

¹⁾ Понтій, въ жизни св. Кипр.

²⁾ Понтій, въ жизни св. Кипр.

нашелъ способъ сдѣлаться въ свою чреду побѣдителемъ. Нѣкоторымъ не нравилось видѣть епископа изъ новообращенныхъ. Киприанъ не только не показывалъ имъ никакого нерасположенія, но и удостоилъ ихъ особенной близости къ себѣ, довѣрія и дружества, какъ бы они были первѣйшими изъ его доброжелателей. Зависть сихъ людей, противустоя всѣмъ прочимъ добродѣтелямъ Киприана, не могла устоять противъ любви ко врагамъ, въ такомъ избыткѣ украшавшей сего святителя: они смирились и содѣлали искренними почитателями его добродѣтелей ¹⁾).

Когда Киприанъ принялъ жезлъ папскій, Церковь наслаждалась миромъ. Миръ сей сдѣлался вреднымъ для нея по слабости ея членовъ. Благочиніе начало ослабѣвать во многихъ: святые обѣты исполняемы были только по наружности ²⁾. Особенно замѣтно было сіе въ дѣвахъ, посвятившихъ себя безбрачному состоянію. Сей, по выраженію Киприана, цвѣтъ Церкви, вмѣсто благоуханія Христова, издавалъ воню мірскихъ ароматовъ. Киприанъ мужественно ополчился противу сего злоупотребленія, и написалъ книгу «о благочиніи и одеждѣ дѣвственницъ». Восхваливши въ началѣ ея добродѣтель дѣвства, и доказавъ превосходство его предъ супружествомъ изъ многихъ мѣстъ св. писаній, онъ со всею основательностію опытнаго наставника изъяснялъ, что добродѣтель сія не состоитъ въ одномъ сохраненіи чистоты тѣлесной, но въ цѣломудріи души, непричастной плотскимъ помысламъ. Отсюда заключалъ, что

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Письмо 55 и книга о благочиніи.

дѣвамъ посвятившимъ себя Христу, не только неприлично искать соблазнительныхъ связей, но и присутствовать въ тѣхъ мѣстахъ и между тѣми лицами, которыя могутъ быть опасны для невинности. Отрекшись отъ міра, онѣ не должны привлекать на себя взоры міролюбцевъ пышными украшеніями, но, уготовляя себя въ невѣсты Христу, должны заботиться объ одномъ украшеніи души благими дѣлами. Богатство не даетъ имъ никакого права на роскошь; ибо всегда и вездѣ есть много бѣдныхъ людей, которые имѣютъ полное право на ихъ вспоможеніе. Мнимое внутреннее безстрастіе не оправдываетъ ихъ внѣшняго великолѣпія: ибо трудно повѣрить, чтобы тотъ сохранить могъ цѣлымъ сердце, кто не имѣетъ столько твердости, чтобы отказаться отъ красоты тѣлесной. Въ заключеніи св. Кипріанъ умолялъ дѣвственницъ памятовать о важности своего обѣта и не забывать о немъ въ молитвахъ, если какая-либо изъ нихъ, разрѣшившись отъ узъ тѣла, предстанетъ небесному Жениху ¹⁾).

Сему же времени (250) и сему же попеченію о благочиніи обязано появленіемъ своимъ посланіе Кипріана къ Евстратію о нѣкоторомъ актерѣ, который, по обращеніи въ христіанство, хотя оставилъ театръ, но занимался въ домѣ обученіемъ актеровъ, также къ Рогаціану о безчинномъ діаконѣ, дерзнувшемъ повосить своего пресвитера, и къ Помпонію о дѣвственницахъ, позволявшихъ себѣ опасную и соблазнительную близость къ мужескому полу. Кипріанъ ни слова не говоритъ въ нихъ о гоненіяхъ; но еслибы они писаны были въ по-

¹⁾ Книга объ одеждѣ дѣвственницъ.

слѣдующее время, то опасность со стороны гонителей послужила бы для него новымъ источникомъ убѣжденій къ нарушителямъ церковныхъ правилъ.

Среди сихъ попеченій о благоустройствѣ Церкви возгорѣлось гоненіе на христіанъ: однихъ заточали, другихъ повергали въ темницы; иныхъ подвергали осмѣянію и лишенію имущества. Кипріанъ осужденъ былъ на послѣднее ¹⁾. Но мятежная чернь изъ ненависти къ толь знаменитому епископу непрестанно требовала его на сраженіе его со львами ²⁾. Кипріанъ не страшился мукъ; уже онъ оказалъ опытъ своей непоколебимости въ циркѣ ³⁾. Но вдругъ, подобно апостолу, увидѣлъ, что если для него лучше разрѣшиться и быть со Христомъ, то для паствы его полезнѣе, чтобы онъ оставался въ тѣлѣ. Онъ еще могъ сомнѣваться, дѣйствительно ли откладываніе (умереть мученикомъ онъ почиталъ необходимою принадлежностію своего епископства) мученичества происходило не изъ естественнаго страха смерти, а изъ любви къ ближнимъ. Но откровеніе, повелѣвавшее ему удалиться, прекратило его благочестивую нерѣшимость ⁴⁾. Послѣ сего самый вѣнецъ мученическій былъ бы только признакомъ гордости и непослушанія, и Кипріанъ, препоручивъ управленіе Церковію четыремъ испытаннымъ въ вѣрѣ и добродѣтели мужамъ (Бридію, Нумидину и Тертилу пресвитерамъ, изъ коихъ послѣдній послѣ былъ епи-

1) Письмо къ Пуліану 69.

2) Письмо 15 къ римск. клиру.

3) Письмо 55. Въ чемъ именно состоялъ сей опытъ, неизвѣстно.

4) Письмо 10 къ караген. клиру.

скопомъ, и Робаціану старцу, послѣ мученику) удался съ діакономъ Викторомъ въ нѣкоторое сокровенное мѣсто ¹⁾.

Первыя извѣстія, полученныя Кипріаномъ въ своемъ убѣжищѣ, были весьма радостны. Нѣкоторые изъ паствы его украсились уже вѣнцемъ мученическимъ; другіе, заключенные въ темницахъ, съ радостію готовились пролить кровь свою за Христа. Отъ полноты пастырской радости, онъ писалъ къ послѣднимъ въ темницу, благодарилъ ихъ за постоянство въ вѣрѣ, изъявлялъ желаніе насладиться ихъ лицезрѣніемъ, укрѣплялъ ихъ надежду и ублажалъ ихъ участь ²⁾. Въ то же время писалъ къ кареагенскому епископу, повелѣвая ему пецись о сохраненіи въ народѣ благочинія среди смутностей гоненія, доставлять все нужное лишеннымъ за Христа имущества и заключеннымъ въ темницу, воздавать послѣдній долгъ тѣламъ мучениковъ, и замѣчать день ихъ исхода для будущаго празднованія онаго, воздерживать народъ отъ многочисленныхъ собраний предъ темницами, дабы язычники, по своей злобѣ, не нашли въ нихъ чего-либо опаснаго для общественнаго благоденствія ³⁾. Вслѣдъ за симъ, Кипріанъ снова писалъ къ своему епископу, препоручая его попеченію всѣхъ страдавшихъ отъ гоненія ⁴⁾. Поелику общественное имущество, находившееся въ распоряженіи епископа, могло быть недостаточнымъ для удовлетворенія нуж-

¹⁾ Письмо 6 къ нему же.

²⁾ Письмо къ каре. исповѣдникамъ.

³⁾ Письмо 5 и 12 къ каре. епископу.

⁴⁾ Письмо 7 къ нему же.

дамъ великаго числа бѣдныхъ, то онъ повелѣвалъ присоединить къ оному остатки собственнаго своего имѣнія.

Но вскорѣ радость Кипріана возмущена была печалью. Многіе, устращаясь мукъ, отвергались Христа и приносили жертвы идоламъ; другіе, не отваживаясь на сію крайность, покупали у корыстолюбивыхъ градоправителей рукописанія свободы ¹⁾. Зло сіе само по себѣ немаловажное, было предвѣстіемъ еще большихъ бѣдствій. Когда, съ удаленіемъ изъ Карфагена проконсула, гоненіе ослабѣло, то многіе изъ тѣхъ, кои изгнаны были за Христа изъ отечества, пользуясь симъ случаемъ самовольно возвращались въ свои дома, подвергая симъ и себя и всѣхъ христіанъ нареканію въ неовповненіи императорскимъ законамъ. Кипріанъ немедленно обличилъ виновныхъ строгимъ посланіемъ ²⁾. Къ большому огорченію его, нѣкоторые исповѣдники освободившись изъ темницъ, поступали недостойно имени Христа, ими исповѣданнаго. Кипріанъ писалъ и къ нимъ, напоминалъ, откуда они низпали, изображалъ опасное состояніе тѣхъ, кои, подобно имъ, отвергаются познанной уже истины, представлялъ пагубныя слѣдствія ихъ пороковъ для Церкви, которая взираетъ на нихъ, какъ на примѣръ, и въ заключеніе собственными ранами ихъ, претерпѣнными за Христа, умолялъ ходить достойно высокаго своего званія ³⁾.

Къ довершенію сихъ неприяностей открылся новый

¹⁾ Письмо 15 къ римскому влиру.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Письмо 18 къ Рогад. и исповѣд.

источникъ огорченій, который, при всемъ терпѣніи и дѣятельности Кипріана, не могъ быть исчерпанъ имъ до самаго конца его жизни. Это — споры о падшихъ, возмутившіе впослѣдствіи всѣ Церкви христіанскія. Виною оныхъ были частію сами падшіе, частію нѣкоторые исповѣдники. Первые, желая примириться съ Церковію, не хотѣли подвергать себя строгости покаянія, предписываемаго древними церковными правилами, и надѣясь замѣнить недостатокъ онаго ходатайствомъ исповѣдниковъ, употребляли всѣ способы для испрошенія у нихъ разрѣшительныхъ грамотъ. Послѣдніе, частію отъ излишняго снисхожденія къ слабости своихъ братій, частію не предвидя пагубныхъ слѣдствій своей неосмотрительности, давали разрѣшенія безъ должнаго вниманія къ свойству и преступленіямъ разрѣшаемыхъ. Разрѣшенные съ наглостію требовали мира отъ пресвитеровъ; сіи, вмѣсто того чтобы единодушно защищать строгость древнихъ постановленій о падшихъ, сами раздѣлялись во мнѣніяхъ. Дѣла Церкви приведены были спмъ въ великое замѣшательство. Ненаказанность преступленія явно клонила къ ослабленію правилъ Церкви и самой вѣры. Съ другой стороны, часть исповѣдниковъ требовала, чтобы данныя ими свидѣтельства имѣли какую либо силу ¹⁾. Надлежало дѣйствовать со всѣмъ христіанскимъ благоразуміемъ, дабы, врачуя сіе зло, не причинить большаго бѣдствія Церкви.

Кипріанъ такъ и дѣйствовалъ. Обличивъ исповѣдниковъ за неосмотрительность въ такомъ дѣлѣ, гдѣ

¹⁾ Письмо 15 къ исповѣд.

разрѣшаемое на земли разрѣшается на небесахъ ¹⁾, а пресвитеровъ за отступленіе отъ древнихъ постановленій Церкви, онъ сначала предписалъ было, несмотря на разрѣшительныя грамоты исповѣдниковъ, отлучить всѣхъ падшихъ отъ сообщенія съ вѣрными, до будущаго мира Церкви, во время коего намѣревался соборомъ рассмотреть ихъ дѣло ²⁾. Но послѣ, услышавъ, что римская Церковь смягчила судъ свой касательно падшихъ христіанъ, и разсуждая о злокачественности наступающей поры года (лѣта) ³⁾, въ продолженіе которой многіе изъ падшихъ могли умереть, не примирившись съ Церковію, смягчилъ и самъ свое опредѣленіе. Въ новомъ посланіи къ своему клиру ⁴⁾, онъ позволилъ изъ уваженія къ ходатайству исповѣдниковъ, принимать въ сообщеніе съ Церковію тѣхъ изъ падшихъ, кои подвергаются какой-либо опасности жизни. Прочихъ же, не допуская до сообщенія, препоручалъ попечительности и совѣтамъ клира. Простирая свое попеченіе и на оглашенныхъ, общалъ и имъ милосердіе Божіе, хотя бы они, по какому-либо случаю, отошли изъ сей жизни до крещенія.

Между тѣмъ, до Кипріана достигла вѣсть, что удаленіе его отъ паствы соблазняетъ многихъ. Соблазнъ сей, повергши нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ Церкви кареагенской, особенно подѣйствовалъ на Церкви итальян-

¹⁾ Письмо 20 къ римскому клиру.

²⁾ Письмо 17 къ клиру.

³⁾ Въ сіе время года въ Кареагенѣ обыкновенно свирѣдствовали мѣстныя болѣзни.

⁴⁾ Письмо къ клиру.

скія. Римскій клиръ отправилъ по сему случаю два посланія — одно къ кареагенскому клиру увѣщательное, другое къ самому Киприану очистительное ¹⁾.

Киприанъ, для котораго всегдашнимъ закономъ было не только соблюдать совѣсть свою чистою предъ Богомъ, но и подобно апостолу, представлять себя совѣсти всякаго человѣка (2 Кор. 4, 2), не могъ оставаться въ молчаніи, и хотя для него весьма тяжело было говорить о своихъ трудахъ и благихъ намѣреніяхъ, рѣшился сіе сдѣлать для уврачеванія зла, коего онъ безъ вины содѣлался виною. «Поелику, любезные братія», писалъ онъ по сему случаю къ римскимъ пресвитерамъ, «поступокъ мой преданъ вамъ совѣмъ въ превратномъ видѣ, то я почелъ нужнымъ дать вамъ письменный отчетъ въ моемъ поведеніи. Когда мятежная чернь непрестанно требовала меня на сраженіе со львами, я, помня слова Спасителя ²⁾, удалился, имѣя въ виду не собственную безопасность, а благоденствіе моей паствы, дабы неблаговременнымъ присутствіемъ своимъ не ожесточить враговъ, и безъ того весьма жестокихъ. Но отсутствуя тѣломъ, я не отсутствовалъ духомъ, совѣтами, попеченіемъ... не былъ оставляемъ мною ни клиръ безъ совѣта, ни псовѣдники безъ увѣщанія, ни нарушители церковныхъ правилъ безъ обличенія, ни народъ безъ побужденія къ тишинѣ и молитвамъ». Въстѣ съ симъ посланіемъ Киприанъ отправилъ къ римскому клиру тринадцать посланій, писанныхъ имъ

¹⁾ Письмо римск. клир. къ кареаген. клиру.

²⁾ Безъ сомнѣнія слѣдующія: «когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой». Мате. 10, 23.

изъ своего уединенія, частію ко всей Церкви, частію къ особеннымъ лицамъ, для того, какъ писалъ онъ, дабы римская Церковь могла видѣть изъ нихъ, что онъ въ уединеніи не преставаель, по долгу епископа, пецись о своей Церкви. Подобнымъ образомъ писалъ онъ и къ Церкви кареагенской, хотя прямо не изви- нялъ предъ нею своего удаленія отъ ней: ибо въ Кар- еагенѣ всѣ благомыслящіе и безъ того были увѣрены, что епископъ ихъ сокрылся не изъ страха смерти, а изъ любви къ ихъ благу. Такимъ образомъ соблазнъ, произведенный удаленіемъ Кипріана отъ своей паствы, потерялъ всю свою силу для вѣрныхъ.

Напротивъ, расколъ о падшихъ непрестанно усили- вался. Одинъ изъ исповѣдниковъ, по имени Луціанъ, дошелъ до такой дерзости, что именовъ прочихъ испо- вѣдниковъ писалъ къ Кипріану, повелѣвая ему разрѣшить всѣхъ падшихъ въ его Церкви и дать знать прочимъ епископамъ, чтобы они поступили такимъ же образомъ. Кипріанъ извѣстилъ свой елпръ о наглomъ требованіи Луціана, отправилъ къ нему письмо сего послѣдняго; впрочемъ приказалъ держаться неуклонно прежнихъ правилъ ¹⁾). Для подкрѣпленія своей стороны, которая угрожаема была нападеніемъ множества враговъ, Ки- пріанъ писалъ о семъ и къ римскому елпру, укрѣпляя между прочимъ въ вѣрѣ исповѣдниковъ его, которые лишены были пастырскаго наставленія, ибо въ Римѣ не было тогда епископа ²⁾). Къ удивленію Кипріана, римскій елпръ весьма долго медлилъ отвѣтомъ, но

¹⁾ Письмо 27 къ каре. елпру.

²⁾ Письмо 28 къ римскому елпру.

причиною сей медленности было не сомнѣніе въ истинѣ ученія Кипріанова о падшихъ, а желаніе придать сему ученію болѣе силы. Въ продолженіе почти цѣлаго года при всѣхъ опасностяхъ со стороны гонителей, дѣлаемы были по сему предмету совѣщанія между всѣми западными епископами, и когда общимъ мнѣніемъ положено утвердить постановленіе Кипріана о падшихъ, отправлено къ нему извѣстительное и вмѣстѣ благодарственное письмо ¹⁾. Кипріанъ препроводилъ оное къ своей Церкви, дабы вѣрующіе утѣшились имъ, какъ знакомъ единодушія съ ними всего запада. Немного спустя, онъ посѣщенъ былъ въ уединеніи Целериномъ, знаменитымъ исповѣдникомъ римскимъ.

Предъ праздникомъ Рождества Христова (250) гоненіе на христіанъ кареагенскихъ прекратилось. Окрестные епископы, обрадованные миромъ, дарованнымъ кареагенской Церкви (въ римской гоненіе еще свирѣпствовало), собрались къ Кипріану. Время было самое удобное къ посвященію священнослужителей, и Кипріанъ не замедлилъ воспользоваться присутствіемъ епископовъ для сего святого дѣла. Въ сіе время посвящены имъ были въ чтецовъ между прочими два знаменитые исповѣдника, Аврелій и Целеринъ ²⁾. Послѣдній дотолѣ не соглашался на принятіе посвященія, доколѣ не получилъ во снѣ повелѣнія повиноваться волѣ епископа. Въ то же время Кипріанъ по откровенію причислилъ къ сословію кареагенскихъ пресвитеровъ нѣкого пресвитера Нумпдина, который въ предшествующее

¹⁾ Письмо 30 къ римскому клиру.

²⁾ Письмо 39 къ римскому клиру.

гоненіе отличился возбужденіемъ въ мученикахъ святого мужества за вѣру. О всѣхъ сихъ новопосвященныхъ Кипріанъ писалъ къ своему клиру, одобряя предъ нимъ ихъ похвальныя качества, особенно же хвалилъ послѣдняго и выставлялъ его, какъ человѣка, достойнаго высшихъ степеней церковныхъ ¹⁾.

Когда Кипріанъ подвизался такимъ образомъ для созиданія Церкви, враги его не переставали трудиться для ея*разоренія. Новатъ, кареагенскій пресвитеръ, который за различныя безчинства подвергался изверженію изъ сего сана, но удержалъ оный за смутностію времени, безъ воли св. Кипріана сдѣлалъ своимъ діакономъ Фелициссима ²⁾. Очевидно было, къ чему клонится сей поступокъ, ибо Фелициссимъ былъ одинъ изъ непримиримыхъ враговъ Кипріана. Сдѣлавшись діакономъ Новата, онъ тотчасъ обнаружилъ всю злобу своего сердца, отторгнувъ отъ св. Кипріана значительную часть народа, отдѣлился отъ Церкви и избралъ съ своими сообщниками для молитвенныхъ собраній нѣкоторую гору. Поелику онъ принималъ всѣхъ, то падшіе стекались къ нему со всѣхъ сторонъ толпами.

Напрасно Калдоній и Геркуланъ епископы и Нумдинъ пресвитеръ, коимъ Кипріанъ препоручилъ вмѣсто себя управленіе кареагенскою Церковію, старались обратитъ Фелициссима на путь истины. Онъ со всѣми

¹⁾ Письмо 40 къ кареаг. клиру.

²⁾ Письмо 15 къ Корнел. Изъ сего нѣкоторые заключали, что Новатъ былъ епископъ; но св. Кипріанъ въ посланіи своемъ не говоритъ, чтобы онъ посвятилъ Фелициссима; онъ только, по обновленію тогдашнихъ пресвитеровъ имѣть при себѣ многихъ діаконовъ, причислилъ его къ своему клиру.

сообщниками своими торжественное объявилъ, что нагорные христіане (такъ назывались его послѣдователи) не хотятъ имѣть никакого сношенія съ тѣми, кои повинуются Кипріану. Намѣстники Кипріановы немедленно извѣстили о семъ Кипріана, жаловались на возмутителей между прочимъ за то, что они препятствуютъ имъ вникать въ поведеніе братій (что повѣльно было имъ сдѣлать для того, дабы представить Кипріану списокъ людей, достойныхъ возведенія на праздныя степени въ Церкви) и просили рѣшительнаго суда на Фелициссима ¹⁾. Кипріанъ повелѣлъ отсѣчь сей гнилый членъ отъ Церкви, и тоже совѣтовалъ сдѣлать съ Авгендомъ діакономъ, который, подражая Фелициссиму, замышлялъ возмущеніе ²⁾. Повелѣніе сіе немедленно было исполнено ³⁾.

Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы св. Кипріану возвратиться на свой престолъ. Онъ самъ нетерпѣливо желалъ сего. Но вдругъ пришло къ нему извѣстіе, что пять карфагенскихъ пресвитеровъ, древнихъ недоброжелателей его, перешли на сторону Фелициссима. Сіи безпокойные люди, несоглашавшіеся на избраніе Кипріана въ епископа, постоянно питали тайную ненависть къ нему; они-то возбуждали исповѣдниковъ давать всѣмъ падшимъ разрѣшительныя грамоты, вопреки желанію епископа, а разрѣшаемыхъ, противъ его же опредѣленій, требовать мира. Въ возмущеніи Фелициссима, ихъ приснаго сообщника въ не-

¹⁾ Письмо 41 къ своимъ намѣстникамъ.

²⁾ Тамъ же

³⁾ Письмо 42.

нависти къ Киприану, они нашли благопріятный случай объявить себя противъ него. Примѣру ихъ послѣдовали многіе изъ клира и народа.

Сіе новое гоненіе (такъ называлъ его Киприанъ) удержало его въ уединеніи еще на нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на то, что онъ обѣщалъ своей паствѣ возвратиться къ ней съ наступающимъ праздникомъ пасхи ¹⁾. Онъ ожидалъ прибытія въ Карфагенъ окружающихъ епископовъ, которые ежегодно имѣли обыкновение собираться у главнаго епископа послѣ сего праздника ²⁾. Когда сіе ожиданіе исполнилось, то Киприанъ прибылъ въ Карфагенъ, пробывъ въ уединеніи около двухъ лѣтъ. Изъ собравшихся епископовъ немедленно составленъ соборъ (251). Главнымъ предметомъ совѣщанія былъ вопросъ о падшихъ. Еще не успѣли сдѣлать никакого рѣшительнаго опредѣленія, какъ получено изъ Рима извѣстіе о распрѣ, происшедшей по случаю избранія епископа.

Положеніе дѣлъ въ Римѣ было таково. Большая часть римскаго клира и народа избрали епископомъ пресвитера Корнелія, мужа извѣстнаго всѣмъ своими добродѣтелями и твердостію въ вѣрѣ во время гоненій. Но коварный Новагъ, который, не надѣясь большихъ успѣховъ отъ возмущенія противъ Кипріана, удался изъ Карфагена въ Римъ, предвидя въ Корнеліи будущаго сообщника Кипріанова, рѣшился воспротивиться его избранію. Соединившись съ Новаціаномъ, римскимъ пресвитеромъ (который обратился къ хри-

¹⁾ Письмо 43 къ народу.

²⁾ Письмо 56 къ Фортунату и друг. епископ.

стіанству изъ стойковъ и питаль въ себѣ многія заблужденія), онъ суровою наружностію своею и мнимою святостію жизни привлекъ на свою сторону часть елира и даже исповѣдниковъ, и при ихъ содѣйствіи поставилъ Новаціана римскимъ епископомъ. Кромѣ несогласія въ избраніи епископа, скопище Новата отличалось еще тѣмъ, что вопреки опредѣленіямъ карфагенской и римской Церкви, падшихъ христіанъ почитало совершенно потерянными для Церкви и отнимало у нихъ всю надежду на примиреніе съ Богомъ. Расколъ сей, обнимая собою всѣ Церкви африканскія и европейскія, угрожалъ величайшими бѣдствіями для всего христіанства, еще неуспокоеннаго отъ гоненія.

Тогда-то, какъ замѣчаетъ Понтій ¹⁾, явно открылась высокая цѣль, для которой св. Кипріанъ сохраненъ рукою Провидѣнія отъ прошедшаго гоненія. Никто не былъ способнѣе его къ примиренію враждующихъ между собою сторонъ. Кромѣ того, что отличительною чертою характера его была умѣренность и способность дѣйствовать приспособительно къ обстоятельствамъ Церкви, — два качества, особенно важныя въ предстоятелѣ тогдашняго христіанства, — онъ обладалъ въ избыткѣ рѣдкою способностію щадить и любить преступниковъ тогда, когда со всею строгостію поражаются преступленія, ими сдѣланныя. Притомъ его мудрость и добродѣтели столько уважаемы были, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Европѣ, что всѣ любители истины и порядка признавали въ немъ достойнаго примирителя первопрестольныхъ Церквей. — Новать,

¹⁾ Въ жизни св. Кипріана.

предвидя, что соборъ кареагенскій будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла римской Церкви, послѣшно отправилъ на него своихъ посланниковъ съ извѣщеніемъ о избраніи Новаціана въ римскаго епископа и съ цѣлымъ свиткомъ клеветъ на Корнелія, якобы незаконно избраннаго. Корнелій также писалъ къ собору, извѣщая о своемъ избраніи и о расколѣ Новаціана. Кипріанъ, зная изъ многихъ опытовъ нечистоту души Новата и сообщника его Новаціана, запретилъ посланникамъ ихъ обнародовать, по ихъ требованію, клеветы на Корнелія. Впрочемъ, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о законности избранія Корнелія, положилъ не признавать его за епископа дотолѣ, доколѣ не возвратятся посланные въ Римъ по сему случаю пресвитеры. Когда по возвращеніи ихъ узвано было, что Корнелій законно возведенъ на епископскій престолъ, Кипріанъ, подтвердивъ соборнымъ опредѣленіемъ его избраніе, извѣстилъ о семъ окружнымъ письмомъ всѣхъ африканскихъ епископовъ. Послѣ сего писалъ и къ Корнелію, поздравляя его со вступленіемъ на епископскій престолъ, извиняясь предъ нимъ въ своей медленности въ признаніи его епископомъ, и извѣщая его о положеніи дѣла касательно падшихъ и о будущихъ своихъ намѣреніяхъ по сему предмету ¹⁾). Посламъ Новата, которые снова домогались быть выслушанными всенародно, отказано еще рѣшительнѣе прежняго, такъ что они весь успѣхъ своего посольства принуждены были ограничить соблазомъ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ въ Кареагенѣ ²⁾).

¹⁾ Письмо 44 къ Корнел.

²⁾ Тамъ же.

Успокоившись нѣсколько въ разсужденіи бѣдствія, постигшаго римскую Церковь, Кипріанъ съ соборомъ паки обратился къ своему предмету. Послѣ многихъ совѣщаній, разсужденій и углубленія въ многія мѣста св. писанія, положено единодушно, чтобы падшіе не были лишаемы совершенно надежды на примиреніе съ Церковію, какъ того требовалъ Новатъ, впрочемъ, и не были допускаемы къ сообщенію съ вѣрными, безъ строгаго предварительнаго покаянія, на что настаивалъ Фелициссимъ. Послѣдній съ пятью пресвитерами, его сообщниками, отлученъ отъ Церкви ¹⁾. Списокъ съ соборнаго опредѣленія немедленно отправленъ былъ къ Корнелію, который, подтвердивъ соборомъ мнѣніе карфагенской Церкви, соборомъ же отлучилъ отъ своей Церкви Новаціана съ его сообщниками, о чемъ вскорѣ извѣстилъ и Кипріана ²⁾.

Кипріанъ, обрадованный умирненіемъ столь знаменитой Церкви, какова римская, не могъ равнодушно перенести, чтобы жертвою прошедшаго раздора остались лучшіе изъ ея членовъ — исповѣдники, соблазненные Новатомъ. Онъ написалъ къ нимъ увѣщательное посланіе. Чтеніе сего посланія и книги о единствѣ Церкви, написанной имъ по случаю сего же раскола, столь сильно подѣйствовало на нихъ, что они, отложивъ всякое предубѣжденіе къ себѣ, явились предъ собравшимися въ Римъ епископами со всѣмъ смиреніемъ кающихся, признали свое заблужденіе, просили разрѣше-

¹⁾ Письмо къ Антонину.

²⁾ Тамъ же.

ніа и забвенія ихъ проступковъ ¹⁾. Получивъ отъ Корнелія извѣстіе о такомъ обращеніи исповѣдниковъ, Кипріанъ написалъ къ нимъ благодарственное письмо ²⁾.

Новатъ, пристыженный неудачею своего возмущенія въ Римѣ, какъ прежде въ Кароагенѣ, подобно разрушительной бурѣ, снова перенесся съ сообщниками своими въ Африку. Корнелій, зная по опыту всю опасность со стороны его беззаконнаго скопища, предварительно извѣстилъ о семъ африканскую Церковь, описывая подробно развратныя качества будущихъ ея гостей ³⁾. Но Церковь сіа, опираясь на своего епископа, какъ на неподвижную скалу, не имѣла почти нужды въ такомъ предостереженіи. Еще менѣе нуждался въ немъ Кипріанъ, который болѣе всѣхъ римскихъ христіанъ зналъ силу яда, сокрывавшагося въ сердцѣ Новата. Предшествующими соборами, посланіями, а болѣе всего святостію своей жизни и молитвами, онъ такъ оградилъ всѣхъ вѣрующихъ, что всѣ стрѣлы сего отступника и его сообщниковъ падали на землю, или обращались на нихъ самихъ. Только личные враги Кипріановы боготворили сего ересеначальника, всѣ прочіе бѣжали отъ него, какъ отъ язвы.

Впрочемъ, ядъ Новата оказалъ было нѣкоторое дѣйствіе, и притомъ надъ такимъ членомъ, который былъ ближе прочихъ къ самой главѣ африканской Церкви. Антонинъ, епископъ нумидійскій, за святость жизни уважаемый всѣми, а еще болѣе Кипріаномъ,

¹⁾ Письмо 49 Корнел. къ Кипріану.

²⁾ Письмо 59 къ римск. исповѣдникамъ.

³⁾ Письмо Корнел. къ кароаген. клиру.

столько смущенъ былъ худыми слухами о Церкви, которые распространялись отъ сообщниковъ Новаца, а особенно клеветническимъ письмомъ Новаціана о непозволительномъ сообщеніи Корнелія съ еретиками, что въ письмѣ къ Кипріану ясно обнаружилъ сомнѣнія свои, касательно законности Корнеліева епископства, и вообще касательно хода церковныхъ дѣлъ со времени перваго карфагенскаго собора ¹⁾). Кипріанъ поспѣшилъ на помощь къ падающему брату со всѣмъ оружіемъ духовнаго воина. Посланіе, написанное имъ по сему случаю къ Антонину, навсегда останется прекраснымъ образцомъ пастырскихъ совѣщательныхъ посланій. Въ немъ онъ разсуждаетъ о состояніи падшихъ христіанъ, объясняетъ духъ соборныхъ опредѣленій касательно ихъ, показываетъ невинность Корнелія, обличаетъ клеветы Новаціана, обнажаетъ его распутства и открываетъ свои благотворные виды, кои имѣлъ онъ, подписывая приговоры на падшихъ ²⁾). Свѣтъ истины, исполнявшій душу Кипріана, окружилъ и Антонина, и тѣмъ сомнѣнія исчезла.

Для совершеннаго успокоенія умовъ и для приведенія въ большую извѣстность основаній, на коихъ утверждались соборныя опредѣленія о падшихъ, св. Кипріанъ написалъ въ сіе время (252) книгу о падшихъ ³⁾). Онъ самъ въ письмѣ къ римскимъ исповѣдникамъ изобразилъ духъ ея, сказавъ, что «въ ней есть столько же наказанія для тѣхъ, кои допустили себя ра-

1) Письмо Антонина 55.

2) Письмо къ Антонину.

3) Книга о падшихъ.

нить, сколько врачевства для ихъ ранъ». Сообразно смыслу соборныхъ опредѣленій, она вся направлена къ тому, чтобы, вселяя страхъ къ преступленію, спасти самихъ преступниковъ. Книга сія вмѣстѣ съ книгою о единствѣ Церкви разослана была по всѣмъ африканскимъ и европейскимъ Церквамъ.

Когда епископы послѣ праздника пасхи по своему обыкновенію собрались въ Карфагенъ, Кипріанъ составилъ (252) изъ нихъ соборъ, зная изъ многихъ частныхъ откровеній о гоненіи, угрожающемъ Церкви, и предвидя опасность, если мечъ гонителей застанетъ христіанъ раздѣленными; онъ предложилъ на немъ, всѣхъ кающихся допустить до сообщенія съ вѣрными, дабы Церковь, какъ говорилъ онъ, съ дѣвственною чистотою могла явиться подъ вѣнецъ мученической. Предложеніе сіе было принято единодушно, и кающіеся, утѣшенные таковымъ снисхожденіемъ, пламенѣли ревностію омытъ своею кровію позоръ прежняго малодушія. Но перемѣна опредѣленія, съ такимъ постоянствомъ защищаемаго прежде самимъ Кипріаномъ, могла произвести соблазнъ, особенно чрезъ превратное истолкованіе оной со стороны еретиковъ. Для предупрежденія сего зла св. Кипріанъ въ посланіи къ римской Церкви со всею подробностію и силою изложилъ причины, на основаніи которыхъ карфагенскій соборъ почелъ нужнымъ отмѣнить прежнее опредѣленіе. «Будучи извѣщаемы», писалъ онъ, «частыми откровеніями о гоненіи, угрожающемъ Церкви, мы положили дать миръ живымъ, который былъ обѣщанъ только умирающимъ; дабы кающіеся вышли на брань не безоружными, а облеченными въ заслуги Іисуса Христа. Иначе, какъ намъ по-

буждать въ чашѣ мученій, если они не содѣлаются способными къ сему чрезъ участіе съ нами въ чашѣ общенія? Надобно, любезные братія, надобно быть великому различію между тѣми, которые, отвергшись Христа, пристали или къ язычникамъ или къ еретикамъ, и между тѣми, кои со дня своего паденія не престають повергаться во прахъ предъ вратами Церкви. Если кающіеся мужественно сразятся со врагомъ, изшедъ противъ него во второй разъ, то намъ не для чего будетъ жалѣть о мирѣ, данномъ столь храбрымъ воинамъ. Если же (чего не дай Богъ!) найдутся между ними такіе, кои, теперь прося коварно мира, не окажутъ мужества на брани, то они обманутъ не насъ, а самихъ себя. Мы можемъ видѣть только лица кающихся, но есть Богъ, испытующій сердца. Впрочемъ, злые не могутъ повредить въ семъ случаѣ добрымъ; напротивъ, добрые будутъ полезны для худыхъ. Изъ опасенія, что нѣкоторые, можетъ-быть, снова падутъ на брани, несправедливо было бы лишить мира прочихъ, кои будутъ стоять до крови. Гораздо лучше даровать миръ всѣмъ сражающимся, дабы по невѣдѣнію, кто падетъ изъ нихъ и кто устоитъ, не былъ оставленъ безъ оружія тотъ, кто имѣетъ быть увѣнчанъ. Никто не говори, что, подвергшись мученію, будетъ крещенъ кровію, что онъ, получивъ награду за сіе отъ Бога, не имѣетъ нужды въ разрѣшеніи епископа. Онъ неспособенъ къ сраженію, если не будетъ вооруженъ Церковію. Душа, неукрѣпленная святымъ причащеніемъ, слаба и беззащитна. Господь сказалъ: «когда васъ поведутъ предъ царей и владыкъ, то не заботьтесь о томъ, что вамъ говорить; ибо не вы будете говорить, а Духъ Отца моего будетъ

говорить въ васъ» (Матѣ. 10, 19). Если же Духъ Отца долженъ говорить въ тѣхъ, кои находятся въ состояніи исповѣдничества, то какъ можетъ быть способенъ къ сему подвигу тотъ, кто не примирился съ Церковію? Ибо сей благій Духъ нисходитъ въ душу посредствомъ таинства, коихъ хранительница—Церковь... При томъ, весьма легко можетъ случиться, что многіе, за мужественное исповѣданіе имени Христова подвергшись заточенію въ непроходимыя мѣста, впадутъ въ руки разбойниковъ, или подвергнутся другой какой опасности жизни. Не намъ ли должно вѣнчаться въ грѣхъ, если сіи вѣрные слуги Христовы отойдутъ изъ сей жизни безъ напутствія вѣры? Не принянется ли намъ, пастырямъ, на страшномъ судѣ Христовомъ, или крайняя небрежность, или непростительная жестокость?.. По симъ-то причинамъ разсудилось намъ, не безъ внушенія Духа Божія, собрать всѣхъ воиновъ Христовыхъ подъ одни знамена, и дать каждому изъ нихъ оружіе. Кто не одобритъ нашегонисхожденія, тотъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ или въ жестокости или въ невниманіи ко спасенію своихъ братьевъ ¹⁾». При семъ посланіи отправленъ былъ къ Корнелію и списокъ епископовъ африканскихъ, пребывшихъ вѣрными Церкви и Киприану, дабы онъ зналъ, къ кому въ Африкѣ, не нарушая мира съ Киприаномъ, можно ему писать и отъ кого принимать письма.

Въ сіе время появился въ Картегенѣ Привать, который былъ некогда епископомъ въ Нумидіи, но за различныя преступленія лишенъ сего сана пригово-

¹⁾ Соборное посланіе къ римскому клиру 57.

ромъ девяноста епископовъ, и который послѣ сего безъ успѣха домогался въ Италиі римскаго епископства ¹⁾. Окруженный лже-епископами и лже-пресвитерами, которые имъ безъ всякаго права возведены были на сіи степени, онъ съ наглостію требовалъ отъ кареагенскаго собора, чтобы дѣло его снова было разсмотрѣно. Получивъ отказъ, онъ отважился на неслыханное безстыдство: объявилъ св. Кипріана недостойнымъ епископства, и посвятилъ вмѣсто его Фортуната, одного изъ еретиковъ и личныхъ враговъ святителя. Новый африканскій лже-епископъ, несмотря на несчастную участь, постигшую въ Италиі Новаціана за подобное возмущеніе противъ законнаго епископа, отправилъ въ Римъ многочисленное посольство подъ начальствомъ Фелициссима, съ извѣстіемъ о восшествіи своемъ на епископскій престоль.

Кипріанъ и самъ немедленно отправилъ къ Корнелію письмо съ аколуюомъ Фелиціаномъ, извѣщая его о возмущеніи Привата: Но Фелиціанъ замедлилъ на пути. Между тѣмъ Фелициссимъ, прибывъ въ Римъ, явился съ письмами къ Корнелію. Сей, зная о содержаніи ихъ по свойству лицъ, коими они писаны, сначала отвергъ ихъ со всею важностію епископа, и написалъ о семъ къ Кипріану письмо, исполненное братской любви и уваженія. Но послѣ, когда Фелициссимъ, огорченный отказомъ, употребилъ угрозы, Корнелій началъ колебаться, тѣмъ паче, что не получалъ отъ Кипріана никакихъ извѣстій о такомъ дѣлѣ, которое касалось его и притомъ съ столь важной стороны. Написано

¹⁾ Письмо 59 къ Корнелію.

другое письмо къ Киприану, въ коемъ довольно выражалась нетвердость духа Корнеліева и его неудовольствіе на молчаніе Кипріана. Получивъ его, Киприанъ посиѣшно отвѣчалъ. Благодаря римскаго епископа за постоянство, оказанное имъ вначалѣ противъ Фелициссима, не одобрялъ послѣдовавшаго за симъ малодушія, изъяснялъ причину своего молчанія и описывалъ порочную жизнь Привата и его сообщниковъ ¹⁾. Корнелій вскорѣ загладилъ свою слабость мужественнымъ защищеніемъ Кипріана противъ враговъ, а впослѣдствіи мужественною смертію за Христа въ заточеніи. А скопище Привата, несмотря на грозный видъ свой, вскорѣ ослабѣло до того, что самъ начальникъ его принужденъ былъ питаться милостынею.

Избавившись отъ внутренняго бѣдствія со стороны Привата, Церковь карагенская подверглась всей тяжести внѣшнихъ золъ. Ужасная язва опустошала города и села. Чувство человѣколюбія, какъ обыкновенно бываетъ среди общественныхъ бѣдствій, притупилось: живые равнодушно взирали на умирающихъ; непогребенные трупы наполняли дома, улицы и площади; не надѣясь сохранить жизни, не думали о тѣхъ, кои содѣлались жертвою смерти. Язычники, почитая сіе бѣдствіе наказаніемъ за презрѣніе, оказываемое христіанами богамъ, воздвигли на нихъ жестокое гоненіе. Кажалось, что небо и земля устремились на разрушеніе Церкви.

Киприанъ, подобно ангелу-хранителю, явился среди позорища смерти. Будучи вознесенъ надъ страхомъ ея,

¹⁾ Письмо 59 къ Корнелію.

онъ старался и въ другихъ возбуждать презрѣніе къ ней, но презрѣніе не безчувственное, а соединенное съ дѣлами любви и милосердія. Въ семь намѣреніи онъ написалъ два трактата «о смертности» и «о милостынѣ». Смерть снабжала суету и ничтожество благъ земныхъ; Кипріанъ указывалъ въ милосердіи способъ придать имъ цѣну. «Прежде», говорилъ онъ, «одни богатые обладали возможностью оказывать благодѣянія, теперь сіе сдѣлалось равно возможнымъ и для бѣдныхъ. Требуется не деньги, а усердіе; ибо предметомъ благодѣянія сдѣлались не живые, а умирающіе, которые имѣютъ нужду только въ состраданіи и призрѣніи, или мертвые, для коихъ потребна одна могила. Вотъ случай», восклицалъ Кипріанъ, «показать христіанамъ свое истинное достоинство предъ язычниками. Прострите руку помощи къ тѣмъ, надъ коими тяготѣетъ рука смерти. Не смотрите на лица страждущихъ, они всѣ ваши братія, дѣти единого Отца небеснаго. Пусть язычники узнаютъ, что самая смерть не можетъ угасить въ христіаннѣ любви ко врагамъ ¹⁾».

Что касается до клеветы язычниковъ, якобы язва и другія бѣдствія, удручавшія Римскую имперію, были казню за оставленіе христіанами боговъ, то св. Кипріанъ для отраженія ея написалъ цѣлую книгу. Де-метріанъ, къ коему она надписана, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ тогдашнимъ проконсуломъ Африки. Весьма вѣроятно. Ибо, если св. Кипріанъ рѣшился торжественно обличить заблужденія язычниковъ, касательно источника общественныхъ бѣдствій, то всего прилич-

¹⁾ Тракт. о смертности и милостынѣ.

нѣ было обратитъ сіе обличеніе къ главѣ африканскаго язычества ¹⁾. Несмотря на сіе, карфагенская чернь въ продолженіе гоненія, по обыкновенію своему, неоднократно требовала Киприана на сраженіе со львами; но часъ его, назначенный Промысломъ, еще не пришелъ; онъ пережилъ и сіе гоненіе, которое вскорѣ прекратилось.

Преемникъ Корнелія въ римскомъ епископствѣ былъ Луцій, который вскорѣ по своемъ избраніи удостоился чести исповѣдать имя Христово. Св. Киприанъ, услышавъ о семъ, поздравилъ его посланіемъ съ сугубою честью епископа и исповѣдника ²⁾.

Въ началѣ слѣдующаго года (253), варвары, напавъ на нумидійскія области, плѣнили великое число христіанъ. Киприанъ писалъ къ нумидійскимъ епископамъ о выкупѣ ихъ, и, когда они извинялись недостаткомъ своихъ имуществъ, открылъ для сего въ своей Церкви подписку. Народъ, побуждаемый примѣромъ епископа, дѣлалъ великія пожертвованія, которыя немедленно отправлены были въ Нумидію ³⁾.

Вскорѣ за симъ писалъ Киприанъ къ Цецилію о таинствѣ евхаристіи. Поводомъ къ сему было погрѣшительное обыкновеніе нѣкоторыхъ пресвитеровъ и даже епископовъ, употреблять при священнодѣйствіи, вмѣсто вина съ водою, одну воду. Обыкновеніе сіе извиняли примѣромъ нѣкоего въ древности епископа, и тѣсными обстоятельствами Церкви. Киприанъ доказалъ, что при-

¹⁾ Книга къ Деметріану.

²⁾ Письмо къ Луцію.

³⁾ Письмо къ нумидійск. еписк.

мѣръ епископа, употребившаго одну воду или по незнанію, или по простотѣ, недѣйствителенъ, и что кровь и вода, истекшія изъ ребра Спасителя, во время страданій, самымъ временемъ истеченія своего показали, что гоненія не должны разлучать ихъ ¹⁾).

Съ возвращеніемъ мира Церкви при концѣ сего года (253) въ Карфагенѣ снова составился соборъ подѣ председательствомъ Кипріана, вѣроятно, для приведенія въ порядокъ дѣлъ церковныхъ, разстроенныхъ гоненіемъ. На немъ разрѣшены были нѣкоторые вопросы касательно крещенія младенцевъ. Желаніе епископовъ и пресвитеровъ, лишенныхъ своего званія за непостоянство во время гоненія, возвратить себѣ прежнія степени, объявлено незаконнымъ ²⁾).

Начало слѣдующаго года (254) для Кипріана было весьма неприятно. Онъ получилъ оскорбительное письмо отъ нѣкотораго епископа Пупіана, прославившагося въ Дакіево гоненіе исповѣданіемъ Христа. Въ немъ обнаруживалось, что Пупіанъ до сего времени не можетъ увѣрить себя, чтобы Кипріанъ достоинъ былъ епископства; что онъ почиталъ и почитаетъ нечистыми всѣхъ тѣхъ, кои повинуются Кипріану, и что Кипріанъ, по его мнѣнію, есть главная вина всѣхъ несогласій, раздирающихъ Церковь. Не трудно было угадать, какимъ духомъ внушены были сіи клеветы Пупіану, обольщенному сообщниками Новаціана. Кипріанъ, предвидя всю опасность для Церкви, если самые епископы будутъ столь легкомысленны и дерзки, какъ Пупіанъ, какъ-бы

¹⁾ Письмо къ Цецилію.

²⁾ Дѣян. собор. писан. св. Кипр.

забылъ на время свою умѣренность и возгремѣлъ противъ него со всею силою словесъ Божіихъ. Посланіе, отправленное къ нему по сему случаю, весьма примѣчательно по многимъ отношеніямъ. Вотъ оно:

«Оасцій Киприанъ брату Флоренцію Пупіану здравія желаетъ.

«Я полагалъ, что ты, любезный братъ, давно перемѣнилъ мысль и раскаялся въ томъ, что внималъ тяжкимъ клеветамъ на меня. Но изъ письма твоего вижу, что ты совершенно таковъ-же, какъ и былъ, вѣришь со всѣмъ легкомысліемъ тому-же, чему и прежде вѣрилъ, и какъ-будто опасаясь затмить славу своего мученичества сообщеніемъ со мною, прилежно вникаешь въ мое поведеніе; презрѣвъ судъ Божій, желаешь поставить самого себя судіею не только надо мною (ибо что за слава быть моимъ судіею?), но и надъ самимъ Иисусомъ Христомъ, дарующимъ своей Церкви епископовъ и пресвитеровъ. Такъ поступать, значить не вѣрить самому Богу, значить противиться Иисусу Христу и Его евангелію. Онъ сказалъ: «не два-ли воробья продаются за одинъ ассарій, и ни одинъ изъ нихъ не упадетъ безъ воли Отца небеснаго» (Матѳ. 10, 29). Ты, напротивъ, думаешь, что самые священники поставляются въ Церкви безъ воли Божіей. Ибо почитать недостойными и нечистыми тѣхъ, кои возводятся на сію степень, что другое значить, какъ не вѣрить, что священники въ Церкви поставляются безъ воли Божіей?.. Но ты лучше согласился слѣпо слѣдовать внушеніямъ безумныхъ враговъ Церкви, нежели вѣрить опредѣленію божественнаго Промысла и свидѣтельству моей совѣсти, какъ будто-бы у враговъ Церкви, лишен-

ныхъ Духа Божія, можно было найти что-либо, кромѣ развращенія сердца, лживаго языка, ядовитой ненависти и святотатственныхъ обмановъ!

«Пишешь, что пресвитерамъ должно быть смиренными, изъ подражанія смиренію Господа и Его апостоловъ. Но смиреніе мое извѣстно всѣмъ, не только братьямъ, но и язычникамъ. Ты самъ уважалъ и любилъ меня за смиреніе, доколѣ не отдѣлился отъ Церкви и отъ меня. Кто изъ насъ далѣе отъ смиренія, я ли, служащій ежедневно братьямъ и съ радостію принимающій и упокоивающій всѣхъ, входящихъ къ нашей Церкви; или ты, поставляющій себя епископомъ епископовъ и судіею судей!... Когда святому Павлу было сказано: «какъ ты злословишь первосвященника Божія», то онъ извинялся невѣдѣніемъ и не говорилъ болѣе ничего обиднаго для первосвященника, хотя имѣлъ право многое сказать противъ того, кто осудилъ на распятіе Господа славы. Онъ почтилъ въ семъ случаѣ, такъ сказать, тѣнь первосвященства. А ты поступаешь напротивъ. Если ты не вѣрилъ моему епископству до гоненія, то долженъ былъ повѣрить оному послѣ гоненія. Ибо тоже самое гоненіе, которое вознесло тебя на степень мученичества, меня подвергло лишенію имущества. Всенародно было читано: «если кто имѣетъ что-либо принадлежащее Цецилію Кипріану, христіанскому епископу» и проч., какъ будто для того, чтобы тѣ, кои не вѣрили Богу, поставившему епископа, повѣрили діаволу, изгоняющему онаго.

«Съ великою горестію и не для хвалы упоминаю о семъ, видя, что ты поставляешь себя судіею самого Иисуса Христа, который о апостолахъ и ихъ намѣстни-

кахъ, епископахъ, сказалъ: «кто васъ слушаетъ, тотъ слушаетъ Меня, а кто отвергаетъ васъ, тотъ отвергаетъ Меня» (Лук. 10, 16). Отсюда-то произошли и происходятъ всѣ ереси и расколы, что епископъ, который одинъ долженъ распоряжать Церковію, по причинѣ буйной гордости нѣкоторыхъ, подвергается презрѣнію, и удостоенный божественнаго избранія, почитается недостойнымъ человѣческаго одобренія. Разсуди самъ, куда заводитъ тебя гордость. Изъ твоихъ словъ выходитъ, что въ продолженіе шести лѣтъ ни братство не имѣло епископа, ни народъ вождя, ни Церковь правителя, ни Иисусъ Христосъ строителя тайнъ Его. Куда же смотрѣлъ Пупіанъ? для чего, давно не произнесъ суда на насъ, дабы толикое число вѣрныхъ, скончавшихся въ продолженіе моего епископства, не отошли безъ надежды, мира и спасенія, и дабы остающіеся въ живыхъ не оставались безъ даровъ Духа Святого, коего я не могъ имъ сообщить. Удостой, удостой благосклоннаго подтвержденія твоею властію мое епископство; окажи Иисусу Христу благодареніе; дай алтарю и народу предстоятеля...

Жалуешься, что ты впалъ въ сомнѣніе; но кого винить въ семъ, какъ не твое легкомысліе, не твою безчестную склонность слушать самыя нелѣпныя клеветы на брата; не твою постыдную страсть защищать чужую ложь, не твое невниманіе мудрымъ совѣтамъ Соломона, который говоритъ: «злый послушаетъ языка законопреступныхъ: праведный же не внимаетъ устамъ лъстивымъ» (Притч. 17, 4). Почему не впади въ сіе сомнѣніе мученики, исполненные Св. Духа, готовые прейти путемъ смерти предъ лице Иисуса Христа? Напротивъ,

они писали ко мнѣ изъ темницы, именуя меня епископомъ Божиимъ. Почему не впали въ сіе сомнѣніе епископы, мои сотрудники, которые всѣ различными образами удостоились исповѣдать имя Христова? Почему не впало въ сіе сомнѣніе толкое число исповѣдниковъ, покрытыхъ язвами за Иисуса Христа — чистыхъ дѣвъ, служащихъ укоризною для житія языческаго, — благоговѣйныхъ вдовъ, не знающихъ другого увеселенія, кромѣ поста и молитвы? Почему не впало въ сомнѣніе множество Церквей, разсѣянныхъ по всему міру, которыя состоятъ со мною въ согласіи и любви? Если всѣ сіи отъ сообщенія со мною сдѣлались нечистыми, какъ ты суемудрствуешь, и потеряли право на вѣчную жизнь, то одинъ Пупіанъ, отрекающійся отъ сообщенія со мною, остается чистъ, невиненъ, святъ; одинъ онъ будетъ населять блаженныя жилища, уготованныя на небесахъ для праведныхъ.

«Поставляешь меня виною того, что часть стада Христова находится въ разсѣяніи. Неправда! Истинные члены Церкви Христовой всѣ соединены союзомъ любви и мира, и составляютъ одно тѣло. Одни тѣ блуждаютъ внѣ ограды, которыхъ надлежало бы изгнать вонъ, еслибы они и были внутри двора. Но что же, если нѣкоторые сдѣлались невѣрны? Неужели невѣрность ихъ уничтожить вѣрность Божию? Никакъ! Богъ вѣренъ, а всякій человѣкъ лживъ (Рим. 3, 3. 4). Когда нѣкоторые ученики, соблазвившись словами Иисуса Христа, оставили Его, то Онъ вопрошалъ прочихъ учениковъ: не хотятъ ли и они идти? Петръ именемъ всѣхъ отвѣтствовалъ: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. 6, 67). Вотъ законъ и

уложеніе истинной Церкви! Она всегда съ Иисусомъ Христомъ. Гдѣ епископъ, тамъ и Церковь. Епископъ въ Церкви, Церковь въ епископѣ. Кто не съ епископомъ, тотъ внѣ Церкви. Напрасно обольщаютъ себя нѣкоторые, думая священный союзъ съ епископомъ замѣнить тайными союзами съ нѣкоторыми слабыми членами. Истинная Церковь нераздѣлима. Кто въ брани съ главою, тотъ не можетъ быть въ мирѣ съ членами.

Поэтому, любезный братъ, если ты, размысливъ прилежнѣе о величій Бога, по волѣ коего поставляются пресвитеры, и оставивъ пагубную привычку судить о достоинствѣ епископовъ по ложнымъ слухамъ, а не по отзыву Церкви, раскаешься чистосердечно въ своей гордости, и покажешь плоды, достойные покаянія, то я не отрицаюсь возобновить съ тобою прежняго общенія, предоставляя, впрочемъ, себѣ право отложить сіе до толѣ, пока не вопрошу Бога и не получу отъ Него наставленія, какъ поступить съ тобою. Ибо я не могу забыть того, что мнѣ было открыто, не могу забыть, что между прочимъ въ откровеніи, мнѣ данномъ, Богу угодно было сказать и сіе: «кто не вѣритъ Иисусу Христу, содѣлавшему священника, тотъ повѣритъ Ему, мстящему за священника, Имъ содѣланнаго». Знаю, что нѣкоторымъ всѣ сновидѣнія кажутся пустыми, всѣ видѣнія ложными. Но такъ кажется только тѣмъ, кои лучше соглашаются вѣрить чему-нибудь на священника, нежели священнику. Такъ и братья Іосифовы не вѣрили снамъ Іосифа. Но когда сны исполнились, они принуждены были вѣрить. Не могу пропнести никакого суда на то, что ты дѣлалъ во время гоненія и во время мира, ибо вижу, что тебѣ хочется быть моимъ судіею.

Вотъ, что я почелъ нужнымъ написать тебѣ, въ чистотѣ совѣсти и упованіи на Бога! Я имѣю письмо отъ тебя, ты будешь имѣть мое письмо; въ день суда предъ лицомъ Иисуса Христа будетъ прочтено то и другое» ¹⁾. Неизвѣстно, какое дѣйствіе произвело письмо его въ Пупіанѣ, только въ сочиненіяхъ Кипріана, написанныхъ послѣ сего времени, не видно жалобъ на его возмущеніе. Вѣроятно, онъ обратился на путь истины.

На соборѣ, бывшемъ, по обыкновенію, послѣ праздника пасхи, получено Кипріаномъ письмо отъ испанской Церкви, въ коемъ она просила совѣта касательно епископовъ Василица и Марціала, лишенныхъ ею епископскаго сана за непостоянство въ вѣрѣ во время гоненія, но домогавшихся удержать оный при содѣйствіи римскаго епископа Стефана ²⁾. Вслѣдъ за симъ получено еще письмо отъ галликанскихъ, испанскихъ и англійскихъ епископовъ, въ коемъ они жаловались на Стефана за то, что онъ, вопреки ихъ просьбъ, продолжаетъ держать сторону низверженныхъ епископовъ, и просили Кипріана вразумить его посланіемъ. Кипріанъ немедленно подтвердилъ соборомъ приговоръ галликанскихъ церквей на Василица и Марціала съ ихъ сообщниками. Вслѣдствіе чего отправлено было два посланія, одно къ симъ Церквямъ успокоительное, другое къ Стефану совѣщательное.

Трудное дѣло было и обличить Стефана въ погрѣшительномъ сношеніи съ еретиками, и соблюсти уваженіе, которое принадлежало ему какъ предстоятелю

¹⁾ Письмо 66 къ Флор. Пупіану.

²⁾ Письмо къ испанск. Церкви.

западныхъ Церквей. Тѣмъ не пріятнѣе были дѣла сего рода св. Кипріану, который со всевозможнымъ тщаніемъ избѣгалъ всѣхъ случаевъ, въ коихъ могло выказываться соблазнительное превосходство одной Церкви предъ другою равною. Впрочемъ, его благоразуміе и христіанская кротость внушали ему такія выраженія. что письмо, отправленное къ Стефану, столько же клонилось къ славѣ обличаемаго, какъ и обличителя. Въ немъ не примѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ полновластиа судіи, а вездѣ слышенъ голосъ друга, который, побуждаясь любовію, отерывааетъ ложь и показываетъ истину. Между прочимъ Кипріанъ совѣтовалъ Стефану немедленно извѣстить епископовъ окружнымъ посланіемъ о законности низверженія Василица и Марціала, обѣщаясь и самъ сдѣлать то же. Нужнымъ сіе находилъ онъ потому, что низверженные еретики хвалились, якобы они находятся въ союзѣ съ римскою и карфагенскою Церквами ¹⁾. Стефанъ вразумился, но онъ, какъ увидимъ, не проститъ Кипріану сего вразумленія.

Около сего времени (255) въ Африкѣ возникъ споръ о крещеніи еретиковъ. Нѣкто Магнусъ, епископъ нумпдійскій, спрашивалъ письменно Кипріана, нужно-ли крестить и тѣхъ еретиковъ (прочихъ еретиковъ, вслѣдствіе опредѣленія собора, бывшаго подъ предсѣдательствомъ Агриппина, предшественника Кипріанова, крестили), которые обращаются * отъ Новаціана ²⁾. Кипріанъ, котораго и примѣръ предшественника и духъ любимаго наставника его Тертуліана ³⁾, и, можетъ

¹⁾ Письмо 68 къ Стеф.

²⁾ Август. книга 6 о крещеніи.

³⁾ Смотр. книг. о скромности.

быть, желаніе поставитъ оплотъ противъ усиливающейся секты Новаціана, располагали въ семь случаѣ къ строгому образу мыслей, отвѣчали, что кающіеся новаціане, подобно всѣмъ прочимъ еретикамъ, должны быть принимаемы въ Церковь посредствомъ крещенія ¹⁾).

Когда о спорномъ предметѣ услышался голосъ первенствующаго епископа, то прочіе голоса, дотолѣ раздѣленные, начали сливаться съ нимъ въ одинъ общественный голосъ; но вмѣстѣ съ симъ и голоса противниковъ сдѣлались слышнѣе, особливо въ Нумидіи. Пятнадцать нумидійскихъ епископовъ, не находя никакого способа прекратить разномысліе въ своихъ епархіяхъ, обратились къ Кипріану съ требованіемъ помощи. Сей, послѣ совѣщанія съ старѣйшими изъ своихъ сотрудниковъ карфагенскихъ, далъ соборомъ опредѣленіе, коимъ повелѣвалось крестить всѣхъ обращающихся отъ заблужденія къ истинной Церкви. Опредѣленіе сіе немедленно отправлено въ Нумидію ²⁾).

Несмотря на то, что голосъ Кипріана подкрѣпленъ уже былъ голосами другихъ епископовъ, нѣкоторые даже изъ карфагенскихъ епископовъ не хотѣли согласиться съ нимъ по двумъ причинамъ: по древнему обыкновенію, не повторяютъ крещенія надъ еретиками, и по единству св. крещенія. Кипріанъ, узнавъ о такомъ разномысліи отъ Луціана, своего сопресвитера, написалъ письмо къ Квинту, мавританскому епископу (вѣроятно, принадлежавшему къ разномыслящимъ), въ коемъ отвѣчалъ на вышепредставленныя причины со-

¹⁾ Письмо 69 къ Магнусу.

²⁾ Письмо 70 къ нум. еписк.

образно своему образу мыслей о крещеніи и еретикахъ. Главнымъ основаніемъ къ повторенію крещенія надъ еретиками служила для него увѣренность, что внѣ Церкви нѣтъ Духа Божія, и слѣдственно нѣтъ истинныхъ таинствъ. При письмѣ отправленъ къ Квинту и списокъ соборнаго посланія кареагенской Церкви къ нумидійскимъ епископамъ, дабы мнѣніе Кареагена сдѣлать извѣстнымъ и въ Мавританіи ¹⁾). Между тѣмъ видя, что нѣкоторые епископы не убѣждаются ни опредѣленіемъ недавно бывшаго, ни важностію прежняго собора, держаннаго предшественникомъ его Агриппиномъ, и утверждаясь на древнемъ обыкновеніи, существовавшемъ въ Церкви до Агриппина, учать, что для законнаго принятія еретиковъ въ нѣдра Церкви, достаточно одного возложенія рукъ, Киприанъ рѣшился употребить другой способъ къ примиренію умовъ—написалъ книгу о благѣ терпѣнія. Щадя совѣсть разномыслящихъ, не желая казаться предубѣжденнымъ къ своему мнѣнію и чрезъ мѣру настойчивымъ, онъ ограничился въ ней общимъ разсужденіемъ о преимуществѣ единомыслія предъ разномысліемъ, и только слегка коснулся спорнаго предмета ²⁾). Поелику успѣхъ сего труда не вполне соответствовалъ его желанію, онъ принужденъ былъ вскорѣ созвать новый соборъ, на коемъ присутствовали уже не одни кареагенскіе, но и мавританскіе и нумидійскіе епископы, въ области коихъ особенно спорили о крещеніи. На семъ соборѣ снова разсмотрѣно и утверждено опредѣленіе о крещеніи

¹⁾ Письмо къ Квинту 71.

²⁾ Смори книг. о падшихъ.

обращающихся еретиковъ; частное обыкновеніе нѣкоторыхъ Церквей — не возвращать обращающимся изъ ереси епископамъ и пресвитерамъ ихъ степеней, обращено въ общій законъ. По закону согласія и общенія существовавшего между карфагенскою и римскою Церквами, Киприанъ извѣстилъ о сихъ опредѣленіяхъ послѣднюю въ полной увѣренности, что предстоятель ея Стефанъ, своимъ согласіемъ съ ними, введетъ ихъ въ употребленіе и въ западныхъ Церквахъ ¹⁾. Но Стефанъ въ духѣ своемъ уже былъ далекъ отъ Киприана. Несогласіе, пропшедшее въ карфагенской Церкви, показалось ему самымъ удобнымъ случаемъ къ уничиженію ея епископа. Древнее обыкновеніе не повторять крещенія надъ еретиками, могло служить благовиднымъ предлогомъ дѣйствовать открыто противъ всей африканской Церкви, особенно противъ главы ея, не обнаруживая, впрочемъ, личнаго къ ней недоброжелательства. Предлогъ сей тотчасъ употребленъ въ дѣло. Въмѣсто того, чтобы сохраняя уваженіе къ столь знаменитому пастырю, каковъ былъ Киприанъ, обнаружить дружески свои сомнѣнія касательно справедливости его мнѣнія и посредствомъ дружескихъ совѣщаній безъ всякаго соблазна для Церкви согласиться съ нимъ въ истинѣ, Стефанъ, открыто принявъ сторону противниковъ Киприана, отвѣчалъ карфагенскому собору обличительною грамотою, въ коей, осуждая мнѣніе ея касательно крещенія еретиковъ, угрожалъ отлученіемъ всѣмъ карфагенскимъ епископамъ отъ Церкви, не ис-

¹⁾ Письмо 72 къ Стеф.

ключая и Киприана ¹⁾). Такимъ образомъ, говоритъ Августинъ ²⁾, два епископа знаменитѣйшихъ Церквей, римской и карфагенской, объ одномъ и томъ же предметѣ утверждали совершенно противное. Стефанъ полагалъ, что для законнаго принятія въ Церковь всѣхъ вообще еретиковъ достаточно одного возложенія рукъ. Киприанъ, напротивъ, утверждалъ, что должно крестить каждаго обращающагося еретика. Истины надлежало искать въ срединѣ между сими двумя крайностями, какъ и дѣйствительно Церковь въ послѣдствіи времени нашла ее здѣсь, положивъ закономъ крестить только тѣхъ еретиковъ, кои неправо мыслили объ основныхъ догматахъ христіанства. Но Киприанъ дѣйствовалъ въ простотѣ сердца и по чистому отвращенію ко всему еретическому. А Стефанъ своимъ высокоумнымъ тономъ ясно обнаруживалъ, что онъ пользуется случаемъ выказать свое нерасположеніе къ прежнему увѣщателю своему. Посему, хотя въ послѣдствіи почтено нужнымъ ограничить мнѣніе Киприана касательно повторенія крещенія, споръ его по сему предмету съ Стефаномъ, обнаруживая всю умѣренность и скромность его характера, особенно въ противоположности съ высокоуміемъ послѣдняго, составляетъ назидательнѣйшую часть его дѣяній.

Тяжело было для Киприана видѣть непріятность отъ той Церкви, которая недавно была обязана ему своимъ умирениемъ! Но къ утѣшенію своему онъ зналъ, что римскій клиръ и народъ не участвуютъ въ неблагорас-

¹⁾ Смотр. письмо къ Помпею.

²⁾ Книг. прот. Петиліана, гл. 14.

положеніи къ нему ихъ епископа, и что сіе неблаго-расположеніе есть слѣдствіе личнаго неудовольствія противъ него. Посему, явившись на соборъ (онъ еще продолжался), хотя изъявилъ сильную скорбь и принесъ жалобу на гордость, съ которою Стефанъ именовалъ себя епископомъ епископовъ, впрочемъ, не отчаялся въ будущемъ успѣхѣ дѣла ¹⁾. Письмо Стефаново, столь оскорбительное для чести карфагенской Церкви, извѣстно было еще немногимъ; можно было надѣяться, что Стефанъ перемѣнитъ свои мысли, и несогласіе прекращено будетъ въ самомъ началѣ и безъ соблазна Церквей.

Но Стефанъ не хотѣлъ чести удовлетворить сей надеждѣ. Не надѣясь на силу прежняго обличенія, онъ произнесъ всенародно приговоръ противъ карфагенскаго собора и предсѣдателя его Кипріана, и снова угрожалъ ему отлученіемъ, если онъ не перемѣнитъ своихъ мыслей. Узнавъ о согласіи восточныхъ епископовъ съ Кипріаномъ въ разсужденіи крещенія еретиковъ, Стефанъ писалъ и къ нимъ, угрожая тѣмъ же ²⁾. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ африканскихъ епископовъ, услышавъ о необыкновенномъ посланіи Стефана къ ихъ предсѣдателю, изъявили письменное желаніе имѣть списки съ онаго ³⁾. Нельзя было безъ соблазна скрывать отъ Церкви положеніе дѣлъ: надлежало извѣстить ее о поступкахъ Стефана и дать судъ на нихъ.

Впрочемъ, Кипріанъ и въ семъ случаѣ показалъ

¹⁾ Письмо къ Помпею 74.

²⁾ Письмо Фирмилиана 75.

³⁾ Письмо къ Помпею 74.

свое благоразуміе и умѣренность. Зная, что упорное защищеніе продолжаетъ только борьбу, онъ не рѣшился, писать особаго опроверженія на письмо Стефана. Неумѣренный тонъ, въ немъ господствовавшій измѣнялъ самъ себѣ. Надѣясь на справедливость своего дѣла, онъ не усомнился даже обнародовать посланіе Стефана во всѣхъ африканскихъ Церквахъ, удовлетворившись только краткими примѣчаніями на нѣкоторыя мѣста онаго ¹⁾. Потомъ написалъ посланіе къ Фирмилиану, старѣйшему изъ восточныхъ епископовъ, утверждая его въ согласіи съ собою и объясняя несправедливость Стефана. Наконецъ, для успѣшнѣйшаго защищенія свободы карфагенской Церкви отъ притязаній римскаго епископа созванъ многочисленный соборъ. Какъ будто предвидя въ поступкѣ Стефана начало незаконнаго стремленія къ владычеству надъ всею Церковію, которое впоследствии сдѣлалось отличительною чертою римской каедры, африканскіе отцы положили, чтобы никто изъ епископовъ не дерзалъ именовать себя главою всѣхъ епископовъ и присвоить право суда надъ всею Церковію, и чтобы Церковь карфагенская не искала суда у Церкви римской. Списки съ сего опредѣленія отправлены были ко всѣмъ восточнымъ епископамъ и къ самому Стефану.

По сему случаю надлежало ожидать отъ высокоумія Стефана еще печальнѣйшихъ явленій для Церкви. Но Промыслу негодно было подвергнуть ее сему искушенію, можетъ-быть, опаснѣйшему изъ всѣхъ, которыя она тогда претерпѣла. Открывшееся гоненіе на хри

¹⁾ Письмо Фирмилиана 75.

стіанъ, въ началѣ коего Стефанъ скончался, положило конецъ спорамъ ¹⁾. Св. Кипріану уже уготовляемъ былъ рукою Провидѣнія вѣнецъ мученической, но въ ожиданіи его, онъ долженъ былъ прославлять Бога заточеніемъ, дабы, какъ замѣчаетъ Повтій, сей великій подвижникъ, отличившійся разнообразіемъ добродѣтелей, былъ отличенъ и разнообразіемъ страданій.

Патернъ проконсулъ, явившійся въ Карѳагенъ съ повелѣніемъ преслѣдовать христіанъ, немедленно велѣлъ представить къ себѣ Кипріана. Когда сей безтрепетно явился, проконсулъ началъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Прокон. Августѣйшіе императоры, Валеріанъ и Галіенъ, возложили на меня обязанность принуждать христіанъ къ поклоненію богамъ. Итакъ я спрашиваю тебя о твоёмъ мнѣніи и намѣреніи: отвѣчай.

Св. Кипріанъ съ важностію и смиреніемъ отвѣчалъ: я — христіанинъ и епископъ. Не знаю другого Бога, кромѣ того, Который сотворилъ небо и землю, и море и все, что въ нихъ; сему-то Богу мы, христіане, слу-

¹⁾ Бароній, заботясь о сохраненіи славы Стефана, или лучше римской каеды, говоритъ, что Кипріанъ перемѣнилъ въ послѣдствіи свои мысли касательно крещенія еретиковъ; но Августинъ, который могъ знать и зналъ сіе дѣло вѣрнѣ всякаго Баронія, утвердительно говоритъ (въ книгѣ о крещеніи), что онъ остался при своихъ мысляхъ. Хотя Церковь не приняла въ послѣдствіи мнѣнія Кипріанова также какъ и Стефанова; впрочемъ, если судить строго и безпристрастно, въ мнѣніи Кипріана болѣе истиннаго, нежели въ мнѣніи Стефана, особенно если смотрѣть на еретиковъ съ той стороны, съ которой смотрѣлъ онъ, — со стороны истинной Церкви, какъ единственной хранительницы даровъ Святого Духа.

жмъ и поклоняемся, моля Его не только о себѣ, но и о всѣхъ людяхъ, и о благоденствіи самихъ императоровъ.

Прок. Итакъ ты остаешься непремѣннымъ въ своемъ образѣ мыслей?

Кипр. Благая воля, единожды познавъ Бога, не можетъ перемѣняться.

Прок. Значить, ты соглашаешься, по волѣ Валеріана и Галіена, отправиться въ заточеніе въ городъ Курубитъ?

Кипр. Согласенъ.

Прок. Но повелѣніе, мнѣ данное, касается не однихъ епископовъ, но и пресвитеровъ. А посему желаю знать отъ тебя, кто здѣшніе пресвитеры?

Кипр. Вы сами нашли полезнымъ издать законъ противъ донощиковъ на христіанъ. Посему я не могу тебѣ открыть здѣшнихъ пресвитеровъ; впрочемъ, ты можешь найти каждаго изъ нихъ въ его церкви.

Прок. Но я намѣренъ сдѣлать розыскъ, не выѣзжая изъ сего города.

Кипр. Вѣрю; но поелику правила наши возбраняютъ самимъ вызываться на мученія, и при томъ сіе несогласно и съ духомъ римскаго правленія, то ни я не могу указать тебѣ пресвитеровъ, ни они не могутъ представить самихъ себя. Но если ты рѣшишься искать ихъ, то они, безъ сомнѣнія, найдутся.

Прок. Безъ сомнѣнія, я найду ихъ, если захочу; но мнѣ препоручено еще смотрѣть, чтобы между христіанами не было никакихъ собраній, и чтобы тотъ, кто не будетъ повиноваться сему полезному узаконенію, былъ наказываемъ смертію.

Кипр. Поступай, какъ тебѣ повелѣно.

Послѣ сего проконсулъ далъ повелѣніе заточить св. Кипріана въ Курубитъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ нимъ отправился и Понтій діаконъ, который впоследствии описалъ жизнь Кипріана со времени вступленія его въ христіанство.

Въ семъ случаѣ еще разъ оправдалась утѣшительная истина, что тѣмъ, кои ищутъ царствія Божія и правды его, все прилагается. Курубитъ, назначенный мѣстомъ заточенія для Кипріана, несмотря на то, что его окружали сухія и неплодныя степи, по великому числу деревъ и источникамъ своимъ уподоблялся увеселительному саду ²⁾. Гонители, думая удручить старость Кипріанову, симъ заточеніемъ доставили ему пріятное отдохновеніе послѣ непрестанныхъ трудовъ. Впрочемъ, добрая душа св. старца не преставала трудиться и въ изгнаніи. Онъ писалъ по своему обыкновенію посланія, совѣтовалъ, одобрялъ, запрещалъ, умолялъ и, скончавая теченіе свое, еще заставлялъ радоваться вѣрныхъ въ свѣтѣніи своемъ.

Въ самомъ началѣ пребыванія своего въ Курубитѣ св. Кипріанъ былъ предувѣдомленъ о будущей участи своей видѣніемъ. Ему снилось, будто юноша, коего величественный видъ свидѣтельствовалъ о ангельскомъ достоинствѣ, привелъ его къ проконсулу. Сей послѣ обыкновеннаго допроса началъ писать приговоръ. Юноша, который въ сіе время стоялъ позади проконсула, раз-

¹⁾ Страд. св. Кипріана по древнимъ рук. кодекс. edit. Johan Oхоніі 1682.

²⁾ Понтій, въ жизни Кипр.

личными знаками далъ выразумѣть Киприану, что проконсулъ осудилъ его на смерть. «Я», говоритъ св. Киприанъ, «немедленно обратился къ нему съ усиленнымъ прошеніемъ, чтобы исполненіе приговора отложено было хотя на одинъ день, дабы я могъ привести въ порядокъ свои дѣла. Проконсулъ, тронутый, какъ казалось, справедливостію и неважностію моей просьбы, началъ снова писать на дощечкѣ. Изъ его вида я заключилъ уже, что онъ пишетъ что-либо въ мою пользу. Юноша, который наблюдалъ за тѣмъ, что пишетъ проконсулъ, снова далъ мнѣ знать, что мнѣ дается одинъ день на приведеніе въ порядокъ моихъ дѣлъ ¹⁾).

Несмотря на то, что видѣніе сіе было довольно темно, св. Киприанъ, который отъ частаго сообщенія съ міромъ духовнымъ пріобрѣлъ способность проникать въ смыслъ видѣній, безъ труда уразумѣлъ, что Промыслу угодно было отложить кончину его еще на одинъ годъ, означенный въ видѣніи днемъ. Событіе, какъ свидѣтельствуемъ Понтій, очевидецъ заточенія и смерти Киприана, совершенно оправдало таковое изъясненіе. Св. Киприанъ принялъ мученическій вѣнецъ пменно чрезъ годъ послѣ сего видѣнія, и въ тотъ самый день, въ который оно было ему дано.

Подъ конецъ сего года (258) новый проконсулъ предписалъ Киприану возвратиться изъ своего заточенія, и до окончательнаго приговора надъ нимъ быть въ своихъ садахъ ²⁾). Вскорѣ за симъ получено изъ Рима новелѣніе усугубить преслѣдованіе христіанъ. Прокон-

¹⁾ Понтій въ жизни св. Киприана.

²⁾ Понтій въ жизни св. Киприана.

сулъ, находясь въ сіе время для поправленія здоровья въ Утикѣ, отправилъ стражей для приведенія туда Кипріана. Но Кипріанъ еще разъ выказалъ характеръ свой — дѣлать добро такъ, чтобы изъ него выходило какъ можно болѣе пользы. Предвидя, что мученіе его гораздо назидательнѣе будетъ для его паствы, если его замучать въ Кареагенѣ, онъ удалился изъ своего дома въ тайное мѣсто, давъ знать между тѣмъ проконсулу, что онъ готовъ предстать предъ него, только не въ Утикѣ, а въ Кареагенѣ. Изъ сего-то уединенія написано имъ послѣднее письмо къ своей паствѣ, въ которомъ онъ, увѣщевая ея сохранить тишину и умѣряя благочестивую ея ревность—страдать за вѣру, обѣщала по отшествіи своемъ ходатайствовать за нее у престола Божія ¹⁾).

Но возвращеніи проконсула въ Кареагенъ, св. Кипріанъ немедленно возвратился въ свое жилище. Въ городѣ тотчасъ пронесся слухъ о угрожающей ему опасности. Не только всѣ вѣрные, даже многіе изъ знатныхъ язычниковъ собрались въ домѣ Кипріана, и не желая лишиться такого великаго мужа, умоляли его спасти жизнь свою удаленіемъ, предлагая для сего надежныя мѣста. Но Кипріанъ, внявъ гласу Бога, призывающаго его къ себѣ, не могъ уже пользоваться ихъ усердіемъ. Между тѣмъ проконсулъ, опасаясь, чтобы Кипріанъ не употребилъ своей свободы для спасенія себя бѣгствомъ, послалъ воиновъ взять его и привести къ себѣ. Напрасное опасеніе! Кипріанъ, подражая великому Образцу страдальцевъ, самъ вышелъ на встрѣчу

¹⁾ Письмо 81 къ народу.

вопнамъ, и съ торжествомъ, свойственнымъ столь важному подвигу, каково исповѣданіе имени Христова, отправился въ преторъ. Но проконсулъ безъ всякой удовлетворительной съ его стороны причины отложилъ судъ надъ Кипріаномъ до слѣдующаго утра. Причина сія сокрывалась въ опредѣленіи Промысла. Надлежало еще пройти одному дню, дабы исполнился годъ послѣ видѣнія. Кипріана для провозженія почи отвели въ домъ проконсула. Стражамъ дано было повелѣніе пускать къ нему всякаго, кто пожелаетъ. Собралось великое множество друзей и почитателей Кипріановыхъ. Народъ, опасаясь, чтобы въ продолженіе ночи не былъ искищенъ любезный ихъ епископъ, пробылъ до самаго утра безъ сна предъ темницею. Такимъ образомъ ночь предъ страданіемъ Кипріана представляла собою ночь предъ страданіемъ Спасителя, которую вѣрные такъ же проводили безъ сна. Св. Кипріанъ не умолкалъ во все продолженіе ея, давая совѣты и утѣшенія оставляемой имъ паствѣ. Отъ избытка сердечныхъ чувствій, такъ полны были уста его, что онъ желалъ, чтобы бесѣда его не иначе пресѣклась, какъ съ самою жизнію.

Наконецъ насталъ вождедѣнный для Кипріана день, тотъ день, который не могъ не быть послѣднимъ для него, хотя бы желали того всѣ римскіе проконсулы. Окруженный безчисленною толпою вѣрныхъ, онъ явился въ преторъ. Начался обыкновенный допросъ: «ты ли Фасцій Кипріанъ?»—«Я».—«Ты ли былъ папою у святотатцевъ?»—«Я».—«Благочестивѣйшіе императоры повелѣваютъ тебѣ принести богамъ жертву». — «Не могу».—«Размысли о участи, тебя ожидающей».—«Поступай, какъ тебѣ предписано; въ настоящемъ случаѣ

нѣтъ мѣста размышленію». Тогда проконсулъ, поговоривши съ совѣтниками своими, сказалъ, обратясь къ св. Кипріану: «долго жилъ ты святотатственнымъ образомъ, совращая многихъ во слѣдъ твоей злоторной ереси и враждуя противу римскихъ законовъ и боговъ. Самая снисходительность благочестивѣйшихъ императоровъ, Валеріана и Галіена, не могла обратить тебя къ поклоненію богамъ. Бывъ виновникомъ ужаснѣйшихъ злодѣяній, ты будешь служить примѣромъ для тѣхъ, кои обольщены твоимъ коварствомъ; мудрованіе твое запечатлѣтся твоею кровію». Такъ самое осужденіе Кипріана выражало его славу, и проконсулъ, подобно Каіаеѣ, невольно произнесъ пророчество о утвержденіи Церкви его кровію! За симъ произнесъ окончательный приговоръ: «Фасцій Кипріанъ осуждается умереть отъ меча». Св. Кипріанъ сказалъ: «слава Богу». Народъ, услышавъ сіе, столько воспламенился ревностію страдать за вѣру, что всѣ воскликнули: «и мы умремъ со св. епископомъ!»

Воины, изведши изъ претора св. Кипріана, повели его на нѣкоторое мѣсто, называвшееся Ксистою. Въ продолженіе пути онъ увѣщевалъ вѣрныхъ, не подвергать себя мечу язычниковъ безъ нужды. Достигши Ксисты, снялъ съ себя верхнюю одежду и отдалъ находившимся при немъ діаконамъ; потомъ, стоя на колѣнахъ, произнесъ краткую молитву; послѣ сего, завѣщавъ дать совершителю казни тридцать сребренниковъ, завязалъ себѣ, по обыкновенію казнимыхъ, глаза; руки же, по тому же обыкновенію, связаны были однимъ изъ діаконовъ. Въ семъ положеніи съ обнаженною выею, онъ долженъ былъ стоять дотолѣ, пока палачъ не по-

лучить отъ центуріона знака совершить ударъ. Множество народа, опасаясь по причинѣ тѣсноты и отдаленности потерять изъ вида св. Кипріана, взлѣзло на деревья, окружавшія мѣсто казни. Наконецъ, знакъ поданъ—и святѣйшая глава отдѣлилась отъ чистѣйшаго тѣла. Священные останки Кипріана погребены въ близъ-лежащемъ холмѣ, съ торжествомъ, приличнымъ усердію паствы, столь пламенно любившей своего пастыря. Такъ скончалъ теченіе свое священномученикъ Кипріанъ, проживши въ земной юдоли около 57, подвизавшійся въ христіанствѣ 13, управлявшій африканскою Церковію 8 лѣтъ!—Мученіе его совершилось 258 года, мѣсяца октября, въ 18 день, при императорахъ Валеріанѣ и Галіенѣ.

На лицѣ Кипріана, пишетъ Понтій, всегда сіяла радость, отсвѣтъ души, обрѣтшей успокоеніе въ Богѣ. Во взорахъ его всегда выражалось нѣчто величественное, исторгающее благоговѣніе. Видѣвшіе Кипріана не знали, что болѣе возбуждаетъ видъ его: любовь или уваженіе; но чувствовали, что онъ исполнѣ достоинъ того и другого ¹⁾). Въ одеждѣ Кипріана не примѣтно было ни той пышности, которая совершенно неприлична почитателю, тѣмъ паче, служителю Распятаго; ни той небрежности и скудости, которая равно измѣняютъ душѣ и тогда, какъ служатъ выраженіемъ ея духовной бѣдности, и тогда, какъ не прикрываютъ духовнаго богатства.

Таже умѣренность видна и въ управленіи Церковію. Кипріанъ не могъ сносить въ подчиненныхъ сво-

¹⁾ Понтій, въ жизни Кипріана.

ихъ непослушанія и гордости, и изъ сихъ пороковъ изъяснялъ всѣ внутреннія бѣдствія, отъ коихъ страдала тогда Церковь. Но не могъ потерѣть и того, когда пастыри, забывъ себя самихъ, почитаютъ волю свою непреложнымъ закономъ для пасомыхъ. Съ самаго начала епископства своего онъ поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ ничего не дѣлать въ своей паствѣ безъ совѣта пресвитеровъ. Пользуясь отличнымъ уваженіемъ всѣхъ христіанскихъ Церквей, и подавая каждой изъ нихъ спасительные совѣты, онъ не пренебрегалъ голосомъ самаго послѣдняго члена Церкви, и не зналъ другого титула, кромѣ смиреннаго наименованія себя сопресвитеромъ.

Между отпечатками духа Кипріанова и услугами его тогдашнему христіанству должно почесть его попеченіе о сохраненіи христіанъ отъ произвольныхъ опасностей со стороны гонителей. Ревность, страдать за вѣру, столь похвальная сама по себѣ, въ нѣкоторыхъ близка была къ тому, чтобы обратиться въ страсть. Св. Кипріанъ собственнымъ примѣромъ показалъ, что можно, а иногда и необходимо скрываться отъ гоненія. Внушеніе сей истины онъ находилъ столько нужнымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ Церкви, что на пути къ мѣсту казни снова завѣщалъ вѣрующимъ, не вызываться безъ нужды на мученія.

Обстоятельства Церкви, колеблемой то внѣшними, то внутренними бѣдствіями, не позволяли св. Кипріану посвятить дарованій своихъ, по примѣру другихъ отцовъ Церкви, на изъясненіе св. писанія. Всѣ почти писанія его содержатъ поясненіе вопросовъ, обращавшихся тогда въ спорѣ, и разрѣшеніе недоумѣній церковныхъ. Впро-

чемъ, несмотря на то, что ученіе христіанское является въ нихъ въ приложеніи къ частнымъ случаямъ, изъ сего видно, что Кипріанъ обладалъ глубокимъ познаниемъ умозрительной и дѣятельной истины христіанской вѣры. Хорошее приложеніе началъ еще болѣе ручается за основательное познание началъ, нежели хорошее изложеніе оныхъ; сдѣлавшись христіанскимъ писателемъ, св. Кипріанъ совсѣмъ почти не пользовался мудростію языческою. Если бы онъ въ нѣкоторыхъ письмахъ не былъ принужденъ упомянуть о своемъ состояніи въ язычествѣ, изъ его сочиненій нельзя было бы догадаться, что онъ до обращенія въ христіанство былъ ученымъ язычникомъ. Отличный даръ краснорѣчія видѣнъ во всѣхъ произведеніяхъ Кипріана, но вездѣ видно также, что онъ, по примѣру апостола, полагалъ достоинство слова своего не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіяхъ духа и силы (1 Кор. 2, 3). Изъ духовныхъ писателей св. Кипріанъ любилъ преимущественно Тертуллиана ¹⁾. Отъ частаго чтенія сего писателя въ Кипріанѣ произошло нѣкоторое нравственное содружество съ нимъ, которое простерлось и на ихъ сочиненія. Кипріанъ, подобно Тертуллиану, повидимому, всегда выражается первыми, попавшимися ему словами; отъ чего слогъ его нѣсколько тяжелъ и не совсѣмъ обработанъ; зато въ каждомъ выраженіи его видно сердце. Послѣ Лактанція онъ долженъ занимать первое мѣсто между западными христіанскими писателями.

¹⁾ Требуя сочиненіе Тертулл., Кипріанъ обыкновенно говорилъ: *da magistrum* (подай учителя).

Подобно всѣмъ великимъ мужамъ, св. Кипріанъ имѣлъ много враговъ. Впрочемъ, въ самой исторіи не много такихъ святителей, коихъ паства любила бы съ такою горячію, какъ св. Кипріана. Мы видѣли уже, что она вмѣстѣ съ нимъ желала идти подъ мечъ. Еще сильнѣе было сіе желаніе въ тѣхъ, кои, будучи удостоены отъ св. Кипріана близости къ нему, имѣли случай видѣть все величіе души его. Вотъ слова, коими Понтій заключаетъ жизнеописаніе св. Кипріана, и которыя столько же дѣлаютъ чести жизнеописателю, какъ и самому Кипріану: «не знаю, что мнѣ дѣлать? Сердце мое волнуется отъ полноты различныхъ чувствованій; душа моя какъ бы раздѣлена на-двое. Съ одной стороны объемлетъ радость о прославленіи священномученика, съ другой я погружаюсь въ скорбь, что не послѣдовалъ за нимъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать. Предаться ли скорби? Но надлежитъ торжествовать его побѣду! Радоваться ли о его побѣдѣ? Но я не участвовалъ въ ней. Впрочемъ, скажу откровенно и въ простотѣ сердца, скажу то, о чемъ вы уже знаете, много радуюсь я торжеству Кипріана, но еще болѣе скорблю, что не послѣдовалъ за нимъ ¹⁾».

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

¹⁾ Понтій, въ жизни св. Кипріана.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА.

Послѣдніе дни земной жизни Господа Нашего Иисуса Христа. (Продолженіе).

	СТР.
ПРЕДАШЕ.	
(Предатель со спирою. — <i>Азь есмь!</i> — Великодушное самопреданіе. — Необдуманная ревность Петра. — Исцѣленіе урѣзаннаго уха. — Разсѣяніе учениковъ. — Стража ведетъ Иисуса Христа, связаннаго, въ Иерусалимъ. — Приключеніе съ однимъ юношею. — Иоаннъ и Петръ слѣдуютъ издали за Учителемъ)	1—11
ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВЪ И СИНЕДРОНА.	
(Стража приводитъ Христа во дворець первосвященника Анана. — Частный допросъ. — Отвѣтъ Иисуса. — Первое заушеніе отъ раба. — Первое отреченіе Петра. — Божественный Узникъ отсылается къ Каіаѳѣ. — Полночное собраніе и судъ синедріона. — Лжесвидѣтели и ихъ недостаточность. — Молчаніе Господа. — Клятвенный вопросъ первосвященника. — Величественный отвѣтъ Иисуса. — Первый смертный приговоръ. — Поношеніе отъ слугъ и стражей. — Второе и третье отреченіе Петра. — Алекторъ и слезы покаянія)	12—32

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОРЪ ПРОТИВЪ ИСУСА ХРИСТА СИНЕДРИОНА.

(Второе—утреннее собраніе синедріона.—Второй смертный приговоръ.—Его совершенная неправильность.— I. Христось препровождается къ Пилату.—Почему и зачѣмъ?) 33—39

СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЯ.

(Раскаяніе Иуды.—Свидѣтельство о невинности преданнаго Учителя. — Онъ повергаетъ сребренники. — Самоубійство. — *Село крови*. — Исполненіе пророчествъ.— Характеръ предателя.— Что побудило его быть въ числѣ учениковъ Иисусовыхъ?—Почему и для чего онъ принять? — Страсть сребролюбія — непрестанно возрастающая. — Какъ могла образоваться мысль о преданіи?—Иуда не ожидалъ отъ него *такого* конца.—Естественность раскаянія.—Тяжесть грѣха Иудина) . . . 40—49

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ПИЛАТА.

(Характеръ Пилата и его отношенія къ синедріону.— Голословное обвиненіе I. Христа первосвященниками. — Прокураторъ имъ недовольтуется. — Всенародный допросъ. — Отвѣтъ на него величественный, но противный ожиданію и видамъ судіи. — Тайный допросъ. — Пилатъ объявляетъ Узника невиннымъ. — Новыя клеветы со стороны обвинителей. — Безмолвіе Обвиняемаго. — Иисусъ Христось отсылается на судъ Ирода) 50—68

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ИРОДА.

(Характеръ Ирода. — Образъ мыслей его объ Иисусѣ Христѣ. — Отношеніе Ирода къ синедріону.—Желаніе его видѣть чудо. — Неисполненіе желанія. — Поруганіе и бѣлая одежда, въ коей Божественный Узникъ отсылается къ Пилату) 69—75

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ ОСУЖДАЕТСЯ НА БИЧЕВАНІЕ И СМЕРТЬ ПИЛАТОМЪ.

(Прокураторъ снова провозглашаетъ Иисуса Христа невиннымъ, соглашаясь токмо на наказаніе исправительное. — Упорство первосвященниковъ. — Предложе-

ніе народу на выборъ Иисуса и разбойника Вараввы.— Сонъ жены Пилатовой и ходатайство за Иисуса.— Первосвященники наущаютъ народъ.— Свобода Вараввы, крестъ Иисусу!— Пилать напрасно думалъ замѣнить казнь смертную бичевашіемъ.— Лютость сего наказанія.— Вѣнецъ терновый.— *Се человекъ!*— *Царя ли вашего растну?*— *Не имамы царя; токмо кесаря.*— Опасность и признаки народнаго возмущенія.— Устрашенный прокураторъ омываетъ руки и осуждаетъ на смерть Пеновиннаго) 76—108

ВЗГЛЯДЪ НА ОБРАЗЪ СУДА НАДЪ ИИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ.

(Чрезвычайная необыкновенность сего суда.— Характеръ трехъ судилищъ.— Низость и виновность первосвященниковъ.— Нечистота Пилатовыхъ видовъ и его двосудіе.—Благородство жены Пилатовой.—Откуда и для чего чудный сонъ ея?—Нравственное величіе Господа во время суда.—Молчаніе Его нисколько не препятствовало правильности суда.—Свойство Его отвѣтовъ.— Трогательность Его внѣшняго положенія.— Дивное исполненіе путей Промысла) 109—129

РАСПЯТІЕ.

(Предварительныя замѣчанія о крестной казни.—Крестный путь.—Плать женъ іерусалимскихъ.—Слова къ нимъ Иисуса Христа.—Онъ изнемогаетъ подъ Своимъ крестомъ.—Симонъ Киринейскій заставляется нести крестъ.—Мѣсто казни, издревле примѣчательное.—Смирна и укусъ.—Господь отрекается отъ нихъ.—Распятіе.—Молитва за распинателей) 123—148

ИИСУСЪ НА КРЕСТѢ.

(Распятіе двухъ разбойниковъ.—Особая надпись на крестѣ Иисусовомъ, и неудовольствіе на нее первосвященниковъ.—Раздѣлъ одежды между воинами.—Насмѣшки надъ Иисусомъ черни, первосвященниковъ, воиновъ, распятаго разбойника.—Покаянная молитва разбойника благоразумнаго.—Отвѣтъ на нее.—Помраченіе солнца.—Усминовеніе Іоанна Богоматери.—Послѣднія страданія и послѣд-

пїя слова Ісуса Христа на крестѣ. — Его смерть. — Она не была ускорена сверхъ-естественно). 149—176
ВЗГЛЯДЪ НА ПОКАЯВШАГОСЯ НА КРЕСТѢ РАЗБОЙНИКА 177—186
ЧУДЕСНЫЯ ЗНАМЕНІЯ СЪ ИХЪ ПОСЛѢДСТВИЯМИ.

(Землетрясеніе и его обширность. — Раздраніе завѣсы въ храмѣ и его знаменованіе. — Воскресеніе мертвыхъ. — Кто возстали и когда? — Выразительность знаменій и ихъ нравственное значеніе. — Перемена образа мыслей объ Ісусѣ Христѣ въ неблагорасположенныхъ дотолѣ іудеяхъ. — Вѣра и исповѣданіе сотника. — Ожесточеніе первосвященниковъ. — Откуда оно и до чего простиралось?) . 187—204
ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ ПРИ КРЕСТѢ ІСУСОВѢ.

(Первосвященники просятъ Пилата о сокращеніи жизни распятыхъ по причинѣ наступающей субботы. — Перебитіе голеней распятымъ. — Ісусу Христу не перебиваются голени по причинѣ Его смерти. — Одинъ изъ воиновъ прободаетъ Его ребро. — Истеченіе крови и воды. — Свидѣтельство о семъ св. Іоанпа. — Для чего оно особенно выразительно? — Исполненіе въ семъ событіи двухъ пророчествъ) 205—211
СНЯТІЕ СО КРЕСТА И ПОГРЕБЕНІЕ.

(Іосифъ Аримаеѣйскій проситъ у Пилата позволенія погребсти тѣло Іисусово. — Характеръ просителя. — Участіе въ погребеніи Никодима. — Мѣсто гроба. — Погребеніе. — Душевное состояніе учениковъ и почитателей Іисусовыхъ) 212—224
КУСТОДІЯ.

(Дальнѣйшее ожесточеніе первосвященниковъ. — Ихъ мнѣмое опасеніе подлога со стороны учениковъ Іисусовыхъ. — Просьба и дозволеніе употребить для вѣрности стражу и печать. — Кустодія. — Мысли у гроба Іисусова) . 225—230

Жизнь святого апостола Павла.

Жизнь въ іудействѣ 231
 Обращеніе въ христіанство. 249

Время обращенія Павлова	263
Первые подвиги Павла по обращеніи	269
Первое апостольское путешествіе св. Павла	277
Второе апостольское путешествіе св. Павла	298
Третье апостольское путешествіе св. Павла	320
Узы Павла въ Иерусалимѣ	338
Плаваніе Павлово въ Римъ.	362
Первыя узы Павловы въ Римѣ	367
Четвертое апостольское путешествіе Павла и послѣднія узы въ Римѣ	377
Замѣчанія касательно внѣшняго вида апостола Павла, его природныхъ дарованій, характера, писаній подлинныхъ и подложныхъ, уваженія къ нему отцовъ Церкви и особенно Златоуста	384

Жизнь святого священномученика Кипріана, епископа Карфагенскаго.	397
---	------------
